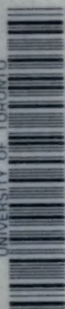
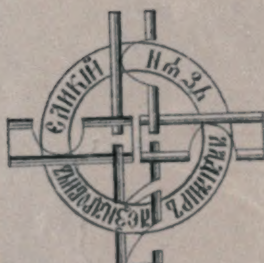
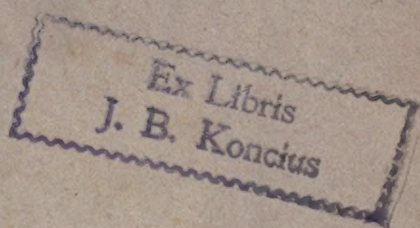

UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00690644 0





14

НИКОЛАЙ КОСТОМАРОВЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МОНОГРАФІИ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

ТОМЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ
МОНОГРАФІИ
и
ИЗСЛѢДОВАНІЯ

НИКОЛАЯ КОСТОМАРОВА.

ТОМЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, №№ 17 и 18. | МОСКВА, Кузнецкій мостъ, д. Третьякова.

1881.

Типографія М. О. Вольфа (Спб., Васил. остр., 16 л., д. № 5).

АѲАНАСІЙ ФИЛИППОВИЧЪ

БОРЕЦЪ ЗА ПРАВОСЛАВНУЮ ВѢРУ ВЪ ЗАПАДНОЙ РУСИ.

АѲАНАСІЙ ФИЛИППОВИЧЪ

БОРЕЦЪ ЗА ПРАВОСЛАВНУЮ ВѢРУ ВЪ ЗАПАДНОЙ РУСИ.

Съ той поры, какъ Россія покрылась сѣтью желѣзныхъ дорогъ, рѣдкій не побывалъ въ Кіевѣ и рѣдкій изъ людей образованныхъ, по крайней мѣрѣ учившихся въ какомъ-нибудь учебномъ заведеніи, не останавливался въ Кіевѣ съ цѣлію взглянуть на религіозную и историческую святыню этого города и побывать въ Кіево-Софійскомъ соборѣ. Такой посѣтитель, проходя черезъ знаменитыя лѣстницы съ затѣйливыми фресками по хорамъ древнѣйшаго русскаго зданія, долженъ былъ увидѣть на правой сторонѣ крайній придѣлъ, въ который упирается галлерея хоровъ. На лѣвой сторонѣ этого придѣла между столпами онъ долженъ былъ замѣтить икону Пресвятой Дѣвы, изображенной въ крестѣ, съ надписью, гласящею, что эта икона носитъ названіе Купятицкой, отъ имени монастыря, изъ котораго она привезена въ Кіевъ во второй половинѣ XVII вѣка. Монастыря этого давно уже нѣтъ на свѣтѣ. Много было на Руси монастырей, о которыхъ нельзя уже съ точностію сказать: кѣмъ и когда они были основаны и когда уничтожились, а объ иныхъ трудно бываетъ съ достовѣрностію сообщить, въ какомъ именно мѣстѣ они стояли. И не оставили по себѣ многіе такіе монастыри никакой памяти, кромѣ голаго имени,

случайно списаннаго въ какомъ-нибудь историческомъ документѣ. Такая участь постигла бы, вѣроятно, и Купятицкій монастырь, еслибъ икона, привезенная изъ него въ храмъ св. Софіи, не спасла его имени отъ полнаго забвенія. Икона эта признавалась чудотворною, и знаменитый Кальнофойскій удѣлилъ для чудесъ, истекавшихъ отъ нея, не мало мѣста въ своемъ «Тератургикѣ», — сочиненіи, напечатанномъ въ тридцатыхъ годахъ XVII вѣка убійственнымъ готическимъ шрифтомъ по-польски и вполнѣ достойномъ того, чтобъ наша Археографическая коммиссія перепечатала его съ русскимъ переводомъ. Но съ этой иконой соединяется еще имя личности, дѣйствовавшей уже послѣ изданія книги Кальнофойскаго. Эта личность—Аѳанасій Филипповичъ, одинъ изъ замѣчательныхъ борцовъ за православную вѣру, отличавшійся въ ту эпоху, когда ей приходилось отбиваться отъ насилій западнаго католичества. Онъ былъ нѣкоторое время инокомъ Купятицкаго монастыря, потомъ игуменомъ въ брестскомъ Симеоновскомъ монастырѣ и въ 1648 году потерпѣлъ мученическую кончину за православную вѣру.

Имя это было извѣстно въ русской исторіи, какъ имя учителя Фавстина Лубы, котораго Поляки подготовляли играть роль царевича Ивана Дмитріевича, будто бы сына царствовавшаго въ Москвѣ подъ именемъ Димитрія, на самомъ дѣлѣ незаконнаго сына Марины, повѣшеннаго въ Москвѣ разомъ съ посаженнымъ на колъ атаманомъ Заруцкимъ. Любопытное сообщеніе объ этомъ лжецаревичѣ, данное московскому послу Аѳанасіемъ Филипповичемъ, напечатано въ III томѣ Собранія государственныхъ граматъ и договоровъ, на 410 страницѣ. Археографическая коммиссія въ четвертомъ томѣ «Русской Исторической Библіотеки» подарила насъ въ высокой степени любопытной автобіографіей этого человѣка, подъ названіемъ

діаріума (дневника), приложивъ къ ней описаніе мученической его кончины, составленное послѣ его смерти почитателями его памяти. Такимъ образомъ передъ нами воскресаетъ чрезвычайно характеристичный образъ, который мы постараемся, насколько умѣемъ, передать нашимъ читателямъ.

Мѣсто родины Аѳанасія Филипповича неизвѣстно, какъ и званіе его родителей, хотя по нѣкоторымъ чертамъ предположить можно, что они принадлежали къ бѣдному шляхетству. Самъ онъ говоритъ только, что они были православные и онъ получилъ въ дѣтствѣ церковно-русское воспитаніе (въ наукахъ церковно-русскихъ), а потомъ служилъ во дворахъ разныхъ господъ. Въ аристократической Польшѣ бѣдные люди смолоду проходили дворскую службу у пановъ въ числѣ ихъ многочисленной прислуги, набираемой изъ бѣдной шляхты. Между ними многіе только считались слугами, господа употребляли ихъ по разнымъ порученіямъ, смотря по ихъ способностямъ, а иные ничего не дѣлали, только жили въ панскомъ дворѣ на счетъ пана. Побывавши въ нѣскольких панскихъ дворахъ, Филипповичъ поступилъ во дворъ великаго канцлера Льва Сапѣги и занялъ, по желанію хозяина, должность инспектора или наставника при Фавстинѣ Лубѣ, которому съ дѣтскихъ лѣтъ внушили увѣренность въ томъ, что онъ — московскій царевичъ Иванъ Дмитріевичъ. Какой-то панъ Бѣлинскій увѣрилъ ребенка, сына шляхтича изъ Подлясья Лубы, непомнившаго родителей или, быть можетъ, плохо ихъ помнившаго, что будто Марина въ Калугѣ поручила ему, Бѣлинскому, своего ребенка свезти въ Польшу и воспитать, а впослѣдствіи, когда ее схватили и привезли въ Москву, былъ подмѣненъ мальчикъ другимъ и тотъ другой, признаваемый сыномъ Марины, былъ повѣшенъ,

настоящій же былъ увезенъ въ Польшу. По совѣту своихъ родныхъ, Бѣлинскій привезъ этого ребенка на польскій сеймъ и представилъ королю Сигизмунду и сенаторамъ. Съ согласія польскаго сейма, отданъ былъ этотъ мальчикъ на содержаніе и воспитаніе великому канцлеру литовскому Льву Сапѣгѣ, а на содержаніе его опредѣлено было давать 6000 золотыхъ въ годъ съ доходовъ Бреста и Брестскаго повѣта.

Здѣсь является противорѣчіе между дневникомъ Филипповича и сообщеніемъ, даннымъ имъ московскому послу. Въ своемъ дневникѣ онъ пишетъ, что, бывши у Сапѣги инспекторомъ при названномъ царевичѣ Иванѣ Дмитріевичѣ, онъ, понявши суету міра сего, поступилъ 1527 года въ монашество и былъ постриженъ въ Виленскомъ монастырѣ при церкви Св. Духа рукоположеніемъ игумена Іосифа Бобрисовича, а въ своемъ сообщеніи говоритъ, что Сапѣга отдалъ ему названнаго царевича въ Брестскій Симеоновскій монастырь, между тѣмъ какъ въ дневникѣ своемъ Филипповичъ указываетъ, что онъ назначенъ былъ въ этотъ монастырь игуменомъ въ 1646 году. Но и въ дневникѣ и въ сообщеніи указано одинакое число годовъ, въ продолженіе которыхъ онъ занимался воспитаніемъ названнаго царевича. Не было и не могло быть никакого повода показывать ложь тамъ или здѣсь, и разнорѣчіе въ двухъ письменныхъ памятникахъ одного и того же лица можно объяснить двумя способами: или великороссіяне, записывавшіе сообщеніе Аѳанасія, сдѣлали ошибку, зная его за игумена Брестскаго монастыря и получивши отъ него заявленіе, что онъ былъ учителемъ Лубы, вообразили произвольно, что обученіе послѣдняго происходило во время игуменства Аѳанасія, или же Аѳанасій, постриженный уже въ чернецы, былъ въ Брестскомъ монастырѣ нѣкоторое

время до своего игуменства въ этомъ монастырѣ. Последнее предположеніе вѣроятнѣе. Изъ дневника открывается, что послѣ постриженія въ Виленскомъ монастырѣ Аѳанасій былъ посылаемъ въ другіе монастыри, подчиненные тогда Виленскому Святодуховскому: онъ указываетъ на Кутеинскій близъ Орла и Межигорскій близъ Кіева, а потомъ на Дубойскій близъ Пинска; очень могло быть, что въ своемъ повѣствованіи почему нибудь не упомянулъ онъ о Брестскомъ; между тѣмъ оказывается болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что до поступленія его игуменомъ въ этотъ монастырь братія послѣдняго знала его, такъ какъ онъ отправленъ туда въ званіи игумена по настойчивому и усильному требованію братіи.

Неизвѣстно, въ какихъ видахъ посылали его, до посвященія въ іеромонахи, въ послушаніе въ монастырь. Онъ говоритъ только общимъ мѣстомъ, что онъ тамъ поучался божественной волѣ и иноческому житію.

Возвращаясь въ Виленскій Святодуховскій изъ временнаго своего пребыванія въ Межигорскомъ монастырѣ, Аѳанасій получилъ отъ межигорскаго игумена благословеніе и совѣтъ соблюдать три правила, необходимыя для истиннаго монаха: быть въ послушаніи у старшаго, строго исполнять церковный уставъ и удаляться отъ бесѣдъ съ женскимъ поломъ. На пути въ Вильну встрѣтилъ онъ случайно неизвѣстнаго больнаго человѣка, нѣсколько времени несъ его на рукахъ, и тотъ въ благодарность внушилъ ему назнаменовать себѣ на тѣлѣ противъ сердца имя Іисуса Христа и носить всегда. Этотъ неизвѣстный, показавшійся Аѳанасію чѣмъ-то таинственнымъ, давалъ ему такіе же совѣты, какъ и межигорскій игуменъ. Встрѣчу эту Аѳанасій счелъ событіемъ, устроеннымъ свыше и какъ-бы чудеснымъ.

Съ этой поры начинается у Аѳанасія сообщеніе съ

міромъ таинственныхъ видѣній и чудесъ, сопровождающее его въ теченіе всей жизни.

Это былъ человѣкъ чрезвычайно своеобразный, во всякомъ случаѣ такой, какой въ наше время не возможенъ. Натура страстная, до болѣзненности мечтательная, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельная до неугомонности,—онъ весь предался религіи и дошелъ до изувѣрства. Въ наше время чудесъ не дѣлается, и большинство мыслящихъ людей склонно сомнѣваться, чтобъ онѣ когда-нибудь и прежде совершались. Это оттого, что, сообразно усвоенному нами воспитанію, какъ только мы услышимъ разсказъ о чемъ-нибудь, выходящемъ изъ уровня обычныхъ для насъ явленій, тотчасъ намъ, часто даже мимо собственнаго нашего желанія, входитъ въ голову прежде всего вопросъ: возможно ли по законамъ природы то, о чемъ намъ разсказываютъ? Иногда, разумѣется, мы беремъ на себя черезчуръ много, воображая, что въ силахъ рѣшить вообще: что возможно и что невозможно въ природѣ, какъ будто бы всѣ законы природы намъ вполнѣ извѣстны во всѣхъ ихъ проявленіяхъ. Удалось намъ открыть связь и взаимную зависимость между многими явленіями въ природѣ, и мы самонадѣянно думаемъ, что въ состояніи все объяснять при помощи того, что уже знаемъ, а чего обяснять не можемъ, то утѣшаемъ себя мыслію, что разъяснятъ это наши потомки, когда человѣческому разуму откроются тѣ физическія сцѣпленія явленій, которыя намъ теперь неизвѣстны. Во всякомъ случаѣ, мы низачто не хотимъ допускать такихъ невидимыхъ силъ, которыя не подходятъ подъ изученныя нами основы физики. Прежде было не такъ. Головы самыя свѣтлыя, но не додумавшіяся до того, что теперь называютъ физическими законами, во всемъ видѣли одинъ источникъ — всемогущество Божеской силы и всякое явленіе прежде всего были

готовы признать слѣдствіемъ Божеской воли или Божескаго допущенія. По поводу всякаго разсказа, какъ бы онъ ни противорѣчилъ обыденной нашей опытности, не говорили: это вымыселъ, это невозможно въ природѣ; всему склонны были вѣрить, а если когда сомнѣвались въ истинѣ того, что слышали, то на основаніяхъ богословскихъ или историческихъ, а ужь никакъ не естествознательныхъ. Не удивительно, что въ сочиненіяхъ старыхъ временъ встрѣчается изобиліе чудесъ и сверхъестественныхъ явленій, и особенно въ тѣхъ краяхъ, гдѣ оставалось въ пренебреженіи естествовѣдѣніе, тамъ долѣе сохранялась и вѣра въ чудесное и сверхъестественное. Люди очень умные, очень почтенные по своей общественной дѣятельности, не только вѣрили разсказамъ о чудесахъ, но и добросовѣстно увѣряли, что сами въ жизни испытывали ихъ. Укажемъ, для примѣра, хоть вотъ на что. Въ Кіево-Софійской библіотекѣ хранятся рукописныя записки митрополита Петра Могилы. Мы слышали объ этомъ сокровищѣ и долго хотѣли его увидать, думая, что тамъ-то найдемъ важныя историческія свѣдѣнія. Наконецъ мы получили возможность добраться до нихъ. И что же! Ничего не нашли мы тамъ важнаго въ историческомъ отношеніи: все только разсказы о чудесахъ и сверхъестественныхъ явленіяхъ, слышанныхъ авторомъ отъ другихъ или же испытанныхъ имъ самимъ. Въ XVII столѣтіи въ Малороссіи считали достойнымъ особой памяти и записыванія не то, что считаемъ теперь мы, а именно то, чему мы теперь мало вѣримъ и что, нашедши въ книгахъ и запискахъ стараго времени, склонны признавать за умышленную ложь. Но Петръ Могила былъ, безспорно, самою свѣтлою и почтенною личностію въ Малороссіи въ свое время, и заподозривать его въ умышленной лживости ничто намъ не даетъ права.

Да и вообще, находя въ сочиненіяхъ стараго времени извѣстія о явленіяхъ, которыя намъ кажутся невѣроятными, утверждать, что сообщаемое этими сочиненіями есть непремѣнно ложь, обманъ, вымыселъ — будетъ черезчуръ опрометчиво и невѣрно. Правда, можно подозрѣвать умышленную ложь въ такихъ разсказахъ, если разскащики своими извѣстными намъ качествами побуждаютъ насъ къ такимъ предположеніямъ. Такъ, напримѣръ, можно подозрѣвать добросовѣстность разсказовъ о чудесахъ, какими наполнены іезуитскіе каждогодники (Annuae Societatis Jesu). Можно съ достовѣрностію полагать, что плодомъ болѣзненнаго воображенія были видѣнія многихъ пустынниковъ, изнурившихъ себя чрезмѣрнымъ постомъ и постояннымъ одиночествомъ. Но много было и такого, чего источникъ надо было искать не въ хитрости, прибѣгающей въ вымысламъ, и не въ патологическихъ явленіяхъ, а въ духѣ времени и въ способѣ воспитанія, господствовавшемъ въ извѣстномъ обществѣ. Когда съ дѣтства получалась увѣренность въ возможность сверхъестественныхъ явленій, то съ привычкою объяснять все однимъ всемогуществомъ Божіимъ, при незнаніи основъ физики, люди, вполнѣ здравомыслящіе и честные, легко настраивали себя такъ, что съ ними происходило такое, чего никакъ бы не могло произойти ни съ кѣмъ изъ насъ въ наше время. Намъ, находящимся съ дѣтства болѣе или менѣе подъ вліяніемъ скептическаго міровоззрѣнія, такое состояніе дѣлается не только невозможнымъ, но даже непонятнымъ, и мы легко будемъ сомнѣваться, чтобъ оно для кого-нибудь и когда-нибудь было возможнымъ. Между тѣмъ оно было какъ нельзя болѣе естественнымъ въ свое время. Границъ между тѣмъ, что намъ кажется и что дѣйствительно существуетъ само въ себѣ опредѣлить трудно: единственный способъ провѣрки въ та-

комъ вопросѣ одинъ: извѣдать, то же ли кажется всѣмъ, что кажется одному или нѣсколькимъ, и если мы найдемъ. что прочимъ того не кажется, что кажется одному лицу, то признаемъ, что казавшееся послѣднему была мечта. а не дѣйствительность. Но какъ поступить, когда всѣмъ казалось одинаково то, что теперь уже нами не признается за дѣйствительность? А такъ именно было въ тѣ времена, когда многіе разсказывали объ испытанныхъ ими сверхъестественныхъ явленіяхъ; тогда у всѣхъ одинакова была вѣра въ чудесное и сверхъестественное, и если одинъ, другой, третій увѣряли, что имъ являлись святые или злые духи, никто не сомнѣвался въ возможности такихъ явленій, и сами они, если только не были умышленные лжецы (а такими всѣхъ нельзя признавать), были увѣрены въ томъ, что они дѣйствительно испытывали то, что о себѣ сообщали. Въ наше время мало найдется сколько-нибудь развитыхъ людей, которые повѣрили бы разсказамъ о дѣйствіи волшебныхъ силъ, о явленіяхъ духовъ, домовыхъ, мертвецовъ и тому подобнаго, и едва ли кто-нибудь изъ насъ, если онъ находится въ здравомъ умѣ, способенъ испытать надъ собою такія явленія, потому что, прежде чѣмъ онъ что-нибудь такое испытаетъ, у него въ головѣ мелькнетъ вопросъ: да возможно ли это? Въ старыя времена никому не приходила мысль о невозможности чего нибудь по законамъ природы. При нѣкоторой силѣ фантазіи. при способности создавать себѣ мысленно образы — субъективное легко становилось объективнымъ. Мы воспитались, выросли и живемъ подъ сомнѣніемъ: предки наши воспитывались, выросли и жили подъ вѣрою. Вѣра — великая сила; чему человѣкъ вѣритъ, то съ нимъ и случается. Не даромъ сказано въ Евангеліи о переставленіи горъ силою вѣры. Но великій Сердцевѣдецъ, говоря эти слова, присовокупилъ и условіе, при кото-

ромъ возможна такая сила вѣры: «если человѣкъ не размыслитъ въ сердцѣ своемъ». Для насъ такая вѣра невозможна, потому что не можемъ не размыслить, не можемъ не допускать къ себѣ сомнѣнія, такъ какъ сомнѣніе шагъ по научно-образовательному пути, мы же себѣ такой путь давно избрали. Въ старыя времена было много вѣрующихъ и въ сердцѣ своемъ не размышляющихъ, и изъ нихъ-то были такіе, что испытывали надъ собою чудеса и сверхъестественныя явленія. То были обыкновенно лучшія, талантливыя натуры. Не испытывали ихъ только тѣ, которые ниразу въ жизни не поднимались выше низменной обыденной житейской прозы. Но не къ ряду послѣднихъ, а къ ряду первыхъ принадлежалъ Аѳанасій Филипповичъ.

По возвращеніи изъ Межигорскаго монастыря Аѳанасій Филипповичъ былъ посвященъ въ санъ іеромонаха и отправленъ въ качествѣ намѣстника въ монастырь Дубойскій, состоявшій подъ началомъ Виленскаго Святодуховскаго монастыря. Онъ находился недалеко города Пинска. Три года пробылъ тамъ Аѳанасій въ борьбѣ съ врагами невидимыми и видимыми. О первыхъ онъ намъ не сказываетъ ничего, но къ числу враговъ видимыхъ принадлежалъ староста пинскій, князь Радзивиллъ. Онъ вводилъ іезуитовъ въ Пинскъ и отбиралъ для нихъ Дубойскій монастырь. Тогда ревностные католическіе паны, дѣйствуя въ пользу распространенія католической вѣры, по наущенію духовенства своего, пользуясь силою, какую имъ предоставлялъ аристократическій строй Рѣчи Посполитой, обыкновенно захватывали православные монастыри и церкви, выгоняли оттуда схизматиковъ и отдавали католическому духовенству со всѣми доходами, издавна принадлежавшими по документамъ этимъ монастырямъ или церквамъ. Въ Пинскомъ повѣтѣ уже давно

были введены францискане, но то были неважные воины св. Петра въ сравненіи съ возникшими потомъ іезуитами: послѣдніе успѣли такъ переработать всю шляхетчину, какъ не могли до нихъ католическіе монашескіе ордена всѣ вмѣстѣ. Ихъ-то вводилъ теперь Радзивиллъ въ Пинскъ и отдавалъ имъ Дубойскій монастырь. Когда наступила страшная пора изгнанія православныхъ иноковъ, Аѳанасій увидѣлъ знаменіе: на небѣ ему привидѣлось въ облакахъ изображеніе войскъ, а на землѣ увидалъ онъ семь адскихъ огней, соотвѣтствовавшихъ семи смертнымъ грѣхамъ. Въ пятомъ изъ этихъ огней усмотрѣлъ Аѳанасій папскаго нунція въ первосвященническомъ вѣнцѣ, короля Сигизмунда III и гетмана литовскаго Сапѣгу; они терпѣли за преслѣдованіе православной вѣры. Видѣлъ онъ это не во снѣ, а на яву, среди бѣлаго дня и указывалъ на видѣніе другимъ; но другіе не могли тогда настроиться до того, чтобъ видѣть то, на что показывалъ Аѳанасій. Высланный Радзивилломъ для занятія монастыря пинскій подстароста Огродинскій былъ тогда, по извѣстію Филипповича, пораженъ внезапнымъ страхомъ. Когда ему приходилось проѣзжать черезъ мостъ, ведущій въ монастырь, ему почудилось, что монахи подготовили ему бѣду, и онъ сталъ кричать: «мнѣ страшно! Тутъ какая-то измѣна! Подпилены подъ мостомъ столпы! Отцы, ради Бога! Не шутя говорю: меня страхъ беретъ!» Огродинскій съ своимъ поѣздомъ только тогда переѣхалъ мостъ и вступилъ въ монастырь, когда виленскіе отцы провели его. Не въ силахъ будучи удержать монастыря, достававшагося іезуитамъ, Филипповичъ сорвалъ свою досаду тѣмъ, что написалъ, отъ имени православнаго люда, протестъ, который тогда же былъ подписанъ многими особами духовнаго и мірскаго званія, исповѣдывавшими православную восточную вѣру. Аѳанасій пере-

далъ его Божіей Матери Купятицкой, послѣ поклона передъ иконою Богоматери, находившейся въ этомъ монастырѣ и признаваемой чудотворною.

Послѣ отобранія для іезуитовъ Дубойскаго монастыря, Аѳанасій пріютился въ сосѣднемъ Купятицкомъ монастырѣ.

Этотъ монастырь находился въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города Пинска, въ селѣ Купятицахъ. Монастырь былъ тамъ основанъ не такъ давно передъ тѣмъ, но церковь съ иконою Богоматери на деревѣ существовала съ древнихъ временъ. Ихъ относили къ до-татарскимъ временамъ удѣловъ. Во время татарскаго нашествія враги сожгли церковь, но потомъ православные возобновили ее вслѣдствіе явленія иконы посреди пламени. Пинскъ съ его землею долго еще послѣ того былъ достояніемъ особыхъ князей, носившихъ титулъ Пинскихъ и Туровскихъ и подчинявшихся верховной власти великихъ князей литовскихъ. Послѣднимъ изъ такихъ отдѣльныхъ князей былъ Ѳедоръ Ивановичъ Ярославичъ, жившій въ первой четверти XVI вѣка, о которомъ сохранились извѣстія въ граматахъ великихъ литовскихъ князей того времени. (А. З. Росс. т. I. 226; т. II. 41. 125). Онъ кромѣ Пинска владѣлъ Туровомъ, Давыдовымъ-Городкомъ, Клецкомъ, Рогачевымъ и волостію Вядо въ Новгродскомъ повѣтѣ. Онъ не оставилъ потомства. По смерти его, вдова его княгиня Александра Семеновна изъ Олельковичей, пользовалась пожизненнымъ владѣніемъ, а послѣ нея Пинскъ и другіе города, пронадлежавшіе княжеству, поступили въ разрядъ королевщинъ. Сигизмундъ въ 1519 г. отдалъ ихъ королевѣ Бонѣ. (Staroi Polskie Balinskieza III. 784.)

Находящееся недалеко отъ Пинска село Купятицкое въ XVI вѣкѣ пожаловано было въ собственность фамиліи Войновъ, и въ 1628 г. вдова Война, съ сыномъ своимъ Васи-

ліемъ Коптемъ, основала тамъ монастырь, записала ему въ вотчину село Купятицы и выпросила для новосозданнаго монастыря отъ Виленскаго Святодуховскаго игумена Бобриковича въ настоятели благочестиваго мужа іеромонаха Иларіона Денисовича, который успѣлъ перевести туда около тридцати человѣкъ братіи. Аѳанасій Филипповичъ, послѣ изгнанія своего изъ Дубойскаго монастыря, поступилъ подъ начальство этого купятицкаго игумена.

Икона Богоматери, давно уже признаваемая чудотворною, составляла славу этого монастыря. Митрополитъ Петръ Могила зналъ о ней, такъ какъ въ то время уже была издана «Тератургика», и разсчитывалъ, что монастырь, привлекая къ себѣ богомольцевъ, имѣетъ порядочные доходы. Въ 1636 году онъ послалъ въ Купятицкій монастырь приказаніе собирать милостыню въ Пинскѣ и Пинскомъ повѣтѣ на постройки, предпринятыя для поддержанія и обновленія Кіево-Софійскаго собора. Въ маѣ слѣдующаго 1637 года привезли къ нему собранную милостыню. Митрополитъ съ монахомъ, привезшимъ ее, завелъ рѣчь о древней иконѣ, находившейся въ Купятицкомъ монастырѣ, и сказалъ: я вамъ далъ универсальный листъ; старайтесь собрать пожертвованія на построеніе новаго храма у себя въ монастырѣ.

Когда слова митрополита сообщены были въ Купятицкій монастырь, игуменъ въ совѣтѣ съ братіею возложилъ сборъ пожертвованій на Аѳанасія Филипповича; ему въ помощники придали монастырскаго послушника Онисима Волковицкаго. Готовясь исполнять возложенное на него послушаніе, Аѳанасій, запершись въ своей кельѣ, сталъ молиться и вдругъ услышалъ голосъ, неизвѣстно откуда исходившій, но вообще пріятный: «Царь московскій построитъ мнѣ церковь; иди къ нему!» Было это въ

ноябрѣ 1636 года. Аѳанасій сообщилъ объ этомъ своему игумену послѣ заутрени. Братъ милый, — сказалъ игуменъ, отворачиваясь отъ него немного въ сторону, — иди туда, куда поведетъ тебя всемогущій Богъ и Пречистая Богоматерь, а я съ братіею здѣсь буду молиться, чтобы ты къ намъ здоровымъ возвратился. Что же ты сказываешь о московскомъ царѣ, не знаю, что изъ этого будетъ, когда у тебя нѣтъ королевской граматы.

Наступилъ день, когда надобно было уходить изъ воротъ монастыря. Аѳанасій простился со всею братіею, потомъ вошелъ въ церковный притворъ положить нѣсколько поклоновъ. Изъ притвора было продѣлано оконце въ церковь, и сквозь это оконце виднѣлся образъ Богоматери. Аѳанасій молился, глядя чрезъ оконце на образъ. Вдругъ ему послышался какой-то странный шумъ во внутренности церкви. Аѳанасій отскочилъ, потомъ, какъ бы стыдясь своего страха, опять подошелъ къ оконцу и, глядя на образъ, произнесъ: «о Пречистая Богородица, будь со мною!» Тогда ему послышался изъ церкви голосъ, исходившій, какъ онъ замѣтилъ, отъ образа: «иду и я съ тобою!» Вслѣдъ затѣмъ онъ увидалъ, что на лѣвомъ клиросѣ стоитъ діаконъ Неемія, который нѣсколько годовъ тому назадъ скончался, будучи въ молодыхъ лѣтахъ. «Иду и я при своей Госпожѣ!» примолвилъ діаконъ Неемія заикаясь. Вѣроятно, живучи на свѣтѣ, онъ заикался.

Аѳанасій никому не сказалъ о бывшихъ съ нимъ явленіяхъ и отправился въ путь съ приданнымъ ему послушникомъ. Онъ заходилъ то въ одинъ, то въ другой монастырь, и ему сообщали, что трудно ему будетъ пробраться черезъ границу въ Московское государство: недавно состоялись на этотъ счетъ строгія распоряженія. Эти извѣстія до того подѣйствовали на Аѳанасія, что

онъ рѣшился оставить намѣреніе слѣдовать въ Москву и, прибывши въ знакомый ему Кутеинскій монастырь, поселился въ немъ и выпросилъ у тамошняго игумена Іоиля Труцевича рекомендательныхъ писемъ (картинокъ свѣдочныхъ) къ протопопамъ и къ братствамъ православнымъ. Съ этими письмами Аѳанасій былъ въ Шкловѣ, Копысѣ, Могилевѣ и Головчинѣ, но нигдѣ не получалъ просимаго, потому что и безъ того приходилось тамошнему духовенству давать своему владыкѣ Сильвестру Коссову на веденіе тяжбы съ полоцкимъ уніатскимъ архіереемъ Селявою. По возвращеніи въ Кутеинскій монастырь изъ своего хожденія за подаяніемъ, онъ думалъ уже отправиться въ свой Купятицкій монастырь съ пустыми руками, но одинъ монахъ далъ ему совѣтъ еще попытаться проникнуть въ Московское государство и для этого ѣхать въ пограничный городъ Трубчевскъ и тамъ обратиться къ князю Трубецкому Петру. Игуменъ кутеинскій, узнавши объ этомъ, вручилъ Аѳанасію отъ себя этому князю письмо.

Пустился въ предположенный путь Филипповичъ и достигъ Трубчевска послѣ многихъ приключеній. Въ одномъ мѣстѣ пугала его страшная буря, въ другомъ— на ночлегѣ собака укусила ему руку, когда въ темнотѣ онъ принялъ ее за лежащій хомутъ, въ третьемъ—сталъ онъ искать своей лошади, которая сошла со двора, гдѣ онъ остановился, и его чуть не убили, въ четвертомъ— на послѣднихъ дняхъ масляницы напугала его толпа пьяницъ. Въ Трубчевскѣ, князь, на котораго онъ надѣялся, принялъ его неласково. Князь этотъ называлъ себя стражникомъ великаго княжества Литовскаго и объявилъ, что по волѣ королевской не пуститъ никого черезъ границу. На всѣ моленія нашего инока, онъ ему отвѣчалъ: «а кто васъ знаетъ, что у васъ на умѣ, и за

какимъ дѣломъ ѣдете?» Тогда въ Украйнѣ только-что было казацкое возстаніе, окончившееся разбитіемъ казаковъ; многіе, спасаясь отъ преслѣдованія польскихъ властей, бѣжали въ предѣлы Московскаго государства, и оттого сдѣлано было распоряженіе, чтобъ никого черезъ границу не пропускать безъ паспорта.

Аѳанасій Филипповичъ повернулъ изъ Трубчевска назадъ, и вдругъ ему опять видѣніе. Услыхалъ онъ голосъ, произносившій такія слова: «зачѣмъ тебѣ людская помощь? Иди въ Москву — и я съ тобою!» Аѳанасій сперва думалъ, что это произносилъ ѣхавшій съ нимъ послушникъ, Онисимъ Волковицкій, но тотъ, когда его объ этомъ спросилъ Аѳанаісй, отвѣчалъ, что не только не говорилъ ничего такого, а напротивъ очень досадуетъ, зачѣмъ его таскаютъ. Заѣхалъ онъ въ Човскій монастырь, находившійся въ полмилѣ отъ Трубчевска, и тамъ братія, узнавши о его положеніи, стала совѣтовать ему попытаться еще проѣхать въ Новгородъ-Сѣверскій и попросить содѣйствія у тамошняго воеводы Петра Пясочинскаго. Аѳанасій по этому совѣту отправился къ Новгороду-Сѣверскому. На дорогѣ съ нимъ опять были видѣнія. Задремалъ онъ на разсвѣтѣ, сидя въ своей повозкѣ, и проснувшись увидалъ діакона Неемію сидящимъ верхомъ на той лошади, которая въ упряжи везла его съ послушникомъ. Привидѣніе назвало по имени того, въ чьемъ видѣ представилось Аѳанасію, и тотчасъ исчезло. Тогда Филипповичъ заключилъ, что діаконъ Неемія есть его ангелъ-хранитель, сопутствующій ему и содѣйствующій его намѣренію. Чрезъ непродолжительное время послѣ того взошло солнце, и Филипповичъ увидалъ на небесахъ изображеніе Богоматери съ предвѣчнымъ Младенцемъ, въ крестѣ, въ такомъ видѣ, какъ на Купятицкомъ чудотворномъ образѣ.

Аѳанасій не доѣхалъ до Новгородъ-Сѣверска, а случайно и вполнѣ благополучно перебрался черезъ границу ранѣе. Стража, расположенная въ пограничномъ селѣ, не задерживала и не спрашивала у него письменныхъ видовъ, и онъ, самъ того не зная, очутился въ пограничномъ селѣ Шепелевомъ, находившемся уже въ предѣлахъ московскихъ владѣній. Царскіе подданные принимали ихъ ласково, слушали разсказы Аѳанасія, увѣрявшаго, что онъ перебрался въ Московское государство при пособіи Богородицы. Нашлись многіе, которые простодушно вѣрили этому, и одна женщина изъ простонародья сказала тогда: «когда Богородица съ ними ѣдетъ, что же за диво, что они сторожу обманули!?»

10 февраля 1638 г. добрались путники до Сѣвска, гдѣ пробыли три дня въ гостиницѣ; тѣсно было тамъ отъ множества запорожскихъ казаковъ, которые столпились здѣсь, убѣгая изъ польскихъ и литовскихъ предѣловъ. Воевода сѣвскій не только не принялъ иноковъ, но прогналъ ихъ изъ города. Въ утѣшеніе Аѳанасію, съ нимъ на дорогѣ за селомъ Погребами, расположеннымъ недалеко отъ города Сѣвска, опять было сверхъестественное явленіе. Нашла туча, а изъ тучи послышался голосъ, повелѣвавшій идти къ царю Михаилу и возвѣстить ему, что при помощи Купятицкой Божіей Матери онъ побѣдитъ своихъ непріятелей. Слѣдуя далѣе, Аѳанасій съ своимъ товарищемъ добрался до Карачева, и тамошній воевода, по имени Петръ Ивановичъ, оказался совсѣмъ не такимъ, какимъ показалъ себя сѣвскій. Онъ, человѣкъ старый и набожный, принялъ странствующихъ чернецовъ ласково и далъ имъ провожатыхъ вплоть до Москвы.

Аѳанасій Филипповичъ въ своихъ запискахъ не излагаетъ своего пребыванія въ Москвѣ, не говоритъ даже,

какими милостями осыпалъ его царь и какое подаяніе получилъ онъ для постройки церкви въ Купятицкомъ монастырѣ; но изъ тѣхъ записокъ узнаемъ, что онъ, будучи въ Москвѣ, жилъ на Ордынской улицѣ (Ордынкѣ) и написалъ тамъ «гисторію» о своемъ путешествіи въ Московское государство. Онъ приписывалъ чудотворной помощи Купятицкой иконы Пресвятой Богородицы то обстоятельство, что безъ паспорта могъ пробраться черезъ границу, именно въ такое время, когда приняты были строгія мѣры, чтобы никого не выпускать безъ письменнаго вида изъ краевъ Рѣчи Посполитой.

Въ томъ же 1638 году, послѣ Пасхи, Аѳанасій съ послушникомъ оставилъ царскую столицу, іюня 16 доѣхалъ до Вильно, а черезъ мѣсяцъ, 16 іюля, прибылъ въ свой Купятицкій монастырь. Не задолго передъ тѣмъ братія брестскаго Симеоновскаго монастыря прислала просить въ игумены своего монастыря либо Аѳанасія Филипповича, либо Макарія Токаревскаго. Но игуменъ Купятицкій Иларіонъ, по совѣту съ братіей, нашелъ удобнѣе отправить въ Брестъ на игуменство іеромонаха Климента Несвѣцкаго, а Аѳанасія отправлялъ въ Каменецъ, поручая ему сноситься съ Климентомъ Несвѣцкимъ и въ случаѣ нужды проживать въ Симеоновскомъ монастырѣ для устроенія. Но братія Симеоновскаго монастыря не хотѣла принимать Климентія. Купятицкій игуменъ съ братіею порѣшили кинуть жребій между Макаріемъ Токаревскимъ и Аѳанасіемъ Филипповичемъ. Жребій палъ на Аѳанасія. Нечего дѣлать — писалъ брестской братіи игуменъ Иларіонъ Денисовичъ: — съ тяжкою своею бѣдою отпускаю къ вамъ господина Аѳанасія, половину меня самого. Сопостраждите съ нимъ, да со Христомъ воцаритесь.

Аѳанасій отправился въ Брестъ въ званіи игумена Симеоновскаго монастыря.

Первымъ дѣломъ его было собрать документы, изъ которыхъ видны были права этого монастыря на разныя статьи владѣнія. Слѣдуя тогдашнимъ юридическимъ обычаямъ, игуменъ занесъ эти документы въ гродскія книги и взялъ для себя выпись. Обыкновенно униты, направляемые вездѣ іезуитами, проявляя всѣми способами свою вражду къ неуніатамъ или православнымъ, ничѣмъ не могли такъ допекать своихъ противниковъ, какъ захватомъ и присвоеніемъ имуществъ, принадлежавшихъ издревле-православнымъ монастырямъ и церквамъ Законнѣйшимъ орудіемъ противъ такого рода захватовъ были привилегіи прежнихъ польскихъ королей, указывавшія принадлежность этихъ имуществъ учрежденіямъ православнаго вѣдомства и подтверждавшія свободное отправленіе богослуженія православной восточной вѣры въ краяхъ Рѣчи Посполитой. Большое значеніе придавали этимъ документамъ, пока еще не утратилась вѣра въ силу всякихъ бумажныхъ и пергаментныхъ свидѣтельствъ. Но въ то время борьба между католичествомъ и восточнымъ православіемъ въ Рѣчи Посполитой доходила уже до такого ожесточенія, когда вообще юридическіе доводы оказывались постоянно недостаточными. Пока еще война велась перьями и словами, и выраженія какъ на письмѣ, такъ и въ изустной рѣчи, принимали съ часу на часъ острый характеръ нетерпимости, но затѣмъ уже возникала война оружіемъ, разразившаяся лѣтъ черезъ 18 страшнымъ возстаніемъ южно-русскаго народа, а вслѣдъ за нимъ—-отторженіемъ отъ Польши Малороссійскаго края. Аѳанасій Филипповичъ, по своей увлекающейся и горячей натурѣ, не могъ остаться безъ участія въ этой борьбѣ и сталъ однимъ изъ замѣтныхъ передовыхъ бор-

цовъ въ своемъ званіи. Аѳанасій началъ смѣло возглашать въ церкви проклятія на унію и приводить доводы, осуждающіе это вѣроисповѣданіе, которое, при покровительствѣ, оказываемомъ ему польскимъ правительствомъ и всемогущею аристократіею, грозило ниспровергнуть православную церковь, процвѣтавшую столько столѣтій посреди русскаго народа. («Же унія съ Римомъ старымъ не ведлугъ порядку церкве всходнее принятая вѣчне проклята, доводы на тое певные маючи, явне въ церкви и на розныхъ мѣстахъ голосилемъ», говоритъ Аѳанасій о своей дѣятельности, см. діаріушъ его въ IV т. Русс. Исторической Библіотеки, стр. 75). Не удивительно, что такія выходки игумена Симеоновскаго монастыря возбуждали тревогу между унитами, жившими въ Брестѣ и въ Брестскомъ повѣтѣ.

Успѣвши собрать порядочный запасъ документовъ и взявши объ нихъ выписи изъ гродскихъ книгъ, Аѳанасій отправился въ Варшаву въ 1641 году, выхлопоталъ изъ королевской канцеляріи отъ имени короля Владислава IV подтвердительную грамату на граматы прежнихъ королей и на собственную грамату самого Владислава, данную при вступленіи на престолъ. Не трудно было получить ее отъ имени короля, не отличавшагося вообще фанатизмомъ и не ставившаго, подобно своему родителю, главною задачею своего царствованія торжество римско-католической вѣры и уничтоженіе противныхъ ей вѣроученій. Да и вообще не такъ трудно было въ Польшѣ выхлопотать въ королевской канцеляріи отъ имени короля какую-нибудь привилегію, но за то она, вышедши изъ королевской канцеляріи, не была еще въ полной законной силѣ: надобно было еще, чтобы канцлеръ и подканцлеръ приложили къ ней печати. Но этого не легко было добиться бѣдному брестскому игу-

мену. Канцлеръ и ксендзъ подканцлеръ не хотѣли прикладыватъ печати. Слѣдовало получить съ игумена монастыря, которому давалась привилегія, пошлинъ за печать тридцать талеровъ. «Будьте унитами» — говорили они — «мы тогда и даромъ печать приложимъ, а вы знаете, что святой отецъ папежъ римскій намъ подъ клятвою запрещаетъ это, чтобъ вѣра греческая въ нашемъ краѣ болѣе не множилась.»

Филипповичъ ушелъ отъ этихъ господъ, ничего не добившись. Онъ узналъ, что тогда съѣхались въ Варшаву многіе православные сановники за своими дѣлами, во время отправленія сейма. Къ нимъ обратился Филипповичъ, просилъ дать благой совѣтъ, какъ ему поступить, и оказать содѣйствіе, насколько можетъ каждый. Благочестивый игуменъ скоро уразумѣлъ, что надежда на этихъ господъ плоха. Православные архіереи и архимандриты, находясь тогда въ польской столицѣ, думали о своихъ личныхъ интересахъ, а не о всеобщихъ дѣлахъ православной церкви. «Я пріѣхалъ сюда по своему дѣлу, хлопочу о церквахъ, моей духовной власти подчиненныхъ, а до другихъ мнѣ дѣла нѣтъ. Пусть каждый о себѣ заботится. Я никому не препятствую и ни во что чужое не вмѣшиваюсь». Такія рѣчи услыхалъ тогда игуменъ брестскаго Симеоновскаго монастыря отъ сановныхъ особъ, своихъ единовѣрцевъ. Филипповичъ въ своемъ дневникѣ упомянулъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ поименно. О Сильвестрѣ Коссовѣ, впослѣдствіи кіевскомъ митрополитѣ, тогда еще могилевскомъ архіепископѣ, Аѳанасій замѣтилъ, что Сильвестръ думалъ болѣе о двухъ тысячахъ злотыхъ доходовъ своей епархіи, чѣмъ о вѣрѣ. О другомъ, Гулевичѣ, сообщилъ намъ игуменъ, что тотъ, домогаясь снять наложенную на него за преступленія банницію, уступалъ на вѣки въ унію перемышльскую

епархію. Иные пріѣзжали тогда выпрашивать себѣ архимандритіи и игуменства въ монастыряхъ, имѣющихъ немалые доходы. Но увидалъ тогда Филипповичъ въ Варшавѣ и православныхъ депутатовъ отъ мѣщанства разныхъ русскихъ городовъ: Люблина, Сокаля, Орши, Пинска, Бѣльска, Кобрина, Бреста и др. Они пріѣзжали въ столицу во время сейма по дѣламъ православной церкви и не могли найти ни управы, ни протекціи. Не стало уже ни въ духовномъ, ни въ шляхетскомъ сословіяхъ такихъ лицъ, какія бывали прежде и отличались благочестіемъ и ревностію къ прародительской вѣрѣ. Теперь и за деньги трудно было православнымъ достать законной опоры. Бѣдные Оршане за то, что въ братствѣ своемъ построили новую церковь, давали подканцлеру 200 червонцевъ за приложеніе печати, Соколяне сто червонцевъ дали, да еще пятьдесятъ коровъ пригнали въ фольварокъ одной особы; и другихъ городовъ депутаты не мало тратились, изъ силъ выбивались и понапрасну. Ненавистники православія умышленно старались искоренить въ Польшѣ вѣроисповѣданіе, не хотѣвшее подчиняться власти римскаго духовнаго престола, и съ этой цѣлію откладывали и оттягивали отъ сейма до сейма все, что, бывъ постановленнымъ, могло бы юридически служить опорою православной церкви. Для этого стали употреблять средство, въ послѣднее время входившее въ Польшѣ въ обычай — срываніе сеймовъ, прекращавшее законодательныя работы. Послѣ сорванія сейма ничего нельзя было новаго вносить въ конституціи и никакая королевская привилегія не могла получить силу закона. Тогда Аѳанасій Филипповичъ наслышался отъ православныхъ депутатовъ очень многаго объ утѣсненіи и униженіи православной вѣры на всемъ пространствѣ, подчиненномъ Рѣчи Посполитой. «Дѣти растутъ безъ крещенія, взрослые

вступаютъ въ сожительство безъ брачнаго обряда, умершихъ православныхъ хоронятъ въ ночное время тайкомъ по полямъ, огородамъ и въ погребахъ. Православные, живя въ христіанскомъ государствѣ, терпятъ неволю хуже турецкой!» Не мало возмущало благочестиваго игумена и то, что онъ слышалъ объ умноженіи отступниковъ, которые, ради земныхъ выгодъ и лучшаго положенія въ обществѣ, принимали унію или прямо латинство, оправдывая себя такимъ утѣшеніемъ: «и та вѣра и другая — обѣ хороши! Все равно!» Не можетъ быть того, чтобы много вѣръ добрыхъ было, когда въ священномъ писаніи говорится: едина вѣра, едино крещеніе. — Такъ восклицалъ по этому поводу Филипповичъ.

Передъ отъѣздомъ изъ Варшавы нашему игумену опять было видѣніе. Въ своей квартирѣ, въ домѣ варшавскаго обывателя Стефана Пискаря, читалъ онъ акаѳистъ Пресвятой Богородицѣ и услыхалъ голосъ: «Аѳанасіе! Подавай суплику (прошеніе) на сеймъ чрезъ образъ мой Купятицкій, въ крестѣ начертанный, и грози королю и всей Рѣчи Посполитой праведнымъ судомъ Божіимъ, если они не опомнятся и не уничтожатъ проклятой уніи.» Очевидно, мысли, пришедшей ему въ голову во время чтенія акаѳиста, онъ далъ смыслъ гласа, исходившаго отъ образа Богоматери.

Однако эта мысль глубоко засѣла ему и въ сердце и въ умъ. Въ 1643 году Аѳанасій отправился снова въ Варшаву во время отправленія сейма. Онъ теперь поѣхалъ туда, по его собственному выраженію, какъ игрокъ съ доброю картою или какъ пророкъ Илія, ревнующій о вѣрѣ: онъ взялъ съ собою образъ Купятицкой Богоматери «въ седми штукахъ (экземплярахъ) на платнѣ намалеванныхъ», «гисторію московскую» (повѣствованіе о своемъ путешествіи въ Москву) и предостереженія отъ

имени Восточной церкви. Въ сенаторскую избу вошелъ онъ самъ, а въ посольскую отправилъ онъ съ тѣмъ же пріѣхавшаго съ нимъ діакона. Подавая королю просьбу (суплику) отъ имени Восточной церкви и поднося вмѣстѣ съ нею образъ и «гисторію» онъ предъ лицомъ короля и сената Рѣчи Посполитой произнесъ рѣзкую жалобу: «Не хотятъ православнымъ прикладывать печати къ данной отъ короля привилегіи; пятьдесятъ лѣтъ непрерывно церковь православная терпитъ гоненіе въ угоду проклятой уніи, при содѣйствіи римскихъ духовныхъ, особенно іезуитовъ: они, забравши къ себѣ дѣтей на суетное обученіе, въ школахъ своихъ устраиваютъ комедіи, гремятъ съ каѳедръ въ костелахъ, выпускаютъ въ свѣтъ книжечки, напичканныя ложью, и всѣми подобными способами соблазняютъ простаковъ, а православныхъ христіанъ предаютъ омерзѣнію и преслѣдованію».

Филипповича польскіе паны сочли человѣкомъ не въ полномъ умѣ; но въ тотъ же день онъ арестованъ не былъ. На другой или на третій день послѣ появленія его передъ королемъ и сенатомъ, его задержали вмѣстѣ съ товарищемъ іеродіакономъ Леонтіемъ. По его собственнымъ словамъ, съ нимъ поступили такъ, по желанію православныхъ сановниковъ, которые были на него недовольны за то, что, не спросясь ихъ совѣта и благословенія, осмѣлился являться на сеймъ съ супликою отъ имени всей своей церкви. «Я — говорилъ онъ въ своемъ дневникѣ — остался поруганнымъ, осмѣяннымъ, оплеваннымъ и обвиненнымъ, и все за то, что не испрашивалъ у нихъ дозволенія подавать на сеймъ суплику! Какъ будто слѣдовало имъ доказывать, когда касалось дѣло таинъ Божіихъ! Вотъ куда зашла ихъ латинская мудрость! Они соотвѣтствія съ вѣрою ни въ чемъ не ищутъ, воли Божіей не слушаютъ, все на себя и на

свой разумъ принимаютъ, свою волю творятъ и своих своихъ гнетутъ!» Аѳанасія Филипповича, вмѣстѣ съ товарищемъ Леонтіемъ, держали въ домѣ королевскаго одвернаго Яна Желязовскаго на Долгой улицѣ, опредѣливъ не выпускать до «сеймоваго разъѣзда», т. е. пока не окончатся сеймовыя засѣданія и не разъѣдутся изъ столицы члены сейма. Такъ прошло нѣсколько недѣль. Онъ добивался, чтобы находившіеся въ Варшавѣ православные сановники дозволили съ ними объясниться, но сановники не хотѣли допускать его къ себѣ. Въ досадѣ, наконецъ, 25 числа марта улучилъ онъ возможность ускользнуть отъ надзора стражей на улицу. Онъ былъ совсѣмъ голъ. только каптуръ съ парамантомъ были на немъ въ знакъ его монашескаго званія. Тогда было грязно. Аѳанасій, бѣгая по улицѣ, билъ себя палкою (костуромъ) и кричалъ: «Væ maledictis et infidelibus!» Онъ притворился безумнымъ, подражая Христа ради юродивымъ. Владычніе (какого владыки — неизвѣстно) догнали его у Краковской заставы и, думая схватить бѣгущаго, повалили въ такую густую грязь, которая была человѣку выше колѣна, потомъ послали за возомъ, чтобъ на него взвалить проказника. Окружила его толпа народа. Аѳанасій, барахтаясь въ грязи, сыпалъ проклятія на унію и латинство, и кричалъ, что хотѣлъ вбѣжать на сеймъ и тамъ поносить ненавистную ему вѣру. Наконецъ явился запряженный лошадью возъ, положили на него Аѳанасія и повезли во владычній дворъ, а потомъ, вѣроятно по приказанію владыки, отвезли на прежнее мѣсто заточенія. Аѳанасій изъявляетъ радость, что потерпѣлъ холодъ, чувствительный въ ту пору года для нагаго человѣка.

Послѣ этого приключенія, онъ былъ потребованъ къ духовному суду старшихъ отцовъ. Его таскали отъ одного сановника къ другому: отъ владыки луцкаго къ игу-

мену луцкому, отъ послѣдняго къ игумену старшему виленскому, потомъ къ Сильвестру Коссову, жившему за Вислою, потомъ снова къ виленскому старшему. Аѳанасій протестовалъ, что судъ надъ нимъ совершается неправильно, такъ какъ происходитъ не въ своей епархіи, а въ томъ городѣ, гдѣ отправлялись сеймовыя засѣданія. Тѣмъ не менѣе, Аѳанасій былъ осужденъ, лишенъ пресвитерства и игуменства и отправленъ въ Кіевъ. Тамъ долгое время никто на спрашивалъ его, за что онъ былъ осужденъ и присланъ, къ большой его досадѣ; изъ этого онъ заключалъ, что кіевскіе духовные мало помышляютъ о мирѣ святой церкви и объ умноженіи Божіей славы. Наконецъ, по чьему-то доносу, его потребовали въ консисторію, но тотчасъ освободили; а потомъ митрополитъ Петръ Могила возвратилъ ему право совершать богослуженіе въ священническомъ санѣ, и чрезъ нѣкоторое время послѣ того отправилъ опять игуменомъ въ брестскій Симеоновскій монастырь, гдѣ братія желала имѣть его своимъ начальникомъ.

Но послѣ того, какъ игуменъ Аѳанасій въ Варшавѣ смѣло и рѣзко заявилъ протестъ противъ уніи и латинства, онъ долженъ былъ со стороны своихъ противниковъ ожидать новыхъ оскорбленій православной вѣры. И дѣйствительно послѣ того «живучи съ какимъ-нибудь десяткомъ-другимъ убогой братіи въ своемъ монастырѣ, не разъ переносили мы отъ іезуитскихъ студентовъ и унитскихъ поповъ нападеніе на нашъ монастырь, — говоритъ Аѳанасій въ своемъ дневникѣ: — терпѣли ругательства, побои. а пройти по улицѣ съ какою-нибудь святынею намъ отнюдь не дозволялось.

Въ 1644 году Аѳанасій отправился въ Краковъ по церковнымъ дѣламъ. Игуменъ обратился къ пану Сапѣгѣ, воеводѣ новгородскому, на землѣ котораго онъ жилъ

съ своею монастырскою братіею. Игуменъ излагалъ передъ нимъ оскорбленія, какія терпятъ православные, и просилъ пана Сапѣгу о заступничествѣ передъ королемъ. На каждомъ мѣстѣ, и во дворахъ, и въ судахъ, ругаются надъ нами и кричатъ вслѣдъ нашимъ людямъ, гдѣ только ихъ встрѣтятъ: гу, гу! русинъ, люпусъ, реліа (?) господы помилуй, схизматикъ, турко-гречинъ, отщепенецъ, Наливайко [1]) и кто ихъ знаетъ, чего-то еще они не выдумываютъ, чтобъ намъ досаждать!» Такъ говорилъ Аѳанасій Филиппповичъ передъ ясновельможнымъ паномъ Сапѣгою. Но все было напрасно. По словамъ Аѳанасія, убогихъ несчастія — панамъ только шутка. «Эка важность!» говорилъ ему небрежно панъ Сапѣга: «что попъ съ попомъ побился. Мнѣ-то какое до того дѣло?» Будьте унитами, такъ и покойно станете жить; а не хотите, такъ ищите правосудія себѣ у своихъ старшихъ. Тѣмъ и кончилось свиданіе съ Сапѣгою.

Живучи въ Краковѣ, Аѳанасій выѣзжалъ оттуда для сбора милостыни, а потомъ опять ворочался въ Краковъ. Здѣсь въ августѣ 1644 года сошелся онъ съ посломъ царя московскаго, княземъ Львовымъ. Аѳанасій завелъ съ нимъ знакомство, воспользовавшись тѣмъ, что на первыхъ порахъ могъ сообщить ему, какъ онъ посѣщалъ въ 1638 г. Москву, куда пробрался чудодѣйственнымъ способомъ, при помощи Пресвятой Богородицы, о чемъ онъ любилъ всѣмъ разсказывать. Вѣроятно, и надежда получить подаяніе отъ единовѣрнаго московскаго

---

[1]) Видно изъ этого мѣста, что имя одного изъ раннихъ предводителей казацкаго возстанія противъ поляковъ сдѣлалось у послѣднихъ ругательнымъ прозвищемъ для русскихъ, подобно тому, какъ въ болѣе позднее время имя гетмана Мазепы для малороссіянъ во всей Россіи.

князя направила его къ нему. Появленіе игумена брестскаго было до чрезвычайности подручно московскому послу, такъ-какъ его правительство домогалось тогда обличить польскихъ пановъ въ потворствѣ новому самозванцу, называвшемуся сыномъ царя Дмитрія. Уже нѣкто панъ Галенскій сообщилъ московскому послу, что игуменъ брестскій былъ воспитателемъ «вора» еще въ то время, когда этотъ воръ жилъ у покойнаго великаго канцлера литовскаго Льва Сапѣги. Московскій посолъ сталъ разспрашивать у игумена объ этомъ ворѣ. Аѳанасій Филиповичъ, не подозрѣвая никакой хитрости и не ожидая, что изъ этого выйдутъ ему большія непріятности, велъ съ посломъ бесѣду откровенно, сообщилъ, что при Сигизмундѣ давалось на содержаніе вора по 6000 злотыхъ, а когда вступилъ на престолъ Владиславъ, оставлено было только по сто злотыхъ на его прокормленіе, когда же заключенъ былъ миръ съ Московскимъ государствомъ то перестали ему давать пособіе вовсе и запретили называться царевичемъ; этотъ названный Иванъ Дмитровичъ при Сигизмундѣ называлъ себя царевичемъ, но подлинно самъ не вѣдалъ, кто онъ таковъ. Наконецъ, по желанію московскаго гонца, игуменъ вручилъ ему подпись руки загадочнаго человѣка, въ которой значилось: Янъ Фавстинъ Дмитровичъ писано въ церевичевой господѣ на обѣдѣ.

Получивши отъ Аѳанасія такой документъ, московское посольство обратилось къ польскимъ сенаторамъ за объясненіемъ и выставляло имъ на видъ, что они потворствуютъ вору, дерзающему называться московскимъ царевичемъ. Призванъ былъ Луба и объявилъ, что отецъ его, подлясскій шляхтичъ Дмитрій Луба, завезъ его ребенкомъ въ Москву и тамъ былъ убитъ, Бѣлинскій увѣрилъ его, мальчика, что онъ сынъ царя Димитрія, и онъ

долго не зналъ подлинно, такъ ли это, а потомъ узналъ, кто онъ и чей сынъ, и царевичемъ не называется. Послѣ смерти Сапѣги, жилъ онъ въ разныхъ дворахъ, сначала у пана Осовскаго, а потомъ у пана Осинскаго и живетъ у него въ писаряхъ. Но такими показаніями не удовольствовалось московское посольство. Оно представляло панамъ подпись руки Лубы въ письмѣ, полученномъ отъ игумена Аѳанасія Филипповича. Паны на это письмо говорили, что если Луба написалъ о какой-то царевичевой господѣ, то это еще не значитъ, чтобъ онъ назывался царевичемъ: очень можетъ быть, что какое-нибудь урочище, мѣсто или деревня,носитъ названіе Царевичево, какъ существуютъ названія: Царево, Королево и тому подобныя. Самъ же онъ подписывалъ: Иванъ Фавстинъ, а Фавстинъ имя латинское, и если бы онъ хотѣлъ именоваться русскимъ царевичемъ, то латинскимъ именемъ не сталъ бы никакъ подписываться. Но и такихъ объясненій посольство тогда не хотѣло принимать во вниманіе.

Между тѣмъ Аѳанасій Филипповичъ, не предвидя, что его ожидаетъ впереди по поводу дѣла о лжецаревичѣ, въ которое онъ такъ неосторожно впутался, получивши въ Краковѣ извѣстія изъ Варшавы отъ юриста Зычевскаго, которому онъ препоручалъ ходатайство о приложеніи канцлерской печати къ королевской привилегіи, поѣхалъ въ Варшаву. Зычевскій сообщилъ, что привилегія уже снабжена печатью, но онъ, игуменъ, долженъ заплатить за это значительную сумму — шесть тысячъ злотыхъ. Ему говорили, что стоило дорого выхлопотать приложеніе печати при посредствѣ іезуитовъ. Филипповичъ, по бѣдности, не могъ внести такой суммы, далъ только тридцать червонцевъ и оставилъ привилегію съ приложенною печатью у юриста въ Варшавѣ, а самъ уѣхалъ въ свой Брестъ.

Тогда онъ заказалъ въ Бернардинскомъ монастырѣ написать масляными красками образъ Купятицкой иконы Богоматери и послѣ того опять съ нимъ произошло чудо. Онъ услыхалъ исходящій отъ иконы Пресвятой Дѣвы Богоматери голосъ, повелѣвающій ему снова ѣхать въ Варшаву на сеймъ, и объявить королю и всѣмъ чинамъ Рѣчи Посполитой, чтобъ унія была непремѣнно уничтожена, и если ее уничтожатъ, то Польша будетъ счастлива, потому что планеты Меркурій и Венера предсказываютъ ей благополучіе въ предстоящіе годы; а если поляки не послушаютъ и не уничтожатъ уніи, то страшный приговоръ Сына Божія постигнетъ Польшу. Такимъ образомъ, считая голосомъ, исходящимъ отъ иконы Богоматери, свои собственныя мысли, Аѳанасій невольно приписалъ этому таинственному, чудесному голосу и тѣ астрологическія суевѣрія, какимъ, наравнѣ со многими людьми своего вѣка, подчинялся самъ, но которыя всегда отвергала православная церковь.

Вѣруя, что ему свыше указано отважиться на новый подвигъ борьбы за православіе съ латинствомъ, онъ возъимѣлъ намѣреніе поднести королю въ костёлѣ свое сочиненіе противъ уніи, съ изображеніемъ Купятицкой иконы Богоматери, съ приложеніемъ повѣствованія о своемъ чудесномъ, какъ онъ полагалъ, посѣщеніи Москвы и кромѣ того съ воззваніемъ отъ имени православной восточной церкви ко всѣмъ чинамъ польской Рѣчи Посполитой. Это собственно было то же, что уже разъ онъ пытался подавать на сеймъ. Теперь онъ приготовилъ свое твореніе въ нѣсколькихъ экземплярахъ, надѣясь раздать ихъ разнымъ лицамъ, и въ томъ числѣ чужеземнымъ купцамъ. если найдетъ ихъ въ Варшавѣ.

Но тутъ произошло съ нашимъ игуменомъ событіе, о которомъ онъ самъ въ своемъ дневникѣ дѣлаетъ только

короткіе и неясные намеки. Его арестовали по дѣлу о бывшемъ когда-то его воспитанникѣ Лубѣ, носившемъ нѣкогда имя царевича московскаго. Не знаемъ, гдѣ и когда именно это случилось: взятъ ли былъ Аѳанасій въ Брестѣ и увезенъ въ Варшаву, или самъ онъ, сообразно своему намѣренію, уѣхалъ въ Варшаву ратовать за православіе и, по пріѣздѣ туда, былъ арестованъ. Извѣстно намъ изъ московскихъ посольскихъ дѣлъ, что Аѳанасій, брестскій игуменъ, былъ заключенъ въ оковы и посаженъ въ тюрьму. Довела его до такой бѣды собственная необдуманность: подпись руки Яна Фавстина Лубы на письмѣ, сообщенномъ московскому послу и представленномъ отъ послѣдняго польскимъ панамъ въ обличеніе ихъ коварства, озлобила польскихъ государственныхъ людей противъ брестскаго игумена, и онъ потерпѣлъ заключеніе.

Но внезапно постигшее его стѣсненное положеніе не охладило въ немъ начатаго дѣла вразумленія поляковъ въ пользу православной вѣры. Онъ послалъ на сеймъ суплику: одинъ экземпляръ ея 15 марта 1645 года былъ сообщенъ маршалку Осинскому, другой — минскому воеводѣ Огинскому. Другая суплика, обращенная исключительно къ особѣ короля, была, по порученію Филипповича, брошена въ королевскую карету въ то время, какъ Владиславъ IV проѣзжалъ изъ Подъяздова двора въ королевскій замокъ. Король, пріѣхавши въ замокъ, приказалъ громко прочесть ее во время стола. Въ ней Аѳанасій извѣщалъ короля, что Богъ послалъ его, Аѳанасія, объявить королю, что если проклятая унія, возбудившая въ государствѣ смуты и волненія, будетъ уничтожена, то изліется благодать Божія на короля и на всю его державу; въ противномъ же случаѣ постигнетъ боль-

шое несчастіе, наступитъ нежданно судъ Божій надъ Польшею.

Ни суплика, брошенная въ королевскую карету, ни та, которая была передана въ руки пановъ членовъ сейма, не произвели желаемаго Аѳанасіемъ вліянія. Онъ самъ продолжалъ сидѣть подъ арестомъ; но воображая, что его призовутъ для отвѣта на судъ, написалъ еще одну записку подъ названіемъ: «приготовленіе къ суду», приложилъ къ ней въ добавленіе другую, подъ названіемъ: «порада побожная» (совѣтъ благочестивый) «королю Владиславу» и поручилъ одному брестскому мѣщанину передать королю. Въ «приготовленіи къ суду» онъ распространяется о томъ, что унія введена въ краѣ незаконно; въ «порадѣ побожной» внушаетъ королю ученіе о богословскомъ значеніи вселенскихъ патріарховъ и хочетъ увѣрить, что во власти, присвоенной римскимъ патріархомъ, нѣтъ правдивыхъ основъ для церкви. Эту рукопись, оправленную въ зеленый атласъ, подалъ брестскій мѣщанинъ королю, ѣхавшему въ каретѣ по улицѣ. Узнавши, что записка эта подается отъ брестскаго игумена Аѳанасія, король думалъ, что это просьба о выпущеніи игумена изъ-подъ ареста, не сталъ читать записки и, возвращая ее назадъ подавшему, сказалъ: — «ничего не надобно! Я уже велѣлъ этого человѣка выпустить!»

Это значило вотъ что: человѣка, подозрѣваемаго въ покушеніи называться московскимъ царевичемъ, Фавстина Луба, послѣ многихъ переговоровъ съ московскимъ посольствомъ, рѣшили отправить въ Москву на показъ царю, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы московское правительство, взявши отъ Лубы подписку въ томъ, что онъ не будетъ болѣе называться царевичемъ, отпустило его назадъ для поступленія въ духовное званіе по его соб-

ственному, давно уже изъявленному имъ желанію. Тогда приказано было отпустить на свободу и брестскаго игумена, содержавшагося въ тюрьмѣ по дѣлу объ этомъ Фавстинѣ Луба. Но какой-то полковникъ, на котораго возложено было это порученіе, лично нерасположенный къ Филипповичу, продолжалъ его держать въ оковахъ даже послѣ того, какъ получилъ королевскій приказъ о его освобожденіи. Теперь снова было повторено приказаніе выпустить игумена. Но тутъ самъ игуменъ Аѳанасій не хотѣлъ выходить изъ темницы, а домогался, чтобъ его выслушали въ церковномъ дѣлѣ. Писалъ онъ объ этомъ и къ разнымъ знакомымъ панамъ, писалъ и къ вліятельнымъ госпожамъ: все было напрасно. Доходили до него вѣсти, будто самъ король согласился его выслушать и хотѣлъ назначить для того опредѣленный терминъ, но паны сенаторы представили, что королю непристойно вести бесѣды о такомъ важномъ предметѣ съ подлою особою. Дѣло окончилось тѣмъ, что 3 ноября 1645 года король приказалъ препроводить упрямаго игумена Аѳанасія, въ сопровожденіи двухъ драгуновъ, въ Кіевъ и тамъ безвыходно оставаться ему навсегда.

Привезли Филипповича въ Кіевъ и, по волѣ королевской, оставленъ былъ онъ Петромъ Могилою въ Печерскомъ монастырѣ. Въ слѣдующемъ 1646 году 14 сентября въ Печерскомъ монастырѣ прочиталъ онъ исповѣданіе, въ которомъ указывалъ, что побуждало его къ поступкамъ, навлекшимъ на него ссылку въ Кіевъ. Онъ объяснилъ, что слѣдовалъ во всемъ волѣ Божіей, открытой ему чудотворно чрезъ образъ Купятицкой Пресвятой Богородицы.

1 января 1647 года скончался митрополитъ Петръ Могила. На его погребеніе, вмѣстѣ съ прочими православными архіереями, пріѣхалъ въ Кіевъ волынскій

епископъ Пузына. Уѣзжая изъ Кіева, онъ взялъ съ собою Филипповича, какъ духовное лицо, принадлежавшее къ его діэцезіи, а потомъ, по желанію братіи Брестскаго монастыря, отправилъ его туда на старое мѣсто игуменомъ.

Не долго довелось игуменствовать послѣ того Аѳанасію: соперничество между католичествомъ и православіемъ въ краяхъ Рѣчи Посполитой перешло наконецъ съ бумаги на бранное поле. Въ апрѣлѣ 1648 года вспыхнуло возстаніе Хмельницкаго. Въ маѣ умеръ король Владиславъ. Объявлено было безкоролевье. Учредились временныя судилища, такъ называемые каптуровые суды, замѣнявшіе въ Польшѣ на время безкоролевья всѣ обычныя юридическія учрежденія. Между тѣмъ фанатизмъ уніатовъ и католиковъ противъ православныхъ разгорѣлся до крайней степени, соотвѣтственно тому какъ возстаніе, поднятое Хмельницкимъ, заливало кровью южнорусскую землю. Тогда Филипповичу пришлось стать жертвою этого фанатизма и понести расплату за все, что онъ писалъ и говорилъ противъ уніи.

Его дневникъ прерывается на времени возвращенія его снова игуменомъ въ Брестскій Симеоновскій монастырь по распоряженію луцкаго и волынскаго епископа Пузыны; но сохранилось извѣстіе о кончинѣ Аѳанасія, составленное почитателями его памяти.

1 іюня 1648 года отецъ игуменъ Аѳанасій отправлялъ литургію въ храмѣ Рождества Богородицы. Во время пѣнія «иже херувимы», игуменъ оглянулся и увидѣлъ въ церкви вооруженную шляхту. Игуменъ тотчасъ же догадался, что эти господа пришли за тѣмъ, чтобъ его взять. Встревожился игуменъ и стоялъ какъ вкопанный столько времени, что можно было повторить херувимскую пѣснь. По окончаніи литургіи, онъ вышелъ

изъ алтаря и узналъ, что шляхтичи пришли въ церковь именно за тѣмъ, чтобы взять игумена. Филипповичъ, по требованію ихъ, пошелъ съ шляхтичами безъ возраженій взявъ себѣ въ товарищи одного изъ братіи. Его повели въ замокъ и поставили передъ судьями каптуроваго суда Брестскаго воеводства.

Филипповичъ началъ было произносить рѣчь, воображая свое положеніе сходнымъ съ положеніемъ апостола Павла, стоявшаго передъ Иродомъ Агриппою; но судьи прервали его и приказали бывшему тутъ же капитану королевской гвардіи Шумскому дѣлать свое дѣло. Этотъ Шумскій былъ въ качествѣ обвинителя (инстигатора). Шумскій доложилъ суду, что игуменъ Симеоновскаго монастыря Аѳанасій Филипповичъ велъ письменныя сношенія съ мятежниками и посылалъ казакамъ Хмельницкаго порохъ.

«Милостивые паны!» сказалъ Аѳанасій: — «Это вымыселъ и клевета. Я не посылалъ казакамъ ни писемъ, ни пороха. У васъ есть вездѣ свои наблюдатели: пусть они скажутъ, куда я отправлялъ порохъ. Пусть также представятся доводы, что я кому-то посылалъ письма».

Судьи отправили того же инстигатора съ нѣсколькими человѣками произвести обыскъ въ двухъ монастыряхъ, которыми управлялъ, какъ игуменъ, Филипповичъ. Тамъ ничего не нашли, къ большой досадѣ Шумскаго, который укорялъ бывшихъ съ нимъ гайдуковъ: зачѣмъ они не догадались и не подбросили въ монастырѣ какого-нибудь мѣшка съ порохомъ, чтобъ можно было потомъ придраться къ чернецамъ.

Увидали тогда судьи, что извѣтъ Шумскаго ничѣмъ не подтверждается, оставили его, но Филипповича не оставили въ покоѣ. Они позвали его снова передъ себя и сказали ему:

— А все-таки ты святую унію порицалъ и прокли-

налъ! — «Такъ это вы, господа», — сказалъ тогда игуменъ — «за тѣмъ меня сюда позвали, что я вашу унію порицалъ и проклиналъ? Такъ я вамъ на это скажу вотъ что: я еще на сеймѣ передъ королемъ Владиславомъ и передъ цѣлымъ сенатомъ по волѣ Божіей говорилъ и теперь вамъ тоже самое повторю: проклята ваша унія и знайте на-вѣрное: если вы ее изъ государства не выкорените, а православной восточной вѣры не успокоите, то испытаете на себѣ гнѣвъ Божій!»

Игуменъ Аѳанасій произносилъ эти слова такъ громко, чтобъ можно было ихъ услышать издали, потому что въ залу суда набралось много народа католическаго и уніатскаго вѣроисповѣданій. Люди эти пришли туда, узнавши, что будутъ судить мятежнаго схизматика.

Ужасное волненіе произвели слова, сказанныя Аѳанасіемъ. Раздались неистовые голоса:

— Убить его! Четвертовать его! На колъ посадить его, схизматика этакого!

Судьи, чтобъ успокоить волненіе, приказали всѣмъ удалиться изъ залы, потомъ сказали подсудимому:

— Достоинъ ты того, чтобъ тебя здѣсь же постигла постыдная смерть. Да она тебя не минетъ. Только теперь мы прикажемъ тебя запереть въ тюрьму и держать тамъ до той поры, когда получимъ изъ Варшавы отвѣтъ на донесеніе наше о тебѣ.

Филипповича увели и заперли въ цейхгаузѣ, находившемся въ томъ же замкѣ, гдѣ происходилъ судъ. Спустя дня два или три послѣ того, ему надѣли на ноги кандалы.

Въ такомъ положеніи сидѣлъ онъ съ 1 іюля до сентября. Въ это время посылалъ Филипповичъ просить своихъ судей: либо снять съ него кандалы, не выпуская изъ тюрьмы, либо выпустить изъ тюрьмы, не снимая кан-

даловъ и обязавъ его обѣщаніемъ ходить въ кандалахъ до тѣхъ поръ, пока судьямъ не угодно будетъ ихъ снять съ него. «Это» — говорилъ онъ послѣ: — «я сдѣлалъ для того, чтобъ испытать ихъ: если они поступятъ со мною снисходительно — это будетъ значить, что слова мои противъ уніи примутся во вниманіе, а если нѣтъ, и мнѣ они откажутъ — это будетъ значить, что крѣпко они стоятъ за свою унію, и тогда нѣтъ надежды, чтобы скоро успокоилось народное волненіе, поднявшееся за оскорбленія, наносимыя православной церкви». Ему отказали, и онъ тогда произносилъ: «Не изыдутъ изъ этого государства мечъ и война, пока, наконецъ, унія себѣ шею не сломитъ, а благочестіе не зацвѣтетъ. Хоть не скоро, а зацвѣтетъ оно! Ей-ей, зацвѣтетъ, а унія пропадетъ!»

Такія слова говорилъ онъ, высовывая голову изъ окна цейхгауза, чтобъ дразнить проходившую мимо цейхгауза шляхту.

Однажды судьи подослали къ нему его товарища, который съ нимъ вмѣстѣ изъ церкви пошелъ за шляхтою, пришедшею въ церковь взять его. За этимъ монахомъ шли шляхтичи нарочно, чтобы подслушать, что скажетъ заключенный.

— Не хотятъ васъ выпускать господа судьи ни изъ тюрьмы, ни изъ кандаловъ, сказалъ монахъ: — пока война съ казаками не утишится.

— Не успокоится эта война, отвѣчалъ узникъ: — потому что не хотятъ искоренить уніи изъ государства.

— Вей какой схизматикъ! воскликнула шляхта, слышавшая этотъ разговоръ, и пошла прямо къ судьямъ.

Судьи приказали привести игумена. Былъ съ ними луцкій епископъ, католическій, Гембицкій и князь Радзивилъ.

— Ты проклиналъ унію? сказалъ епископъ.

— Она и есть проклятая, твердо произнесъ Аѳанасій.

Епископъ сказалъ ему: — «За это завтра увидишь ты свой собственный языкъ въ рукахъ палача!» — Узника снова увели въ тюрьму.

Въ ночь съ 4 на 5 сентября пришли къ нему въ тюрьму іезуиты и стали убѣждать, чтобъ онъ принялъ унію, льстили его обѣщаніями многаго хорошаго, стращали огненными муками. Убѣжденія ихъ остались безъ всякаго вліянія на упорнаго русина.

Чрезъ нѣсколько часовъ послѣ того на разсвѣтѣ, вошли къ нему въ тюрьму другія, невѣдомыя ему, лица, расковали его и приказали слѣдовать за собою. Они повели его въ войсковой обозъ, расположившійся близъ города Бреста.

Идучи по дорогѣ, Аѳанасій увидалъ, что за нимъ вдогонку бѣгутъ іезуитскіе студенты. Они уговаривали Аѳанасія опамятоваться и не губить себя напрасно. Аѳанасій отвѣчалъ имъ: — скажите отцамъ іезуитамъ, которые васъ послали, что мило имъ въ роскоши міра сего проживать, а мнѣ мило на смерть идти.

Дошли до обоза. Сперва отдавали узника на расправу воеводѣ брестскому, какъ правителю края. Воевода его принялъ. Зачѣмъ, — сказалъ онъ: — вы его ко мнѣ приводите, когда онъ уже у васъ въ рукахъ? Дѣлайте съ нимъ, что хотите.

Тогда гайдуки повели отца игумена къ бору, отстоявшему за четверть мили отъ обоза, по дорогѣ, ведущей въ село Германовичи. Тамъ гайдуки стали жечь его огнемъ, понуждая отречься отъ рѣзкихъ словъ, произнесенныхъ имъ передъ тѣмъ противъ уніи и латинства. Видно, эти гайдуки хотѣли, на сколько имъ было воз-

можно, съ своей стороны приложить участіе въ апостольскихъ подвигахъ. Аѳанасій говорилъ имъ одно: — Что я прежде изрекъ, съ тѣмъ и умираю! — Между тѣмъ, когда одни мучили Аѳанасія, другіе копали ему могилу.

По окончаніи пытки огнемъ, гайдуки порѣшили, чтобъ одинъ изъ ихъ среды застрѣлилъ Аѳанасія. Тотъ, на кого пало такое порученіе, уважалъ въ Аѳанасіѣ духовное лицо; ему стало совѣстно: онъ просилъ у своей жертвы прощенія и благословенія. И то, и другое получилъ онъ отъ страдальца и потомъ — выстрѣлилъ ему въ лобъ. Прострѣленный навылетъ двумя пулями, трупъ оставался нѣсколько минутъ въ стоячемъ положеніи, опершись на стоящую сосну; наконецъ, гайдуки сбросили его въ могилу. Застрѣлившій Аѳанасія гайдукъ послѣ того разсказывалъ, будто трупъ убитаго игумена, уже находясь въ могилѣ, самъ на груди сложилъ себѣ крестообразно руки.

Тѣло Аѳанасія, засыпанное землею, лежало въ невѣдѣніи до 1 мая 1649 года. Тогда какой-то мальчикъ случайно открылъ мѣсто его погребенія. Дошелъ слухъ до почитателей Аѳанасія, которые, хотя и знали, что игумена уже нѣтъ на свѣтѣ. но не видали, гдѣ похоронили его тѣло мучители. Пришедши на указанное мальчикомъ мѣсто, они убѣдились, что найденный послѣднимъ трупъ, дѣйствительно, благочестиваго игумена. На немъ была только изодранная рубашка и одинъ черевикъ. На тѣлѣ подъ пахами виднѣлись голыя кости, съ остатками почернѣлаго мяса — слѣды пытки огнемъ, на головѣ три раны: двѣ на лѣвой сторонѣ, происшедшія отъ ружейныхъ пуль, третья шире первыхъ на правой сторонѣ за ухомъ. Лицо было почернѣлое отъ пороха и запекшейся крови, а языкъ торчалъ, высунувшись изъ зубъ. «Должно

быть», говорили осматривавшіе трупъ: «его похоронили еще живаго, и умирать ему было трудно».

Въ слѣдующую затѣмъ ночь его выкопали и унесли тайно, потому что земля, на которой убили и погребли Аѳанасія, принадлежала іезуитамъ, а днемъ, съ позволенія Феликіана Тышкевича, полковника берестейскихъ повѣтовыхъ хоругвей, тѣло привезли въ монастырь. Тамъ, 8 мая, послѣ обычныхъ погребальныхъ обрядовъ, опустили его въ могилу, устроенную подлѣ праваго клироса въ церкви св. Симеона Столпника.

Личность Аѳанасія Филипповича не представляется выходящею изъ ряда современниковъ ни по умственному богатству дарованій и духовнаго развитія, ни по важности дѣлъ, совершенныхъ имъ въ исторической жизни народа, но она въ высокой степени достойна вниманія, какъ типъ своего времени и своего края. Это былъ горячій фанатикъ, относившійся къ тогдашнимъ врагамъ православія съ такимъ же изувѣрствомъ и злобою, съ какимъ относились эти враги къ православію. Православіе въ русскихъ краяхъ, принадлежавшихъ польской Рѣчи Посполитой, было угнетенною стороною, и оттого фанатизмъ Аѳанасія выразился главнымъ образомъ въ готовности пострадать самому за вѣру; но еслибы роли перемѣнились и православіе стало стороною торжествующею— тотъ самый Аѳанасій сталъ бы, можетъ быть, по отношенію къ унитамъ и католикамъ, такимъ же мучителемъ, какимъ былъ по отношенію къ православнымъ какой-нибудь Іосафатъ Кунцевичъ. Въ его дневникѣ, изданномъ Археографическою коммисіею, онъ не можетъ произнести имени уніи, не прибавивъ къ ней эпитета проклятой; вездѣ видно, что онъ готовъ вцѣпиться въ волосы и въ тѣло своимъ противникамъ, такъ и вѣетъ мрачный духъ злобы, далекій отъ христіанскаго духа любви и истины.

Это оттого, что тогдашніе ревнители православія въ Руси, принадлежавшей Польшѣ, воспитывались и въ школѣ, и въ житейской средѣ, подъ вліяніемъ іезуитовъ и ихъ питомцевъ, которые, надмеваясь своими богослов- и риторическими достоинствами, менѣе всего были христіане въ истинномъ смыслѣ этого высокаго наименованія. Аѳанасій, стоявшій безмѣрно выше сотни пошлыхъ личностей своихъ собратій въ сословіи духовенства, дорожившихъ болѣе всего своими житейскими удобствами и потому боявшихся раздражать сильныхъ, былъ, при своемъ изувѣрствѣ, человѣкъ прямой, искренній, правдивый. дѣйствовавшій и говорившій подъ впечатлѣніемъ дѣйствительнаго, а не театральнаго вдохновенія. Истинное же вдохновеніе нерѣдко возвѣщаетъ пророческую правду устами и такихъ людей, которыхъ способности и бѣдность развитія никакъ не давали бы намъ права ожидать отъ нихъ именно вѣщихъ глаголовъ.

Вдохновеніе посѣщаетъ и такихъ, которыхъ можно причислить къ нищимъ духомъ. И Аѳанасія Филипповича посѣтило это истинное вдохновеніе, когда онъ во всеуслышаніе всего польскаго сейма, и слѣдовательно, всей шляхетчины, пророчески изрекъ, что если не уничтожатъ уніи и не предоставятъ свободы православной вѣрѣ, то Польшу постигнетъ великое бѣдствіе, которое доведетъ до разрушенія ея государственное зданіе. Никто не повѣрилъ тогда угрозамъ пророка, какъ не вѣрили Израильтяне угрозамъ своихъ ветхозавѣтныхъ пророковъ; никто изъ шляхетныхъ пановъ не обратилъ вниманія на ничтожнаго монаха-схизматика. Процессъ страшнаго суда надъ Польшею начался скоро, очень скоро, а пророкъ, предвозвѣщавшій его, заплатилъ жизнію при самомъ началѣ этого процесса, которому суждено было продол-

жаться болѣе столѣтія. Шляхетные паны уже переживали этотъ процессъ, мало понимая его смыслъ, а пророкъ былъ забытъ; мало кто и въ православномъ потомствѣ зналъ его даже по имени, и только теперь, благодаря изданію его дневника, онъ является предъ нами какъ бы живымъ человѣкомъ первой половины XVII вѣка.

ПЕТРЪ МОГИЛА

ПРЕДЪ СУДОМЪ ИЗСЛѢДОВАТЕЛЕЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

ПЕТРЪ МОГИЛА

ПРЕДЪ СУДОМЪ ИЗСЛѢДОВАТЕЛЕЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

По поводу статей г. Голубева въ „Православномъ Обозрѣніи“.

Къ самымъ знаменитымъ личностямъ русской исторіи принадлежитъ, безспорно, кіевскій митрополитъ Петръ Могила. Этотъ чужеземецъ, ради единства вѣры съ русскимъ народомъ, отдалъ себя на служеніе его дѣлу; православная церковь, а съ нею и русская народность въ южной Руси обязаны своимъ сохраненіемъ и возрожденіемъ его свѣтлому уму и неутомимой дѣятельности, а его образовательные планы оказали вліяніе на ходъ умственнаго развитія въ исторіи всего русскаго міра; онъ положилъ начало правильному научному воспитанію, и его коллегія была первообразомъ всѣхъ нашихъ послѣдующихъ академій и университетовъ. Можно сказать, что Петръ Могила былъ самымъ ревностнымъ, достойнѣйшимъ и плодотворнѣйшимъ предшественникомъ и подговителемъ эпохи западнаго просвѣщенія, наступившей для Россіи впослѣдствіи.

Понятно, что, при такомъ значеніи этого историческаго лица, извѣстія, касающіяся его жизнеописанія, представляютъ для потомства всегдашній интересъ, какъ и насажденное имъ просвѣщеніе, при всей своей исклю-

чительности, дѣтскости и недостаточности, всегда останется для насъ дорогимъ, какъ бываетъ для взрослаго человѣка дорога память о первоначальномъ обученіи въ дѣтскіе годы.

Въ февральской и мартовской книжкахъ «Православнаго Обозрѣнія» за 1874 годъ напечатана статья — «Петръ Могила и Исаія Копинскій». Авторъ ея, г. Голубевъ, на основаніи источниковъ, которымъ довѣряетъ не по достоинству ихъ, старается доказать справедливость нѣкоторыхъ извѣстій, не выдерживающихъ критики, и изображаетъ знаменитаго кіевскаго митрополита въ невѣрномъ видѣ. Статья его тѣмъ удобнѣе можетъ вводитъ въ заблужденіе читателей, что она напечатана въ спеціальномъ журналѣ и вооружена нѣкоторыми новыми свѣдѣніями, касающимися Петра Могилы и его эпохи, но неправильно поставленными и невѣрно истолкованными. Въ виду возстановленія исторической истины, мы рѣшились сказать нѣсколько словъ по этому поводу.

Вотъ въ чемъ дѣло.

Есть давно уже извѣстное сказаніе польскаго шляхтича Ерлича, современника Петра Могилы. По этому сказанію (записанному въ дневникѣ, который велъ Ерличъ въ продолженіе многихъ лѣтъ), Петръ Могила, будучи архимандритомъ печерскимъ, устроилъ козни митрополиту Исаіи Копинскому и коварнымъ способомъ лишилъ его духовной власти, самъ захвативши его санъ. Отправленный Исаіею, по смерти короля Сигизмунда III, въ качествѣ ходатая за православную церковь, на конвокаціонный и избирательный сеймы въ Варшаву, этотъ хитрый человѣкъ, при посредствѣ пріятелей, былъ избранъ въ митрополиты, не смотря на то, что другой митрополитъ былъ еще живъ, получилъ королевское утвержденіе отъ Владислава IV, былъ во Львовѣ посвященъ

волошскимъ митрополитомъ; потомъ, прибывши въ Кіевъ; свергнулъ Исаію, изгналъ его, престарѣлаго и хвораго, изъ Златоверхо-михайловскаго монастыря, велѣлъ его въ одной волосяницѣ положить на лошадь, будто какой-нибудь мѣшокъ, и отвезти въ лавру, гдѣ Исаія долженъ былъ окончить жизнь въ крайней бѣдности.

Въ своихъ прежнихъ сочиненіяхъ я уже имѣлъ случай высказать свое мнѣніе объ этомъ сказаніи; я не принялъ за нимъ исторической достовѣрности, тѣмъ болѣе, что лѣтопись или дневникъ Ерлича вообще такой источникъ, на который нельзя слишкомъ довѣрчиво опираться. Въ самомъ изслѣдованіи, помѣщенномъ въ «Православномъ Обозрѣніи», говорится: «лѣтопись Ерлича не отличается безукоризненною вѣрностію въ передачѣ фактовъ». Но послѣ такого, вполнѣ заслуженнаго, приговора надъ этимъ источникомъ, далѣе мы читаемъ: «тѣмъ не менѣе свѣдѣнія, сообщенныя ею объ отношеніяхъ Петра Могилы къ Исаіи Копинскому, мы признаемъ за достовѣрныя. Кромѣ нѣкоторыхъ соображеній, основанныхъ на критическомъ основаніи къ самому разсказу Ерлича, мы приходимъ къ такому убѣжденію потому, что означенныя свѣдѣнія находятъ подтвержденіе въ другихъ, дошедшихъ до насъ письменныхъ памятникахъ».

Быть можетъ, кому-нибудь покажется удивительнымъ, если мы скажемъ, что письменные памятники, въ которыхъ иные находятъ подтвержденія сказаній Ерлича, заключаютъ на самомъ дѣлѣ опроверженія этого сказанія.

Исаія Копинскій, хотя и назывался митрополитомъ, но не былъ утвержденъ константинопольскимъ патріархомъ, а слѣдовательно, сообразно древнимъ порядкамъ, и не былъ еще вполнѣ митрополитомъ. Намъ говорятъ,

будто онъ утвержденъ королемъ, но говорятъ это, опираясь на того же Ерлича, который выразился о поставленіи Исаіи въ санъ митрополита, что это сдѣлалось «za konspektem krola». Но, во-первыхъ, — Ерличъ, такой источникъ, на который безъ основательныхъ причинъ нельзя полагаться; во-вторыхъ, — выраженіе «za konspektem krola» — слишкомъ неопредѣленно и можетъ еще не значить формальнаго утвержденія; въ-третьихъ, — если бы такое утвержденіе и послѣдовало, то оно было бы не вполнѣ дѣйствительнымъ.

Со времени принятія уніи, кіевскимъ митрополитомъ, преемникомъ древнихъ русскихъ первосвятителей, былъ, въ глазахъ польской націи, не иной кто, какъ принявшій унію. Православная восточная церковь, господствовавшая въ русскихъ областяхъ, по понятіямъ поляковъ, возстановила свое древнее единство съ западною церковью, и польская нація признавала въ предѣлахъ своей Рѣчи Посполитой только эту соединенную церковь законною древнею восточною церковью. Конечно, если бы вся паства Михаила Рагозы и его сообщниковъ послѣдовала за ними — иного взгляда не могло бы и образоваться, но тогда слишкомъ много было непріставшихъ къ уніи: отсюда вытекала со стороны польскаго законодательства необходимость признать легальнымъ существованіе, вмѣсто одной церкви съ восточными обрядами, двѣ: одну, принявшую соединеніе съ западною церковью, а другую — не захотѣвшую принять этого соединенія. Польша, какъ свободная въ принципѣ нація (по крайней мѣрѣ для шляхетскаго званія), такъ, наконецъ, и поступила, но не прежде, какъ въ 1632 году. Прежде этого, какъ извѣстно, въ 1620 г., по случаю пріѣзда въ Русь іерусалимскаго патріарха Ѳеофана, возстановлена была духовнымъ порядкомъ православная іерархія и посвященъ въ

кіевскіе митрополиты Іовъ Борецкій. Но, какъ этотъ митрополитъ, такъ и посвященные разомъ съ нимъ архіереи, а затѣмъ и все священство, получавшее отъ нихъ рукоположеніе, въ глазахъ польской націи были тѣмъ же, чѣмъ теперь въ наше время должны намъ казаться архіереи и священники поповской секты раскола, непризнаваемые ни закономъ, ни властями, никакъ не имѣющіе права на свой санъ и притомъ не могущіе имѣть его до тѣхъ поръ, пока не состоится законъ, признающій возможность существованія самаго сана при тѣхъ условіяхъ, при какихъ они хотятъ носить его. Мы, конечно, далеки отъ того, чтобы ставить на одну степень права̀ православной восточной церкви, непризнающей главенства папы, и притязанія какихъ бы то ни было раскольничьихъ толковъ въ Россіи, но мы этимъ сопоставленіемъ хотимъ только указать на то, что лица, носившія санъ іерарховъ восточной церкви, не признавшей совершившагося въ концѣ XVI вѣка соединенія съ западною церковью, не могли считаться законными по отношенію къ польскому государству, прежде чѣмъ законодательная власть этого государства не признала законности іерархіи, необходимой для тѣхъ, которые не хотѣли идти вслѣдъ за своими прежними архипастырями, принявшими унію. Королевская санкція не могла даровать новопоставленнымъ іерархамъ этого рода законности, потому что въ Польшѣ законодательная власть была въ рукахъ не короля, а сейма, составленнаго изъ пословъ или представителей Рѣчи Посполитой. Поэтому и самъ Іовъ Борецкій, утвержденный патріархомъ, не могъ назваться законнымъ по отношенію къ государству, въ которомъ находился. Что̀ же сказать объ Исаіи Копинскомъ, который, занимая должность, не признанную еще

законодательною властію государства, не былъ къ тому еще и утвержденъ патріархомъ?

Мы не знаемъ: кто выбиралъ Исаію Копинскаго въ митрополиты, не знаемъ подробностей тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ онъ возложилъ на себя этотъ санъ, будучи до того времени сѣверскимъ архіепископомъ; но мы знаемъ, что въ 1632 году совершилось важное дѣло законнаго возстановленія православной іерархіи; существованіе ея, какъ учрежденія, признала тогда польская нація, и вслѣдъ затѣмъ въ силу этого признанія является митрополитомъ Петръ Могила. Собственно говоря, онъ былъ первый законный митрополитъ православной церкви послѣ Михаила Рагозы, уклонившагося въ унію. Только съ этихъ поръ и могла быть рѣчь о законномъ выборѣ митрополита. Исаія Копинскій могъ быть тогда избираемъ въ митрополиты, но точно такъ же, какъ и всякій: выборъ, состоявшійся прежде, могъ быть полезенъ Исаіи только какъ свидѣтельство того, что были желающіе видѣть его въ санѣ митрополита; но самый этотъ выборъ, въ качествѣ совершившаго факта, не имѣлъ никакой законной силы, и избранный въ санъ кіевскаго митрополита Петръ не нарушалъ ничьихъ правъ, не отнималъ ни у кого принадлежащагося кому-либо званія. Въ актѣ о выборѣ митрополита, относящемся къ этому событію, не упоминается имени Исаіи Копинскаго и объ избраніи Петра говорится, какъ о фактѣ новомъ, вытекавшемъ прямо изъ законнаго возстановленія іерархіи «послѣ долгаго и скорбнаго для насъ времени, нашему русскому народу даны и возстановлены древнее право и свобода, такъ что мы можемъ теперь избирать вольною подачею голосовъ какъ верховнаго нашего пастыря митрополита кіевскаго, такъ и другихъ отцовъ-епископовъ, согласно съ пунктами, постановленными и пр.». По закону на-

добно было представить на утвержденіе короля двухъ кандидатовъ, и что же? Представлены были Петръ Могила и винницкій подстаростій Михаилъ Ласка, а не Исаія Копинскій. Утвержденъ былъ Петръ Могила. При посвященіи его во Львовѣ находились тогдашніе русскіе архіереи, «много архимандритовъ, священниковъ, шляхты и (простыхъ) людей». Это обстоятельство также указываетъ, что Петръ Могила получилъ свой санъ не какъ-нибудь тайно, злокозненно, а по доброму желанію духовенства и мірянъ. Не смотря на это, намъ говорятъ въ «Православномъ Обозрѣніи», будто въ избраніи Могилы большинство видѣло только мрачную сторону — безвинное лишеніе митрополіи лица, «згоднѣ всею церковью на нее избраннаго и зарекомендовавшаго себя ревностію ко благу православной церкви»; намъ говорятъ, что даже самъ Могила «не могъ не сознавать, что избраніе его въ санъ митрополита, несмотря на исполненіе всѣхъ законныхъ формальностей, не можетъ считаться вполнѣ безукоризненнымъ».

А почему такъ? Отчего Исаія имѣлъ право? Если его въ самомъ дѣлѣ «згоднѣ» избрали на митрополію прежде, то почему не избрали его тогда, когда уже митрополія было законно возстановлена? Почему русскіе архіереи, духовные и свѣтскіе люди поѣхали во Львовъ ради посвященія Могилы? Не значитъ ли, что они предпочитали Петра Могилу Исаіи Копинскому?

Замѣчательно, что авторъ той же статьи въ «Православномъ Обозрѣніи», написанной съ цѣлію обвинить Петра Могилу и защитить Исаію, сознается, что Исаія хотя и былъ (какъ автору кажется) «мужемъ засвидѣтельствованной ревности и благочестія, но по своимъ преклоннымъ лѣтамъ, болѣзненному состоянію, отрѣшенности отъ міра и бѣдности, едва ли могъ вести борьбу

съ врагами русской церкви, и дальновидные наши русскіе люди сознавали, что особенное, въ высшей степени критическое время требовало, чтобъ во главѣ ея стояла личность умная, вліятельная и пр. — однимъ словомъ — заключаетъ авторъ, такою личностію и былъ Петръ Могила».

Не выходитъ ли изъ всего этого, что Исаія не годился въ митрополиты, а Петръ соотвѣтствовалъ тогдашнимъ потребностямъ церкви, и это сознавали дальновидные люди. Чего же болѣе? Слѣдуетъ спросить: почему же Исаія, мужъ, какъ увѣряютъ насъ, засвидѣтельствованной ревности и благочестія, не былъ въ числѣ тогдашнихъ дальновидныхъ людей, и не сознавалъ того, что̀ сознавали другіе, а затѣмъ остается пожалѣть, что Исаія никакъ не принадлежалъ къ категоріи лучшихъ людей своего времени.

Изъ Львова Петръ Могила прибылъ въ Кіевъ. Здѣсь-то, по сказанію Ерлича, произошло жестокое, возмутительное изгнаніе и заточеніе бѣднаго Исаіи Копинскаго. Признаться, еслибы и было что-нибудь подобное, то мы готовы были бы обвинять не Петра, а Исаію. Значило бы, Исаія не хотѣлъ добровольно отказаться отъ присвоеннаго сана и признать въ этомъ санѣ законно избраннаго и утвержденнаго патріархомъ, Петра Могилу; значило бы, Исаія покушался производить раздоръ въ церкви, и Петръ долженъ былъ употребить силу надъ возмутителемъ церковнаго спокойствія. Дѣйствительно, въ Польшѣ, гдѣ исполненіе закона совершалось плохо, нерѣдко нужно было силою добывать законное право. Такъ случилось и во время прибытія Могилы въ Кіевъ. Софійскій соборъ, по сеймовому постановленію, слѣдовало передать отъ уніатовъ въ вѣдомство православнаго митрополита, но его добровольно не уступили: православ-

ные кіевляне принуждены были, съ ружьями и древоліями, силою выгонять уніатскихъ стражей Софійскаго собора, и, не допросившись ключей, должны были ломать двери и замки, чтобы войти въ храмъ. Не было бы ничего удивительнаго и несообразнаго съ духомъ того времени, если бы Петръ Могила вынужденъ былъ силою заставлять Исаію уступить себѣ права; но и этого не было. Сказаніе Ерлича положительно невѣрно.

Доказательства налицо.

Существуетъ актъ (А. З. Р. IV, стр. 524) отъ 29 окт. 1631 г.—приговоръ иноковъ Златоверхо-Михайловскаго монастыря объ избраніи на игуменство Исаіи Копинскаго по кончинѣ бывшаго игумена (онъ же назывался и митрополитомъ) Іова Борецкаго (причемъ Исаія именуется сукцессоромъ и наступцею на митрополію кіевскую).

Существуетъ другой актъ (А. З. Р. V, стр. 22)—протестація или судебная явка монаховъ Златоверхо-Михайловскаго монастыря, Дометіана Жаботинскаго и Геронтія. Въ этомъ актѣ говорится, что Исаія Копинскій, желая, по кончинѣ Іова Борецкаго, занять его мѣсто и присвоить себѣ игуменство въ Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ, устроилъ себѣ выборъ въ этотъ санъ: какъ будто бы всѣ иноки Златоверхо-Михайловскаго монастыря избрали себѣ его игуменомъ, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, братія этого монастыря избрала въ игумены не его, а Филатія Кезаревича. Исаія Копинскій, при помощи запорожскаго полковника Демьяна Гарбузы и казаковъ, 10 декабря 1631 г., сдѣлалъ наѣздъ на монастырь, выгналъ Кезаревича, самъ сѣлъ на его мѣсто; живучи въ этомъ монастырѣ и пользуясь монастырскимъ имуществомъ, оскорблялъ братію, наконецъ, 10-го августа 1635 года, своевольно, безъ всякой причины, забравши съ собою

разныя церковныя вещи и ризницу, выѣхалъ изъ монастыря и проч.

Не станемъ разбирать, справедливо или несправедливо обвиненіе противъ Исаіи; не остановимся и надъ противорѣчіемъ между содержаніемъ перваго и втораго акта; это противорѣчіе легко можетъ объясниться тѣмъ, что въ 1631 году въ Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ одни изъ братіи желали посадить на игуменство Кезаревича, другіе — Копинскаго. Для насъ важно то, что изъ послѣдняго акта несомнѣнно оказывается, что, овладѣвши въ 1631 году Златоверхо-Михайловскимъ монастыремъ (насильно или по избранію — Богъ знаетъ!), Исаія оставался въ немъ до 1635 года, слѣдовательно, извѣстіе Ерлича о томъ, будто Петръ Могила по вступленіи своемъ на митрополію въ 1633 году, выгналъ Исаію изъ Златоверхо-Михайловскаго монастыря, невѣрно. Въ изслѣдованіи, появившемся въ «Православномъ Обозрѣніи», пытаются согласить это противорѣчіе произвольными догадками: «вѣроятно, говорятъ, — послѣ того, какъ Петръ Могила выпроводилъ Исаію изъ Златоверхо-Михайловскаго монастыря, Исаіи *удалось освободиться изъ лаврскаго заключенія*». Но такой способъ объясненій противенъ здравой исторической критикѣ: нельзя, принимая на вѣру сказаніе источника, уже уличеннаго въ невѣрной передачѣ фактовъ, примирять противорѣчія его съ оффиціальными документами посредствомъ догадокъ. Пускаются, однако, въ дальнѣйшія догадки: полагаютъ, что Исаія освободился изъ заключенія, воспользовавшись народнымъ волненіемъ.

Что же это за волненіе?

Оно дѣйствительно происходило и описано у Сильвестра Коссова — бывшаго тогда префектомъ кіевской коллегіи — въ его, теперь очень рѣдкой (которую необходимо

было бы издать) книжечкѣ: Exegesis. Изслѣдователь справедливо думаетъ, что причины этого волненія никакъ не слѣдуетъ искать въ козняхъ іезуитовъ, какъ нѣкоторые полагали, и что оно было дѣломъ приверженцевъ Исаіи Копинскаго, «неученыхъ поповъ», которыхъ Петръ Могила отставилъ [1]), замѣстивъ ихъ людьми болѣе свѣдущими. Нападеніе толпы направлено было противъ коллегіи, которую, по наущенію невѣждъ, народъ заподозрѣвалъ въ неправовѣріи. Опасность отъ раздраженной толпы была такъ велика, что, по выраженію Коссова, профессоры ожидали, что ими начнутъ кормить днѣпровскихъ осетровъ. Къ счастью, все скоро утихло; народъ убѣдился, что взводимыя на митрополита и его коллегію обвиненія были однѣ клеветы. Это волненіе могло быть дѣломъ не только приверженцевъ Исаіи, но даже и самого Исаіи, а все-таки изъ того никакъ не слѣдуетъ, чтобы Исаія въ 1633 году былъ удаленъ изъ Златоверхо-Михайловскаго монастыря, и, пользуясь волненіемъ, опять возвратился въ означенный монастырь, чтобы выѣхать изъ него въ 1635 году.

Думаютъ еще подтвердить достовѣрность извѣстій Ерлича двумя вновь открытыми актами.

Первый изъ этихъ актовъ — протестація, поданная въ 1637 году въ судъ отъ имени Исаіи Копинскаго, его повѣреннымъ Кчумовскимъ: въ этой протестаціи разсказывается, что Петръ Могила безпокоилъ Исаію въ Михайловскомъ монастырѣ, дѣлая нападенія на маетности этого монастыря, и самъ Исаія опасался за свою жизнь. Это

[1]) Объ этомъ говоритъ также Домецкій, одинъ изъ малороссійскихъ духовныхъ, въ концѣ XVII-го вѣка жившій въ Москвѣ, потомъ въ Новгородѣ, терпѣвшій тамъ гоненіе вмѣстѣ съ другими кіевскими учеными, и, наконецъ, возвратившійся въ Малороссію.

заставило Исаію покинуть монастырь, а Могила тотчасъ же отдалъ этотъ монастырь въ управленіе Кезаревичу, «игуменомъ его охристивши». Далѣе, въ той же протестаціи разсказывается, что 1-го февраля 1637 года Могила въ Луцкѣ свидѣлся съ Копинскимъ, и послѣдній далъ ему квитъ, то-есть отрекся отъ всякихъ исковъ и притязаній на Петра Могилу; теперь же, именемъ Исаіи Копинскаго, Кчумовскій заявлялъ, что Петръ Могила *насильно* принудилъ Исаію Копинскаго дать ему квитъ.

Другой актъ — королевскій листъ о назначеніи судной коммиссіи по дѣлу между Исаіею Копинскимъ и Петромъ Могилою, выданный Исаіи въ отвѣтъ на жалобу, поданную Исаіею 27-го мая 1637 года. Изъ этого акта видно, что Исаія жаловался королю, будто Могила уже нѣсколько лѣтъ посягаетъ на жизнь и имущество Исаіи Копинскаго, что Могила забралъ документы, церковную ризницу, отнялъ у Исаіи духовную власть, принадлежавшіе ему по праву доходы и, его самого выгнавши, измучивши, окровавивши, держалъ въ тяжеломъ заключеніи и т. п.

Два эти акта доказываютъ только то, что Исаія Копинскій былъ врагомъ Петра Могилы и судился съ нимъ, и болѣе ничего. По такимъ отрывочнымъ документамъ мы не вправѣ дѣлать заключеній въ ту или другую сторону.

Исаія далъ Петру Могилѣ квитъ, но этого квита мы не видали; король, по жалобѣ Исаіи, назначилъ коммисію; но какъ разбирала это дѣло коммисія и къ чему пришла — неизвѣстно. Что касается до извѣстій Ерлича, то протестація, поданная Кчумовскимъ, скорѣе служитъ опроверженіемъ Ерличу, чѣмъ подтвержденіемъ, такъ какъ въ этой протестаціи представляется дѣло такъ, что Могила дѣлалъ оскорбленія Исаіи во время пребыванія

его въ Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ, и эти оскорбленія заставили Исаію выѣхать изъ монастыря, то-есть сдѣлать то, что случилось, какъ показывалъ Дометіанъ Жаботинскій и Геронтій, въ 1635 году; но въ протестаціи отнюдь не говорится, чтобы ранѣе, до выѣзда Исаіи изъ Златоверхо-Михайловскаго монастыря, Могила насильно выпроводилъ его въ Лавру въ заточеніе.

Въ жалобѣ самого Исаіи, поданной королю, хотя говорится, что Петръ Могила держалъ его въ заключеніи, но не указывается время, когда это происходило; а при сопоставленіи съ протестаціею Кчумовскаго оказывается, что время этого заключенія, какъ и побоевъ, будто бы нанесенныхъ Копинскому, совпадаетъ съ насильственнымъ истребованіемъ отъ него квита.

Несмотря на темноту всего этого дѣла, руководствуясь даже тѣми скудными данными, которыя находятся въ нашемъ распоряженіи, намъ приходится обвинить скорѣе Исаію, чѣмъ Петра. Исаія, послѣ вступленія Петра въ званіе митрополита, не переставалъ называться митрополитомъ, а еслибъ этотъ мужъ «засвидѣтельствованной ревности и благочестія», «пастырь статечный и ничѣмъ не заподозрѣнный», цѣнилъ благо и спокойствіе церкви болѣе личныхъ своихъ побужденій, то всего умѣстнѣе для него было добровольно отказаться отъ этого титула, на который онъ не имѣлъ ни малѣйшаго права, послѣ того какъ Петръ былъ избранъ, утвержденъ королемъ на возстановленной легально государственною властію митрополіи и, наконецъ, признанъ въ своемъ санѣ константинопольскимъ патріархомъ. Но этого мало: Исаія всячески старался дѣлать вредъ своему сопернику и не стыдился прибѣгать къ возмутительной клеветѣ. Это видно изъ доносовъ, которые привозили въ Москву густынскіе монахи со словъ Исаіи Копинскаго (А. Ю. и З. Рос. III,

стр. 7): «Епископъ Исаія (Копинскій) писалъ въ лубенскій и густынскій монастыри, что митрополитъ Петръ Могила королю, всѣмъ панамъ раднымъ и арцибискупамъ лядскимъ присягалъ, чтобъ ему христіанскую вѣру ученіемъ своимъ попрать и уставить всее службу церковную по повелѣнію папы римскаго и римськую вѣру, и церкви христіанскія во всѣхъ польскихъ и литовскихъ городахъ превратить въ костелы лядскіе и книги русскія всѣ вывести».

И такія клеветы на человѣка, ознаменовавшаго свою дѣятельность стремленіями противоположными тому, въ чемъ его здѣсь обвиняли, клеветы на человѣка, болѣе всѣхъ поддержавшаго православіе. болѣе всѣхъ поставившаго преграду римской пропагандѣ, наконецъ, болѣе всѣхъ своихъ современниковъ заботившагося о правильности, умноженіи и распространеніи русскихъ книгъ! Г. Голубевъ не отвергаетъ участія Исаіи въ этихъ отвратительныхъ клеветахъ на Петра Могилу, но покрываетъ ихъ мерзость приличнымъ именемъ «борьбы». «Борьба Петра Могилы,—говоритъ онъ,—съ Исаіею Копинскимъ, продолжавшаяся и послѣ 1633 года, ознаменовалась со стороны перваго стремленіемъ къ матеріальному стѣсненію Исаіи (а откуда извѣстно такое стремленіе?—единственно изъ показанія самого же Исаіи, да изъ невыдерживающаго критики Ерлича!) и желаніемъ подорвать его авторитетъ, какъ законнаго митрополита (какимъ Исаія не былъ), а со стороны послѣдняго, кромѣ судебныхъ протестовъ, усиліями накинуть тѣнь на нравственныя качества Могилы, какъ лица, склоннаго къ измѣнѣ православію». Хороши были орудія борьбы! Нечего сказать! Но если, по собственному признанію автора, Исаія хотѣлъ накинуть тѣнь на нравственныя качества Могилы, то уже тѣмъ самымъ на Исаію легла такая

тѣнь, которую едва ли въ силахъ снять съ него г. Голубевъ! И если Исаія могъ такъ безстыдно обвинять Петра Могилу въ козняхъ противъ православія, въ желаніи обратить русскія церкви въ костелы и вывести русскія книги, то какъ же можемъ мы довѣрять этому Исаіи въ томъ, будто бы Могила его утѣснялъ, оскорблялъ, билъ, насильно принудилъ дать квитъ и т. под.? Понятно: если явно, что Исаія оклеветалъ своего соперника, обвинивъ его въ одномъ дѣлѣ, то и показанія его на того же соперника въ другомъ дѣлѣ, ничѣмъ достовѣрнымъ не подтверждаемыя, скорѣе всего должны быть признаны клеветою, и ужь ни въ какомъ случаѣ не могутъ для насъ имѣть значенія историческаго источника.

Въ той же статьѣ, напечатанной въ «Православномъ Обозрѣніи», выставлены на видъ такія двусмысленныя черты, которыя могутъ невольно набрасывать тѣнь на личность Петра Могилы, особенно если не слишкомъ вникать въ суть дѣла. Такъ, напр., признается, что Могила былъ человѣкъ суетный, честолюбивый; но чѣмъ это доказывается? Тѣмъ, что онъ дорожилъ своимъ гербомъ, да своимъ мнимымъ происхожденіемъ отъ Муція Сцеволы. Что касается до употребленія герба на издаваемыхъ книгахъ и въ другихъ случаяхъ, то это былъ всеобщій обычай, не свидѣтельствующій вовсе ни о любви того или другаго лица къ почестямъ, ни о его равнодушіи къ нимъ. О происхожденіи же отъ Муція Сцеволы мы слышали собственно не отъ Петра Могилы, а отъ тѣхъ риторовъ, которые, сообразно вѣку, считали обычнымъ дѣломъ въ своихъ панегирикахъ вплетать явно вымышленныя генеалогіи. Такъ, напримѣръ, Іоанникій Галятовскій въ своемъ «Ключѣ Разумѣнія» подаетъ проповѣдникамъ вообще совѣтъ — въ надгробныхъ рѣчахъ приписывать

умершему какое-нибудь особенно древнее и знатное происхожденіе: то были собственно риторическія фигуры. Кромѣ того, въ упомянутомъ изслѣдованіи г. Голубева насъ увѣряютъ, что Могила добивался духовныхъ мѣстъ для того, чтобы пользоваться ихъ доходами. О митрополіи этого сказать никакъ нельзя, потому что, при возстановленіи православной кіевской митрополіи, ея прежнія имѣнія оставлены были за уніатскимъ митрополитомъ; что же касается до имѣній, принадлежавшихъ въ то время Печерской лаврѣ, то прежде, чѣмъ бросать тѣнь на Петра, якобы имѣвшаго виды при своемъ поступленіи въ иночество пользоваться доходами имѣній Печерской лавры, нужно было бы объяснить: въ самомъ ли дѣлѣ велики и очень привлекательны были эти доходы, и не окажется ли напротивъ, что при частыхъ татарскихъ набѣгахъ и при внутреннихъ смутахъ они вовсе не такъ были важны, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда? Петръ Могила, какъ извѣстно, изъ собственныхъ своихъ частныхъ доходовъ долженъ былъ дополнять потребности церкви и коллегіи — по недостатку средствъ изъ доходовъ управляемаго имъ церковнаго вѣдомства. Правду сказать, еслибы молдавскій воеводичъ, свойственникъ знатнѣйшихъ польскихъ пановъ, имѣлъ въ виду корыстолюбивые идеалы, то всего лучше для него было бы принять католичество: этимъ путемъ скорѣе и обильнѣе достигъ бы онъ своихъ цѣлей. Люди, слишкомъ цѣнившіе свои земныя выгоды, не задумывались надъ этимъ въ тѣ времена, особенно, когда обаятельное и увлекающее превосходство образованности было на сторонѣ римскаго католичества. Между тѣмъ, молдавскій воеводичъ, несмотря даже ни на свое западное образованіе, ни на свою близость къ знатнымъ польскимъ домамъ, не только не послѣдовалъ за общимъ стремленіемъ, но всею душою

предался гонимой, презираемой церкви своихъ предковъ. Едвали такъ поступаютъ люди, преданные благамъ міра сего, любители «почестей, богатствъ и роскошной жизни».

«Въ дѣятельности Петра Могилы — говорятъ намъ — много чертъ чисто-шляхетскаго характера. Такъ, сей іерархъ, какъ справедливо замѣтилъ г. Терновскій, весьма дорожилъ почестями и имѣніями, высоко цѣнилъ привилегіи, знакомъ былъ съ интригами польскаго двора и имѣлъ способность и готовность вмѣшиваться въ дѣла политическія. Къ этому мы прибавимъ, что Могила имѣлъ въ своемъ распоряженіи много челяди; по примѣру польскихъ магнатовъ, нерѣдко дѣлалъ нападенія на имѣнія враждебныхъ ему личностей и производилъ въ нихъ громадныя опустошенія. Такимъ образомъ, нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ поступкѣ Петра Могилы съ Исаіею Копинскимъ и его приверженцами».

Какія же это нападенія? Одно изъ нихъ приведено въ изслѣдованіи. Уніатскій митрополитъ Вельяминъ Рутскій, котораго маетности примыкали къ маетностямъ Печерскаго монастыря, 2-го августа 1630 года жаловался, что архимандритъ съ капитулою выслали слугъ своихъ и людей, при помощи казаковъ, на село Засимово, держали въ осадѣ жителей этого села, и въ это время созрѣвшіе на поляхъ посѣвы убрали и перевезли въ села Печерскаго монастыря, а несозрѣвшіе *«били, топтали и все зъ гола зъ землею смѣшали»*.

Такому же опустошенію подверглись хутора, принадлежавшіе къ этому селу. Монастырскіе люди устроили висѣлицу и водили подъ нее засимовскихъ крестьянъ, требуя отъ нихъ отповѣди (отказа отъ чего-то). Когда на этихъ монастырскихъ людей пожаловались Петру Могилѣ, бывшему тогда еще только архимандритомъ Печерскимъ, онъ отвѣчалъ, что все дѣлалось по его при-

казанію, и противная сторона, если хочетъ, можетъ искать на немъ судомъ.

Во-первыхъ, предлагаемый документъ не можетъ вести ни къ какимъ заключеніямъ, такъ какъ онъ составляетъ жалобу одной только стороны безъ объясненія съ другой.

Во вторыхъ, — еслибы даже все происходило дѣйствительно такъ, какъ описано въ жалобѣ, то и тогда поступокъ Петра Могилы, совершенный въ XVII-мъ вѣкѣ, не имѣлъ бы того предосудительнаго характера, какой имѣлъ бы подобный поступокъ въ наше время. Надобно было бы еще взглянуть: по какому побужденію такой поступокъ совершенъ. Въ Польшѣ, какъ мы уже замѣтили, исполнительная власть была до такой степени слаба, что нерѣдко для приведенія въ дѣйствіе закона не оставалось ничего, какъ только прибѣгнуть къ самоуправству. Это, конечно, дурно; но вина падаетъ на весь государственный строй, а не на отдѣльныхъ лицъ. Могло быть, что Могила поступилъ такъ, какъ описывается въ жалобѣ на него, съ цѣлію привести въ исполненіе то, что слѣдовало по закону; его отвѣтъ, что монастырскіе люди поступили по его приказанію, и предоставленіе противной сторонѣ искать на немъ судомъ показываютъ человѣка, убѣжденнаго въ правотѣ своего дѣла по закону. Конечно, мы не станемъ утверждать, что Могила правъ, такъ какъ обстоятельства дѣла не знаемъ, но, съ другой стороны, уніатскій митрополитъ Рутскій, сколько намъ извѣстно, не заявилъ себя въ исторіи такими нравственными достоинствами, чтобы мы принимали на вѣру то, что́ слышимъ отъ него о Петрѣ Могилѣ и, на основаніи его словъ, дѣлали выводы о личности послѣдняго. Это до крайности противно исторической критикѣ.

БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ

ДАННИКЪ ОТТОМАНСКОЙ ПОРТЫ.

БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ

ДАННИКЪ ОТТОМАНСКОЙ ПОРТЫ.

Составляя историческую монографію о Богданѣ Хмельницкомъ, мы хотя и обращались тогда во всѣ наши древле-хранилища, гдѣ могли надѣяться найти письменные источники объ эпохѣ, которую принимались обработывать, но не все могли видѣть и читать, потому что не вездѣ давался намъ ко всему доступъ, въ виду разныхъ высшихъ соображеній тѣхъ почтенныхъ особъ, которыя завѣдывали такими источниками. Отъ этого въ нашу монографію не вошло иное, что, повидимому, должно было войти, такъ какъ собранія, гдѣ хранились эти источники, обозначены у насъ въ перечнѣ источниковъ въ числѣ тѣхъ, которыми мы пользовались. Недавно, занимаясь въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ матеріалами для исторіи Малороссіи въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣковъ, мы случайно наткнулись на значительное количество документовъ, относящихся къ Богдану Хмельницкому, изъ которыхъ многіе оказались намъ до сихъ поръ неизвѣстными. Благодаря доброму вниманію г. управляющаго главнымъ московскимъ архивомъ иностранныхъ дѣлъ, барона Ѳ. А. Бюлера, и подначальныхъ его чиновниковъ (которыхъ предупредительность и готовность оказывать всѣ зависящія отъ нихъ услуги

выше всякой признательности), мы имѣли возможность просмотрѣть эти документы, и съ удивленіемъ увидали тамъ кое-что, долженствующее, при надлежащемъ сопоставленіи и обсужденіи, измѣнить не только личный нашъ, но и вообще принятый наукою взглядъ на личность Богдана Хмельницкаго и на характеръ его многознаменательной эпохи.

Его отношенія къ Турціи представляются въ иномъ свѣтѣ, а не въ томъ, въ какомъ привыкли мы себѣ изображать ихъ.

Знаменитый казацкій вождь, котораго мы считаемъ искреннимъ слугою московскаго престола и однимъ изъ славнѣйшихъ двигателей дѣла объединенія русской державы, былъ на самомъ дѣлѣ данникомъ Оттоманской порты и не переставалъ считать себя такимъ и послѣ переяславскаго договора, когда, казалось намъ, ничто не дозволяло бы сомнѣваться въ его вѣрности Россіи.

Такія отношенія начались еще въ 1649 году, какъ показываетъ одинъ документъ о плаваніи по Черному морю и о торговлѣ, напечатанный въ собраніи государственныхъ граматъ и договоровъ; но совершенно утвердились они въ концѣ 1650 года, какъ ясно свидѣтельствуетъ хранящаяся въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ грамата султана Мехмета, писанная по-турецки на пергаментѣ съ приложеннымъ при ней старымъ польскимъ переводомъ. Она гласитъ такъ:

«Наиизбраннѣйшему изъ монарховъ религіи Іисусовой гетману казацкому Богдану Хмельницкому, его же конецъ да будетъ счастливъ, чинится писаніе сіе, исходящее отъ нашего высокаго и пресвѣтлаго трона чрезъ одного изъ урядниковъ нашихъ Османъ-Чауша, возвращающагося вмѣстѣ съ вашимъ посломъ, который привезъ ваше писаніе, исполненное самой завзятой искренности.

Сообразно съ обычаями всего свѣта, наияснѣйшій намѣстникъ нашъ, наивѣрнѣйшій нашъ великій визирь приказалъ перевести его дословно и подать намъ. И мы, уразумѣвши его содержаніе, то-есть ваше и всего войска вашего прошеніе, поняли, что вы скорбите на своихъ неискреннихъ друзей, равно какъ и на жестокихъ вашихъ непріятелей: все, о чемъ вы писали къ намъ, мы узнали и уразумѣли. Знайте же, что высокая Порта обыкла оказывать милость и милосердіе друзьямъ и карать своихъ враговъ. Вы съ вѣрною искренностію откровенно высказавшись, отдаетесь подъ крилѣ и подъ протекцію непобѣдимой Порты нашей, и мы сердечно и любовно принимаемъ васъ и о вѣрности и искренности вашей не сомнѣваемся. Что вы секретно сообщали Османъ-Чаушу, о томъ о всемъ въ подробности онъ сообщилъ намъ, и мы тотчасъ къ вельможному монарху хану крымскому послали свой крѣпкій и строгій указъ, повелѣвая, чтобъ онъ никогда своихъ очей и ушей не обращалъ на польскую сторону; напротивъ, если бы оттуда подулъ какой-нибудь вѣтеръ, несущій на васъ войну и гоненіе, если бы поляки неожиданно и насильно напали на войско ваше, то чтобъ онъ тотчасъ своимъ быстролетнымъ войскомъ постарался подать вамъ помощь, гдѣ бы только оказалось это нужнымъ. Мы ему это сурово приказали. А пока только вы со всѣмъ войскомъ вашимъ будете вѣрными, искренно преданными счастливой Портѣ нашей, до тѣхъ поръ ведите сношеніе съ ханомъ безопасно, и не обманетесь. Уже теперь высокая Порта вполнѣ принимаетъ васъ подъ свою протекцію, и вы будьте въ томъ увѣрены и намъ черезъ своихъ пословъ въ подробности объясняйте о всемъ, что̀ дѣется въ краяхъ вашихъ. Нынѣ же, въ знакъ нашего расположенія, исходящаго отъ великихъ монарховъ, цесарей, вла-

дыкъ всего свѣта, при семъ нашемъ ясномъ писаніи посылаемъ штуку златоглаву и кафтанъ, чтобъ вы съ увѣренностію возложили на себя этотъ кафтанъ въ томъ смыслѣ, что вы теперь стали нашимъ вѣрнымъ данникомъ. А что вы наияснѣйшую Порту просили, что готовы дань давать, какъ иные наши христіанскіе данники даютъ, то мы, благорасположенные къ вамъ, оцѣнивая ваши добродѣтели, тѣмъ остаемся довольны. А притомъ, чтобъ вы пословъ своихъ, людей достойныхъ на резиденцію сюда, къ намъ прислали, въ утвержденіе нашей дружбы посылаемъ вамъ сіе писаніе.

Данъ въ началѣ мѣсяца Ребіулъ Эвеса 1061 (въ декабрѣ 1650)».

Грамата эта доставлена была Хмельницкому въ ту пору, когда онъ, предвидя скорое возобновленіе войны съ поляками, боялся польскихъ стараній склонить на сторону Польши крымскаго хана Исламъ-Гирея, данника Порты, прежняго союзника казаковъ, подозрѣвая въ послѣднемъ охлажденіе къ себѣ. Хмельницкій думалъ побудить Турцію приказать хану воевать за казаковъ уже въ силу того, что казаки стали подвластными турецкому султану, которому повиноваться обязанъ былъ крымскій властитель.

Въ февралѣ слѣдующаго 1651 года начались первыя непріязненныя дѣйствія между казаками и поляками. Изъ Очакова татарскій вождь Вели-ага писалъ къ Хмельницкому, что скоро прибудутъ къ Очакову вспомогательныя татарскія силы, и вспоминая, какъ онъ, вмѣстѣ съ Хмельницкимъ, воевалъ подъ Збарашемъ въ 1649 г., просилъ казацкаго гетмана замолвить о немъ доброе слово передъ ханомъ, видимо заискивая протекцію у новаго верховнаго повелителя мусульманъ; но турецкій начальникъ въ Очаковѣ Арамаданъ-бегъ писалъ къ Хмельницкому, что

этотъ Вели-ага разсылалъ письма къ татарамъ, будто съ согласія хана, чтобъ татары не спѣшили помогать казакамъ. Это сдѣлалось причиною замедленія орды, и Хмельницкій напрасно укорялъ въ томъ его, Арамадана. Вмѣстѣ съ тѣмъ Арамаданъ-бегъ извѣщалъ, что уже салтанъ, братъ ханскій, съ ордою въ Перекопѣ, а самъ Арамаданъ-бегъ выступилъ въ походъ въ пятницу съ казацкими посланцами: Матвѣемъ, Блошакою и Бутькомъ.

Въ слѣдующемъ затѣмъ мѣсяцѣ мартѣ великій визирь Меллитъ-Ахметъ-паша извѣщалъ Хмельницкаго, что государь его, султанъ оттоманскій, благосклонно принялъ увѣренія казацкаго гетмана и всего войска въ дружественномъ расположеніи къ Турціи и въ вѣрности ея монарху, и повелѣлъ приказать крымскому хану, чтобъ онъ, вмѣстѣ съ братьями своими, велъ орду на помощь казакамъ противъ поляковъ. Въ то же время написано было отъ имени падишаха господарю молдавскому суровое неодобреніе его поступковъ, показывавшихъ его нерасположеніе къ Богдану Хмельницкому, такому же, какъ и онъ самъ, даннику оттоманскаго императора. Султанъ опять посылалъ Хмельницкому въ знакъ своей неизмѣнной къ нему благосклонности богатый кафтанъ, а визирь отъ себя послалъ ему въ подарокъ дорогой кораллъ персидскій. Визирь совѣтовалъ гетману отправить въ Варшаву своихъ пословъ, чтобъ вывѣдать о замыслахъ поляковъ, но никакъ не довѣрять коварнымъ увѣреніямъ въ желаніи мира, а о томъ, что́ узнаетъ, доставлять свѣдѣнія въ Турцію. Нѣкто Бектамъ-ага-Янчерикъ въ томъ же мартѣ писалъ къ Богдану Хмельницкому изъ Константинополя, что при дворѣ падишаха всѣ радуются союзу съ казаками, а именитые сановники денно и нощно прославляютъ подвиги Богдана Хмельницкаго. Недавно пріѣхавшій изъ Чигирина Османъ-ага опять былъ от-

правленъ къ казацкому гетману и повезъ ему извѣстіе, что, кромѣ крымскаго хана, прибудутъ къ нему на помощь силы изъ Добруджской земли. Разомъ съ ласковымъ вниманіемъ къ своему дѣлу со стороны мусульманскихъ властей, Хмельницкій получалъ благословенія и благожеланія отъ представителей православной іерархіи въ земляхъ, подвластныхъ турецкому государю. Константинопольскій патріархъ Парѳеній, отъ 4 февраля, послалъ къ Хмельницкому грамату, въ которой величалъ гетмана, какъ воителя за православную вѣру противъ латинства, и призывалъ на него Божіе благословеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ и о подаяніи чрезъ посланнаго въ русскія страны какого-то Никиту Михайловича. Февраля 18, подобная патріаршая грамата посылалась къ тогдашнему кіевскому митрополиту Сильвестру Коссову, а февраля 20, двѣ граматы: одна къ генеральному писарю войска запорожскаго Ивану Выговскому, другая — къ бывшему уже при Хмельницкомъ митрополиту коринѳскому, который впослѣдствіи былъ убитъ на Берестечскомъ сраженіи. Всѣ четыре граматы, касаясь одного предмета, писаны по-гречески и съ приложенными латинскими переводами хранятся въ московскомъ главномъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ. Изъ нихъ видно, что послами въ Константинополѣ отъ Богдана Хмельницкаго были тогда Антонъ Ждановичъ, кіевскій полковникъ, и какой-то Павелъ Ивановичъ, а при нихъ былъ переводчикъ, именемъ Павелъ.

Послѣ несчастнаго пораженія казацкихъ силъ подъ Берестечкомъ, когда Богдану приходилось мириться съ поляками на условіяхъ, далеко не такъ выгодныхъ, какими были прежнія заключенныя съ королемъ подъ Зборовымъ, Хмельницкій писалъ къ турецкому султану изъ обоза подъ Бѣлою-Церковью въ сентябрѣ (безъ означе-

нія числа): «На сихъ дняхъ подданный вашего императорскаго величества Османъ-Чаушъ въ добромъ здравіи прибылъ къ намъ вмѣстѣ съ нашими послами и доставилъ намъ письмо вашего величества, которое мы, какъ подобало, почтительнѣйше приняли. Ваше императорское величество обѣщали намъ прислать на помощь хана крымскаго и иныя войска изъ Добруджской земли, но мы, не желая оставаться безъ дѣла, при помощи всемогущаго Бога, имѣли страшную битву съ ляхами, о чемъ вашему императорскому величеству сообщитъ подданный вашего величества Османъ-Чаушъ, который во всѣхъ битвахъ участвовалъ и видѣлъ все, что здѣсь дѣлалось; но такъ какъ вспомогательныя силы изъ Крыма и изъ Добруджи опоздали, пришлось намъ постановить миръ съ ляхами. Однако мы постоянно и неизмѣнно остались въ давнишней пріязни съ ханомъ крымскимъ и желаемъ сохранить пріязнь эту до послѣднихъ минутъ нашей жизни. Также хотимъ пребывать вѣрными подданными вашего императорскаго величества, какъ и доброжелательными друзьями хана. Нураддинъ султанъ находился при насъ во всѣхъ нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ, показалъ себя мужественнымъ и достоинъ за свою отвагу уваженія и справедливой награды при достодолжной признательности. Хотя мы съ ляхами заключили миръ, однако держимъ ляховъ въ рукахъ. Того ради покорно просимъ ваше императорское величество написать снова къ хану, чтобъ онъ соблюдалъ союзъ, который мы съ нимъ заключили, и во всѣхъ нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ и случайностяхъ находился бы съ нами, что и мы съ нашей стороны ему и вашему императорскому величеству взаимно обѣщаемъ, и на сей часъ поклонъ вамъ отдаемъ какъ вѣрные подданные, прося Бога даровать вашему императорскому величеству при долголѣтнемъ здравіи по-

бѣду надъ каждымъ изъ вашихъ непріятелей. — Въ обозѣ подъ Бѣлою-Церковью, въ сентябрѣ. Вашего императорскаго величества вѣрный и нижайшій подданный, Богданъ Хмельницкій гетманъ».

Повидимому, Хмельницкій хотѣлъ тогда въ письмѣ своемъ уклониться отъ сообщенія своему государю истины о пораженіи, постигшемъ казаковъ. Онъ объясняетъ, будто бы, не дождавшись прибытія обѣщанной помощи и между прочимъ прибытія хана съ ордами, казаки вступили въ битву съ ляхами, но не такъ было: ханъ успѣлъ соединиться съ казацкимъ войскомъ и убѣжалъ съ своими татарами въ самый разгаръ берестечской битвы, увлекши за собой Богдана Хмельницкаго противъ его собственной воли, и казаки, оставшись безъ вождя, понесли страшное пораженіе. Хмельницкій, какъ кажется, вовсе не дѣлаетъ никакого намека на берестечское дѣло и, говоря о битвахъ съ ляхами, имѣетъ въ виду тѣ, которыя происходили у него съ войскомъ Потоцкаго и Калиновскаго подъ Бѣлою-Церковью, и только на этихъ битвахъ могъ присутствовать Османъ-Чаушъ, который, какъ гласитъ письмо Хмельницкаго, только на-дняхъ передъ тѣмъ пріѣхалъ къ гетману вмѣстѣ съ казацкими послами, возвращавшимися отъ султана. Быть на берестечскомъ сраженіи, потомъ съѣздить въ Турцію и успѣть воротиться опять въ Украину едва ли могъ онъ въ тѣ времена въ теченіе двухъ мѣсяцевъ; притомъ мы знаемъ, что посланникъ турецкаго султана, находившійся у Хмельницкаго во время берестечскаго сраженія, былъ взятъ въ плѣнъ поляками. Вѣроятно, этотъ взятый въ плѣнъ посланецъ турецкаго султана былъ Османъ-ага, объ отправленіи котораго къ Хмельницкому писалъ послѣднему Бектамъ-ага-Янчерикъ въ мартѣ. Этого Османъ-агу на-

добно отличать отъ Османъ-Чауша, нѣсколько разъ ѣздившаго къ казацкому гетману и пріѣзжавшаго къ нему въ то время, какъ онъ заключалъ съ польскими военачальниками договоръ подъ Бѣлою-Церковью.

Въ январѣ 1654 года состоялся, какъ всѣмъ извѣстно, переяславскій договоръ съ московскими послами, и въ силу этого договора гетманъ Богданъ Хмельницкій со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ и со всею Малою-Россіею поступилъ въ подданство московскаго царя. Какъ же съ тѣхъ поръ относился бывшій вѣрный подданный турецкаго величества къ этому величеству и къ его подручникамъ? Предъ нами письмо Богдана Хмельницкаго къ крымскому хану отъ 16 апрѣля того же 1654 года. Объ этомъ письмѣ мы упомянули въ нашей исторической монографіи о Богданѣ Хмельницкомъ, зная его по одной рукописи Публичной библіотеки разноязычнаго отдѣла, но это не должно мѣшать привести его по списку архива иностранныхъ дѣлъ, такъ какъ здѣсь оно и полнѣе и вѣрнѣе. Хмельницкій пишетъ къ хану:

«Что мы писали о поновленіи присяги между казаками и татарами, то это заявлялось не по моей волѣ, а по волѣ цѣлаго войска, по тому поводу, что трактаты, состоявшіеся подъ Каменцемъ (жванецкій договоръ въ декабрѣ 1653 года) объ насъ, не повели ни къ чему послѣдовательному, и мы до сихъ поръ не имѣемъ привилегій отъ короля на зборовскія условія; напротивъ, вмѣсто мира, — великое безпокойство и война; къ тому же и нѣкоторыя изъ войскъ вашей ханской милости учинили намъ великія кривды, а потому войско наше какъ бы пришло въ сомнѣніе. Но когда мы остались увѣренными въ неизмѣнномъ расположеніи вашей царской милости и въ вѣчной неразрывной присягѣ, то мы вашу царскую милость благодаримъ, а съ своей стороны обѣ-

щаемъ, что навѣки вѣчные ничѣмъ не нарушимъ нашей присяги, и послѣ насъ будутъ соблюдать ее и потомки наши, которую присягу. Бога высочайшаго призывая во свидѣтели, мы нынѣ поновляемъ, желая оную сохранить вѣчно, развѣ бы какая-нибудь значительная немилость оказалась къ намъ отъ вашей царской милости по козням непріятельскимъ. Богъ видитъ, мы того не желаемъ, а напротивъ — нижайше просимъ вашу царскую милость: если бы кто на насъ клеветать сталъ, не извольте нять вѣры. Хотя наши враги на насъ клевещутъ лживо, а тутъ сами подъ нами копаютъ ямы. Мы обезпечились было постановленнымъ миромъ и ожидали привилегій королевскихъ на зборовскія условія, но вмѣсто мира явился Потоцкій съ войскомъ польскимъ и съ пятью тысячами венгровъ и еще волоховъ, надъ которыми старшой Глигоръ Гурмасъ. Напавши, они опустошили многія мѣстечки и, людей убивая, вторглись подъ самую Умань. Но по милости Божіей не получили они себѣ утѣшенія; напротивъ, принуждены были уходить назадъ съ большимъ для себя вредомъ. Однако же къ намъ доходитъ извѣстіе, что они еще бо̀льшія силы собираютъ на насъ, и Радзивиллъ съ войскомъ приближается къ Любечу и Лоеву. Затѣмъ еслибъ и далѣе войска ихъ наступали на насъ, покорно просимъ вашу царскую милость о вспомогательныхъ силахъ, сообразно вѣчной присягѣ.

«Мы обязаны будемъ заслужить это взаимною нашею услугою противъ каждаго непріятеля. Что касается до Москвы, что мы съ нею вошли въ пріязнь, то мы учинили такъ по совѣту вашей царской милости, когда поляки со всѣхъ сторонъ на насъ привлекали враговъ, отчего же и намъ того же съ ними не чинить, лучше же намъ имѣть друзей со стороны Смоленска и другихъ городовъ королевскихъ! Что же наши посланцы намек-

нули передъ вашимъ царскимъ величествомъ, яко бы Москва нами овладѣть имѣла (opanować miała), то такая у насъ въ то время пошла было вѣдомость, но теперь о томъ нѣтъ уже никакой рѣчи. Когда проявится у насъ что-нибудь новое по этой части, мы не замедлимъ увѣдомить о томъ вашу царскую милость. На счетъ задержанныхъ татарскихъ невольниковъ мы издали универсалъ, чтобъ такіе, гдѣ найдутся, были на волю отпущены; татаринъ вашъ, вмѣстѣ съ нашими казаками, поѣхалъ отыскивать ихъ по городамъ. Обо всемъ этомъ подробное устно сообщитъ посланецъ нашъ Семенъ Савичъ. Мы же вторично прося вашей милости къ намъ, сами себя съ нашими добровольными услугами отдаемся вашей царской милости. Вашей царской милости доброжелательный слуга Богданъ Хмельницкій со всѣмъ войскомъ запорожскимъ.

«По написаніи этого письма пришли къ намъ два вѣрныхъ извѣстія о томъ, что̀ поляки постановляютъ у себя на сеймѣ. Одно извѣстіе доставлено уманскимъ полковникомъ. Когда подъ Умань приходили ляхи, тогда нашимъ попалъ въ плѣнъ ксёндзъ капелланъ польскаго гетмана Потоцкаго; онъ хотя былъ раненъ и находился при смерти, но подъ совѣстью сообщилъ нашимъ такъ: «Мы сюда идти не думали, но король и Рѣчь-Посполитая послали насъ. Я самъ былъ на сеймѣ и знаю навѣрное: король самъ лично не пойдетъ на войну, и останется въ Варшавѣ, а на свое мѣсто пошлетъ королевскаго брата Карла, который тотчасъ, какъ только трава начнетъ расти, двинется прямо подъ Умань съ войскомъ, состоящимъ изъ поляковъ, молдаванъ, венгровъ и нѣмцевъ; уже теперь приказано Потоцкому тамъ укрѣпить хорошенько обозъ. Когда ксендза этого спросили: зачѣмъ такъ глубоко въ Украйну идетъ королевское войско? —

онъ отвѣчалъ: — татаръ на помощь къ себѣ ожидаетъ королевичъ, говорятъ, обѣщано нѣсколько десятковъ тысячъ талеровъ на войну противъ казаковъ. Другая вѣдомость изъ литовскихъ краевъ: при одномъ трупѣ нашли письмо, писанное авизами, оно согласовалось слово въ слово съ тѣмъ, что объявилъ ксендзъ. Изволь, ваша царская милость, вникнуть въ это: какіе у нихъ замыслы? Мы имъ не довѣряемъ, но предупреждая ихъ заранѣе, просимъ покорно вашу царскую милость, изволь намъ дать свое рѣшеніе и сообщить нашимъ посланцамъ совѣтъ: какъ намъ поступать съ агами и беями, и какъ давать отпоръ тѣмъ, которые начнутъ наступать на насъ. Изволь также увѣдомить насъ о вспомогательныхъ силахъ: скоро ли онѣ будутъ. Богъ видитъ, мы не даемъ повода къ разрыву съ вами. Вторично просимъ: изволь о всемъ увѣдомить насъ чрезъ нашихъ посланцевъ, а мы, собравши свои полки, станемъ ожидать. Далѣе, что у насъ будетъ происходить и какія извѣстія откуда нибудь получимъ, обо всемъ не замедлимъ увѣдомить вашу царскую милость».

Чтобъ понять смыслъ и духъ этого письма, надобно припомнить нѣкоторыя тогдашнія обстоятельства. Въ ноябрѣ и декабрѣ 1653 г. Хмельницкій воевалъ противъ поляковъ за-одно съ Исламъ-Гиреемъ, но крымскій властитель шелъ съ своими ордами на помощь казацкому вождю не по искреннему расположенію къ казацкому дѣлу и даже не въ видахъ пріобрѣсть для себя выгоды отъ польской державы, какъ было передъ зборовскимъ договоромъ: онъ шелъ по волѣ и по приказанію турецкаго султана, своего сюзерена. Поляки заключили съ крымскимъ ханомъ миръ подъ Каменцемъ: то былъ такъ-называемый въ исторіи жванецкій договоръ. Въ пользу казаковъ Исламъ-Гирей выговорилъ у короля Яна Ка-

зимира обѣщаніе возобновить зборовскій договоръ, поднявшій украинское казачество до такой высоты, до какой оно до того времени не достигало, но скоро, вслѣдствіе новой войны и берестечскаго пораженія, замѣненный другимъ, менѣе выгоднымъ для казаковъ, бѣлоцерковскимъ договоромъ. Обѣщаніе осталось пустымъ обѣщаніемъ, и объ эмомъ-то говоритъ Хмельницкій въ настоящемъ письмѣ своемъ. Черезъ мѣсяцъ послѣ жванецкаго договора, Богданъ Хмельницкій отдался московскому государю и въ Переяславлѣ присягнулъ ему на вѣрное подданство. Между тѣмъ онъ уже прежде учинился подданнымъ турецкаго падишаха и въ силу такого подданства имѣлъ право на содѣйствіе Турціи и ея данника, крымскаго хана, противъ своихъ заклятыхъ враговъ — поляковъ. Понятно, что новая присяга на вѣрность, уже иному государю, должна была измѣнить прежнія отношенія Хмельницкаго къ Турціи и къ хану. Хмельницкій думалъ укрыть ее отъ своихъ мусульманскихъ союзниковъ. Стараясь, какъ показываетъ письмо его къ хану, по возможности не распространяться объ этомъ щекотливомъ предметѣ, онъ ограничивается намеками, представляющими отношенія казацкаго вождя къ московскому государству такъ, какъ будто у него состоялось нѣкое дружественное соглашеніе съ Москвою съ цѣлію побудить ее дѣйствовать непріязненно противъ Польши, съ которою у московскаго царя были свои давніе счеты, и притомъ Богданъ замѣчаетъ, что это сдѣлалось даже по совѣту самого хана, который когда-то говорилъ Хмельницкому, что если поляки привлекаютъ противъ казаковъ со всѣхъ сторонъ враговъ, то почему же не дѣлать того же казакамъ и не платить врагамъ своимъ ихъ же монетою? Но до хана уже доходили слухи, что московское государство (Москва) имѣло овладѣть казац-

кою страною; и по этому поводу Хмельницкій глухо сообщаетъ, что и у нихъ ходила-было такая вѣдомость, но теперь уже о томъ нѣтъ болѣе рѣчи. Разумѣется, такая политика не могла продолжаться на многіе годы, и крымское правительство скоро должно было узнать всю истину въ томъ же 1654 году по смерти Исламъ-Гирея, при наслѣдникѣ его, поляки заключили съ Крымомъ дружественный. союзъ противъ московскаго государства и казаковъ, и на много лѣтъ послѣ того татарскія орды, подвластныя хану, воевали за поляковъ противъ казаковъ такъ же ревностно, какъ до того времени за казаковъ противъ поляковъ.

Что касается до отношеній непосредственно къ Турціи и къ ея монарху казацкаго гетмана послѣ подданства московскому государю, то они нѣсколько выясняются изъ султанской граматы, отправленной къ Богдану Хмельницкому въ сентябрѣ 1655 года. Она гласитъ такъ:

«Послы ваши, Романъ и Яковъ. принесли намъ поклонъ и отдали грамату, въ которой вы сообщаете, что Махметъ-Гирей-ханъ соединился съ ляхами—да, кромѣ того, съ венграми и съ разными людьми земли нашей—и воевалъ противъ васъ, нарушивъ свою присягу, и вы, видя вокругъ себя враговъ, принуждены были позвать къ себѣ Москву на помощь. Тѣмъ не менѣе, однако, вы прибѣгаете къ намъ и просите, чтобъ мы васъ подъ руку нашу и подъ оборону приняли, сообразно давнимъ писаніямъ вашимъ. Мы васъ, яко вѣрныхъ и доброжелательныхъ слугъ нашихъ, подъ оборону нашу беремъ и обѣщаемъ помогать вамъ противъ каждаго вашего непріятеля. Прежде визирь мой не отворялъ ко мнѣ дверей посламъ вашимъ, но теперь, уразумѣвши подлинно изъ граматы вашей, послали мы во всѣ земли наши, дабы всѣ о томъ знали и, никакой причины къ несогласію вамъ

не подавая. жили съ вами въ дружелюбіи и рукъ противъ васъ не поднимали. По всѣмъ землямъ моимъ я оповѣстилъ, что войско запорожское состоитъ подъ рукою моею, именуя васъ, паче всѣхъ другихъ, — вѣрными и доброжелательными слугами моими. Затѣмъ просимъ тебя, гетманъ Богданъ Хмельницкій, держи въ обузданіи войска свои, чтобъ ни моремъ, ни сухопутьемъ не входили въ государства наши и не осмѣливались опустошать ихъ, помня, что и мы всѣмъ землямъ нашимъ повелѣли жить съ вами въ дружбѣ. Особливо и о томъ приложите стараніе, чтобъ московскіе казаки въ государства наши моремъ не ходили и государствъ нашихъ не опустошали, и если бы кто близкій къ вамъ или далекій сталъ непріятелемъ и воевать противъ насъ захотѣлъ, — вы были бы готовы съ войскомъ идти на него. А мы тоже обѣщаемъ: кто бы только сталъ вамъ непріятелемъ и началъ противъ васъ воевать, — окажемъ вамъ помощь, какъ только вы намъ о томъ дадите знать. Для лучшей вѣры и вѣрности, вы потребовали отъ насъ присяги, — и присяга наша такова есть: напередъ свидѣтельствуемся тѣмъ, кто сотворилъ и землю, и небо, и насъ всѣхъ, подъ рукою котораго мы всѣ живемъ, — свидѣтельствуемся и всѣми пророками, которыхъ признаемъ какъ мы, такъ и вы. Пусть они станутъ на ономъ свѣтѣ свидѣтелями въ томъ, что я со всѣмъ государствомъ моимъ хочу соблюсти мою присягу. Вы также, гетманъ Богданъ Хмельницкій, со всѣмъ войскомъ запорожскимъ, присягу свою принесли намъ въ томъ, что будете намъ вѣрными и доброжелательными слугами какъ и мы присягу свою вамъ принесли, что будемъ васъ имѣть вѣрными и доброжелательными слугами своими; итакъ, вы о насъ вѣрьте, что мы васъ за вѣрныхъ слугъ своихъ имѣемъ, а мы вѣрить будемъ, что вы же-

лаете быть нашими вѣрными слугами. Какъ съ прежнимъ ханомъ, Исламъ-Гиреемъ, жили вы въ дружелюбіи, такъ и съ нынѣшнимъ ханомъ живите въ дружелюбіи, а также съ молдаванами, волохами, венграми — какъ съ нашими слугами — находитесь въ дружелюбіи. Мы же, помня, что вы оставались съ нами въ долголѣтней дружбѣ и о ней не забывали, при вашихъ, упомянутыхъ выше, послахъ, отправляемъ къ намъ посла нашего — Шагинь-агу, черезъ котораго, по нашему обычаю, посылаемъ къ вамъ шесть кафтановъ, которые примите благодушно и не забывайте насъ. Ибо какъ мы читаемъ тѣ четыре книги, Моисеемъ намъ данныя, на которыхъ и присягу нашу принесли, то ваше посольство нынѣ окончилось и, разъ присягнувши, надобно много лѣтъ жить въ дружескомъ согласіи».

Эта грамата, писанная слишкомъ чрезъ полтора года послѣ присяги Богдана Хмельницкаго на вѣрность московскому государю, показываетъ, что гетманъ передъ своимъ давнимъ сюзереномъ старался объяснить связь свою съ московскимъ государствомъ такъ, какъ-будто это былъ союзъ противъ поляковъ и притомъ возбужденный крайнимъ положеніемъ, вслѣдствіе несоблюденія присяги хана Махметъ-Гирея, ставшаго казакамъ изъ союзника непріятелемъ. Это была неправда: договоръ съ московскимъ государствомъ совершился еще при Исламъ-Гиреѣ и никакъ не потому, что крымскій ханъ сталъ казакамъ врагомъ, — напротивъ, это послѣднее событіе произошло именно вслѣдствіе соединенія казаковъ съ московскимъ государствомъ. Изъ султанской граматы видно также, что и при стамбульскомъ дворѣ существовало нѣкоторое время недовѣріе къ казацкому гетману: султанъ извѣщаетъ, что визирь не отворялъ дверей оттоманскаго

монарха посламъ казацкимъ, пока, наконецъ, присланныя гетманомъ объясненія и увѣренія не возстановили дружелюбныхъ отношеній султана къ казакамъ, и пока Богданъ Хмельницкій не возобновилъ прежняго своего обязательства, состоявшагося въ 1650 году.

Документы, изъ которыхъ мы почерпнули всѣ печатаемыя свѣдѣнія, въ московскомъ главномъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ составляютъ часть отдѣла польской коронной метрики и, заключаясь въ двухъ картонахъ, озаглавлены: «Сношенія Польши съ Малороссіею». Обнимая періодъ гетманства Богдана Хмельницкаго, Выговскаго, Юрія Хмельницкаго и Тетери, они прерываются на 1663 годѣ. Одна часть этихъ документовъ, болѣе ранняя, попала въ руки поляковъ во время берестечской побѣды надъ казаками, когда побѣдителямъ досталась шкатулка Хмельницкаго съ бумагами, — другая часть была завезена въ Польшу Тетерею, который, какъ извѣстно, увезъ съ собою скарбы Хмельницкаго и клейноты войска запорожскаго, къ числу которыхъ присоединялись и письменные документы. Говорятъ, что въ московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ никто не помнитъ, чтобъ кто-нибудь изъ русскихъ или польскихъ историковъ пользовался именно этими документами. Бо̀льшая часть ихъ нигдѣ не была напечатана, и мало такихъ, которыхъ содержаніе по другимъ спискамъ было извѣстно занимавшимся исторіею Малороссіи. Историческое значеніе личности Богдана должно представиться въ иномъ свѣтѣ. Его преемники — Бруховецкіе, Дорошенки, Орлики и другіе, со второстепеннымъ значеніемъ, преслѣдуя идею самобытности Украйны подъ верховною властью Оттоманской Порты, не дѣйствовали въ-разрѣзъ съ политикою Богдана Хмельницкаго, — напротивъ, думали только слѣдовать по

указанному имъ кривому пути, а Юрій Хмельницкій, пожалованный отъ султана званіемъ князя Малороссійской Украйны, былъ не «сынъ, недостойный славнаго родителя», но вполнѣ былъ его достоинъ, какъ и Богданъ оставилъ для Малороссіи достойнаго себя сына.

О КАЗАКАХЪ.

О КАЗАКАХЪ.

(По поводу статьи П. А. Кулиша, напечатанной въ 3-й и 6-й тетрадахъ «Русскаго Архива», изд. 1877 года).

Въ первыхъ годахъ текущаго царствованія въ умственной жизни русскаго общества совершились большія перемѣны. Между прочимъ, тогда намъ надоѣла давно усвоенная въ Россіи и на всѣ лады расхваленная система устраивать все подъ одинъ уровень, изглаживающій всякія частныя особенности; намъ, напротивъ, захотѣлось жизни самобытной. Начали у насъ и словесно и печатно прославлять децентрализацію; создавался въ нашихъ головахъ такой идеалъ общественнаго бытія, чтобы, съ сохраненіемъ единства и неразрывности государственнаго цѣлаго, части его имѣли бы всѣми признаваемое право на своеобразную физіономію, сообразно историческимъ, этнографическимъ и экономическимъ условіямъ. Тогда южно-русскій или малорусскій край представилъ для такихъ стремленій наиболѣе подходящія условія: здѣсь народъ, съ своимъ особымъ славянскимъ нарѣчіемъ, съ своею народною поэзіею и съ своеобразными пріемами домашняго и семейнаго быта; здѣсь и прошедшее историческое съ Гетманщиною и съ Запорожскою Сѣчью; здѣсь и экономическія особенности, вытекающія изъ свойствъ почвы и климата. Неудивительно, что, при та-

кихъ условіяхъ, возникло у малоруссовъ стремленіе выказать свою дѣятельность въ собственныхъ, отъ многаго другаго отличныхъ, пріемахъ; отсюда попытки собирать памятники народнаго пѣсеннаго творчества, изучать мѣстную исторію и современный бытъ народа, наконецъ, поднять уровень народнаго образованія и дать мѣстной рѣчи края права гражданства въ литературной семьѣ. Все это въ описываемый нами періодъ не было новинкою; начало всему положено было уже прежде. Теперь, послѣ наступившаго на всей Руси пробужденія, опять раздался умолкнувшій было голосъ прежнихъ дѣятелей малорусской умственной жизни; защебетали и молодые птенцы вслѣдъ за старыми птицами.

Тогда, въ числѣ умственныхъ дѣятелей между малоруссами, видное и почетное мѣсто занималъ Пантелеймонъ Александровичъ Кулишъ, какъ мѣстный малорусскій историкъ, мыслитель, этнографъ, беллетристъ. Онъ пользовался по достоинству уваженіемъ не только въ средѣ земляковъ, но и во всей читающей русской публикѣ.

Цвѣтущая пора малорусской умственной дѣятельности не дотянула даже десятилѣтія. Сперва она встрѣчала вездѣ только сочувствіе, но съ 1863 г. стали возникать на ея счетъ подозрѣнія и недовѣріе. Стали замѣчать или, правильнѣе сказать, выдумывать соотношенія между польскими (дѣйствительно враждебными къ Россіи) тенденціями и занятіями малоруссовъ своею исторіею и этнографіею. Такіе толки, пущенные сначала въ самой Малороссіи злонамѣренными людьми, нашли себѣ отголосокъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и въ другихъ московскихъ повременныхъ органахъ, а черезъ ихъ вліяніе стали усвоиваться многими и расширились до того, что всякій научный и литературный трудъ, касавшійся малорусскаго

народа, сталъ навлекать на пишущихъ подозрѣніе въ неблагонамѣренности. Въ сущности дѣла, это показывало только скудность свѣдѣній о русскомъ народѣ въ образованномъ классѣ, который могъ легко всему повѣрить, что подставляли ему за правду газеты. За невозможностью никакъ пришпилить дѣятельность малоруссовъ къ польскимъ замысламъ, чего сначала хотѣлось, стали догадываться—не имѣетъ ли такая дѣятельность сродства и связи съ вредными соціальными ученіями, бродившими въ хаотическомъ видѣ между незрѣлою молодежью? Тогда подвергался подозрѣніямъ и П. А. Кулишъ: его считали фанатикомъ Малороссіи, поклонникомъ казаччины, имя его неотцѣпно прилипало къ такъ называемому украинофильству. И правду сказать, если обвиненія, какія дѣлались противъ Кулиша и украинофиловъ, были вполнѣ нелѣпы и ни г. Кулишъ, ни другіе не имѣли такихъ тенденцій, въ какихъ ихъ подозрѣвали,—за то едва ли кто болѣе г. Кулиша подавалъ повода къ несправедливымъ противъ себя подозрѣніямъ. По своему увлекающемуся характеру, П. А. Кулишъ менѣе всякаго другаго былъ способенъ къ увертливому благоразумію; его сужденія и отзывы отличались перехватомъ черезъ край, какъ бываетъ съ людьми, которые и любить и ненавидѣть могутъ только всецѣло и притомъ одарены чрезмѣрнымъ самолюбіемъ.

Но вотъ П. А. Кулишъ, удалившись отъ печатной дѣятельности, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, занялся съ большимъ вниманіемъ изученіемъ исторіи своего края и увидалъ, что прежде многое представлялось ему въ болѣе расцвѣченномъ видѣ, въ болѣе плѣнительныхъ, свѣтлыхъ образахъ, чѣмъ бы слѣдовало сообразно со строгою историческою истиною. Г. Кулишъ захотѣлъ быть трезвѣе, относиться строже къ своимъ ученымъ

симпатіямъ и глубже вдуматься во всѣ изгибы прошедшей жизни. Это желаніе г. Кулиша видно изъ собственныхъ его отзывовъ въ послѣднихъ его сочиненіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ видно изъ духа, какимъ проникнуты его сочиненія, явившіяся послѣ десятилѣтняго молчанія въ литературѣ. Г. Кулишъ совершенно измѣнилъ свои воззрѣнія на все малорусское, и протекшее и современное. Можно ли обвинять его за это одно, какъ нѣкоторые думаютъ? Конечно, нѣтъ. Измѣнять свои убѣжденія не только не предосудительно, но похвально, если такое измѣненіе совершается изъ любви къ истинѣ.

Но, видно, справедлива старая поговорка: гони природу въ дверь, она войдетъ въ окно. Г. Кулишъ могъ измѣнить свои взгляды на прошедшее и настоящее Малороссіи, а своей природы измѣнить не могъ. Въ произведеніяхъ съ направленіемъ, діаметрально противоположнымъ прежнему, онъ остался тѣмъ же г. Кулишемъ, какимъ являлся за нѣсколько лѣтъ, когда навлекалъ на себя упреки въ излишнемъ пристрастіи къ казачеству. Прежде онъ былъ фанатикомъ уваженія къ малорусской старинѣ, теперь сталъ фанатикомъ безпристрастія. И результатомъ этого вышло, что у г. Кулиша, въ послѣднихъ его произведеніяхъ, много стремленій къ безпристрастію а безпристрастія нѣтъ ни на волосъ.

Послѣ своего перерожденія П. А. Кулишъ явился съ тремя томами «Исторіи возсоединенія Руси», а въ двухъ тетрадяхъ «Русскаго Архива» за прошедшій 1877 годъ (№№ 3 и 6) напечаталъ статью: «Казаки въ отношеніи къ государству и обществу»—статью, которая, заключая въ болѣе сжатомъ объемѣ тѣ же воззрѣнія на казачество, какія въ подробности развиваются въ двухъ послѣднихъ томахъ его исторіи, такъ какъ въ первомъ томѣ онъ по крайней мѣрѣ остается на половину прежнимъ Кулишомъ

и надобно сказать по истинѣ, что его первый томъ составляетъ такое превосходное сочиненіе объ исторіи южнорусскаго края, съ которымъ, какъ по таланту автора, такъ и по способу обработки и по вѣрности взглядовъ, едва ли какое другое можетъ соперничать. Но въ остальныхъ томахъ почтенный авторъ почти вездѣ проявляетъ какой-то странный духъ гордыни и самомнѣнія, съ хвастовствомъ выставляетъ себя на-показъ, съ презрѣніемъ топчетъ въ грязь предшествовавшихъ ему тружениковъ по обработкѣ малороссійской исторіи и, по мѣткому замѣчанію одного изъ нашихъ литераторовъ, сдѣланному по прочтеніи его книги, напоминаетъ собою евангельскаго фарисея, благодарившаго Бога за то, что онъ не таковъ, какъ прочіи человѣцы. Статья, напечатанная въ «Русскомъ Архивѣ» подъ названіемъ: «Казаки въ отношеніи къ государству и обществу», можетъ назваться катехизисомъ ученія, преобразившагося Кулиша, и мы считаемъ долгомъ обратить вниманіе на эту статью и попытаться представить нѣсколько нашихъ замѣчаній по поводу вопросовъ, которыхъ она касается.

Цѣль г. Кулиша — убѣдить своихъ читателей, что казаки были не болѣе, какъ разбойники, притомъ самые отвратительные по своей безнравственности и по своимъ злодѣяніямъ, вовсе недостойные той идеализаціи, съ какою относились къ нимъ нѣкоторые писатели (а самъ г. Кулишъ — паче всѣхъ), а, напротивъ, достойные всяческаго порицанія и презрѣнія.

Дѣйствительно, всякое неумѣренное восхваленіе, всякое поклоненіе передъ историческимъ явленіемъ прошедшей жизни заключаетъ въ себѣ всегда неправду, но то же самое заключаетъ въ себѣ и безусловное порицаніе и ругательство. Самая статья г. Кулиша написана не спокойнымъ тономъ историческаго изслѣдователя давно ми-

нувшихъ временъ, когда горячиться неумѣстно уже потому, что люди, о которыхъ идетъ рѣчь, давно не существуютъ; г. Кулишъ является задорнымъ, горячимъ обвинителемъ на судѣ, со всѣхъ силъ старающимся о томъ, чтобъ обвиняемые были осуждены; поэтому, возражая г. Кулишу, невольно принимаешь роль защитника на судѣ, а не излагателя мнѣнія о такомъ предметѣ, котораго значеніе для насъ уже безразлично кромѣ научной правды.

Что̀ собственно вытекаетъ изъ доводовъ и многочисленныхъ примѣровъ, приводимыхъ въ статьѣ г. Кулиша? Только то, что въ казачествѣ были темныя стороны, что у казаковъ были пороки. Неужели кто нибудь прежде въ этомъ сомнѣвался, и неужели П. А. Кулишъ открылъ здѣсь для насъ какую то Америку? Во всѣхъ явленіяхъ жизни человѣческихъ обществъ бывали, есть и будутъ свѣтлыя и темныя стороны, добродѣтели и пороки. Казаки были люди — и у нихъ было то же. Да и не было до того умышленно скрываемо то, на что г. Кулишъ теперь указываетъ, какъ на порочное и худое. Г. Кулишъ приводитъ въ подтвержденіе слова пѣсенъ изъ печатныхъ пѣсенныхъ сборниковъ. Но вѣдь эти пѣсни были извѣстны той публикѣ, которая интересуется такого рода литературою. Собиратели (въ числѣ ихъ немаловажное мѣсто занималъ П. А. Кулишъ) не прятали словъ изъ пѣсенъ, не замѣняли ихъ мѣста другими, болѣе благопріятными для казаковъ. То же сказать слѣдуетъ и объ историческихъ матеріалахъ и объ историческихъ изслѣдованіяхъ: то, чѣмъ можетъ г. Кулишъ очернить казаковъ, представляя напоказъ ихъ порочныя свойства, почерпается имъ изъ тѣхъ матеріаловъ, которые большею частію напечатаны, и едва ли въ правѣ будетъ г. Кулишъ гордиться тѣмъ, что онъ первый указалъ на темныя сто-

роны казачества, и другіе, прежде него писавшіе, не скрывали этихъ темныхъ сторонъ, только давали имъ надлежащее положеніе, не выдвигая впередъ затѣмъ, чтобъ казалось, будто у казаковъ, кромѣ дурнаго, ничего уже хорошаго отыскать нельзя. Вообще, говоря о томъ, что прошло и былью поросло, не слѣдуетъ ставить вопросовъ о хорошемъ и дурномъ съ нашей точки зрѣнія, но имѣть въ виду: какъ прежнія времена смотрѣли на совершившіеся факты и что считали хорошимъ и дурнымъ по тогдашнимъ понятіямъ? Если бы г. Кулишъ держался этого правила, обязательнаго для всякаго историка, то его статья, съ которою онъ явился въ «Русскомъ Архивѣ», не походила бы на обвинительную рѣчь прокурора передъ судомъ.

Г. Кулишъ начинаетъ съ того, что силится сказать (не выразимся: доказать, потому что г. Кулишу нечѣмъ этого доказать), что казаки — народъ чужой въ Украинѣ: авторъ производитъ ихъ отъ черкесовъ. Названіе — Черкасы на Днѣпрѣ, Черкасскъ на Дону, имя черкасъ, которымъ долгое время въ Московскомъ государствѣ звали вообще малороссіянъ, — все приводится въ доводъ происхожденія казаковъ отъ черкесовъ. Старыя погудки на новый ладъ! Это мы слышали уже очень давно, лѣтъ назадъ тому сорокъ, слышали съ каѳедры, изъ устъ плохихъ професоровъ. Затѣмъ указываются признаки, подмѣченные авторомъ у жителей Чигиринщины и Черкасчины: черный цвѣтъ одежды, черные волосы, горбатые носы, продолговатыя лица, небольшія головы на широкихъ плечахъ и проч. Все это намъ давно знакомо, все это приводилось для той же цѣли и такъ же бездоказательно, какъ и теперь приводится г. Кулишемъ. Никто не показалъ намъ: когда же эти черкесы пришли и поселились въ Украйнѣ; указывали на берендѣевъ, торковъ,

половцевъ, но какія доказательства, чтобъ эти народы были черкесы, и какіе историческіе слѣды, чтобъ остатки этихъ народовъ, нѣкогда временно проживавшіе въ Украйнѣ, удержались надолго до такой степени, чтобы повліять на строй тѣла всего народонаселенія? Притомъ признаки, замѣченные въ Чигиринщинѣ и Черкасчинѣ, не чужды народонаселенію и другихъ краевъ южной Руси. Самъ г. Кулишъ очень хорошо знаетъ, что если казачество сформировалось въ Черкасчинѣ и Чигиринщинѣ, то далеко не ограничилось этими полосами Поднѣпровья, а охватило собою несравненно большее пространство. Неужели все это пространство, въ свое время населенное казаками, слѣдуетъ считать по народонаселенію черкесскимъ краемъ? Типы черкесскіе, персидскіе, греческіе, случайно мы встрѣчали въ средѣ малорусскаго населенія; но это одно не можетъ подавать повода къ какимъ нибудь смѣлымъ предположеніямъ, безъ всякихъ фактическихъ доводовъ. Хотя ничего не бываетъ безъ причинъ, но едва ли кто въ состояніи уловить причины такихъ сходствъ, которыя можно найти во всѣхъ европейскихъ странахъ. Впрочемъ, происхожденіе не можетъ служить пунктомъ для обвиненія вовсе, а г. Кулишъ задался именно обвиненіями противъ казачества.

«Казакъ, — говоритъ авторъ, — былъ бездомнымъ промышленниковъ и добычникомъ. Хотя и были у казаковъ хаты въ такихъ мѣстностяхъ, какъ Черкасчина и Чигиринщина, но, по словамъ кобзарской думы, казацкую хату можно было отличить среди десяти не казацкихъ: «она соломой не покрыта, приспою не обсыпана, на дворѣ дровъ ни полѣна, сидитъ въ ней казацкая жена — околѣла!» Такъ и казацкая жена была замѣтна среди ея сосѣдокъ: «она всю зиму босая ходитъ, горшкомъ воду носитъ, дѣтей поитъ изъ половника». Казакъ уподоблялся

птицѣ, кладущей яйца въ чужія гнѣзда или зарывающей въ песокъ. Его нравственность уже опредѣлялась его бытомъ. При его бездомовности и нерадѣньи о семьѣ, мнѣніе свѣта для него не существовало. Куда захочетъ, туда и скачетъ, никто за нимъ не заплачетъ —говорится въ извѣстной надписи подъ изображеніемъ запорожца. Казакъ вообще отвергалъ семейное начало и выразилъ это тѣмъ, что даже въ пѣсняхъ называлъ своею матерью Запорожскую Сѣчь, а батькомъ — великій лугъ. Что касается до женщины, подруги жизни, то входу ей не было въ казачье кочевье на Низу ни подъ какимъ видомъ». («Рус. Арх.», № 3. стр. 353).

На какомъ основаніи авторъ считаетъ приведенную имъ изъ думы картину какъ бы типическимъ изображеніемъ казацкаго быта во всѣхъ краяхъ казацкой земли и притомъ общимъ казацкому обществу во всѣ времена? Отчего именно эту думу относить ко всѣмъ казакамъ вообще? не скорѣе ли въ этой думѣ усматривать можно изображеніе казацкой бѣдности, и если она могла служить типомъ быта большинства казаковъ, то развѣ въ такія невзгоды, когда край постигали общественныя бѣдствія, напримѣръ, татарскіе набѣги, разорительныя войны, выводившія множество казаковъ изъ своихъ домовъ на продолжительное время, неурожаи и послѣдующій за ними голодъ! Въ такія печальныя эпохи дѣйствительно можно было встрѣтить описываемую въ этой думѣ казацкую хату съ осиротѣлою и обнищавшею хозяйкою. Малороссія нерѣдко подвергалась бѣдствіямъ, и потому не рѣдки были въ ней такія явленія: ихъ-то изображаетъ дума. Но черезчуръ произвольно и несправедливо, не принимая во вниманіе указанныхъ историческихъ явленій, брать ее за доказательство бездомовности, нерадѣнія и отверженія семейнаго начала въ цѣлой массѣ казацкаго

сословія. Слова: «куда захочетъ, туда и скачетъ, никто за нимъ не заплачетъ» не должны быть примѣняемы только къ такимъ, что отвергаютъ семейное начало. Это удобно произнести о всякомъ молодцѣ, несвязанномъ семейными узами, но вовсе не отвергающемъ въ принципѣ семейнаго начала. Приведенныя г. Кулишемъ слова находятся въ надписи подъ изображеніемъ запорожца, слѣдовательно, тамъ — откуда добылъ ихъ авторъ, они положительно говорятъ о запорожцѣ, хотя могутъ быть отнесены и не къ запорожцу. О самыхъ запорожцахъ составилось понятіе преувеличенное, будто бы они пренебрегали бракомъ и допускали къ себѣ только безсемейныхъ. Запорожское общество дѣйствительно наполнялось холостыми, но молодцы, повоевавши нѣсколько времени на сушѣ и на морѣ, уходили въ города, обзаводились семьями, вписывались въ городовые казаки и были домовитыми хозяевами. Впрочемъ, не существовало правила, чтобъ запорожское товариство состояло только изъ холостыхъ: бывали и женатые, отцы семействъ: запорожцы ими не брезговали; намъ, да, безъ сомнѣнія, и самому г. Кулишу, извѣстно, что знаменитый Сирко, этотъ Ахиллесъ Запорожья, имѣлъ жену, двухъ сыновей и двухъ дочерей, только семья его не жила въ Сѣчи: тамъ, точно, не допускали женщинъ, такъ какъ, по понятіямъ вѣка, это запрещалось, потому что Сѣчь была военнымъ укрѣпленіемъ, всегда готовымъ къ защитѣ противъ непріятельскаго нападенія. Это не служитъ доказательствомъ какого нибудь отверженія семейнаго начала. У насъ во время военныхъ походовъ не дозволяется въ лагеряхъ и на военномъ кораблѣ пребывать женщинамъ, однако никто не скажетъ на такомъ основаніи, чтобы наши сухопутные воины и моряки отвергали семейное начало. Равнымъ образомъ, не могутъ доказывать тоже отверженіе семейнаго начала у каза-

ковъ выраженія, что для казака (запорожца) Запорожская Сѣчь была мать, а великій лугъ батько. И нашъ теперешній солдатъ назоветъ Россію матушкой, а изъ этого едва ли кто станетъ выводить, что нашъ солдатъ не хочетъ знать родной матери и не уважаетъ никакихъ семейныхъ и родственныхъ узъ. Равнымъ образомъ, не можетъ г. Кулишъ подтвердить своего взгляда и приведеніемъ изъ пѣсенъ и думъ такихъ мѣстъ, гдѣ показывается неуваженіе къ женщинѣ, въ родѣ, напримѣръ: «послушайте, паны-молодцы, какъ женское проклятіе ничтожно: жена проклинаетъ — это все равно, что вѣтеръ шумитъ мимо сухаго дерева, а женскія глупыя слезы текутъ какъ вода» («Рус. Арх.», ibid.). Въ народныхъ пѣсняхъ всѣхъ племенъ и народовъ найдется достаточно такихъ пѣсенъ, гдѣ презрительно отзываются о женщинѣ. Ихъ можно считать чертами варварскаго вѣка, когда выше всего цѣнилась тѣлесная сила и потому проскакивало презрѣніе къ той половинѣ человѣческаго рода, которая не отличалась этимъ достоинствомъ. Въ среднихъ вѣкахъ было обиліе такихъ сатирическихъ пѣснопѣній о женщинахъ, а между тѣмъ они складывались въ тѣ времена, когда рыцарь преклонялъ колѣна предъ дамой своего сердца, когда Тоггенбургъ обрекалъ себя на созерцаніе стѣнъ и оконъ монастыря, въ которомъ укрылась красавица, плѣнившая его сердце. Развѣ изъ такихъ пѣснопѣній слѣдуетъ заключить объ отверженіи семейнаго начала? а перешедшая къ намъ изъ Византіи притча о женской злобѣ — развѣ не хуже еще рисуетъ женскія слабости и пороки? Можно видѣть въ ней вліяніе монашескаго взгляда, но никакъ не всеобщее отверженіе семейнаго начала, тѣмъ болѣе когда и самое монашество, предписывая безбрачіе тому, кто «вмѣстити можетъ», въ принципѣ не отвергало однако ни брака,

ни семьи. Наконецъ, и то мало помогаетъ г. Кулишу, что «въ Кіевѣ казаки — по словамъ документа 1499 г. — дѣлали непочестныя рѣчи съ бѣлыми головами» (ibid.). Мало-ли и теперь дѣлаютъ непочестныхъ рѣчей военные люди, — нельзя ихъ оправдывать, но нельзя также по поступкамъ единичнымъ дѣлать заключеніе о всемъ военномъ сословіи вообще.

Отвергая семейное начало, — говоритъ г. Кулишъ, — казакъ отвергалъ и начало общественное (ibid.). Вслѣдъ за тѣмъ авторъ распространяется о казацкихъ возстаніяхъ противъ Польши и о совершавшихся казаками жестокостяхъ и грабежахъ. Конечно, по поводу каждаго факта, взятаго отдѣльно, можно разбирать, насколько совершавшіе его были справедливы или несправедливы, но нельзя по такимъ фактамъ дѣлать обобщеній, особенно въ такомъ вопросѣ, какъ заклятая вражда, существовавшая между Польшею и казаками. Г. Кулишъ воленъ имѣть сочувствіе къ той или другой сторонѣ, но не можетъ отрицать, что казаки считали поляковъ своими врагами и потому обращались съ ними такъ, какъ по духу вѣка слѣдовало или какъ было дозволительно; нельзя въ этомъ видѣть отверженіе ими общественнаго начала. Иначе придется смотрѣть такимъ же образомъ на всякое возстаніе народной массы противъ существующей власти. Съ точки зрѣнія власти, которая борется съ возставшими, оно, конечно, такъ будетъ; но историкъ такъ судить не можетъ. Съ точки зрѣнія турецкихъ властей, возставшіе противъ Турціи сербы, герцеговинцы, болгары — не болѣе какъ нарушители порядка, отвергающіе общественное начало; однако не всѣ другіе признаютъ ихъ такими, когда Россія изъ-за нихъ вступила въ войну съ Турціею. Понятно, когда точка зрѣнія власти, находящейся во враждѣ съ своими возставшими подданными, не всегда усваивается,

даже въ самое время возстаній, другими властями, то какъ же не быть осторожнымъ историку въ сужденіяхъ о возстаніяхъ прошедшихъ временъ? Но г. Кулишъ указываетъ на то, что казаки также бунтовали противъ русской власти, и очень негодуетъ на одного историка, который сказалъ, что «имя царя было священнымъ для самой крайней вольницы». Въ опроверженіе такого мнѣнія, г. Кулишъ указываетъ на Выговскаго, Юрію Хмельницкаго, Дорошенко, Мазепу. А что же, спросимъ мы г. Кулиша: пошла развѣ масса казачества за этими господами, когда они являлись противниками и врагами царя? Да и сами эти господа, отступившіе отъ Россіи, и всѣ, что къ нимъ приставали, руководились въ своихъ поступкахъ болѣе всего опасеніемъ, чтобъ ихъ край съ народомъ, обитающимъ въ этомъ краѣ, не былъ уступленъ и отданъ полякамъ: тутъ дѣйствовала не столько досада на Московское государство и нежеланіе быть съ нимъ въ единствѣ, сколько старая закоренѣлая вражда къ ляхамъ. Въ итогѣ, однако, всѣ попытки возмутить Малороссію противъ царской власти оставались всегда безуспѣшны, а это происходило оттого единственно, что казаки массою не приставали къ измѣнническимъ замысламъ. Это все очень хорошо извѣстно г. Кулишу, и онъ, положа руку на сердце, долженъ сознаться, что исторія говоритъ больше въ пользу того непріятнаго г. Кулишу историка, который сказалъ, что имя царя было священнымъ для самой крайней вольницы, чѣмъ въ пользу г. Кулиша, указывающаго на примѣры такихъ измѣнническихъ начинаній, за которыми не пошла казацкая масса.

Г. Кулишъ обвиняетъ казаковъ за то, что «казакъ жилъ добычею и для добычи. Добыча и слава на языкѣ у него были неразлучны и воспѣты въ казацкихъ пѣс-

няхъ какъ одинаково нравственныя» (№ 3, стр. 354). Въ другомъ мѣстѣ своей статьи («Рус. Арх.», № 6, стр. 114), говоря объ отличіи великорусскихъ казацкихъ пѣсенъ, авторъ замѣчаетъ, что «пѣсни эти не смѣшиваютъ нравственнаго понятія славы съ безнравственнымъ понятіемъ добычи, какъ это дѣлается въ нашихъ (малорусскихъ) казацкихъ пѣсняхъ безпрестанно».

Отчего это г. Кулишу понятіе о славѣ кажется нравственнымъ, а понятіе о добычѣ безнравственнымъ? Развѣ потому, что громкое слово: слава болѣе пригодно для краснорѣчія, чѣмъ слово добыча? Но какъ бы то ни было, нельзя ставить въ вину казакамъ и признавать за ними какъ бы исключительно имъ однимъ принадлежащій порокъ — склонность къ пріобрѣтенію добычи: это свойство всѣхъ военныхъ людей во всѣ времена и во всѣхъ странахъ, начиная отъ полудикихъ шаекъ до армій цивилизованныхъ народовъ. Развѣ въ наше время на войнахъ не берутъ у непріятелей добычи, и развѣ не поставляютъ себѣ въ особую доблесть отнятіе добычи? когда разгромятъ непріятельскій лагерь или возьмутъ приступомъ крѣпость, развѣ не забираютъ себѣ всѣ непріятельскіе боевые и съѣстные запасы? а когда окончательно побѣждаютъ враждебную державу, развѣ не налагаютъ на побѣжденную контрибуціи? Что это, въ сущности, какъ не та же добыча, которая такъ не нравится г. Кулишу въ рукахъ казаковъ? Только въ формахъ собранія и въ способахъ разница, а суть все та же!

Г. Кулишъ признаетъ казаковъ элементомъ безусловно вреднымъ для государства и вооружается противъ тѣхъ историческихъ писателей, которые признавали казаковъ вообще — народомъ, въ противоположность классамъ высшимъ, отрѣзавшимся отъ народа. Но гдѣ же правду

спрятать, когда такъ было на самомъ дѣлѣ? Въ южной Руси высшіе классы ополячились и окатоличились, и отклонившись отъ русскаго народа, стали его притѣснять. Народъ, теряя терпѣніе, возставалъ, и число казаковъ внезапно увеличивалось, потому что возставшіе противъ пановъ назывались казаками: во всемъ южнорусскомъ народѣ возникло стремленіе оказачиться, то есть сдѣлаться свободнымъ; свобода понималась не иначе, какъ въ видѣ казачества. Низваніе казакъ, по народному понятію, значило вольный человѣкъ. Нѣсколько повторенныхъ одно за другимъ народныхъ возстаній были усмирены, но потомъ разразилась эпоха Хмельницкаго, поднялся весь народъ разомъ и обратился въ казаковъ. Но когда возстаніе улеглось и водворяться сталъ общественный порядокъ, явилось стремленіе образовать изъ казаковъ особое, въ извѣстномъ смыслѣ привиллегированное сословіе, а простонародье продолжало питать желаніе обратиться всѣмъ въ казаки. Вотъ суть всей общественной исторіи Малороссіи. Казаки въ юридическомъ смыслѣ означали сословіе военное, владѣвшее землями, свободное отъ податей и повинностей, падавшихъ на прочихъ — не казаковъ а мужиковъ или посполитыхъ; но въ смыслѣ народнаго воззрѣнія слово казакъ значило свободнаго человѣка, какимъ хотѣлось быть всякому. Казаки, какъ сословіе, было однако не малочисленнымъ и всегда играло роль орудія, двигавшаго механизмомъ политическихъ интересовъ страны. Оттого Малороссія считалась и называлась казацкою землею, а ея народъ — казацкимъ народомъ. Поэтому нельзя обвинять тѣхъ, которые признавали казаковъ за народъ въ противоположность высшимъ классамъ, потерявшимъ и народность, и живую связь духовную съ простонародною массою.

Впрочемъ, П. А. Кулишъ до того увлекается, что самъ

себѣ противорѣчитъ. То онъ изображаетъ казаковъ врагами монархической власти — какъ и всякой власти вообще («Рус. Арх.», № 3-й, стр. 335—357); то сознается, что низшая среда казачества взирала на царя по-простонародному, какъ на олицетвореніе правды (стр. 357, ibid.). Но вѣдь низшая среда и составляла большинство, и оттого-то, что эта среда уважала царя, трудно было произвести возмущеніе, и попытки многихъ произвести отложеніе Малороссіи отъ Россіи оказывались рѣшительно неудачными.

Касаясь возстаній казацкихъ противъ ополяченныхъ пановъ южной Руси, г. Кулишъ беретъ панство и шляхетство подъ свою защиту и хочетъ увѣрить насъ, что господство пановъ надъ украинскимъ простонародьемъ было великое благодѣяніе для края въ культурномъ отношеніи:

«Спокойно возвратилъ (Петръ Великій) мономаховщину олатиненнымъ Руссамъ, которые со временъ Тарновскихъ и Остророговъ отдавали, подобно ему самому, лучшія силы свои на отбой азіатской дичи отъ Русской земли, и не ошибся въ своемъ, не по нашему сдѣланномъ дѣлѣ. Начались новые подвиги культуры съ новою колонизаціей края. Полудикихъ его охранителей (казаковъ), не умѣвшихъ даже пороховыхъ роговъ замѣнить лядунками. смѣнили теперь такіе охранители, которые заботились не о своей добычѣ, а о томъ, чтобы плодоносная украинская почва, источникъ добычи благородной, не оставалась порожнею залежью. Спустя два-три десятка лѣтъ послѣ Петра, устроенныя въ этомъ краѣ имѣнія стали приносить доходы, изумлявшіе самихъ владѣльцевъ; совершиться это хозяйственное чудо могло только при отсутствіи казаковъ, ради оправданія которыхъ мы представляемъ польскихъ пановъ или окатоличенныхъ

руссовъ землевладѣльцами-тиранами. Это одна изъ нашихъ литературныхъ маній, внушенныхъ дешевою гуманностью, безъ пособія всесторонняго изученія предмета. На памяти живыхъ еще въ мое время людей, крестьянскія повинности въ западной Украинѣ были такъ незначительны, что эти люди увѣряли меня, будто панщины въ Украинѣ не было вовсе, и показанія ихъ совпадаютъ съ польскими извѣстіями объ украинскомъ хозяйствѣ въ эпоху Екатерины II. Что говоритъ казакъ самовидецъ о положеніи крестьянъ передъ хмельнищиною, то самое можно сказать о нихъ въ эпоху, предшествовавшую колiивщинѣ: «во всемъ жили обфито, въ збожахъ, бидлахъ, пасѣкахъ» (стр. 365, ibid.)

Но отчего же вспыхнула страшная колiивщина, возмутившая благосостояніе такого элизіума? Г. Кулишъ приписываетъ всю бѣду казакамъ-запорожцамъ: они-то, воротившись изъ Татарщины, куда загналъ ихъ Петръ Великій, «различными путями привели этотъ вновь расцвѣтшій край къ новой катастрофѣ». Къ нимъ, казакамъ-запорожцамъ, явившимся въ западной Украинѣ, однако, какъ всѣмъ извѣстно, пристала масса народная. Г. Кулишъ объясняетъ это такъ: пристала тогда къ казакамъ-возмутителямъ собственно не вся народная масса, а «вся пьяная голь, все глупое, лѣнивое и безнравственное въ западной Украинѣ было поднято на ноги, во имя вѣры и свободы противъ колонизаторовъ опустошенной ихъ предками страны» (ibid.).

Можно подумать, что такой способъ воззрѣнія заимствовалъ Панталеймонъ Александровичъ Кулишъ у какого-нибудь поляка-рабовладѣльца, а взгляды этихъ господъ совершенно совпадаютъ со взглядами нашихъ русскихъ баръ-крѣпостниковъ, когда вопросъ касается возстанія крестьянъ противъ владѣльцевъ. Виноваты у

нихъ одни мужики: пьяницы, лѣнтяи, работать не хотятъ, а господа ихъ — черезчуръ мягки, милостивы: вотъ мужики зазнаются и своевольствуютъ! Такой односторонній взглядъ вполнѣ свойственъ господамъ-крѣпостникамъ, но едва ли умѣстенъ для историка, который долженъ взвѣшивать безпристрастно все, что можно сказать въ ту или другую сторону. Притомъ г. Кулишъ сообщаетъ намъ положительную невѣрность, будто показанія, слышанныя имъ о благополучномъ состояніи крестьянъ подъ польскимъ владычествомъ, совпадаютъ съ польскими извѣстіями времени Екатерины II. Пусть развернетъ г. Кулишъ книгу г. Сташица «Przestrogi dla Polski», изданную въ 1790 г.; тамъ найдетъ онъ совсѣмъ не такое описаніе польскихъ крестьянъ того времени, а между тѣмъ Сташицъ былъ человѣкъ вполнѣ уважаемый своими соотечественниками. Да и кромѣ того, можно найти не мало въ современныхъ свидѣтельствахъ такихъ чертъ, которыя никакъ не соотвѣтствуютъ тому блаженному состоянію рабовъ, какое намъ рисуетъ г. Кулишъ. Также мало подтверждаетъ взглядъ г. Кулиша на благотворное для южнорусскаго народа господство пановъ приведенная имъ пословица (№ 3, стр. 364), «регулирующая», по словамъ автора, «нашу исторіографію»: «пока шлялись по Украинѣ казаки съ пороховыми рогами — лежали широкія поля невспаханными, а когда явились на Украинѣ паны съ лядунками, — у мужиковъ на полкахъ явились пироги». Въ противовѣсъ такой благопріятной панству пословицѣ (быть можетъ, въ панскихъ дворахъ и сложенной), укажемъ на народную пѣсню, которая была уже приведена въ нашемъ сочиненіи: «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой», на стр. 868-й. Г. Кулишъ не станетъ оспаривать подлинности этой пѣсни, такъ какъ кромѣ варіанта, нами записаннаго на Волыни, другой

видѣли мы въ рукописномъ сборникѣ пѣсенъ П. А. Кулиша. Такими же глазами смотритъ авторъ и на эпоху Хмельницкаго. «Простонародье украинское, — говоритъ онъ, — вошло въ свои естественные берега, понятые казацкимъ разливомъ при Хмельницкомъ, къ ужасу и ко вреду всѣхъ порядочныхъ людей» (ibid., стр. 367). Такъ смотрѣли на эпоху Хмельницкаго поляки, и г. Кулишъ послѣдуетъ имъ въ своихъ сужденіяхъ, хотя ссылается на свидѣтельство не поляковъ, а на лѣтопись Самовидца, писанную малороссомъ и притомъ казакомъ. Дѣйствительно, въ лѣтописи Самовидца встрѣчается изображеніе подробностей возстанія, представляющее непривлекательныя черты; но это — неизбѣжныя черты, какими всегда сопровождаются всякія народныя возстанія, и такія черты неизбѣжно явятся въ описаніи, если станутъ изображать ходъ возстаній въ подробностяхъ. Эти черты, сообщаемыя Самовидцемъ, драгоцѣнны для узнанія быта и пріемовъ жизни въ то время, которое передается имъ, но можетъ ли историкъ, руководствуясь только такими единичными явленіями, изрекать приговоръ надъ всей эпохой и ея историческимъ значеніемъ? Это было бы черезчуръ ненаучно. Выходки г. Кулиша противъ эпохи Хмельницкаго подтверждаются у него чертами народнаго возстанія, найденными имъ въ лѣтописи Самовидца; это невольно напомнило намъ мысль г. Микѣшина изобразить на памятникѣ Хмельницкому горельефы убитыхъ поляковъ и жидовъ; художникъ не принялъ во вниманіе, что памятникъ, воздвигаемый великому человѣку, долженъ сразу указывать на его всемірно-историческое значеніе, а не на частныя событія, сопровождавшія дѣло, имъ совершенное. Точно также и ученый историкъ долженъ произносить приговоръ надъ извѣстною эпохою по ея обще-историческому значенію, а не по мелкимъ по-

дробностямъ, которыя могутъ однимъ нравиться, другимъ возбуждать отвращеніе.

Г. Кулишъ говоритъ (стр. 366, ibid.):

«Ни хмельнищина, ни колівщина не оставили по себѣ никакихъ общественныхъ учрежденій, ни даже попытокъ устроить что нибудь ко благу общества въ религіозномъ, просвѣтительномъ и экономическомъ отношеніи. Кромѣ дикаго отрицанія того, что дѣлали люди болѣе порядочные, ничего не проявило своими дѣяніями на родной почвѣ казачество.»

Будто такъ? спросимъ г. Кулиша: какъ хмельнищина не оставила по себѣ никакого общественнаго учрежденія? А гетманщина, существовавшая послѣ Хмельницкаго слишкомъ двѣсти лѣтъ, развѣ это не общественное учрежденіе? Можетъ быть, оно не нравится г. Кулишу, но оно нравилось очень многимъ въ свое время и многіе думали устроить его ко благу общества по своимъ воззрѣніямъ. Можно отыскать много темныхъ сторонъ въ этихъ учрежденіяхъ, но многое очевидно теперь для насъ, а не замѣтно было для прошлыхъ поколѣній. Надобно помнить, что совершенства на землѣ нѣтъ: мы находимъ дурнымъ то, что предки наши считали хорошимъ; вѣдь и многимъ изъ того, что мы теперь признаемъ хорошимъ, другіе послѣ насъ будутъ недовольны. Нельзя же всѣхъ, не только живущихъ теперь, но и прежде отжившихъ, заставить глядѣть глазами г. Кулиша! И въ самомъ-ли дѣлѣ эта гетманщина ничего не сдѣлала даже въ религіозномъ отношеніи? А развѣ это малая ея заслуга, что тамъ, гдѣ была власть гетмановъ, утвердилось православіе, тогда какъ въ краѣ, оставшемся за Польшею и внѣ гетманской власти, народъ южно-русскій, лишенный удобства исповѣдывать вѣру отцовъ своихъ, принималъ унію и даже католичество? Казалось бы, точно, въ эко-

номическомъ отношеніи эпоха Хмельницкаго, вся протекшая въ разорительныхъ войнахъ, не могла ничего сдѣлать хорошаго; но сопровождавшій патріарха Макарія арабскій монахъ Павелъ, оставившій потомству свое дорогое сочиненіе, изображаетъ видѣнную имъ Украину страною благоустроенною въ хозяйственномъ отношеніи, и самъ Богданъ является хорошимъ хозяиномъ, попечительнымъ и заботливымъ, а не забулдыжнымъ пьяницею, какимъ рисуютъ его поляки. Вполнѣ-ли вѣрны изображенія араба — это еще вопросъ, но во всякомъ случаѣ нельзя презирать его и оставить безъ критическаго вниманія.

Защищая съ любовью ополяченныхъ южно-русскихъ пановъ отъ тѣхъ обвиненій, какія дѣлались противъ нихъ по поводу утѣсненій народа, вызывавшихъ послѣдній къ возстанію, г. Кулишъ беретъ ихъ подъ свое покровительство и за принятіе католичества, вмѣстѣ съ архіереями, принявшими унію въ концѣ XVI-го вѣка. «Они, — говоритъ намъ авторъ, — имѣли право избирать то, что для общества было полезнѣе», и замѣчаетъ, что вообще господствовавшая въ Польшѣ католическая религія боролась гораздо энергичнѣе съ уклонившимися въ реформацію католиками, нежели съ чуждавшимися латинства и уніи православными. Въ подтвержденіе этой мысли г. Кулишъ приводитъ много примѣровъ гуманныхъ отношеній пановъ католической вѣры къ православнымъ (№ 3, стр. 362). Противъ этого спорить не станемъ и охотно признаемъ, что пановъ, отступившихъ отъ православія въ католичество, можно извинить духомъ, понятіями и предразсудками вѣка, какъ равно и собственною пошлостію многихъ такихъ господъ, свойствомъ, съ которымъ большинство всегда, болѣе по чужому примѣру, чѣмъ по собственному убѣжденію, при-

стаетъ къ тому, что въ данное время считается «лучшимъ или полезнѣйшимъ для общества», какъ выражается г. Кулишъ. Но намъ показалось дико и необычно услышать отъ г. Кулиша такое убѣжденіе:

«Всякое государство должно было покровительствовать извѣстное вѣроисповѣданіе не на столько, сколько оно истинно, а на столько, на сколько оно полезно. Для сохраненія цѣлости, польское государство не должно было потворствовать водворенію въ немъ лютеранства, кальвинства, аріанства и другихъ сектъ, на которыя раскололась лукаво построенная римская церковь. Для сохраненія достоинства религіи вообще, оно было обязано поощрять готовность служить его цѣлямъ такихъ образованныхъ архіереевъ, какъ Терлецкій, Поцѣй, Смотрицкій, Рутскій, вмѣсто того, чтобъ сообразоваться съ неизвѣстными ему ревностными, но вообще невѣжественными инокамп» (стр. 359, ibid.).

Здѣсь авторъ раскрываетъ предъ нами свое внутреннее убѣжденіе, по отношенію къ вопросу о вѣрѣ. Что же выходитъ? Вѣра, по взгляду автора, не имѣетъ священнаго достоинства внутренняго сокровища души человѣческой, неприкосновеннаго для другихъ и, по справедливости, требующаго къ себѣ отъ другихъ уваженія: это одна изъ полицейскихъ формъ общественнаго порядка, которую можно всѣмъ навязывать сообразно постороннимъ, видоизмѣняющимся цѣлямъ. Къ сожалѣнію, на свѣтѣ часто и во многихъ краяхъ такъ бывало и теперь еще бываетъ, но люди истинно развитые и истинно честные не могутъ сочувствовать такому взгляду: можно оказывать къ нему только терпимость, во-первыхъ, по снисходительности къ порокамъ и недостаткамъ людскимъ, во-вторыхъ, потому, что такой взглядъ имѣетъ за собою матеріальную силу большинства толпы; но вмѣстѣ съ тѣмъ

люди развитые и честные считаютъ своимъ нравственнымъ долгомъ, сколько ихъ силъ и возможности станетъ, распространять — въ такихъ общественныхъ органахъ, какъ печать — болѣе здравыя идеи, болѣе способствующія дальнѣйшему движенію впередъ человѣческой мысли.

Г. Кулишъ во всемъ ходѣ статьи силится увѣрить своихъ читателей, что казаки были не болѣе какъ разбойники, ставившіе только благовиднымъ предлогомъ своихъ дѣйствій вѣру, а на самомъ дѣлѣ руководившіеся только страстію къ наживѣ чрезъ отнятіе чужаго достоянія. Для подтвержденія такой мысли, г. Кулишу кажется достаточнымъ привести такія черты изъ казацкой исторіи, которыя схожи съ чертами разбойническихъ скопищъ. Но г. Кулишъ долженъ былъ бы сообразить, что всякое гражданское общество, прежде чѣмъ образовалось въ стройное государственное тѣло, носитъ на себѣ, то болѣе, то менѣе, отпечатокъ хаоса, въ которомъ розыскать легко черты, свойственныя, по нашимъ наблюденіямъ, разбойникамъ, то есть людямъ, ищущимъ возможности водворить въ обществѣ хаосъ. Такія черты найдутся въ первый періодъ нашей исторіи, въ эпоху язычниковъ Олега, Игоря, Святослава, и болѣе позднюю эпоху удѣловъ. Казачество было новымъ фазисомъ исторической жизни, и оно, по неизмѣнному закону возникновенія, расцвѣта и упадка человѣческихъ обществъ, должно было имѣть и свой періодъ варварства, періодъ хаоса и періодъ установки. Все творится на свѣтѣ постепенно; ни одно историческое общество не выходило готовымъ, какъ Аѳина изъ головы Зевса, а должно было слагаться, развиваться, укрѣпляться болѣе или менѣе продолжительное время. Иныя общества достигали полнаго расцвѣта, другія, недоразвившись, рановременно ломались. Но всѣ одинаково подчинялись общему закону и въ исторіи всякаго

политическаго общества непремѣнно можно отыскать періодъ варварства, хаоса, и тутъ-то многіе жизненные пріемы покажутся подобными разбойничеству. Естественно, и въ исторіи казачества — то же. Но не видѣть въ казакахъ ровно ничего, кромѣ разбойническаго скопища, можно только или черезчуръ умственно-близорукому, или ослѣпленному страстію. Какъ это г. Кулишъ, которому нельзя отказать въ основательныхъ свѣдѣніяхъ въ исторіи казачества, рѣшился произнесть, будто «казачество на народной почвѣ не проявило ничего, кромѣ дикаго отрицанія того, что дѣлали люди порядочные», и будто хмельнищина не оставила по себѣ никакихъ общественныхъ учрежденій, ни даже попытокъ устроить что либо ко благу общества! Развѣ гетманщина съ гетманомъ во главѣ, съ генеральной старшиною, составлявшею около него совѣтъ, съ генеральнымъ судомъ, генеральною канцеляріею, съ раздѣленіемъ страны на полки, а полковъ на сотни, съ выборными мѣстными властями, съ законодательствомъ, основаннымъ на принятомъ литовскомъ статутѣ съ добавленіемъ гетманскихъ универсаловъ и приговоровъ радъ, часто собираемыхъ по важнымъ дѣламъ, съ поземельными вопросами, разрѣшаемыми судомъ, наконецъ, съ мѣщанствомъ, съ его цехами разнообразныхъ мастеровъ и торговцевъ, — все это развѣ не произведеніе хмельнищины, и если многое существовало еще прежде, то все-таки возымѣло свое право на существованіе именно потому, что эпоха Хмельницкаго его оставила. Если г. Кулишу не угодно теперь признавать всего этого за общественное учрежденіе, то и русское правительство, и Россія, и весь міръ, знавшій что нибудь объ Украинѣ, нимало не сомнѣвались въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ въ томъ, что все это — общественное учрежденіе. Не нравится это г. Кулишу, находитъ онъ въ немъ темныя стороны; въ

существованіи такихъ темныхъ сторонъ и нельзя было никогда сомнѣваться, сознавая, что все человѣческое — съ недостатками; но окончательно лишать права общественнаго учрежденія строй, признававшійся такимъ цѣлыхъ два вѣка — это хуже чѣмъ научная ошибка! Казаки — говоритъ г. Кулишъ, — были разбойники, не болѣе. Итакъ, выходитъ, что когда писались царскія граматы, посылались къ гетману и старшинѣ и казакамъ дары, присылались бояре для собранія радъ, по случаю избранія новаго гетмана, — все это дѣлалось для разбойниковъ! И малороссійскій приказъ, бывшій въ Москвѣ, устроенъ былъ для завѣдыванія разбойниками! И цари, утверждая избраннаго гетмана, утверждали разбойничьяго атамана! Такъ выходитъ по рѣшенію г. Кулиша.

Въ этомъ сравненіи казачества съ разбойниками, г. Кулишъ взялъ себѣ въ помощь смѣшеніе казачества городоваго съ запорожцами; у послѣднихъ, дѣйствительно, случались событія, не только похожія на разбои, но и признаваемыя такими въ свое время; однако при этомъ не надобно упускать изъ вида, во-первыхъ, того, что такія событія были единичными и обыкновенно преслѣдовались самимъ же запорожскимъ кошевымъ начальствомъ; во-вторыхъ, что Запорожье хотя состояло подъ властію гетмана, но постоянно между запорожцами существовала партія, стремившаяся къ неповиновенію и какъ бы къ обособленію Запорожской Сѣчи отъ гетманщины. Да и въ нравахъ и обычаяхъ у запорожцевъ образовались различія отъ гетманщины, дотого замѣтныя, что, говоря о казакахъ, смѣшивать гетманскихъ казаковъ съ запорожцами не всегда умѣстно въ видахъ историческо-научной истины.

Г. Кулишъ до такихъ парадоксовъ доходитъ, что пѣсни историческо-казацкія называетъ разбойничьими.

Это, впрочемъ, дѣло его вкуса. Это значитъ только, что эти пѣсни, которыми онъ восхищался прежде, потеряли для него свою цѣну и поэтическое достоинство. По нашему мнѣнію, въ пѣсенности малорусской чрезвычайно мало собственно разбойничьихъ пѣсенъ въ сравненіи съ великорусскою. Г. Кулишъ недоволенъ мнѣніемъ тѣхъ, которые заявляютъ, что «русскій народъ въ пѣсняхъ поминаетъ разбойниковъ не съ отвращеніемъ, а съ сочувствіемъ» (№ 6, стр 124). Что же дѣлать, когда именно такъ и есть? Отчего это такъ —объ этомъ могли бы мы наговорить много, но думаемъ, что этотъ вопросъ сюда не идетъ, такъ какъ мы толкуемъ съ г. Кулишемъ о казакахъ, а не о разбойникахъ; мы же ни въ какомъ случаѣ разбойниковъ и казаковъ, какъ сословіе, не смѣшиваемъ.

Какъ на верхъ несообразностей у г. Кулиша, мы укажемъ на такіе отзывы: «Казаки были самые вредные для общества соціалисты, коммунисты и нигилисты» — и та же мысль повторяется въ иныхъ выраженіяхъ въ разныхъ мѣстахъ, напримѣръ: «Они (польскіе баниты) дали казачеству его коммунистическій и нигилистическій закалъ (№ 3, стр. 357). Усиливалась казацко-нигилистическая пропаганда отрицанія всего того, чѣмъ государство держится (ibid., стр. 358). Днѣпровцы начали свои бунты съ того, чтобы на мѣсто королевскаго присуда поставить свой собственный коммунистическій, нигилистическій присудъ» (№ 6, стр. 113). Но выраженія «коммунисты и нигилисты» относятся къ явленіямъ нашего времени, совершенно чуждымъ тому періоду исторіи, когда дѣйствовали казаки: это продуктъ общества, имѣющаго литературу, движимаго разными ученіями и теоріями объ общественномъ строѣ, распространяющимися въ публикѣ и опровергаемыми путемъ печати, чего вовсе не было во

времена казачества. Смѣшивать названія двухъ различныхъ обществъ — значитъ путать понятія и искушать читателей къ составленію неправильныхъ взглядовъ и на то и на другое общество разомъ. Г. Кулишъ, какъ видно, не взлюбилъ равно и казаковъ XVII и XVIII вѣковъ и нашего вѣка мечтателей, обзываемыхъ коммунистами, соціалистами, нигилистами, радикалами; онъ воленъ громить и тѣхъ и другихъ, только не долженъ смѣшивать однихъ съ другими. Есть охота г. Кулишу явиться въ видѣ обличителя нашихъ составителей теорій, признаваемыхъ вредными, — тогда пусть не трогаетъ казаковъ; а если желаетъ изслѣдовать исторически судьбу и бытъ казаковъ, то пусть на ту пору оставитъ въ покоѣ коммунистовъ, соціалистовъ, нигилистовъ и всякихъ теористовъ современнаго намъ вѣка.

Разражаясь злобой противъ казаковъ прошлаго времени, г. Кулишъ изливаетъ ту же злобу и на близкихъ къ нашему времени, даже на тѣхъ, къ кругу которыхъ принадлежалъ самъ. Онъ не оставилъ безъ глумленія Шевченка («Рус. Арх.», № 3, стр. 365. № 6, стр. 151), того самаго Шевченка, предъ которымъ когда-то поклонялся въ «Основѣ»; тогда уже многіе, уважавшіе талантъ Шевченка, находили восторги г. Кулиша чрезмѣрными, — этого же самаго Шевченка музу уже въ своей «Исторіи возсоединенія» г. Кулишъ заклеймилъ эпитетомъ «пьяной». Если г. Кулишъ измѣнилъ свои прежнія убѣжденія и симпатіи, то все-таки было бы желательно, чтобъ онъ теперь обращался съ большею снисходительностію къ памяти лицъ, которымъ прежде оказывалъ любовь и уваженіе. Теперь же онъ невольно напоминаетъ тѣхъ средневѣковыхъ монарховъ-фанатиковъ, которые, подъ вліяніемъ христіанскаго благочестія, истребляли произведенія искусствъ, поэзіи и наукъ, созданныя въ языческія

времена, и дѣлали это потому только, что видѣли въ нихъ почитаніе ложныхъ божествъ.

Почтенный издатель «Русскаго Архива», напечатавши въ своемъ журналѣ статью г. Кулиша, въ томъ же № 6, гдѣ эта статья окончена, помѣстилъ выписку изъ дневника Ю. Ѳ. Самарина, составляющую отзывъ послѣдняго о книгѣ П. А. Кулиша — «Повѣсть объ украинскомъ народѣ», — книгѣ, названной Ю. Ѳ. Самаринымъ мастерскимъ, прекрасно написаннымъ очеркомъ исторіи Украины. Достойно замѣчанія, что Самаринъ, одинъ изъ лучшихъ людей своего времени, положившихъ вкладъ въ умственную жизнь русскаго общества, вовсе далекъ былъ отъ возникшаго стремленія во что бы то ни стало сдѣлать всѣхъ русскихъ похожими какъ двѣ капли воды на одинъ типъ москвича: Самаринъ, какъ оказывается, не склоненъ былъ подозрѣвать въ любви малоруссовъ къ своему родному тайныя тенденціи къ сепаратизму, какъ и не клеймилъ напрасно прошлаго Малороссіи и не считалъ гетманщины разбойничьею шайкою. Вотъ какъ онъ оканчиваетъ:

«Пусть же народъ украинскій сохраняетъ свой языкъ, свои обычаи, свои пѣсни, свои преданія; пусть въ братскомъ общеніи и рука объ руку съ великорусскимъ племенемъ развиваетъ онъ на поприщѣ науки и искусства, для которыхъ такъ щедро надѣлила его природа, свою духовную самобытность во всей природной оригинальности ея стремленій; пусть учрежденія, для него созданныя, приспособляются болѣе и болѣе къ мѣстнымъ его потребностямъ. Но въ то же время пусть онъ помнитъ, что историческая роль его — въ предѣлахъ Россіи, а не внѣ ея, въ общемъ составѣ государства Московскаго, для созданія и возвеличенія котораго такъ долго и упорно трудилось великорусское племя, для котораго принесено

нимъ было такъ много кровавыхъ жертвъ и понесено страданій, невѣдомыхъ украинцамъ; пусть помнитъ, что это государство спасло и его самостоятельность; пусть, однимъ словомъ, хранитъ, не искажая его, завѣтъ своей исторіи и изучаетъ нашу» (стр. 232).

Какія золотыя слова, какъ много въ нихъ выражено правды и гуманности! Не въ примѣръ больше, чѣмъ въ злобныхъ филиппикахъ противъ казачества бывшаго патріарха украинофиловъ!

ЦАРЕВИЧЪ
АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ.

ЦАРЕВИЧЪ АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ.

(По поводу картины Н. Н. Ге).

Православная церковь, съ самаго водворенія христіанства въ русской землѣ, стараясь утвердить святость и крѣпость брачнаго союза и семейныхъ связей, поставила нравственнымъ правиломъ, что мужъ, безъ суда церкви расторгающій свою связь съ женою, особенно насильно, противъ воли жены, поступаетъ преступно передъ Богомъ и нечестно предъ людьми. Такой взглядъ, хотя и укоренился въ нравственныхъ понятіяхъ, но долго встрѣчалъ сопротивленіе въ нравахъ и привычкахъ, унаслѣдованныхъ отъ языческихъ временъ и умягчавшихся медленно при неблагопріятныхъ историческихъ судьбахъ русскаго народа. Довольно осталось намъ чертъ, показывающихъ, что русская жизнь упорно не поддавалась поученіямъ благочестивыхъ книжниковъ о святости брачнаго союза. Въ XI вѣкѣ митрополитъ Іоаннъ вооружился противъ языческихъ пріемовъ домашней жизни и половыхъ отношеній. Тогда со времени крещенія Руси едва проходило столѣтіе; но черезъ триста лѣтъ съ небольшимъ послѣ того, французъ Ляннуа, посѣщавшій Новгородъ, замѣчалъ, что тамъ мужья продавали и мѣняли женъ; а черезъ два вѣка съ небольшимъ послѣ того, какъ Ляннуа былъ въ Новгородѣ, патріарху Филарету оказа-

лось нужнымъ порицать русскихъ людей за то, что они живутъ въ связи съ женщинами безъ вѣнчанія, продаютъ и мѣняютъ ихъ. Боязнь неразрывности брака была причиною, что многіе, находясь въ супружеской связи, не хотѣли вѣнчаться и отъ этого существовало различіе женъ вѣнчанныхъ и невѣнчанныхъ, признаваемое даже официальными бумагами. Это явленіе замѣтно было въ низшихъ слояхъ народа, въ особенности у казаковъ, которые, болѣе чѣмъ всякіе другіе русскіе люди, предоставлены были на волю собственнымъ народнымъ взглядамъ и привычкамъ. Въ высшихъ слояхъ нравственныя понятія укрѣплялись прочнѣе; здѣсь люди были знакомѣе съ церковью и ея ученіемъ; но ханжество нашло лазейки для человѣческой необузданности: мужъ, не взлюбившій жены, загонялъ ее въ гробъ суровымъ обращеніемъ и побоями и искалъ себѣ оправданія въ томъ, одобренномъ церковною нравственностью, правилѣ, что мужъ есть глава жены и имѣетъ власть надъ нею; иногда же мужъ приневоливалъ жену вступить въ монастырь, а самъ женился на другой: форма соблюдалась, совѣсть успокоивалась, новый бракъ казался законнымъ. Эту черту нравовъ наглядно показываетъ народная пѣсня, изображающая судьбу женщины «постылой жены», которую мужъ бояринъ принуждаетъ, противъ ея воли, постричься и посхимиться, а самъ женится на ея разлучницѣ. Изъ жизни князей удѣльныхъ временъ мало извѣстно примѣровъ въ такомъ родѣ: князья сравнительно были образованнѣе, находились въ большемъ общеньи съ духовенствомъ и подчинялись вліянію церкви; пока церковь была сильнѣе ихъ, они боялись ея. Но въ Москвѣ свѣтская власть возрасла до такой степени, что произволъ ея не щадилъ уже духовныхъ лицъ; когда стали терять силу наставленія послѣднихъ о неподсудности церкви мірскимъ

властямъ, тогда и въ семейной жизни верховныхъ лицъ явились примѣры нарушенія святости брака. Великій князь Василій Ивановичъ поступилъ со своею женой Соломоніею именно такъ, какъ поетъ упомянутая нами народная пѣсня: онъ приказалъ насильно постричь свою жену въ монастырь, а самъ женился на Еленѣ Глинской. Поднялись было голоса противъ такого беззаконія, но должны были замолкнуть; у великаго князя было много способовъ покарать того, кто дерзалъ охуждать его дѣянія, а пастыри принуждены были выдумывать софизмы къ оправданію поступковъ властелина. Иванъ Васильевичъ, первый московскій царь, шагнулъ далѣе. Онъ въ теченіе своего царствованія сочетался бракомъ столько разъ, сколько не дозволялось церковными правилами; не стѣсняясь, онъ запиралъ своихъ женъ въ монастырь, когда ему хотѣлось праздновать свою новою свадьбу.

Послѣ царствованія Ивана Грознаго, въ семейной жизни московскихъ царей долго не происходило ничего подобнаго. Цари: Ѳедоръ, Борисъ, Шуйскій, жили согласно съ своими женами. Вступила на престолъ новая династія, домъ Романовыхъ; первые цари изъ этого дома, одинъ за другимъ, отличались безупречною семейною нравственностью. За ними не было ни женолюбія, ни необузданнаго разгула; вся царская семья въ глазахъ народа показывала образецъ богобоязненной жизни.

Явился на престолѣ Петръ; началась ломка, перестройка государственной, общественной, домашней жизни. Царь бомбардиръ, шаутбенахтъ, каменщикъ, плотникъ, кузнецъ, лекарь, законодатель, учитель — всему самъ даетъ починъ; но не все у него идетъ на новый ладъ: многое въ поступкахъ Петра напомнило Руси времена старыя, времена давно забытыя. Александровская слобода царя Ивана оживала въ Преображенскомъ селѣ, и родитель

царя Ивана, великій князь Василій Ивановичъ, если бы всталъ изъ гроба, то нашелъ бы, что названный потомокъ его шагнулъ еще далѣе своего предка въ свободѣ семейной жизни.

Петръ женился на Евдокіи Өедоровнѣ Лопухиной тогда еще, когда ему было шестнадцать лѣтъ. Онъ женился такъ, какъ женилось тогда множество людей: собственно не онъ женился, а его женили. Его женила мать. Не смотря на обычность такого рода женитьбы въ русской жизни, бракъ Петра былъ непохожъ на браки предшествовавшихъ царей, его предковъ, потому что послѣдніе, благодаря слагавшимся обстоятельствамъ своей жизни, выбирали себѣ женъ по собственной волѣ [1]), и въ этомъ, какъ намъ кажется, лежитъ первый зародышъ послѣдующей судьбы брака Петра, не похожей на судьбу прежнихъ царскихъ браковъ. Едва ли Петръ выбралъ бы ту, которую ему дали, если бы его не женили, а онъ самъ женился. Впрочемъ, первые года его супружества, насколько намъ извѣстно, прошли спокойно; плодами супружеской связи Петра съ Евдокіею были двое сыновей: изъ нихъ меньшой, Александръ, умеръ скоро послѣ своего рожденія; старшій, Алексѣй, родившійся 18 февраля 1690 года, пережилъ своего брата себѣ на горе.

Царица Евдокія Өедоровна была простая русская любящая женщина. Въ ея письмахъ, гдѣ она выражаетъ свою грусть въ разлукѣ со своимъ «лапушкой», слышится простодушное искреннее чувство.

Историки пытались объяснить, что Евдокія не могла удовлетворить духовнымъ потребностямъ Петра по своей

[1]) Исключая первой супруги царя Михаила Өедоровича, женившагося по волѣ матери: но эта женщина скоро умерла, не оставя по себѣ почти никакого слѣда.

узкости, закоренѣлости въ предразсудкахъ, приверженности къ старинѣ, богомольству, праздности и т. п., что геніальная натура великаго преобразователя требовала чего-то иного, высшаго, болѣе развитаго, нуждалась въ такой женщинѣ, которая бы могла его понимать, на что неспособна была дочь Лопухина... Намъ кажется ларчикъ проще открывается. Петръ поступилъ такъ же, какъ поступалъ обыкновенно русскій удалъ добрый молодецъ, когда, по выраженію пѣсни, зазнобитъ ему сердце красна дѣвица или «злодѣюшка чужа жена» и станетъ ему «своя жена, полынь горькая трава».

Не чувствовавши влеченія къ Евдокіи при выборѣ ея въ жены, Петръ сживался съ нею и можетъ быть сжился бы навсегда, еслибы не приглянулась Петру нѣмка, Анна Монсъ, съ которою въ нѣмецкой слободѣ свелъ его просвѣтитель Лефортъ, до того времени самъ находившійся въ связи съ этой женщиной, а Петръ не умѣлъ удерживать своихъ страстей и какъ самодержавный царь не считалъ нужнымъ себѣ отказывать въ удовлетвореніи своихъ побужденій. Нѣмка ему пришлась по нраву; жена опротивѣла такъ же точно, какъ отвѣдавши черезъ того же Лефорта иноземщины, не взлюбилъ онъ обычаи родной московщины.

Это знакомство съ нѣмкою произошло 1692 году, и съ тѣхъ поръ, по свидѣтельству иностранцевъ, Петръ сталъ чуждаться своего семейнаго очага.

Кто же и что была эта Монсъ? Любила ли она Петра? Нашелъ ли онъ въ ней вѣрное, искреннее, понимающее его сердце? Ничуть не бывало. Это былъ типъ женщины легкаго поведенія, обладающей наружнымъ лоскомъ, тѣмъ кокетствомъ, которое кажется отсутствіемъ всякаго кокетства и способно обворожить пылкаго человѣка, но само по себѣ заключаетъ неспособность любить никого и ничего,

кромѣ суеты и блеска житейской обстановки. Анна Монсъ не любила Петра и, пріобрѣвши уже до знакомства съ нимъ опытность въ амурныхъ дѣлахъ, завела послѣ связь съ саксонскимъ министромъ Кенигсеномъ. Изъ вынутыхъ у случайно утонувшаго Кенигсена бумагъ, Петру открылась ея измѣна; тогда Анна лгала передъ царемъ и запиралась самымъ пошлымъ образомъ, пока не была уличена вещественными признаками обмана. На такую-то женщину промѣнялъ Петръ свою законную жену, царицу Евдокію, мать наслѣдника престола Алексѣя.

Петръ вовсе не былъ какимъ нибудь записнымъ любителемъ женскаго естества, переборчивымъ, непостояннымъ донъ-жуаномъ: ему нѣкогда было предаваться этого рода забавамъ, поглощающимъ большею частью умъ дюжинныхъ людей. Петръ привязался къ Аннѣ Монсъ отъ всей души, привязался также, какъ привязался потомъ къ другой нѣмкѣ, возведенной имъ въ санъ императрицы, подъ именемъ Екатерины I. Понятно, что плѣнило Петра въ нѣмкѣ изъ нѣмецкой слободы: то была иноземщина, та же иноземщина, которая побуждала его сшить и надѣть на подвластную ему московскую Русь западно-европейскую одежду.

Видно, что царицѣ больно отзывалась эта перемѣна. Въ письмахъ своихъ она жаловалась царю, что не видитъ его; но вѣроятно жаловалась также своему отцу, своимъ роднымъ, а тѣ изъявляли неудовольствіе къ поступкамъ Петра. До Петра доходили эти жалобы. Около четырехъ лѣтъ однако Лопухиныхъ не трогали. Петръ совершалъ свои азовскіе походы, и былъ занятъ. Царица оставалась забытою.

Но передъ поѣздкою царя за границу, въ мартѣ 1697 года, открылся заговоръ Соковнина, Циклера и Пушкина. Заговорщиковъ казнили съ разными вычурами.

Вслѣдъ затѣмъ, отца царицы сослали въ Тотьму, а двухъ его братьевъ въ Саранскъ и Вязьму. За что послѣдовала эта ссылка — невѣдомо. Нельзя подозрѣвать, чтобъ эти люди могли быть причастными къ заговору; да если бы такъ было, то ихъ постигло бы иное наказаніе. Несомнѣнно, что въ то время много было недовольныхъ между русскими намѣреніемъ Петра ѣхать въ чужіе края; при его пристрастіи къ иноземщинѣ, русскіе боялись, что царь наводнитъ иноземцами Русь. Лопухины, родные царицы, были изъ такихъ, которымъ не по сердцу была иноземщина и это понятно въ ихъ положеніи: плодомъ любви царя къ иноземщинѣ было уже то, что царь предпочелъ нѣмку своей женѣ. Царь, не терпѣвшій ни въ чемъ несогласія съ собою, отправилъ въ ссылку родныхъ немилой жены и въ то время уже помышлялъ, какъ бы ему избавиться отъ ней самой. Ему хотѣлось сдѣлать это такъ, чтобы разлука съ нею имѣла видъ добровольнаго съ ея стороны согласія.

И вотъ, будучи заграницей, изъ Амстердама и изъ Лондона, поручалъ онъ боярамъ, Льву Нарышкину и Стрѣшневу, уговорить царицу добровольно вступить въ монастырь. То же писано было и духовнику царицы. Это не удавалось. «Мы — писалъ къ царю Стрѣшневъ — о томъ говорили прилежно, чтобы учинить въ свободѣ, а она упрямится».

Послѣ своего возвращенія изъ-за границы, Петръ началъ разомъ, и бритвою, и топоромъ палача, раздѣлываться съ ненавистною для него стариною. Тогда призвавши царицу, сказалъ ей: «Какъ смѣла ты ослушаться, когда я приказывалъ неоднократно письмами отойти въ монастырь, и кто тебя научилъ противиться?»

Бѣдная царица отвѣчала, что на ея попеченіи былъ маленькій сынъ царевичъ Алексѣй. Такъ передаетъ дѣло

современникъ, цесарскій посолъ Гваріентъ, сообщая, что царь въ домѣ почтмейстера Виніуса бесѣдовалъ съ Евдокіею нѣсколько часовъ.

Какъ шла эта бесѣда — неизвѣстно, но конечно царю хотѣлось покончить все дѣло безъ шума; но и теперь это не удалось. Царица очевидно не соглашалась.

Черезъ три недѣли послѣ того, Евдокію повезли насильно въ каретѣ въ Суздаль и заключили въ Покровскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ. Сначала ее оставили въ мірской одеждѣ; носились вѣсти, что ее постригать не станутъ и будетъ она пребывать какъ царица; но чрезъ нѣсколько времени затѣмъ отправленъ былъ въ Суздаль стольникъ Семенъ Языковъ и въ кельѣ старицы Мартемьяны Евдокія была насильно пострижена подъ именемъ старицы Елены.

Петръ былъ сердитъ на нее за ея несогласіе постричься добровольно и за то осудилъ ее на жестокое житье: ей не дали ни прислуги, не назначили особой пищи. Она не получала даже того, что давалось царскимъ сестрамъ, которыхъ обвиняли въ злоумышленіи со стрѣльцами. Несчастная выпрашивала у братней жены прислать ей получше пищи, рыбы, вина, потому что въ монастырѣ все гнилое: «покамѣсть жива, пожалуйста пойте, да кормите, да одѣвайте нищую» — писала она. — Ее не только разлучили съ сыномъ, но и не дозволяли видѣться съ нимъ...

Отверженная, заключенная, она черезъ пять лѣтъ послѣ того все еще относилась съ любовью къ царю и жалѣла, что не видитъ его и не слышитъ о немъ. Въ 1705 году, писала она боярину Стрѣшневу: «Долго ли мнѣ такъ жить, что ево государя не слышу и не вижу, ни сына моего. Уже моему бѣдствію пятый когъ (годъ), а отъ нево государя милости нѣтъ. Пожалуй, Тихонъ Ни-

китичъ, побей челомъ, чтобъ мнѣ про его государево здоровье слышать и сына нашего такожде слышати, пожалуй и о сродникахъ моихъ попроси, чтобы мнѣ съ ними видѣться. Яви ко мнѣ бѣдной милость свою, побей челомъ ему государю, чтобы мнѣ пожаловалъ жить, а я на милость твою надѣюся, учини милостиво, а мнѣ ни чемъ тебѣ воздать, такъ тебѣ Богъ заплатитъ». Моленія были напрасны. Въ чемъ же виновата была эта бѣдная страдалица? Въ манифестѣ 5 марта 1718 года, напечатанномъ и публично прочитанномъ (впослѣдствіи съ другими подобными бумагами напечатанномъ при Екатеринѣ I), излагались вины бывшей царицы; не скрыта была ея связь съ Глѣбовымъ, возникшая уже не скоро послѣ ея заточенія; конечно, если бы царица въ чемъ нибудь была виновна до своего постриженія, то здѣсь не забыли бы этого поставить на видъ; но въ манифестѣ сказано только, что царица Евдокія для «нѣкоторыхъ своихъ противностей и подозрѣнія постриглась», выраженіе неясное, но при сопоставленіи обстоятельствъ времени, противность ея состояла въ томъ, что она любила Петра, любила своего сына; связь Петра съ нѣмкою огорчала ее, и, надѣясь, что мужъ одумается, отгуляется, какъ говорится, она не хотѣла постригаться добровольно, не хотѣла осудить себя на вѣчную разлуку и съ сыномъ, и съ мужемъ.

Такимъ образомъ, совершено было одно изъ такихъ дѣлъ, которыхъ не видала Русь за своими царями уже болѣе столѣтія. Нравственныя понятія русскихъ въ тѣ времена не могли не возбуждать въ народѣ порицаній поступка Петра. Что это за царь? жену въ монастырь постригъ насильно, а самъ съ нѣмкою живетъ! — говорили русскіе люди, — хотя и попадались за такія рѣчи подъ страшныя пытки «изобрѣтательнаго звѣря» Ѳедора

Ромодановскаго въ Преображенскомъ приказѣ. Черезъ двадцать лѣтъ, когда насиліе надъ Евдокіею отрыгнулось новымъ страшнымъ розыскнымъ дѣломъ, несчастный епископъ Досифей, преданный истязателямъ, говорилъ: «Только я одинъ въ семъ дѣлѣ попался, посмотрите и у всѣхъ что на сердцахъ. Извольте пустить уши въ народъ, что въ народѣ говорятъ».

При постриженіи царицы, сыну ея было уже восемь лѣтъ; въ такіе годы, мальчикъ начинаетъ понимать, что вокругъ него дѣлается; впечатлѣнія этого возраста трудно изглаживаются въ продолженіе всей послѣдующей жизни. Всегда, когда отецъ съ матерью въ ссорѣ, дѣтямъ приходится дѣлать выборъ между отцомъ и матерью, любить то или другое лицо; любить обоихъ, когда эти оба не любятъ другъ друга, слишкомъ трудно: гораздо удобнѣе ихъ обоихъ не любить; чаще всего такъ и бываетъ съ дѣтьми въ подобныхъ случаяхъ. Но тогда, когда одна сторона насилуетъ другую, когда другая является угнетенною, страдающею, сочувствіе дѣтей непремѣнно будетъ на сторонѣ послѣдней. Иначе не возможно по свойству человѣческой природы, скажемъ болѣе: иначе человѣкъ не долженъ былъ-бы носить званіе человѣка.

Послѣ того, что случилось между царемъ Петромъ и царицею Евдокіею, сердце царевича Алексѣя неизбѣжно должно было склоняться на сторону матери; сынъ не могъ полюбить отца и по мѣрѣ того, какъ отецъ упорно держалъ несчастную мать въ утѣсненіи, въ сердцѣ сына укоренялась нелюбовь и отвращеніе къ родителю. Такъ должно было произойти, такъ и случилось. Алексѣй не могъ любить отца, послѣ того, что отецъ сдѣлалъ съ его матерью. Естественно, должно было возникнуть въ немъ и отвращеніе отъ того, что было поводомъ къ поступку отца съ его матерью, или что близко способство-

вало гоненію, которое терпѣла его мать. Петръ отвергъ Евдокію отъ того, что ему понравилась другая женщина, а эта другая понравилась ему по ея иноземнымъ пріемамъ; въ Евдокіи Петру казались противными ея русскія супружескія ласки, русскій складъ этой женщины. Петръ осудилъ невинную супругу на монастырскую нищету, въ то самое время, когда объявилъ гоненіе русскому платью и русской бородѣ, русскимъ нравамъ и обычаямъ, и естественно было сыну возненавидѣть иноземщину за свою мать и стало ему, въ противоположность съ иноземщиною, дорогимъ все московско-русское. Петръ своимъ поступкомъ съ женою оскорбилъ православную церковь потому что она, церковь, одна имѣла данное отъ Бога право произносить судъ между мужемъ и женою; и вотъ Алексѣя невольно тянуло къ церкви, къ ея уставамъ, къ ея обрядамъ, къ ея служителямъ, ко всему православно-религіозному; и Алексѣй долженъ былъ сдѣлаться святошей. Все, что страдало съ его матерью, должно было возбуждать въ немъ сочувствіе; разомъ съ матерью терпѣлъ русскій народъ, разоряемый завоевательными предпріятіями Петра,—и вотъ у сына должно было образоваться противное отцовскимъ воинственнымъ влеченіямъ миролюбивое настроеніе. Алексѣй не любилъ ни войны, ни военщины, не плѣнялся завоеваніями и пріобрѣтеніями, его идеалъ былъ миръ и покой. Однимъ словомъ, все что особенно любилъ отецъ, должно было сдѣлаться особенно противнымъ сыну, и все, что ненавидѣлъ отецъ, тянуло къ себѣ сыновнее сердце.

Въ этомъ-то трагическомъ положеніи, въ которое поставленъ былъ царевичъ съ ребяческихъ лѣтъ, въ этой неизвѣстности выбора—быть на сторонѣ либо отца, либо матери, затѣмъ въ естественномъ предпочтеніи угнетенной матери угнетающему отцу, заключается ключъ къ

объясненію того характера, съ какимъ Алексѣй является въ исторіи. Бываютъ положенія, въ которыхъ долженъ находиться человѣкъ, какихъ бы дарованій онъ ни былъ и съ какимъ бы темпераментомъ онъ ни родился; разница бываетъ только та, что при такихъ, или другихъ природныхъ свойствахъ и способностяхъ, человѣкъ дѣйствуетъ различно, но дѣйствуетъ всегда въ одномъ и томъ же направленіи. Если бы царевичъ родился человѣкомъ великаго ума и громадной воли, онъ все-таки явился бы въ исторіи противникомъ отца въ его пріемахъ и стремленіяхъ, все-таки дѣйствовалъ бы во всемъ наперекоръ отцу. Этотъ царевичъ, напротивъ, былъ бѣденъ духовными дарованіями и рано сломился подъ гнетомъ печальныхъ обстоятельствъ. Г. Погодинъ (въ своей статьѣ «Судъ надъ Царевичемъ») напрасно силился показать, что царевичъ былъ не такъ ничтоженъ, какъ о немъ составилось понятіе; г. Погодинъ указываетъ на слѣды замѣчательнаго ума, видимаго въ сужденіяхъ Алексѣя; мы съ своей стороны во всемъ томъ, что писалъ царевичъ и что можетъ для насъ быть мѣрою его умственныхъ дарованій, не видимъ ничего, кромѣ самаго дюжиннаго, повседневнаго ума, узкой ограниченности и односторонности [1]). Одобрительный отзывъ о немъ учителя Гюй-

[1]) Такъ напр. г. Погодинъ находитъ умными разсужденія, встрѣчаемыя въ запискахъ царевича по слѣдующимъ случаямъ: священникъ, который на условномъ языкѣ въ письмѣ царевича, названъ Коровою, искалъ мѣста въ Горицкомъ монастырѣ. Царевичъ пишетъ, что онъ говорилъ тетушкѣ о Коровѣ, но лучше бы, чтобъ Корова поднесъ челобитную горицкой братіи и архіерею и самъ онъ, царевичъ, когда увидитъ архіерея, поговоритъ съ нимъ, а нарочно посылать не слѣдуетъ, чтобъ не докучать и не повредить любви съ нимъ частыми посылками. Здѣсь видна только трусость и больше ничего. Или напр. что особенно умнаго въ томъ, что царевичъ просилъ за какого-то Окунькова, къ которому Бестужевъ за плутовство былъ немилостивъ? Или напр. въ письмѣ изъ Дрездена къ ду-

сена, человѣка уклончиваго, вообще имѣвшаго въ виду собственную карьеру и потому старавшагося угождать всѣмъ и не раздражать никого, не имѣетъ для насъ большаго авторитета.

До ссылки матери, царевичъ учился у Никифора Вяземскаго началу грамматики, а послѣ удаленія матери поступилъ подъ воспитательный надзоръ нѣмца Нейгебауера. Этотъ нѣмецъ былъ одинъ изъ тѣхъ единоземцевъ, которые, заѣхавши въ Россію, думали, что они находятся въ сообществѣ существъ низшаго разряда и что ихъ, нѣмцевъ, призваніе—очеловѣчивать эти существа. Онъ хотѣлъ быть чѣмъ-то важнымъ въ Россіи, дразнилъ окружающихъ царевича русскихъ людей и кончилъ тѣмъ, что раздразнилъ самого Петра и долженъ былъ уѣхать за границу. По отъѣздѣ Нейгебауера, у Петра явилось было намѣреніе послать сына за границу; уже иностранные дворы наперерывъ хотѣли достать эту до-

ховнику царевичъ извѣщаетъ, что невѣста царевича не хочетъ принять православія, но вмѣстѣ надѣется, что со временемъ это состоится, причемъ изъявляетъ такое избитое мудрованіе: «всѣмъ больше надлежитъ положиться на волю Божію. Онъ многажды и мнящимся противными намъ полезныя устрояетъ и пр.» Къ доказательствамъ ума царевича, г. Погодинъ причисляетъ и такую записку: «что пишешь, радѣтель, что будто я пишу къ тебѣ отчаятельно о прибытіи моемъ сими словами. Когда-де сіе будетъ Богъ вѣсть, и сіе мое слово отчаянію не подлежащее весьма, поневе весь животъ нашъ и движеніе въ руцѣ Божіей. То было бы отчаятельно какъ бы въ волю Божію и съ его изволенія не положилъ я свое возвращеніе.» Это указываетъ на набожность царевича, но въ сущности не доказываетъ въ немъ большаго ума, потому что подобныя истины могъ и глупецъ повторять, такъ какъ онѣ были ходячими. Точно также, въ письмѣ отъ 17 сентября 1711 г., совѣтъ, даваемый господину Засыпкѣ помянуть Іова и Евстафія, указываетъ на чтеніе религіозныхъ книгъ, а не на особенный умъ. Доказательства ума царевича, приводимыя г. Погодинымъ, могли быть состоятельны, еслибы былъ поставленъ вопросъ: не былъ ли царевичъ такой идіотъ, что и пяти пальцевъ пересчитать не умѣлъ? Но его такимъ никто не считалъ.

бычу изъ видовъ приготовить для себя будущаго союзника. Саксонія, Пруссія, Австрія, хотѣли взять русскаго царевича на воспитаніе. Но никому онъ не достался. Петръ раздумалъ отправлять его въ чужіе края и приставилъ къ нему въ Россіи воспитателя, другаго иноземца, Гюйсена. Этотъ наставникъ хотѣлъ дать русскому наслѣднику легкое, показистое образованіе и началъ съ французскаго языка, намѣреваясь пройти съ царевичемъ на этомъ языкѣ руководства къ разнымъ наукамъ съ тою цѣлію, чтобъ царевичъ могъ въ разговорахъ показать кое-какое знакомство съ тѣмъ, что входило въ кругъ образованности. Ученье прерывалось тѣмъ, что Петръ, назвавши сына солдатомъ, бралъ его къ себѣ на время въ походы. Въ 1705 году Гюйсенъ былъ назначенъ на дипломатическое поприще, и царевичъ, живя въ Преображенской слободѣ, оставленъ былъ безъ надлежащаго надзора; онъ продолжалъ учиться по-нѣмецки, геометріи, фортификаціи, но по донесеніямъ учителя его, Вяземскаго, учился слабо. Наблюдать надъ воспитаніемъ царевича поручено было Меншикову, а Меншиковъ, живя въ Петербургѣ, совсѣмъ не занимался своимъ питомцемъ, и нѣкоторые правдоподобно догадывались, что Меншиковъ съ намѣреніемъ оставлялъ царевича на произволъ самому себѣ, чтобъ потомъ сдѣлать его въ глазахъ отца неспособнымъ къ наслѣдству. Петръ тогда уже сошелся съ Екатериною, посредствомъ которой Меншиковъ держался въ милости царя и усиливался. Если Алексѣй изъ любви къ несчастной матери не любилъ отца, ея гонителя и угнѣтателя, то и Петръ не любилъ сына, который напоминалъ ему ненавистную жену, хотя онъ и признавалъ его своимъ наслѣдникомъ, но по нуждѣ, оттого, что судьба по рожденію готовила Алексѣя отцу въ преемники на русскомъ престолѣ въ глазахъ всего

міра. Петру некѣмъ было замѣнить его. Своимъ суровымъ, грубымъ, чуждымъ отеческой ласки обращеніемъ, Петръ могъ внушать сыну только страхъ и укоренить въ немъ зарожденную уже съ дѣтства нелюбовь къ родителю.

Въ Москвѣ царевичъ очутился въ кругу людей, охуждавшихъ дѣянія царя, и поступокъ съ женою, и разорительную для народа шведскую войну, и построеніе Петербурга, и болѣзненное пристрастіе Петра къ морю, и любовь его къ иноземцамъ, и враждебность къ русской старинѣ. Такихъ недовольныхъ было въ то время очень много на Руси, и гдѣ бы царевичъ ни обрѣтался, вездѣ онъ встрѣчалъ и слышалъ бы одно и то же. Петромъ недовольны были родовитые люди; ненавидѣло его духовенство. С. М. Соловьевъ справедливо замѣтилъ, что тогда недовольны были Петромъ не только какіе-нибудь раскольники, или вообще люди не терпѣвшіе и не допускавшіе ровно никакихъ образовательныхъ улучшеній; къ недовольнымъ принадлежали и такіе люди, которые сознавали потребность учиться и учить дѣтей своихъ, люди пробужденные къ умственной жизни кіевскимъ просвѣщеніемъ. Они, вообще, не были врагами образованія Руси; но дорога, по которой шелъ Петръ, была для нихъ не по вкусу; въ особенности тяжела, невыносима казалась имъ чрезвычайная подвижность Петра, его напряженная дѣятельность, которой онъ требовалъ отъ всѣхъ.

Прибавимъ къ этому съ своей стороны, что собственно культурная идея не была до такой степени чужда русскому уму, какъ нѣкоторые думали. Повторять съ иностранцами, будто бы русскій народъ ненавидѣлъ образованность и вести его къ просвѣщенію можно было только страхомъ, насиліемъ, или, какъ выражаются ученые нѣмцы — просвѣщеннымъ деспотизмомъ (aufgeklärte

Despotismus), было бы клеветою на русскій народъ. Наглядным опровержені емъ этой клеветы можетъ служить то обстоятельство, что кіевское просвѣщеніе могло же пробудить умственныя потребности. Правда, оно породило расколъ, но когда мы вникнемъ въ причины упорства со стороны раскольниковъ, то легко согласимся, что упорство это было порождено и развито деспотическими мѣрами, а не какимъ либо прирожденнымъ или закоренѣлымъ отвращеніемъ русскаго человѣка ко всякому умственному движенію впередъ. Кіевское просвѣщеніе, конечно, было одностороннимъ, но то была только та односторонность, чрезъ которую, по неизмѣннымъ законамъ человѣческаго развитія, проходило всякое умственно развивающееся общество; по крайней мѣрѣ кіевское просвѣщеніе вносило за собою такіе взгляды, которые должны были содѣйствовать дальнѣйшему движенію умственной жизни въ Россіи: люди, усвоившіе себѣ это просвѣщеніе, считали полезнымъ дѣломъ заведеніе школъ, распространеніе грамотности, посылку молодыхъ людей за границу для воспитанія, изученіе иностранныхъ языковъ и введеніе въ общественную и домашнюю жизнь иностранныхъ пріемовъ. Все это не только не охуждалось безусловно, напротивъ, многими одобрялось. Если на пути русскаго общества къ образованности являлись дѣйствительно важныя препятствія, то они истекали главнымъ образомъ отъ предразсудковъ духовенства, поддерживаемыхъ властью; русскимъ прежде запрещали ѣздить по своей нуждѣ за границу; русскихъ преслѣдовали за ученье, опасаясь ересей. Чтобъ Русь образовать, — нужно было сдѣлать независимымъ мышленіе, свободнымъ сообщеніе съ Европою, дать просторъ жизни, дозволить каждому устраивать свою судьбу; русскимъ надобно было собственно «дозволять» просвѣщаться, а не принуждать

ихъ къ просвѣщенію насиліемъ. Петръ отрѣзывалъ русскимъ бороды и старинное платье: такія мѣры удерживали бороды и старинное платье и сдѣлали ихъ принадлежностями мученичества; безъ этихъ мѣръ, если бы царь только появился въ европейскомъ платьѣ и за нимъ послѣдовало нѣсколько сановниковъ — этого было бы достаточно; примѣръ ихъ подѣйствовалъ бы на многихъ, и въ короткое время навѣрное треть, если не половина Руси, обрила бы себѣ бороды и одѣлась по-европейски; точно также, еслибы русскіе узнали, что ихъ болѣе не станутъ пытать огнемъ, бить кнутомъ, сажать въ тюрьмы и ссылать по подозрѣніямъ въ неправовѣріи, что самъ царь посылаетъ молодежъ за границу, и вовращающихся оттуда ласкаетъ, даетъ почетныя и выгодныя мѣста, то все мыслившее бросилось бы учиться, ѣздить за границу, усвоивать понятія и взгляды, выработанные тогдашнею наукою, а вслѣдъ затѣмъ и въ Россіи закипѣла бы умственная жизнь; культурные признаки сами собою входили бы въ общественный и домашній бытъ; верховной власти оставалось не принуждать, не насиловать, а только дозволять, поощрять и показывать всѣмъ примѣръ и дорогу. Русскій народъ упирается, упорствуетъ, увертывается, противодѣйствуетъ, большею частію страдательно, чѣмъ дѣятельно, когда хотятъ добиться отъ него извѣстнаго направленія его жизни путемъ страха и наказаній; и напротивъ, русскій народъ пойдетъ по тому же самому направленію не только охотно, но съ увлеченіемъ, если власть станетъ привлекать къ нему собственнымъ примѣромъ, поощреніемъ, ласкою, убѣжденіями, не относясь слишкомъ сурово къ неизбѣжнымъ, временнымъ проявленіямъ нежеланія идти по указанному пути, и понимая, что человѣческая природа требуетъ времени, чтобы переломить въ себѣ привычку къ старому. Петръ

этого не уразумѣлъ: его горячая натура не хотѣла ждать и не терпѣла никакого противорѣчія. Для того, чтобы ввести въ Россіи признаки европейской образованности, нужно было съ одной стороны болѣе или менѣе продолжительное время, а съ другой надобно было безбоязненно допустить внутри русскаго общества борьбу понятій, вѣрованій и взглядовъ, надобно было терпѣливо и милостиво сносить противодѣйствія образовательнымъ мѣрамъ; — за то достигнутое такимъ путемъ прочно привилось бы къ Россіи, вошло бы въ ея плоть и кровь, выработало бы въ ней нѣчто зрѣлое, своеобразное, самостоятельное, твердое, здоровое. Но для такого образа дѣйствій не подготовило Петра ни воспитаніе, ни Европа, куда онъ ѣздилъ для самообученія; при томъ Петръ и не поставилъ главною цѣлью своей дѣятельности духовное просвѣщеніе народа. У него была цѣль — создать государство, которое бы не только не боялось нападеній и въ состояніи было бы отъ нихъ отстоять себя, но само стало бы грознымъ для сосѣдей, заставило бы ихъ, если не уважать себя, то опасаться своего матеріальнаго могущества. Для этой цѣли нужно было войско и военные припасы, нуженъ былъ флотъ, нужно было море, а для того, чтобы пріобрѣсть послѣднее, нужна была война: война же, по своему существу, не можетъ допускать выжиданія, а требуетъ немедленной доставки многаго такого, что въ спокойное время достается продолжительнымъ трудомъ. Всякая война влечетъ за собою чрезвычайныя издержки, падающія всегда бременемъ на народную массу. Шведская война оказалась одною изъ упорнѣйшихъ и тяжелыхъ войнъ; издержки требовались за издержками, ихъ долженъ былъ доставлять русскій народъ, выбиваясь изъ силъ, разоряться, страдать. Петру хотѣлось, чтобъ у него немедленно дѣлалось то, чего

онъ захочетъ. Это качество особенно является какъ бы прирожденнымъ въ тѣхъ государяхъ, которые въ дѣтствѣ вступили на престолъ, почти не помнили себя ничѣмъ, какъ только государями, не были даже наслѣдниками, не видѣли въ своей странѣ никого выше себя по праву. Ихъ стремленія усиливались, если во времена дѣтства этихъ государей бывали (а это дѣйствительно часто въ такихъ обстоятельствахъ и случалось) смуты или бунты, незаконныя поползновенія, тѣмъ или другимъ путемъ клонившіяся къ уничтоженію или оскорбленію верховнаго сана. Тогда съ ихъ наклонностями дѣлать все непремѣнно по-своему, соединяется раздражительность, подозрительность, недовѣріе и заботливость предупредить все, похожее на сопротивленіе ихъ волѣ, все, что напоминаетъ имъ непріятныя впечатлѣнія дѣтства или отрочества. Такими и были, при совершенно различныхъ дарованіяхъ, Иванъ Васильевичъ Грозный, Людовикъ XIV, Петръ Великій. Петръ, въ дѣтствѣ почуствовавшій на своей головѣ вдвойнѣ законно данный ему (и по рожденію, и по избранію) вѣнецъ, перенесъ тяжкія униженія отъ мятежниковъ, и они-то воспитали въ немъ то жестокосердіе, съ какимъ онъ относился ко всему, въ чемъ видѣлъ малѣйшее противорѣчіе своей волѣ. Петръ считалъ себя одного умнѣе всѣхъ русскихъ людей. Онъ смотрѣлъ на народъ, какъ на ребятишекъ, которыхъ слѣдуетъ взрослому учителю сѣчь, чтобъ они учились. Такой взглядъ былъ прямо высказанъ Петромъ въ одномъ изъ его указовъ. Мало казалось того, что всѣ должны были исполнять его приказанія: всѣ должны были желать того, что онъ желаетъ, любить то, что ему нравится; имѣть иной вкусъ чѣмъ у него — было уже преступленіе. Самъ въ высшей степени воспріимчивый, переимчивый, дѣятельный, богатырски неутомимый, Петръ хотѣлъ, чтобы

всѣ на него походили, или старались приблизиться къ нему какъ къ идеалу: всѣ должны были чувствовать, думать, вѣрить, какъ онъ прикажетъ, а средствами къ побужденію идти по такому пути были: кнутъ, пытки, вырываніе ноздрей, насилія всякаго рода, поборы, доходившіе до налоговъ на гробы, каждогодная высылка солдатъ въ Ливонію, Финляндію, Польшу, Германію, высылки работниковъ, погибавшихъ тысячами отъ трудовъ непривычнаго климата, дурнаго содержанія; насильственныя переселенія семействъ въ созданный царемъ «парадизъ», о которомъ русскіе люди не говорили иначе, какъ съ искреннимъ желаніемъ, чтобъ этотъ парадизъ провалился въ свое болото; ко всѣмъ тягостямъ, падавшимъ на народъ, прибавлялись еще обдирательства царскихъ чиновниковъ по прежде заведеннымъ порядкамъ, но вдобавокъ усиленіе доносничества, получившаго новую организацію въ учрежденіи фискаловъ, созданныхъ для преслѣдованія злоупотребленій и большею частью злоупотреблявшихъ своимъ званіемъ. Мы не станемъ отрицать высоты цѣлей Петра, но мѣры, постоянно употребляемыя для этихъ высокихъ цѣлей, были ужасны; вся Русь находилась какъ будто на продолжительной вискѣ, подъ безпрестанными ударами, все для того, чтобы преобразить ее въ могучее европейское государство. Понятно, что, при такихъ мѣрахъ, недовольство овладѣвало не только грубыми, тупыми, закоснѣлыми сторонниками стариннаго невѣжества, но и людьми, уважавшими просвѣщеніе, готовыми усвоить европейскую культуру и раздѣлявшими вмѣстѣ съ Петромъ его конечныя цѣли: извѣстно, что люди, служившіе ему въ числѣ его сотрудниковъ, какъ Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, Борисъ Петровичъ Шереметевъ, и многіе другіе, не раздѣляли всѣхъ его увлеченій. Тѣмъ болѣе непріязненно смотрѣли

на эти увлеченія тѣ, которые не стояли на высотѣ государственной и общественной дѣтельности и съ которыми сошелся тогда царевичъ.

Мы не знаемъ всѣхъ окружавшихъ царевича и бывшихъ съ нимъ въ соприкосновеніи; нѣкоторыхъ же знаемъ только по именамъ. Извѣстно, что главными изъ близкихъ къ нему лицъ, въ періодъ его проживанія въ Москвѣ, или болѣе въ Преображенскомъ, были: Нарышкины (Василій и Михаилъ Григорьевичи, Алексѣй и Иванъ Ивановичи), Вяземскіе (учитель Никифоръ, Сергѣй, Левъ, Петръ, Андрей), домоправитель Ѳедоръ Еварлаковъ, мужъ царевичевой кормилицы Колычевъ, крутицкій владыка Иларіонъ и нѣсколько священниковъ и монаховъ (духовникъ, верхоспасскій священникъ, потомъ протопопъ, Яковъ Игнатьевъ, благовѣщенскій ключарь Алексѣй, попъ Леонтій и др.). Эти люди были друзья и собесѣдники царевича, вмѣстѣ съ нимъ молились, вмѣстѣ веселились, вмѣстѣ охуждали дѣла Петра, вмѣстѣ охали надъ невзгодами своего времени. (Впослѣдствіи, очень близкимъ и наиболѣе увлекавшимъ его вмѣстѣ съ собою въ погибель, былъ Александръ Кикинъ). Въ образѣ жизни царевича рано являются пріемы тѣ же, которые видны и въ развлеченіяхъ Петра, устроившаго около себя всепьянственнѣйшій соборъ и дававшаго своимъ собесѣдникамъ разныя насмѣшливыя клички. И у царевича пріятельская компанія называется соборомъ, и его пріятелямъ розданы были клички (отецъ Корова, отецъ Іуда, Адъ, Жибанда, господинъ Засыпка, Захлюстка, Молохъ, Бритый, Грачъ и проч.). Они хвастались пьянствомъ. «Мы вчера повеселились изрядно — писалъ царевичъ къ своему духовнику — отецъ мой духовный Чижъ чуть живъ отошелъ до дому, поддержимъ сыномъ». Въ другомъ письмѣ царевича къ тому же духовнику,

Алексѣй Нарышкинъ сдѣлалъ такую приписку: «не оставь въ молитвахъ своихъ меня и писаніемъ, мы здѣсь зѣло въ молитвенныхъ подвигахъ пребываемъ; я уже третій день почитай не маливался и главный нашъ не умножаетъ».

Съ раннихъ лѣтъ привыкъ царевичъ таиться отъ родителя, быть осторожнымъ, опасаться подсмотровъ и доносовъ. Его важнѣйшая тайна, которую онъ долженъ былъ скрывать, — было чувство къ матери. Царевна Наталья, любимая сестра Петра, рожденная отъ единой съ нимъ матери, донесла брату, что царевичъ ѣздилъ въ Суздаль къ матери. Петръ потребовалъ сына къ себѣ въ Польшу, гдѣ самъ находился съ войскомъ, и излилъ на него свой гнѣвъ. Можно понять, что такое обращеніе не поселило довѣрія и расположенія сына къ родителю. Въ другой разъ, сдѣлалъ царь сыну гнѣвное замѣчаніе за что-то, и царевичъ, чтобы смягчить озлобленіе родителя, прибѣгалъ къ ходатайству близкой Петру особы. Но какой особы? Екатерины, заступившей мѣсто, принадлежавшее по праву матери Алексѣя, которая продолжала томиться въ заключеніи. Само собою разумѣется, царевичъ ненавидѣлъ въ душѣ соперницу его матери и считалъ ее своимъ врагомъ, въ чемъ послѣ и высказывался; но онъ долженъ былъ притворяться, унижаться предъ нею. Екатерина дѣйствительно выпросила прощеніе царевичу; Петру конечно было пріятно, что сынъ обращается къ ней съ почтительными просьбами. Царевичъ послѣ того долженъ былъ писать къ Екатеринѣ снова, благодарить за милости и просить на будущее время ея покровительства: «И впредь прошу — выражалъ онъ — не оставьте меня въ какихъ прилучившихся случаяхъ, въ чемъ надѣюсь на вашу милость». Такія событія необходимо развивали въ царевичѣ внутреннее огор-

ченіе, чувство безвыходной тягости своего положенія въ мірѣ.

Не одни праздныя развлеченія наполняли однако время царевича. У него были вотчины, которыхъ управленіемъ онъ долженъ былъ заниматься. Отецъ повѣрялъ ему кое-какія государственныя дѣла, требовавшія его отлучки изъ Москвы не на долгое время. За подписью царевича отправлялись указы, касавшіеся распоряженій по отысканію кроющихся отъ службы, городовыхъ рабовъ въ Москвѣ, военныхъ дѣйствій противъ мятежниковъ. Въ 1708 году Петръ повѣрилъ ему наборъ рекрутъ въ Смоленскѣ; въ 1709 г. царевичъ привелъ отцу пять полковъ въ Сумы. Въ исполненіи этихъ порученій царевичъ не заявилъ себѣ ничѣмъ, чтобы намъ поясняло его умъ и способности, тѣмъ болѣе, что это были такого рода дѣла, гдѣ и нельзя видѣть: онъ ли самъ дѣйствовалъ, или другіе за него.

Нѣкоторыя черты, относящіяся до времени его пребыванія въ Москвѣ, показываютъ, что онъ тогда уже не былъ добросердечнымъ простакомъ; напротивъ, въ его характерѣ проглядывали признаки грубой жестокости. Въ послѣдующее время, припоминая житье его въ Москвѣ, духовникъ его писалъ ему: «А и въ прежде бывшія времена и годы, егда присутствующу благородію твоему въ Москвѣ, многократнѣ ты меня пугалъ и всячески озлоблялъ и въ нѣкоемъ домѣ и за бороду меня дралъ... есть и другіе отъ милостиваго наказанія и побой изувѣчены и хричатъ кровью». Духовникъ читалъ царевичу поученія о томъ, что слѣдуетъ быть милостиву къ подчиненнымъ; слѣдовательно въ такихъ поученіяхъ нуждался царевичъ. Впослѣдствіи, учитель его Вяземскій открывалъ, что царевичъ дралъ его за волосы, билъ палкою, а будучи за границею одного пѣвчаго избилъ до крови. Эти черты поясняютъ, что такое въ глубинѣ своей

натуры былъ царевичъ Алексѣй Петровичъ, и чего можно было ожидать отъ него, если бы онъ былъ на престолѣ. Замѣтимъ, что человѣкъ, котораго онъ дралъ за бороду, его духовникъ, былъ лицо самое уважаемое какъ имъ самимъ, такъ и всѣмъ кружкомъ близкихъ къ нему людей.

Никто не имѣлъ на царевича такого нравственнаго вліянія какъ этотъ человѣкъ и никому не оказывалъ царевичъ такого довѣрія, уже потому, что онъ по своей обязанности былъ духовнымъ руководителемъ его совѣсти. Яковъ былъ уроженецъ Владиміра, землякъ и другъ Досифея, находившагося потомъ въ званіи ростовскаго епископа и тогда показавшаго себя ревностнѣйшимъ другомъ матери царевича. Яковъ болѣе двадцати лѣтъ былъ въ Москвѣ, сначала дьякономъ, потомъ священникомъ въ Верхоспасскомъ дворцовомъ соборѣ въ Кремлѣ. Умный, сметливый и энергическій, этотъ священникъ увидѣлъ возможность внушить царевичу то ученіе о безусловномъ подчиненіи мірскаго человѣка духовенству, которымъ нѣкогда Сильвестръ держалъ въ рукахъ нѣсколько лѣтъ необузданнаго царя Ивана Васильевича и за которое, стараясь утвердить его силу въ Россіи, пострадалъ Никонъ. Впослѣдствіи, въ 1714 году, царевичъ, будучи за границею, разсердился на своего духовника за зятя послѣдняго, который подвергся гнѣву царевича за злоупотребленія по управленію его вотчинами; царевичъ написалъ духовнику колкое письмо. Духовникъ отвѣтилъ ему припоминаніемъ тѣхъ событій, которыя нѣкогда происходили между ними еще въ тѣ времена, когда царевичъ жилъ въ Преображенскомъ. «Помнишь ли — писалъ Яковъ Игнатьевъ — какъ нѣкогда въ Преображенскомъ, въ твоей спальнѣ, предъ лежащимъ на стольцѣ евангеліемъ я спрашивалъ тебя: будешь ли за-

повѣди Божія исполняти и преданія апостольскія хранити и меня отцатвоего духовнаго почитати и за ангела Божія и за апостола имѣти и за судью дѣлъ своихъ, и хощеши ли меня слушати во всемъ, и вѣруеши ли, яко и азъ аще и грѣшенъ есть, но такову же имамъ власть священства отъ Бога мнѣ недостойному дарованную, что могу вязати и рѣшити, якову власть даровалъ Христосъ апостолу Петру и прочимъ апостоламъ, глаголя: елице аще свяжеши на земли, будетъ связанъ на небеси, и хощеши смиренія моего священству и власти во всемъ повиноватися и покорятися? И на сія вопрошенія моя благородіе твое предъ св. Евангеліемъ сице отвѣтствовалъ: заповѣди Божія и преданія апостольскія и святыхъ его вся съ радостію хощу творити и хранити и тебе отца моего духовнаго буду почитати и за ангела Божія и за апостола Христова и за судью дѣлъ своихъ чтити и священства твоего власти слушати и покорятися во всемъ долженъ». Ловкій попъ былъ столько же добрымъ собесѣдникомъ при испитіи, сколько ревнителемъ церковной власти. На это указываютъ письма царевича изъ-за границы, гдѣ встрѣчаются такія выраженія: «истинно подпиваемъ и васъ сердечныхъ любителей напоминаемъ» или: «и на сіе писаніе излитіе вина было, дабы оное васъ при пріятіи сего же пріяти принудило, дабы вамъ благополучно жити и сильно пити». Веселый нравъ, неотставаніе отъ кутежей, вѣроятно, помогали этому священнику поддерживать свое вліяніе на царевича и его кружокъ. Вообще, надъ святошами имѣютъ наибольшее вліяніе тѣ духовные, которые хотя и проповѣдуютъ строгій аскетизмъ, но позволяютъ себѣ вмѣстѣ съ своими духовными чадами нѣкоторыя выходки житейскаго либерализма, въ родѣ, напримѣръ, дружескаго винопитія. Іезуиты очень хорошо понимали эту черту,

истекающую изъ свойствъ человѣческой природы, и потому, какъ съ своей нравственной теоріи, такъ и въ обращеніи во своими учениками, отличались съ одной стороны строгостью благочестивой практики, а съ другой стороны снисходительностью къ разнымъ пріятностямъ земной жизни. Нашъ отецъ Яковъ умѣлъ, какъ видно, приковать къ себѣ царевича, несмотря на грубыя выходки послѣдняго. Царевичъ, хотя подъ горячій часъ и давалъ волю своимъ рукамъ до того, что посягалъ на честную браду своего «радѣтеля», а все-таки былъ суевѣрно привязанъ къ нему болѣе, чѣмъ къ кому нибудь. Разлучившись съ нимъ поневолѣ, по случаю своей поѣздки за границу, совершенной по приказанію Петра, Алексѣй Петровичъ въ 1710 году писалъ къ Якову такія задушевныя слова: «не имѣю во всемъ Россійскомъ государствѣ такого друга и скорби о разлученіи кромѣ васъ, Богъ свидѣтель.... аще бы вамъ переселеніе отъ здѣшнихъ къ будущему случилось, то уже мнѣ весьма въ Россійскомъ государствѣ не желательно возвращеніе, паче же мнѣ и оскорбленіе что васъ не видѣти, гдѣ прежъ сего видѣлъ....». Главною нравственною связью царевича съ этимъ лицомъ было то, что царевичъ открывалъ ему какъ духовнику свои завѣтныя чувства къ матери и нелюбовь къ отцу. Кажется, священникъ служилъ отчасти посредникомъ въ сношеніяхъ между нимъ и матерью, насколько дозволяла трусость царевича. По крайней мѣрѣ, впослѣдствіи, царевичъ при допросѣ своемъ объяснилъ, что отецъ Яковъ давалъ ему, лѣтъ тому назадъ одиннадцать, или двѣнадцать, (слѣдовательно, въ 1707 или 1706 годахъ), письмо отъ матери, въ которомъ она писала о здоровьѣ и просила у сына милостыни. Царевичъ прибавлялъ, что онъ ему тогда же велѣлъ впередъ не возить такихъ писемъ и Яковъ болѣе

не доставлялъ ихъ; но мы однако вправѣ не довѣрять слишкомъ точной справедливости извѣстій, сообщенныхъ подъ страхомъ мукъ. Царевичъ (какъ показалъ также на допросѣ) своему духовнику сознался въ томъ, что желаетъ родительской смерти, а Яковъ отвѣчалъ ему: «Богъ тебя проститъ; и мы всѣ желаемъ ему смерти для того, что въ народѣ тягости много». Яковъ шевелилъ самолюбіе царевича, сообщая ему, что въ народѣ хвалятъ царевича, пьютъ за его здоровье, называютъ надеждой россійской. На посредничество Якова въ сношеніяхъ царевича съ матерью указываетъ и то, что, по отъѣздѣ своемъ за границу, царевичъ, заботясь о безопасности своего духовнаго отца, убѣждалъ его не ѣздить во Владиміръ: «понеже смотрѣльщиковъ за вами много, чтобы изъ сей твоей поѣздки и мнѣ не случилось какое зло».

Но если тягостно-зависимое положеніе царевича подъ гнетомъ суроваго отца, вмѣнявшаго сыну въ тяжкое преступленіе сношеніе съ родною матерью, сближало царевича съ духовными и подчиняло ихъ вліянію, то изъ того никакъ не слѣдуетъ дѣлать выводовъ, что ученіе о безусловномъ подчиненіи мірскаго человѣка церкви въ лицѣ духовенства, внѣдряемое въ душу царевича отцомъ Яковомъ, осталось бы въ этой душѣ непоколебимымъ и тогда, когда бы обстоятельства царевича измѣнились и особенно когда бы онъ сталъ государемъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, именно въ 1714—1715 годахъ, когда долгая разлука ослабила силу прежнихъ впечатлѣній, царевичъ поставилъ себя къ своему бывшему духовнику въ такія отношенія, что духовникъ принужденъ былъ писать къ нему вотъ какія строки: «Имѣеши мя не за ангела Божія, не за апостола Христова, не за судію дѣлъ твоихъ, но забывъ свое обѣщаніе, самъ меня су-

диши, называеши мя во твоемъ нынѣ ко мнѣ писаніи любопристрастна, лживца, неправедна, чужимъ грѣхамъ потакателя и прорицаеши мнѣ отъ золотыя рѣшетки, что въ верху у Спаса, на низъ паденіе и яко Иліи жерца хребта сокрушеніе». Изъ этихъ строкъ ясно, что если бы царевичу Алексѣю судьба дала возйти на русскій престолъ, то онъ постарался бы освободиться и отъ отца Якова и отъ всякихъ покушеній на безусловныя подчиненія его царской воли церковной власти, подобно тому какъ освободились цари московскіе: Иванъ отъ Сильвестра, а Алексѣй Михайловичъ отъ Никона.

Кромѣ отца Якова, на царевича Алексѣя должна была имѣть значительное вліяніе тетка его, царевна Марья Алексѣевна, у которой оставалась общая дочерямъ Марьи Ильинишны давняя вражда къ сыну Натальи Кириловны.

Въ этомъ-то кругу царевичъ, настроенный противъ отца естественнымъ влеченіемъ къ страдалицѣ матери, воспиталъ въ себѣ и укрѣпилъ враждебное чувство, какъ къ особѣ родителя, такъ и къ его преобразовательнымъ и завоевательнымъ планамъ, которыми вообще недоволенъ былъ тогдашній народъ русскій.

Въ 1709 году, осенью, отецъ потребовалъ царевича къ себѣ и отправилъ за границу вмѣстѣ съ сыномъ канцлера Головкина, Александромъ, и княземъ Юріемъ Трубецкимъ. Для царевича съ этихъ поръ наступилъ другой періодъ жизни. Непривѣтливо ему, какъ глубоко русскому человѣку, показалось на чужой сторонѣ, въ особенности, когда онъ увидѣлъ себя удаленнымъ отъ привычныхъ и любимыхъ бесѣдъ съ духовнымъ чиномъ, бесѣдъ о вѣрѣ, о церковныхъ дѣлахъ, которыя были такъ по сердцу русскимъ людямъ, и чувствуя въ этомъ

потребность, онъ просилъ духовника прислать къ нему переодѣтаго русскаго священника.

По волѣ отца, царевичъ отправился въ Дрезденъ, гдѣ долженъ былъ учиться геометріи и фортификаціи. Путь его лежалъ черезъ Польшу, и тамъ онъ пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ. (Въ Краковѣ мы его застаемъ 19 декабря 1709, а въ Варшавѣ, въ мартѣ 1710). Царь, кромѣ ученія, опредѣлилъ еще и женить сына, непремѣнно на иностранкѣ; на русской царь ни за что не дозволялъ ему жениться. Петръ предоставлялъ ему свободу выбрать изъ иностранокъ себѣ жену по сердцу, но то была такая же свобода, какъ та, которую Петръ предоставлялъ женѣ добровольно постричься. Устроено было въ Шланкенбергѣ, близъ Карльсбада, свиданіе царевича съ прицессою Бланкенбургскою, внукою брауншвейгъ-вольфенбительскаго герцога Антона-Ульриха, Шарлоттою, родною сестрою супруги императора Карла VI. Мысль женить на ней сына зародилась у Петра еще ранѣе; 19 апрѣля 1711 года былъ подписанъ съ обѣихъ сторонъ брачный трактатъ. Придали этому видъ, будто царевичъ избралъ себѣ супругу добровольно; самъ царевичъ писалъ къ своему духовнику, что его давно уже сватали на той принцессѣ, «однакожь ему отъ батюшки не весьма было открыто», но когда онъ, послѣ того, какъ увидѣлъ ее, получилъ вопросъ отъ родителя: хочетъ ли онъ вступить съ нею въ супружество, то зная, что ему на русской жениться не дозволятъ, написалъ батюшкѣ: «что когда его воля есть, чтобъ мнѣ быть на иноземкѣ женатому, то я его волю согласую, чтобъ меня женили на вышеписанной княжнѣ, которую я ужь увидѣлъ, и мнѣ показалось, что она человѣкъ добръ и лучше ея здѣсь мнѣ не сыскать». Эти однѣ строки показываютъ, какова была добрая воля, предоставленная царевичу въ выборѣ жены.

Онъ согласился жениться только оттого, что уже объявлена была воля царя, чтобъ ему жениться на иноземкѣ; царевичъ, кромѣ того, зналъ уже царское желаніе, чтобъ онъ женился именно на этой, хотя ему «отъ батюшки и не весьма то было открыто»; понятно, что не для чего было ему пользоваться даруемымъ дозволеніемъ жениться на какой угодно; его могли заставить жениться на Шарлоттѣ и послѣ заявленнаго имъ нежеланія, наконецъ, его могли женить на другой, но хуже Шарлотты, — эту, по крайней мѣрѣ, онъ видѣлъ, и она ему показалась «человѣкъ добръ».

Что царевича женили тогда поневолѣ, всего лучше показываетъ отзывъ дѣда невѣсты, герцога Антона Ульриха: «Народъ русскій никакъ не хочетъ того супружества — писалъ онъ — видя, что не будетъ болѣе входить въ кровный союзъ съ своимъ государемъ. Люди, имѣющіе вліяніе у принца, употребляютъ религіозныя внушенія, чтобъ заставить его порвать дѣло, или по крайней мѣрѣ, не допускать до заключенія брака, протягивая время; они поддерживаютъ въ принцѣ сильное отвращеніе ко всѣмъ нововведеніямъ и внушаютъ ему ненависть къ иностранцамъ, которые, по ихъ мнѣнію, хотятъ владѣть его высочествомъ посредствомъ этого брака. Принцъ начинаетъ ласково обходиться съ госпожею Фюрстенбергъ и съ принцессою Вейссенфельдскою, не съ тѣмъ, чтобы вступить съ ними въ обязательство, но только дѣлая видъ для царя-отца своего и употребляя послѣдній способъ къ отсрочкѣ: онъ проситъ у отца позволенія посмотрѣть еще другихъ принцессъ, въ надеждѣ, что между тѣмъ представится случай уѣхать въ Москву и тогда онъ уговоритъ отца, чтобъ позволилъ ему взять жену изъ своего народа».

Такимъ образомъ, нѣмецкая родня невѣсты Алексѣя

очень хорошо знала, что его женятъ насильно, что Алексѣй, какъ русскій человѣкъ, вѣрный національнымъ предразсудкамъ и поддерживаемый соотечественниками, отказывается отъ брака съ нѣмкою. Однако, бракъ этотъ былъ совершенъ въ Торгау, 14 октября 1711 года, по волѣ царя и въ его присутствіи.

Православную благочестивую душу царевича сильно безпокоило то, что жена его лютеранка и ему не представлялась возможность понудить ее къ принятію православной вѣры.

Въ особенности совѣстно было ему предъ духовникомъ своимъ; въ письмѣ къ нему царевичъ утѣшалъ и себя и духовника надеждою, что быть можетъ супруга современемъ приметъ православіе, когда пріѣдетъ въ русскій край и сама все разсмотритъ.

Напрасна была такого рода надежда. Шарлотта осталась нѣмкою до мозга костей, а царевичъ, съ своей стороны, по замѣчанію императорскаго посла въ Россіи, Плейера, «не вывезъ изъ Германіи нѣмецкаго чувства и нрава».

Бракъ этотъ не былъ счастливъ. Послѣ брачныхъ пиршествъ, Петръ послалъ царевича для собранія провіанта въ Польшу; тамъ молодая чета прожила вмѣстѣ съ полгода, нуждаясь въ деньгахъ, а потомъ, въ апрѣлѣ 1712 года, для нихъ настала довольно продолжительная разлука. Петръ отправилъ сына въ Померанію для военныхъ дѣйствій; царевичъ оставилъ жену въ Эльбингѣ. Въ октябрѣ 1712 года, Петръ велѣлъ ей ѣхать въ Петербургъ. Кронпринцесса пришла въ ужасъ. «Мое положеніе, — писала она родителямъ, — гораздо печальнѣе и ужаснѣе, чѣмъ можетъ представить чье либо воображеніе. Я замужемъ за человѣкомъ, который меня не любилъ и теперь любитъ еще менѣе, чѣмъ когда либо...

царь ко мнѣ милостивъ; его жена подъ рукой вредитъ мнѣ всевозможнымъ образомъ, ибо она ненавидитъ меня столько же, сколько мнѣ приходится ее опасаться, т. е. болѣе, чѣмъ можно себѣ вообразить». О русскомъ народѣ, среди котораго ей предстояло жить, она составила себѣ самое невыгодное мнѣніе; внушали ей омерзѣніе и русскія понятія, и русское богослуженіе, и русская нечистоплотность, и русскіе нравы: «не говорю уже о томъ, — писала она, — что лютеране въ ихъ глазахъ не много лучше самого діавола — они столько ихъ ненавидятъ и считаютъ себя оскверненными ихъ прикосновеніемъ; у насъ полагаютъ, что русскіе искренны и вѣрны, но я могу увѣрить, что они лицемѣрны и вѣроломны».... Къ такому взгляду на кругъ, въ который бросила судьба Шарлотту, присоединилось еще то обстоятельство, что служившіе при ея дворѣ распустили слухи о двусмысленныхъ отношеніяхъ кронпринцессы къ одному молодому придворному (Плейницу), и эти слухи внушали подозрѣнія даже роднымъ Шарлотты. Все это было причиною, что, вмѣсто поѣздки въ Петербургъ, она, подъ предлогомъ неимѣнія денегъ, уѣхала къ отцу. Петръ сердился. Не ранѣе, какъ послѣ происшедшаго, уже въ февралѣ 1713 года, свиданія съ Петромъ, Шарлотта отправилась въ Петербургъ, а свидѣлась съ супругомъ только въ августѣ: до этого времени царевичъ осужденъ былъ на непріятный для него походъ вмѣстѣ съ отцомъ въ Финляндію.

Ко времени прибытія царевича въ Петербургъ относится событіе, чрезвычайно важное для уразумѣнія личностей, какъ царевича, такъ и его родителя. Петръ хотѣлъ проэкзаменовать царевича, чтобъ узнать, до какой степени онъ успѣлъ въ геометріи и фортификаціи, и велѣлъ показать себѣ чертежи, сдѣланные царевичемъ.

Чертежи показать было можно, потому что можно было и чужіе чертежи показать за свои, но тутъ на царевича напалъ страхъ: а что если царь велитъ при себѣ чертить? Царевичъ выстрѣлилъ себѣ изъ пистолета въ ладонь правой руки, но пуля попала не въ руку, а въ стѣну; царевичу только опалило руку. Отецъ увидалъ обожженную руку и спросилъ: что это такое? Царевичъ какъ-то отолгался. «Въ этомъ поступкѣ — замѣчаетъ С. М. Соловьевъ — видѣнъ весь человѣкъ, напоминающій собою тѣхъ русскихъ мужиковъ, которые увѣчатъ себя, чтобъ не попасть въ солдаты». Соглашаемся съ замѣчаніемъ достопочтеннаго историка, но прибавимъ къ этому съ нашей стороны, что въ этомъ поступкѣ видѣнъ и отецъ, какъ въ поступкахъ русскихъ мужиковъ, калѣчившихъ себя изъ-за того, чтобы не попасть въ солдаты, видно также, что такое была солдатчина. Петръ самъ объясняетъ намъ тогдашнее положеніе сына предъ царственнымъ отцомъ, когда въ письмѣ своемъ (врученномъ царевичу по смерти жены послѣдняго) сознается, что онъ часто бранивалъ сына, да не только бранивалъ, но и бивалъ, а потомъ долгое время не говорилъ съ нимъ. Побои — вещь нелегкая и непріятная; они легко могутъ сбить съ толку и заставить дѣлать отчаянныя глупости и природу болѣе богатую умственными дарованіями, чѣмъ была природа царевича Алексѣя. По возвращеніи изъ финляндскаго похода, Петръ посылалъ царевича для наблюденія надъ постройкою судовъ въ Ладогу и съ тѣхъ поръ не видно, чтобъ онъ поручалъ ему что нибудь. Съ этихъ поръ, отецъ, какъ говорится, махнулъ рукою на сына и даже не хотѣлъ съ нимъ говорить. Царевичъ жилъ въ Петербургѣ съ женою. Принцесса имѣла свой дворъ, окружена была исключительно нѣмцами; между нею и Русью не образовалось ни малѣйшей связи. При

ней постоянно была ея подруга, Юліанія Луиза фонъ-Остфрисландъ, особа, вооружавшая принцессу и противъ русскихъ, и противъ мужа. Невыносимыми казались для нѣмокъ грубые пріемы жизни и обращенія. Жизнь Шарлотты постоянно отравлялась разными огорченіями и лишеніями. Деньги, которыя слѣдовало получать сообразно брачному контракту, выдавались ей неаккуратно и съ затрудненіями, а пожалованныя ей имѣнія, въ числѣ тысячи пяти сотъ душъ, приносили мало дохода; крестьяне этихъ имѣній, какъ и вообще весь русскій народъ въ тѣ времена, были разорены тяжелыми казенными поборами и повинностями, такъ что приходилось ихъ самихъ кормить и спасать отъ голода; принцесса постоянно нуждалась, не могла правильно платить своей нѣмецкой прислугѣ и постоянно забирала въ долгъ у купцовъ. Съ другой стороны, ей хотѣлось поправить разстроенныя обстоятельства своихъ родителей и она уступила имъ свое приданое въ 20,000 р., сперва испросивъ на то согласіе мужа, но потомъ, когда царевичу приходилось подписаться въ полученіи этой суммы, которую, какъ уступленную матери кронпринцессы, получать на самомъ дѣлѣ не слѣдовало, царевичъ заупрямился, отрекался отъ своего обѣщанія, наговорилъ женѣ колкостей и нанесъ ей глубокое огорченіе. Кромѣ того, кронпринцесса поссорилась съ сестрою царя, царевною Натальею, по поводу дома, занятаго людьми кронпринцессы, изъ котораго выгналъ этихъ людей служившій у царевны хозяинъ дома Гедеоновъ. Кронпринцесса просила мужа заступиться за нее, а царевичъ, вѣроятно, по трусости, боявшійся раздражать любимую его отцомъ тетку, не хотѣлъ вмѣшиваться въ это дѣло: несогласіе между супругами по этимъ поводамъ дошло до того, что царевичъ сталъ совѣтовать ей уѣхать отъ него въ Германію.

«Еслибъ я не была беременна — писала Шарлотта своей матери — то уѣхала бы въ Германію и съ удовольствіемъ согласилась бы тамъ питаться только хлѣбомъ и водою. Молю Бога, чтобъ Онъ наставилъ меня своимъ духомъ, иначе отчаяніе заставитъ меня совершить что нибудь ужасное»... Въ письмахъ своихъ къ сестрѣ, императрицѣ германской, Шарлотта, однако, скрывала свое горе и увѣряла, что съ нею обращаются хорошо, а впослѣдствіи и свекоръ и мужъ заявляли обвиненія другъ противъ друга въ оскорбленіи принцессы. Петръ, послѣ ея смерти, объявилъ публично, что сынъ его дурно обращался съ женою, а сынъ передъ императоромъ и его супругою объявлялъ, что отецъ обращается съ женою, какъ со служанкою. Царевичъ, убѣгая сообщества немилой жены, попрежнему проводилъ время со своими русскими пріятелями и особенно любилъ общество духовныхъ, бесѣдовалъ съ ними о религіозныхъ предметахъ, о разныхъ видѣніяхъ, которымъ отъ души вѣрилъ, а также пьянствовалъ съ ними, быть можетъ съ горя, какъ русскій человѣкъ. При строгомъ надзорѣ надъ нимъ и при своей трусости, царевичъ не могъ ни видѣться съ матерью ни имѣть съ нею частыхъ сношеній. Впослѣдствіи, онъ признавался только въ томъ, что, во время пребыванія въ Петербургѣ, сестра жены учителя его Вяземскаго, Марья Соловцова, передала ему отъ матери безъ всякаго письма молитвенникъ, книжку, двѣ чашечки чѣмъ водку пьютъ, четки и платокъ. И это уже было преступленіе, за которое не сдобровать бы Соловцовой, если бы узналъ объ этомъ Петръ. Потомъ царевичъ посылалъ матери два раза по нѣсколько сотъ рублей черезъ царевну Марью Алексѣевну. Въ минуты откровенности, вызываемой излишнимъ винопитіемъ, царевичъ высказывалъ свои задушевныя чувства и желанія (какъ сообщилъ

о немъ камердинеръ его и какъ онъ самъ подтвердилъ справедливость словъ камердинера): «Вотъ — говорилъ онъ — чертовку мнѣ жену навязали! Какъ къ ней приду, все сердитуетъ, не хочетъ со мною говорить! Все этотъ Головкинъ съ дѣтьми! Развѣ умру, то ему не заплачу и сыну его Александру: головѣ его быть на колѣ, и Трубецкому... они къ батюшкѣ писали, чтобъ на ней мнѣ жениться». Не только съ этими лицами, содѣйствовавшими, какъ видно, его браку съ Шарлоттою, но и съ другими, которыхъ онъ считалъ своими недругами, собирался раздѣлаться всоременемъ царевичъ; на кого онъ только злился, того въ пьяномъ видѣ грозилъ современемъ посадить на колья. «Для чего — замѣчали ему — ты такъ говоришь? подслушаютъ.» — «Я плюю на всѣхъ — говорилъ пьяный царевичъ — была бы мнѣ чернь здорова; когда время будетъ безъ батюшки, я шепну архіереямъ, архіереи священникамъ, священники прихожанамъ, — такъ они и не хотя меня властителемъ учинятъ!» Отрезвившись, царевичъ, чтобъ поправить свою откровенность, старался снять со своихъ словъ характеръ истины. «Кто пьянъ не живетъ? — говорилъ онъ — у пьянаго всегда много лишнихъ словъ». Но что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ — гласитъ справедливая русская пословица. Слова, произнесенныя этимъ чисто-русскимъ человѣкомъ въ пьяномъ видѣ, безъ сомнѣнія, облеклись бы въ дѣло, да еще, вѣроятно, и въ преувеличенномъ видѣ если-бы достигъ престола этотъ русскій человѣкъ, который еще въ юности дралъ за бороду своего уважаемаго духовнаго наставника и колотилъ подчиненныхъ до того, что они харкали кровью. Петербургъ былъ для него ненавистенъ и онъ утѣшался надеждою, что его отнимутъ у Россіи. Когда его звали на какой-нибудь парадный обѣдъ, у государя, или у князя Меншикова, или на

спускъ корабля, онъ говаривалъ: «лучше бы мнѣ на каторгѣ быть или въ лихорадкѣ лежать, чѣмъ туда идти!»

Тяжелое нравственное состоянiе надломило здоровье царевича. Въ 1714 году, царевича отпустили въ Карлсбадъ для леченiя. Ему такъ стало тяжело въ Россiи, что мысль о необходимости возвращенiя заранѣе уже томила его. Былъ у него въ это время близкимъ человѣкомъ Александръ Кикинъ; прежде любимецъ Петра, Кикинъ навлекъ на себя опалу государя и хотя былъ прощенъ, но уже не вошелъ въ прежнюю довѣренность; онъ сблизился съ царевичемъ. «Царевичъ — говорилъ онъ ему — пробудь за границею подолѣе; хоть и вылечишься, такъ отцу пиши, что надобно тебѣ еще лечиться; поѣдешь въ Голландiю, а тамъ, послѣ вешняго курса, въ Италiю, и такъ отлученiе свое можешь продолжать года на два или на три».

Царевичъ, оставивъ въ Петербургѣ беременную супругу, уѣхалъ въ Германiю, лечился въ Карлсбадѣ, занимался тамъ чтенiемъ церковной исторiи Баронiя и дѣлалъ изъ ней выписки, любопытныя потому, что показываютъ, какiе вопросы занимали этого человѣка. Все это касалось обрядовъ, церковной дисциплины, спорныхъ пунктовъ между восточной и западной церковью; при этомъ царевичъ дѣлалъ собственныя замѣчанiя въ пользу восточной церкви и особенно останавливался на чудесахъ: однимъ чудесамъ оказывалъ онъ совершенное довѣрiе, нѣкоторыя, исключительно римско-католическаго изобрѣтенiя, отвергалъ, а о нѣкоторыхъ отзывался съ наивнымъ сожалѣнiемъ, склоняясь, однако, болѣе къ признанiю ихъ исторической справедливости, чѣмъ къ отрицанiю (напр. грады Сирiи въ тресенiемъ земли на шесть миль перенеслися съ людьми и огражденiемъ: будетъ правда, то чудо воистину!). Такiя замѣтки, дѣлавшiя

бы честь дѣдушкѣ Алексѣя, тишайшему Алексѣю Михайловичу, шли въ разрѣзъ съ тѣмъ, что могло занимать отца Алексѣева и не только послѣдняго, но и вообще передовыхъ людей его эпохи. Изъ оставшейся послѣ царевича приходорасходной книги видно, что онъ покупалъ себѣ книги, но также большею частью такія, которыя относились къ религіи или церковной исторіи, напр.: «богемскій мартирологіумъ; животы святыхъ богемскихъ; животы святыхъ Рибоденьера; животы святыхъ нѣмецкихъ; Томасъ Акемпизъ, о чудесахъ Божіихъ; Бернарда объ истинной правдѣ, Дрекселія о вѣчности; книга манны небесной»... Исключенія составляли такъ называемыя «смѣшныя книги, а имя имъ Ларимъ, Лаврумъ, Ларисимумъ»; къ этому разряду слѣдуетъ отнести «Колокольчикъ, О рожденіи женъ, Фабелькопфъ, Езоповы басни»... значащіяся по приходорасходной книгѣ царевича. Такія забавныя книги и прежде составляли развлеченіе русскихъ грамотѣевъ, устававшихъ отъ серьезнаго чтенія, какимъ считалось преимущественно чтеніе религіозныхъ и церковно-историческихъ книгъ.

Во время пребыванія царевича за границею, царь показалъ къ своей беременной невѣсткѣ такіе образчики обращенія, которые нѣсколько подтверждаютъ жалобы Алексѣя на счетъ дурныхъ отношеній его отца къ его женѣ. Когда Шарлоттѣ приближалось время родить, Петръ приставилъ къ ней постороннихъ лицъ женскаго пола; кронпринцесса этимъ очень оскорбилась. Поводомъ къ такому поступку Петръ выставлялъ то, что «отлученіе супруга ея принуждаетъ его къ этому, дабы предварить лаятельство необузданныхъ языковъ». Это остается непонятнымъ. Нельзя предположить, чтобы Петръ поступалъ такъ потому, что возникали какія-нибудь подозрѣнія насчетъ невѣрности кронпринцессы своему супругу;

въ такомъ случаѣ принятыя мѣры не имѣли смысла; скорѣе можно подозрѣвать, что Петръ боялся, чтобъ не подмѣнили ребенка и, вмѣсто дочери, не подставили сына. Шарлотта родила дочь; Петръ сталъ съ нею очень ласковъ.

Алексѣй на этотъ разъ не исполнилъ совѣта Кикина. Изъ Карлсбада, находясь въ раздумьѣ, онъ писалъ къ Кикину, спрашивалъ еще разъ его совѣта. Кикинъ боялся писать ему прямо, совѣтовалъ покоряться отцу, во всемъ его спрашиваться и только прибавилъ: «ты своего дѣла не забывай». Кикинъ надѣялся, что царевичъ пойметъ смыслъ того выраженія — но царевичъ не понялъ, и воротился въ Петербургъ. Будучи въ отечествѣ, онъ тосковалъ и, выпивши, говорилъ ближнимъ: «Быть мнѣ постриженy, коли не при отцѣ, такъ послѣ него постригутъ меня, какъ Василія Шуйскаго, и куда нибудь въ полонъ отдадутъ. Мое житье плохое!...»

«Что это значитъ, чтобъ я дѣла своего не забывалъ? — спрашивалъ царевичъ Кикина, напоминая о письмѣ, посланномъ послѣднимъ къ царевичу заграницу. — «Можно было бы догадаться самому, — сказалъ Кикинъ: — напрасно ты не повидался ни съ кѣмъ отъ французскаго двора, король человѣкъ великодушный, онъ королей подъ своей протекціей держитъ, и тебя-де ему не великое дѣло продержать».

Вслѣдъ затѣмъ, кронпринцесса Шарлотта стала снова беременною, но и царица Екатерина, жена Петра, была также беременна. Октября 12, родила кронпринцесса сына Петра, а черезъ десять дней скончалась.

Императорскій посолъ Плейеръ, бывшій тогда въ Петербургѣ и близко знавшій обстоятельства того времени, положительно сообщаетъ, что смерти Шарлотты способ-

ствовали большія огорченія, которыя она переносила въ Россіи.

Еще до своего разрѣшенія отъ бремени, она предсказывала свой конецъ, а послѣ разрѣшенія, которое совершилось довольно легко, съ досадою слушала поздравленія и желанія здоровья, говорила, что лучше было бы, если бы, вмѣсто этихъ желаній, молились Богу о кончинѣ ея; она узнала, что царицѣ досадно, зачѣмъ у жены наслѣдника родился на свѣтъ сынъ, царица хочетъ ее тайно преслѣдовать; и это повергало Шарлотту въ отчаяніе. Она нарочно требовала себѣ изъ пищи и питья того, что запрещалось врачами, называла докторовъ, пользовавшихъ ее, палачами, говорила, что они своими лекарствами только мучатъ ее, такъ какъ она хочетъ умереть. Правда, кронпринцесса предъ смертью писала къ царю письмо, исполненное благодарности, а своему гофмаршалу Левенвольду поручила донести ея роднымъ, что она, пребывая въ Россіи, всегда была довольна, что со стороны государя не только все было исполнено по брачному контракту, но еще и сверхъ того оказаны были ей различныя милости; но такія предсмертныя заявленія женщины благочестивой, помнившей евангельскую заповѣдь о прощеніи оскорбленій и притомъ матери, боявшейся за судьбу дѣтей своихъ, — не уничтожаютъ исторической силы донесеній Плейера, подтверждаемыхъ и словами царевича и письмами самой кронпринцессы къ родителямъ и, наконецъ, соображеніями о тогдашнихъ обстоятельствахъ.

Кронпринцессу похоронили въ Петропавловскомъ соборѣ чрезъ шесть дней послѣ ея смерти, 27 апрѣля. По возвращеніи въ домъ царевича, гдѣ должно было происходить поминовеніе по усопшимъ, царь вручилъ царевичу публично письмо.

Письмо это было подписано 11 октября изъ Шлиссельбурга, слѣдовательно за 16 дней до его отдачи, накануне рожденія у царевича сына. Въ этомъ письмѣ царь выставилъ на видъ неспособность царевича къ престолу, вспоминалъ, что онъ его уже и бранилъ и билъ и нѣсколько лѣтъ не говорилъ съ нимъ, но все напрасно. Царь грозилъ лишить сына наслѣдства, если онъ нелицемѣрно не исправится. «Не мни себѣ — говорилось въ концѣ письма, — что одинъ ты у меня сынъ и что я сіе только въ устрастку пишу: во истину (Богу извольшу) исполню, ибо за мое отечество и люди живота своего не жалѣлъ и не жалѣю, то како могу тебя непотребнаго пожалѣть? Лучше будь чужой добрый, неже свой непотребный».

Главнымъ недостаткомъ царевича, дѣлавшимъ его въ глазахъ отца неспособнымъ къ правленію государствомъ, было нерасположеніе Алексѣе къ военнымъ занятіямъ: «Паче же всего о воинскомъ дѣлѣ ниже слышать хощешь, чѣмъ мы отъ тьмы къ свѣту вышли, и которыхъ не знали на свѣтѣ, нынѣ почитаютъ. Я не научаю, чтобъ охочъ былъ воевать безъ законныя причины, но любить сіе дѣло и всею возможностью снабдѣвать и учить»... Петръ приводитъ съ одной стороны примѣръ греческой монархіи, которая, по его мнѣнію, пропала отъ того, что греки «оружіе оставили и, единымъ миролюбіемъ побѣждены и желая жить въ покоѣ, всегда непріятелю уступали», а съ другой — достойный подражанія, по его мнѣнію, примѣръ Людовика XIV. «Думаешь, что многіе не ходятъ сами на войну, а дѣла правятся. Правда, хотя не ходятъ, но охоту имѣютъ, какъ и умершій король французскій, который не много на войнѣ самъ бывалъ, но какую охоту великую имѣлъ къ тому и какія славныя

дѣла показалъ въ войнѣ, что его войну театромъ и школою свѣта называли!»...

Здѣсь-то высказалъ Петръ вполнѣ постановку военнаго дѣла и внѣшней обороны государства на первый планъ во всей своей преобразовательной государственной дѣятельности, опредѣлившую на грядущія времена характеръ русской исторіи, двинутой на новую колею петровскою эпохою. Тотъ же взглядъ проявился у Петра и при торжествѣ по поводу Ништадскаго мира, когда поднесли ему отъ сената новые титулы «Императора, Петра Великаго и Отца Отечества». Онъ сказалъ «должны всѣми силами благодарить Бога, но, надѣясь на миръ, не ослабѣвать въ военномъ дѣлѣ, дабы не имѣть жребія монархіи греческой» [1]).

Что значило то обстоятельство, что Петръ далъ сыну 27 октября письмо, написанное, повидимому, за шестнадцать дней до отдачи этого письма въ тѣ руки, въ которыя было назначено отдать его? Историки наши долго не задавали этого вопроса. Первый, сколько намъ извѣстно, г. Погодинъ задалъ его для исторической науки и попытался разрѣшить довольно удачно (въ статьѣ «Судъ надъ царевичемъ» Рус. Бесѣда. 1860 г. кн. 12). Письмо подписано заднимъ числомъ. Петръ давно уже подумывалъ отрѣшить сына отъ престола. Ему желательно было бы, вмѣсто нелюбимаго сына Евдокіи, передать престолъ дѣтямъ Екатерины. Пока не было дѣтей мужескаго пола ни у Екатерины, ни у Алексѣя, — Петръ медлилъ. Но

---

[1]) Нельзя не согласиться съ вѣрностью и справедливостью этого взгляда при господствѣ въ Европѣ ложныхъ, эгоистическихъ, противохристіанскихъ основаній государственной политики, когда думали, что каждое государственное тѣло должно основывать свою силу на слабости другихъ, когда государственною мудростью считалось умѣнье всѣми силами сдѣлать побольше зла сосѣдямъ.

у Алексѣя родился сынъ. Изъ свидѣтельства современника Плейера видно, что Екатеринѣ настолько причиняло досаду это событіе, что ея досаду могли замѣтить. Непріятно было это и Петру, слишкомъ привязанному къ Екатеринѣ. Пока кронпринцесса была жива и притомъ больна, Петръ не рѣшался бросить свои громы на царевича: это было бы черезчуръ жестоко и безчеловѣчно по отношенію къ матери, такъ какъ смыслъ даннаго царевичу письма явно показалъ бы ей, что ея новорожденный сынъ лишается своего права. Но кронпринцесса умерла, — тогда Петръ составилъ, или велѣлъ составить, это письмо и вручилъ царевичу. Нужно было соблюсти «аншталтъ», какъ говорилось въ то время. Для того-то Петръ подписалъ свое письмо заднимъ числомъ, до рожденія внука, иначе бы сразу показалось, что царь осердился на сына въ сущности за то, что у этого сына родился наслѣдникъ. Съ другой стороны не надобно было медлить: Екатерина не сегодня — завтра готовилась родить; она могла родить сына: тогда опять дѣло бы имѣло такой видъ, что Петръ поражаетъ своего сына отъ нелюбимой жены только потому, что у него родился сынъ отъ любимой, и тогда бы онъ не могъ выразиться въ своемъ письмѣ: «не думай, что ты одинъ у меня сынъ»; неумѣстно было бы сказать и въ концѣ письма: «лучше будь чужой добрый, чѣмъ свой непотребный». Теперь аншталтъ былъ соблюденъ, хотя и сшитъ бѣлыми нитками. Письмо подано было царевичу тогда, когда у царевича былъ уже сынъ. Если бы Петръ не имѣлъ намѣренія лишить внука престола, зачѣмъ же было давать сыну такое письмо, которое будто бы написано до рожденія внука? Тогда можно было бы прежнее письмо переписать и измѣнить сообразно текущимъ событіямъ. Вотъ это обстоятельство, по нашему мнѣнію, всего болѣе ли-

шаетъ насъ возможности объяснить подачу письма инымъ способомъ, какъ ее объяснилъ г. Погодинъ.

Недовольство Петра появленіемъ на свѣтъ мужеской отрасли своего сына совпадаетъ и съ тѣми предосторожностями, какимъ подвергалась Шарлотта при первыхъ своихъ родахъ. Тогда Шарлотта родила дочь, и Петръ успокоился; теперь она родила сына, и Петру было это не по сердцу. Екатерина вооружала его противъ Алексѣя. Приближенные Петра также дѣйствовали на него. Вѣроятно слова, произносимыя царевичемъ въ пьяномъ видѣ, не оставались неизвѣстными; — люди, близкіе къ Петру, а Меншиковъ въ особенности, должны были помышлять о цѣлости своихъ головъ.

На другой день послѣ отдачи письма царевичу, Екатерина родила сына Петра. Говорили послѣ, что царевичъ, узнавъ объ этомъ, сильно запечалился; и было отъ чего, особенно послѣ полученнаго имъ наканунѣ отцовскаго письма! Царевичъ прежде всего обратился къ своимъ близкимъ друзьямъ: Кикину и Вяземскому.

«Напрасно не отъѣхалъ — сказалъ Кикинъ, припомнивши царевичу свой прежній совѣтъ, — да ужь взять того негдѣ! Теперь тебѣ покой будетъ, когда отъ всего отстанешь, лишь бы только такъ сдѣлали!»

«Воленъ Богъ да корона (т. е. носящій корону) — сказалъ Вяземскій — лишь бы покой былъ.»

Царевичъ обратился послѣ того къ людямъ сильнымъ, близкимъ къ отцу, адмиралу Апраксину и къ князю Василію Владиміровичу Долгорукову. Онъ сознавался въ своей неспособности къ правленію, просилъ уговорить царя отпустить его въ деревню на житье. Царевичъ готовился послать царю письменный отвѣтъ на его письмо. При этомъ князь Василій Владиміровичъ Долгорукій сказалъ такія двусмысленныя слова, совершенно въ духѣ

старомосковскаго остроумія, выработаннаго долговременнымъ страхомъ подъ произволомъ властей:

«Давай писемъ хоть тысячу, еще когда-то будетъ! старая пословица, Улита ѣдетъ, коли-то будетъ; это не запись съ неустойкою, какъ мы прежъ сего межъ себя давывали.»

Хитрый бояринъ далъ понять, что, по его соображеніямъ, какъ ни вывертывайся царевичъ, а участь его рѣшена.

Царевичъ, черезъ три дня послѣ полученія отцовскаго письма, послалъ царю отвѣтъ: онъ сознавался, что «памяти весьма лишенъ и всѣми силами умными и тѣлесными отъ различныхъ болѣзней ослабѣлъ и непотребенъ сталъ къ толикаго народа правленію, гдѣ требуетъ человѣка не такого гнилаго какъ онъ». Царевичъ отрекался отъ наслѣдія, указывая на то, что у него «слава Богу братъ есть, царевичъ Петръ, которому дай Боже здравіе,» призывалъ въ свидѣтели Бога на душу свою въ томъ, что не претендуетъ и претендовать не будетъ на корону.

Письмо было написано въ угоду Петра; видна подделка подъ его образъ мыслей, его взгляды и способы выраженія. Царевичъ могъ повидимому быть покоенъ: все имъ сдѣлано!

Онъ спрашивалъ у Василія Владиміровича Долгорукова, пріѣхавшаго къ нему царскимъ именемъ: какъ принялъ государь его отвѣтъ?

«Чаю, лишитъ наслѣдства и кажется доволенъ,» — сказалъ Долгорукій, но вмѣстѣ съ тѣмъ прибавилъ съ прежнимъ своимъ старомосковскимъ остроуміемъ:

«Я тебя у отца съ плахи снялъ. Теперь ты радуйся, дѣла тебѣ ни до чего не будетъ!»

Петръ вслѣдъ затѣмъ заболѣлъ. Говорили, что онъ заболѣлъ опасно, исповѣдывался, причащался. Александръ Кикинъ сказалъ по этому поводу царевичу: «Отецъ твой не боленъ тяжко; онъ исповѣдается и причащается нарочно, являя людямъ, что онъ гораздо боленъ, а все притворъ; а что причащается — у него законъ на свою стать.»

Провѣрить справедливость догадки Кикина мы не въ состояніи, но замѣчательно, во всякомъ случаѣ, какой взглядъ составился о Петрѣ между людьми, знавшими его.

Петръ выздоровѣлъ. 19 января 1716 года, царевичъ получилъ отъ отца новое письмо. Царь гнѣвался на сына, зачѣмъ онъ въ своемъ отвѣтѣ къ отцу писалъ только о слабости тѣлесной, а не отвѣчалъ на счетъ своей негодности.... Это была со стороны Петра придирка: царевичъ въ своемъ письмѣ положительно призналъ себя лишеннымъ «памяти и силъ умныхъ». Но причины, которыя не дозволили Петру удовольствоваться простымъ отреченіемъ отъ наслѣдства, выражены въ новомъ письмѣ совершенно здраво и прямо: «О наслѣдствѣ вспоминаешь и кладешь на мою волю то, что всегда и безъ того у меня.... что же приносишь клятву, тому вѣрить невозможно для вышеписаннаго жестокосердья. Къ тому жь и Давидово слово: всякъ человѣкъ ложь. Такожъ хотябъ и истинно хотѣлъ хранить, то возмогутъ тебя склонить и принудить большія бороды, которыя, ради тунеядства своего, нынѣ не въ авантажѣ обрѣтаются, къ которымъ ты и нынѣ склоненъ зѣло.»

Наконецъ, отецъ далъ ему на выборъ что нибудь одно: «Или отмѣни свой нравъ и нелицемѣрно удостой себя наслѣдникомъ, или будь монахъ.... дай немедленно отвѣтъ, или на письмѣ, или самому мнѣ на словахъ ре-

золюцію. А буде того не учинишь, то я съ тобою какъ съ злодѣемъ поступлю.»

Царевичъ сталъ совѣтоваться съ своими друзьями, что теперь ему дѣлать?

«Постригайся, царевичъ, — сказалъ Кикинъ — вѣдь клобукъ не прибитъ къ головѣ гвоздемъ: можно его и снять.... а впредь что будетъ, кто вѣдаетъ.» Эту остроту говорилъ Кикинъ царевичу и еще раньше того времени.

«Когда иной дороги нѣтъ, — сказалъ царевичу Никифоръ Вяземскій — то иди въ монастырь; да пошли по отца духовнаго и скажи ему, что ты принужденъ идти въ монастырь, чтобъ онъ вѣдалъ; онъ можетъ и архіерею рязанскому (Стефану Яворскому) сказать, чтобъ вѣдали, что ты ни за какую вину пошелъ въ монастырь».

Друзья, значитъ, совѣтовали ему идти въ монастырь, но съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность изъ него выйти, когда придутъ новыя времена.

Царевичъ отписалъ царю, коротко выразивши свое рѣшеніе въ такихъ словахъ: «желаю монашескаго чина и прошу о семъ милостиваго позволенія.»

Вслѣдъ затѣмъ, онъ писалъ своему прежнему московскому духовнику «радѣтелю» Якову, что по принужденію идетъ въ монастырь, и сталъ распоряжаться своимъ имуществомъ. Тогда у него была любовница, бывшая крѣпостная дѣвушка Вяземскаго, Евфросинья Ѳедорова. Манифестъ Петра, обвиняющій царевича, говоритъ, что еще при жизни Шарлотты царевичъ сошелся съ нею. Это и вѣроятно, такъ какъ со времени смерти Шарлотты прошло только около трехъ мѣсяцевъ, а ужъ царевичъ показывалъ къ этой дѣвушкѣ такую привязанность, которая указывала на болѣе или менѣе продолжительную связь его съ нею; собираясь въ монастырь, онъ болѣе всего заботился о ея судьбѣ и поручилъ ей

отдать письма Якову Игнатьевичу и брату Александра Никитина, Ивану; въ письмахъ просилъ обезпечить ее деньгами.

Но Петръ также понималъ, что «клобукъ не гвоздемъ къ головѣ прибитъ». Не продолжая переписки, Петръ чрезъ недѣлю пріѣхалъ къ сыну, когда сынъ былъ боленъ. Царевичъ на словахъ повторилъ отцу, что желаетъ постричься.

«Это молодому человѣку не легко, — сказалъ Петръ,— одумайся, не спѣши. Подожди полгода.»

Петръ уѣхалъ заграницу, приказавши царевичу обдумать свое положеніе и обдумавши дать отцу окончательное рѣшеніе.

Всѣ обстоятельства этого дѣла до сихъ поръ показываютъ, что царь былъ въ какомъ-то колебаніи, вѣроятно, возбуждаемый противъ царевича вліяніемъ близкихъ лицъ и въ то же время удерживаемый отъ какихъ-нибудь рѣшительныхъ жестокихъ мѣръ и отеческимъ чувствомъ и уваженіемъ къ законному аншталту, который онъ соблюдалъ прежде и съ Евдокіею, побуждавши ее долгое время вступить добровольно въ монастырь, какъ бы избѣгая необходимости употребить насильственныя мѣры, признавая ихъ неизбѣжными только тогда, когда болѣе кроткія не удавались. И съ царевичемъ слагалось что-то въ томъ же видѣ. Царевичъ съ шагу на шагъ доходилъ до безвыходнаго положенія. Слыша отзывъ отца о своемъ недостоинствѣ, онъ безпрестанно отрекается отъ наслѣдства. Петру этого недовольно, потому что чуткій умъ Петра видитъ неискренность. Петръ требуетъ или измѣнить свой нравъ, или идти въ монахи. Сынъ рѣшается идти въ монахи, слѣдовательно поступаетъ сообразно волѣ родителя; но отцу этого недовольно. Если бы Алексѣй былъ въ родѣ сына Грознаго, царя Ѳедора

Ивановича, или въ родѣ брата Петрова Іоанна, — быть можетъ, Петръ и удовольствовался бы добровольнымъ постриженіемъ Алексѣя, но Петръ недаромъ писалъ сыну въ письмѣ: ты разума не лишенъ. Петръ видѣлъ въ сынѣ не просто неспособнаго по умственнымъ силамъ: онъ видѣлъ въ немъ ни болѣе, ни менѣе, какъ врага своей жены Екатерины, своихъ дѣтей, своихъ приближенныхъ и сотрудниковъ, всего, наконецъ, своего дѣла. И такимъ врагомъ, конечно, Алексѣй былъ.... Петръ понималъ, что послѣ его смерти Алексѣй тотчасъ снялъ бы клобукъ, надѣтый по принужденію, возложилъ бы на себя корону, добровольно уступленную, и принялся бы истреблять, уничтожать и ломать все петровское и людей ему помогавшихъ, имъ воспитанныхъ, и плоды дѣлъ его. Петръ въ нерѣшимости выжидалъ, что далѣе будетъ. Его разнообразныя хлопоты не давали ему сосредоточиться на одной мысли о сынѣ; но онъ не могъ успокоиться на объявленномъ рѣшеніи сына, не могъ довѣриться обѣщаніямъ царевича. Петръ требуетъ отъ сына отмѣны нрава или исправленія, требуетъ того, во что едвали самъ вѣритъ?... Въ искренности такого требованія мы вправѣ сомнѣваться. Во-первыхъ: если Петръ считалъ это возможнымъ, то зачѣмъ оставлялъ бы своего сына передъ тѣмъ безъ вниманія до такой степени, что не говорилъ съ нимъ нѣсколько лѣтъ, какъ въ томъ сознавался самъ въ своемъ письмѣ къ сыну? во-вторыхъ: — тогда незачѣмъ было ему въ настоящее время, уѣзжая за границу, оставлять сына въ Петербургѣ. Находя неумѣстнымъ его согласіе идти въ монастырь и допуская надежду, что сынъ можетъ исправиться, Петру всего подручнѣе было взять сына съ собою, чтобы испытать на дѣлѣ, можетъ ли сынъ измѣнить свой нравъ и сдѣлаться достойнымъ престола. Мы не допускаемъ такого

чернаго подозрѣнія, чтобы Петръ заранѣе хотѣлъ довести сына до трагическаго конца, какой постигъ несчастнаго Алексѣя; но кажется, рѣшивши ужь въ своемъ умѣ, что сыну не царствовать — Петръ тогда самъ для себя не рѣшилъ еще, какъ ему съ сыномъ поступить. Иначе нельзя объяснить его тогдашнихъ поступковъ.

Оставшись въ Петербургѣ, царевичъ былъ пугаемъ разными слухами и внушеніями. Кикинъ сообщилъ ему, будто князь Василій Долгорукій давалъ такія соображенія и совѣты царю: «если царевича постригутъ, то царевичъ долго будетъ жить, а лучше таскать его съ собой, такъ онъ отъ волокиты умретъ, не въ силахъ будучи снести труда.» Другіе шептали царевичу, что Меншиковъ и царица хотятъ его тайно свести со свѣта. Кикинъ отправился за границу съ царевною Марьею Алексѣевною и обѣщалъ высмотрѣть лучшее убѣжище для царевича. Суевѣрный до крайности, царевичъ тѣшилъ себя надеждами на скорыя перемѣны, предвѣщаемыя разными видѣніями и откровеніями, которыя побуждали ожидать то смерти государя, то освобожденія матери царевича. Сибирскій царевичъ, въ мартѣ 1716 года, говорилъ ему: «перваго числа апрѣля будетъ перемѣна: либо твой отецъ умретъ, либо Петербургъ разорится; я во снѣ видѣлъ»! Пришло первое апрѣля. Царевичъ русскій не дождался предсказанной сибирскимъ царевичемъ перемѣны, а сибирскій увертывался такъ: «я говорилъ только перваго апрѣля, а не сказалъ, что именно этого года». Никифоръ Вяземскій сообщилъ Алексѣю слышанныя пророчества о томъ, что Петру жить только пять лѣтъ, а рожденному отъ Екатерины сыну Петру семь лѣтъ и т. п.

Въ августѣ 1717 года, пріѣхалъ изъ-за границы курьеръ и привезъ царевичу грозное письмо отцовское.

Царь предоставлялъ ему на выборъ что-нибудь одно изъ двухъ: или ѣхать къ нему не мѣшкавши болѣе недѣли, или вступить въ монастырь, и въ послѣднемъ случаѣ приказывалъ увѣдомить — куда поступитъ, въ какое время и въ какой день. Царь подтверждалъ, чтобы на этотъ разъ «сіе конечно учинено было». Захваченный отцомъ врасплохъ въ Петербургѣ, царевичъ сразу поддался было на избраніе для себя монашескаго клобука, въ надеждѣ, что клобукъ не гвоздемъ къ головѣ прибивается; — иначе ему тогда никакого спасенія не было; онъ былъ въ рукахъ отца; — теперь обстоятельства были иныя: отецъ, вызывая сына за границу, самъ невольно показывалъ ему дорогу къ бѣгству. Мысль о побѣгѣ давно уже гнѣздилась въ головѣ царевича; теперь она уже окончательно окрѣпла. Царевичъ, получивши письмо отца, собрался даже ранѣе срока, назначеннаго въ письмѣ.

Одна забота тяготила его: что дѣлать со своей любовницей Евросиньей. Царевичъ открылся своему камердинеру, Ивану Большому-Афанасьеву, что ѣдетъ не къ батюшкѣ, а куда-нибудь въ иное мѣсто, либо къ цезарю, либо въ Римъ; царевичъ довѣрилъ камердинеру и то, что Кикинъ поѣхалъ провѣдывать убѣжище. Камердинеръ отнесся къ этому не совсѣмъ одобрительно, [1]) но обѣщали хранить тайну. «Я отъ батюшки не чаялъ присылки — продолжалъ царевичъ, — а теперь вижу я, что мнѣ путь правитъ Богъ. А се и сонъ я видѣлъ нынѣ

---

[1]) — Воля твоя государь, только я тебѣ не совѣтникъ, — сказалъ камердинеръ.

— Для чего?

— Потому что, какъ удастся, то хорошо, а когда не удастся, тогда ты на меня будешь гнѣваться.

будто я церкви строю: это значитъ что мнѣ, путь достоитъ».

Царевичъ взялъ у Меншикова тысячу червонныхъ, а другую тысячу отъ сената. Меншиковъ, прощаясь съ царевичемъ, спросилъ: «Гдѣ же ты оставляешь Евфросинью?» — «Я возьму ее съ собою до Риги, а потомъ отпущу въ Петербургъ».

«Возьми ее лучше съ собою», — сказалъ Меншиковъ.

Вѣроятно этотъ совѣтъ давался съ коварною цѣлью подвести царевича подъ гнѣвъ отца. Петру навѣрно не слишкомъ было бы пріятно, еслибы сынъ пріѣхалъ къ нему съ Евфросиніей, тѣмъ болѣе, что царевичъ не на шутку сталъ привязыватъся къ этой женщинѣ и уже подумывалъ на ней жениться. Денежныхъ средствъ у царевича было не слишкомъ много, но передъ отъѣздомъ онъ далъ пятьсотъ рублей Ѳедору Дубровскому для передачи матери, вѣроятно, соображая, что, уѣхавши за границу, не скоро будетъ имѣть возможность оказывать ей помощь.

Царевичъ выѣхалъ съ Евфросиніей, съ ея братомъ Иваномъ Ѳедоровымъ и съ тремя служителями. Въ Ригѣ онъ занялъ у оберъ-комисара Исаева 5,000 червонныхъ и 2,000 мелкими деньгами.

Проѣзжая изъ Риги Либаву, царевичъ встрѣтился на дорогѣ съ царевною Марьею Алексѣевною, возвращавшеюся изъ Карлсбада. Царевичъ вошелъ къ ней въ карету для бесѣды. Онъ только вполовину открылъ ей свой умыселъ.

«Ѣду къ батюшкѣ — говорилъ онъ — да не знаю буду ли угоденъ. Я себя чутъ знаю отъ горести. Радъ бы куда скрыться».

Царевичъ заплакалъ.

«Куда же тебѣ отъ отца уйти — сказала царевна —

тебя вездѣ найдутъ!... А мать зачѣмъ забылъ, не пишешь и не посылаешь ничего? Послалъ ли ты ей что нибудь послѣ того, какъ чрезъ меня была посылка»?

Царевичъ сообщилъ ей о послѣдней посылкѣ съ Дубровскимъ.

«А письмо написалъ»?

«Я писать опасаюсь» — сказалъ Алексѣй.

«А что — замѣтила царевна — хотя-бъ тебѣ и пострадать, такъ бы нѣтъ ничего; вѣдь это за мать, не за кого иного».

«Что въ томъ прибыли, что мнѣ бѣда будетъ, а ей пользы изъ того не будетъ ничего. Жива ли она или нѣтъ».

«Жива — сказала царевна — ей было откровеніе, и другимъ было также: ростовскому архіерею Досифею... что отецъ твой опять возьметъ ее къ себѣ и дѣти у нихъ будутъ, а станется это такимъ образомъ: будетъ отецъ твой боленъ и, во время болѣзни его, будетъ нѣкое смятеніе, и пріѣдетъ отецъ твой въ Троицкій Сергіевъ монастырь на Сергіеву память, и мать твоя будетъ тутъ же, и отецъ твой исцѣлѣетъ отъ болѣзни, и возьметъ ее къ себѣ, и смятеніе утишится»!...

Подобныя поэтическія мечтанія были въ духѣ старой Руси. При этомъ, вѣрная родной Москвѣ царевна, прибавила: «а Питербурхъ не устоитъ за нами: быть ему пусту; многіе о семъ говорятъ»... Царевна заставила царевича написать матери хотя маленькое письмо. Царевичъ на этотъ разъ пересилилъ свою трусость, такъ какъ думалъ бѣжать; онъ уже не боялся отцовскаго гнѣва за написаніе письма къ опальной матери и написалъ: «Матушка государыня, здравствуй, пожалуй, не оставь въ молитвахъ своихъ меня»!...

«Повидайся съ Кикинымъ — сказала царевна — онъ въ Либавѣ и хочетъ тебя видѣть!»

Царевичъ пріѣхалъ въ Либаву, отыскалъ Кикина.

«Ну что — спрашивалъ онъ — нашелъ ты мнѣ мѣсто»?

«Нашелъ — сказалъ Кикинъ — въ Вѣнѣ. Поѣзжай туда, цезарь тебя не выдастъ. Мнѣ сказывалъ Веселовскій, что при дворѣ его спрашивали: за что тебя лишаютъ наслѣдства? А я ему сказалъ: вѣдаешь самъ, его не любятъ; чаю для того больше, а не для чего иного. Я увѣрился, что Веселовскій не намѣренъ возвращаться въ отечество, и сталъ съ нимъ смѣлѣе, и спросилъ: ну, а какъ царевичъ сюда пріѣдетъ, примутъ его? Веселовскій мнѣ отвѣчалъ: а поговорю съ вице-канцлеромъ Шенборномъ, онъ ко мнѣ добръ. По нѣскольком времени, онъ мнѣ сказалъ: я говорилъ съ Шенборномъ, и онъ у цезаря спрашивалъ въ разговорѣ, и цезарь сказалъ, что онъ приметъ его, какъ сына своего, и дастъ ему три тысячи гульденовъ на мѣсяцъ»,

Впослѣдствіи, хотя Кикинъ отрекался отъ справедливости своихъ словъ объ участіи Веселовскаго, и Веселовскій, какъ увидимъ, дѣйствовалъ въ поимкѣ царевича въ видахъ царя, но слова, сказанныя Кикинымъ въ Либавѣ о Веселовскомъ, могутъ быть, хотя до нѣкоторой степени, справедливы, такъ какъ Кикинъ говорилъ при этомъ, что Веселовскій не думаетъ возвратиться въ отечество, а это дѣйствительно случилось съ Веселовскимъ; очевидно, Кикинъ былъ близокъ съ Веселовскимъ, когда зналъ его такія намѣренія, которыя Веселовскій не могъ бы открывать никому, кромѣ тѣхъ, къ кому имѣлъ большое довѣріе.

Царевичъ разсказалъ Кикину обстоятельства своего выѣзда изъ Петербурга, сообщилъ, что открывалъ о своемъ намѣреніи камердинеру.

«Пиши къ нему, чтобъ ѣхалъ къ тебѣ — сказалъ Кикинъ — только я да онъ знаютъ; на меня подозрѣнія не будетъ, потому что я въ Петербургѣ не былъ, а будетъ Иванъ въ Петербургѣ, будетъ то не безопасно, чтобъ не промолвился съ кѣмъ»!

Царевичъ сообщилъ Кикину, что когда онъ прощался съ сенаторами, то князь Василій былъ особенно къ нему ласковъ, а Меншиковъ присовѣтывалъ ему взять съ собою Евфросинію.

«Пиши и Василію Долгорукову — сказалъ Кикинъ — будетъ ли на меня суспетъ о твоемъ побѣгѣ, я покажу письмо твое Долгорукову и скажу: знать царевичъ съ нимъ совѣтывалъ, что его благодаритъ; я сіе письмо перенялъ. И къ Меншикову напиши, благодари, что присовѣтывалъ дѣвку взять съ собою; можетъ быть князь покажетъ письмо твоему отцу, и онъ будетъ имѣть о немъ суспетъ».

Царевичъ сдѣлалъ такъ, какъ совѣтовалъ Кикинъ, и отправился въ Вѣну, принявъ вымышленное имя польскаго подполковника Кохансваго.

Въ Вѣнѣ 21 ноября (по стар. стил.), послѣ десяти часовъ вечера, офицеръ, выходя съ письмами, слѣдуемыми для отправки на почту, изъ квартиры вице-канцлера Шенборна, находившейся при дворцѣ, наткнулся на неизвѣстнаго человѣка, шедшаго по лѣстницѣ въ большихъ сапогахъ. Незнакомецъ на ломанномъ нѣмецко-французскомъ языкѣ требовалъ немедленнаго допущенія къ вице-канцлеру. Ему сказали, что если дѣло, то онъ можетъ явиться утромъ въ 7 часовъ, въ канцелярію, потому что вице-канцлеръ теперь хочетъ спать. Незнакомецъ ломился въ дверь и требовалъ немедленнаго свиданія, говорилъ, что долженъ сообщить нѣчто такое, о чемъ нужно будетъ извѣстить тотчасъ же его величество! Вице-канц-

леръ велѣлъ допустить его, принялъ въ ночномъ халатѣ, — незнакомецъ объявилъ, что прибылъ русскій царевичъ, оставилъ свой багажъ и прислугу въ Леопольдштатѣ, а самъ находится на площади въ трактирѣ bey Klapperer и хочетъ представиться вице-канцлеру, такъ какъ наслышался о немъ много добраго. Вице-канцлеръ сказалъ, что одѣнется и пойдетъ къ нему самъ, а незнакомецъ объявилъ, что царевичъ недалеко и немедля явится къ вице-канцлеру, какъ только пошлютъ къ нему офицера. Не успѣлъ вице-канцлеръ одѣться, какъ царевичъ былъ уже передъ нимъ.

Прежде всего царевичъ попросилъ всѣхъ удалиться и оставить его наединѣ съ вице-канцлеромъ.

«Я пришелъ искать протекціи у моего свояка-императора, просить спасти жизнь мою; меня хотятъ погубить и моихъ бѣдныхъ дѣтей лишить короны».

Произнося эти слова, царевичъ оглядывался тревожно по сторонамъ, бѣгалъ съ мѣста на мѣсто.

«Успокойтесь — говорилъ ему Шенборнъ — вы здѣсь въ совершенной безопасности. Разскажите спокойно, въ чемъ ваше несчастіе и чего требуете»?

Царевичъ продолжалъ:

«Императоръ долженъ спасти мою жизнь, обезпечить мнѣ и моимъ дѣтямъ наслѣдство; — отецъ хочетъ меня погубить, а я ничѣмъ не виноватъ. Я никогда не раздражалъ отца, да и не могъ... я слабый человѣкъ... Меншиковъ меня такъ нарочно воспиталъ; меня споили, разстроили умышленно мое здоровье; теперь отецъ говоритъ, что я не гожусь ни къ войнѣ, ни къ правленію, — нѣтъ; у меня достаточно ума, чтобъ управлять. Господь раздаетъ наслѣдства, а меня хотѣли постричь и засадить въ монастырь, чтобъ отнять наслѣдство... нѣтъ, я не

хочу въ монастырь... императоръ долженъ охранить мою жизнь»...

Царевичъ говорилъ эти слова крикливымъ голосомъ, не могъ стоять на одномъ мѣстѣ, и, бѣгая по комнатѣ, перевернулъ кресло... Онъ остановился и попросилъ пива. Пива близко не было, ему предложили мозельвейну.

Царевичъ выпилъ и сказалъ: «ведите меня сейчасъ къ императору».

«Вы здѣсь въ совершенной безопасности — сказалъ вице-канцлеръ — но къ императору вамъ явиться невозможно; теперь поздно, притомъ необходимо прежде представить его величеству правдивое и основательное изложеніе дѣла, которое васъ такъ безпокоитъ, тѣмъ болѣе, что мы ничего не слыхали подобнаго относительно такого мудраго монарха, какъ вашъ родитель».

«Я ничѣмъ не заслужилъ этого отъ отца — говорилъ царевичъ — всегда былъ ему послушенъ, ни во что не вмѣшивался, я сталъ слабый человѣкъ отъ гоненій и отъ того, что меня на смерть спаивали; но отецъ все-таки былъ добръ, пока не родились у жены моей дѣти, и она умерла... съ тѣхъ поръ пошло хуже и хуже, особенно, какъ новая царица родила сына. Она съ княземъ Меншиковымъ постоянно раздражала противъ меня отца; у нихъ нѣтъ ни Бога, ни совѣсти; они все толковали ему одно и то же... а я ничего отцу не сдѣлалъ, я люблю и и почитаю его, какъ велятъ десять заповѣдей, но не хочу постригаться и дѣлать вредъ моимъ бѣднымъ малюткамъ... Царица и Меншиковъ непремѣнно хотятъ или моей смерти, или постриженія».

Царевичъ замолчалъ; потомъ, собравшись съ духомъ, нѣсколько спокойнѣе сталъ разсказывать повѣсть своей жизни, начиная отъ своихъ дѣтскихъ лѣтъ.

«Я дѣйствительно не имѣлъ охоты къ солдатчинѣ— сказалъ онъ между прочимъ—но вотъ нѣсколько лѣтъ назадъ отецъ поручилъ мнѣ правленіе, и все шло хорошо, и отецъ былъ доволенъ; но съ тѣхъ поръ, какъ царица родила сына, меня задумали уморить или запоить; я сидѣлъ дома тихо, какъ вдругъ прошлаго года отецъ сталъ принуждать меня отказаться отъ наслѣдства и жить частнымъ человѣкомъ, или идти въ монастырь, а въ последнее время послалъ съ курьеромъ приказаніе, чтобъ я либо ѣхалъ къ отцу, либо же постригался немедленно; я постригаться не хочу—это значитъ губить тѣло и душу, а ѣхать къ отцу—значитъ ѣхать на муки, или меня опоятъ; уже меня предупреждали, что отецъ на меня гнѣвенъ, а царица и Меншиковъ, зная, что царь становится слабъ здоровьемъ, хотятъ меня отравить... такъ я написалъ отцу, что пріѣду къ нему, а самъ, по совѣту добрыхъ друзей, пріѣхалъ къ императору; онъ мнѣ своякъ, онъ государь великій и великодушный. Самъ отецъ мой очень его уважаетъ; онъ одинъ мнѣ можетъ помочь; я не хотѣлъ искать спасенія ни во Франціи, ни въ Швеціи, такъ какъ тамъ враги моего отца... Я прошу у императора спасенія моей жизни. Я знаю, говорили, будто я дурно обращался съ женою моею, сестрою ея величества императрицы: Богъ знаетъ, что это неправда, напротивъ, такъ поступали съ нею мой отецъ и царица; они обращались съ моею женою, какъ съ дѣвкою, къ чему жена моя не привыкла по своей эдукаціи; это ее очень огорчало, да и меня вмѣстѣ съ нею заставляли терпѣть нужду; и особенно дурно съ нею обходились, когда она была беременна... Я предаю себя и своихъ дѣтей въ защиту императора, умоляю не выдавать меня отцу; онъ окруженъ злыми людьми,—и самъ онъ человѣкъ жестокій, ни во что считаетъ человѣческую кровь,

думаетъ, что онъ имѣетъ надъ людьми такое же право, какъ Богъ; много уже онъ пролилъ невинной крови, часто собственноручно казнилъ осужденныхъ имъ; онъ всегда гнѣвенъ и мстителенъ, никого не щадитъ. Если императоръ выдастъ меня отцу, это все равно, что на смерть; если отецъ и будетъ ко мнѣ добръ, то мачиха и Меншиковъ не успокоятся, пока не уморятъ меня всяческими оскорбленіями или не опоятъ меня ядомъ»...

Царевичъ сталъ снова порываться, чтобъ его допустили къ императору и императрицѣ, ссылался на то, что онъ съ ними въ свойствѣ; вице-канцлеръ опять отговаривался ночнымъ временемъ:

«Принимая во вниманіе такой щекотливый вопросъ, какъ неудовольствіе между отцомъ и сыномъ, и притомъ, такъ какъ вы прибыли инкогнито, то я нахожу болѣе благоразумнымъ, если вы не будете говорить съ ихъ величествами, для избѣжанія толковъ въ свѣтѣ, а предоставите здѣшнему двору оказать вамъ явную или тайную помощь и можетъ быть найти средства примирить васъ съ родителемъ».

«Нѣтъ никакой надежды — сказалъ царевичъ — примирить меня съ отцомъ, я умоляю, пусть дозволитъ императоръ мнѣ жить либо открыто при его дворѣ, либо тайно, и куда нибудь ушлетъ; я полагаю надежду, что этотъ великій государь не откажетъ мнѣ въ своемъ великодушіи и не оставитъ своего свойственника».

Вице-канцлеръ уговаривалъ царевича подождать отвѣта до завтрашняго дня. Царевичъ ушелъ на свою квартиру.

На другой день, по докладу вице-канцлера, у императора была секретная конференція по поводу пріѣзда русскаго царевича. Вечеромъ вице-канцлеръ сообщилъ царевичу такое рѣшеніе. Хотя его императорское вели-

чество не можетъ себѣ вообразить, чтобы его величество царь былъ такъ вооруженъ противъ почтительнаго сына или допускалъ другихъ дѣлать сыну зло, тѣмъ не менѣе, однако, сочувствуя горю и жалобамъ царевича, императоръ обѣщаетъ ему покровительство, сообразно своему великодушію, родственной связи и христіанской любви, и будетъ стараться примирить его съ родителемъ, а до того времени признаетъ лучшимъ, если царевичъ будетъ оставаться тайно и не станетъ представляться ихъ величествамъ, тѣмъ болѣе, что состояніе беременности ея величества не дозволяетъ ей свиданій и разговоровъ.

Царевичъ волею-неволею долженъ былъ подчиниться такому рѣшенію. 23 ноября его препроводили съ людьми подъ большимъ секретомъ въ замокъ Вейербургъ. Вслѣдъ затѣмъ, черезъ нѣсколько дней посланъ былъ къ нему секретарь съ вопросами или пунктами, касавшимися повода и цѣли его прибытія. На эти пункты царевичъ отвѣчалъ въ такомъ же духѣ, въ какомъ излагалъ свою судьбу и обстоятельства вице-канцлеру въ разговорѣ, но между прочимъ присовокупилъ слѣдующія замѣчательныя слова:

«Свидѣтельствуюсь Богомъ, что я никогда не предпринималъ противъ отца ничего несообразнаго съ долгомъ сына и подданнаго и не помышлялъ о возбужденіи народа къ возстанію, хотя это легко было сдѣлать, такъ какъ русскіе меня любятъ, а отца моего ненавидятъ за его дурную низкаго происхожденія царицу, за злыхъ любимцевъ, за то, что онъ нарушилъ старые хорошіе обычаи и ввелъ дурные, за то, что не щадитъ ни денегъ, ни крови своихъ подданныхъ, за то, что онъ — тиранъ и врагъ своего народа».

Но при дворѣ разсудили, что пребываніе царевича близко Вѣны можетъ быть скоро узнано, и положили пе-

ревести его подалѣе: ему предложили отправиться въ Тироль подъ видомъ государственнаго арестанта для большаго отклоненія подозрѣній. Царевичъ согласился на это съ радостью, потому что увидѣлъ въ этой мѣрѣ заботливость императора укрыть его отъ преслѣдованій отца. 7 декабря его повезли въ Амбахъ, оттуда на суднѣ отправили по Дунаю до Молька, а потомъ на почтовыхъ подъ карауломъ въ Тироль и привезли въ крѣпость Эренбергъ, лежащую посреди горъ на высокой скалѣ и почти лишенную сообщеній по трудности пути. Тамъ Алексѣя сдали коменданту и вручили послѣднему инструкцію, въ которой предписывалось на сумму отъ 250 до 300 гульденовъ въ мѣсяцъ содержать присланное лицо со всякимъ довольствомъ, готовить ему и состоящимъ при немъ людямъ кушанье, какое имъ угодно, давать всегда чистое постельное и столовое бѣлье, прилично убрать ему комнаты, снабдить ихъ мебелью, призывать къ нему въ случаѣ болѣзни врача, давать книги, если онъ потребуетъ, дозволять ему развлеченія, если онъ захочетъ, то заняться съ нимъ какою нибудь игрою, дозволять прогуливаться на свѣжемъ воздухѣ внутри крѣпости, дозволять писать письма и, принимая ихъ отъ него, посылать нераспечатанными къ принцу Евгенію. На все время пребыванія арестанта съ его людьми въ крѣпости не дозволялось солдатамъ и ихъ женамъ выходить за ворота крѣпости подъ страхомъ смертной казни, а караульнымъ запрещалось вести съ кѣмъ бы то ни было разговоръ о томъ, кто содержится въ крѣпости, и на всякіе вопросы велѣно отзываться незнаніемъ. Царевичъ убѣдительно просилъ прислать ему священника; Шенборнъ отвѣчалъ, что это невозможно и надобно потерпѣть, но велѣлъ доставлять ему газеты, изъ которыхъ царевичъ могъ знать, что дѣлается въ его отечествѣ.

Между тѣмъ, Петръ, дожидавшись сына и не дождавшись его долгое время, смекнулъ, что царевичъ, испугавшись роковой минуты, убѣжалъ. Петръ сразу догадался, куда направилъ путь скрывшійся отъ него сынъ и, находясь въ Амстердамѣ, потребовалъ къ себѣ изъ Вѣны своего резидента, Веселовскаго, далъ ему указъ развѣдывать о царевичѣ и вручилъ письмо къ императору Карлу VI. Русскій царь сообщилъ императору, что сынъ его, который всегда оказывался непослушнымъ отцу и жилъ дурно съ своею супругою, родственницею императора, получивши повелѣніе ѣхать къ отцу, скрылся неизвѣстно куда; царь просилъ императора, еслибы царевичъ оказался явно или тайно въ его областяхъ, приказать прислать его подъ карауломъ вмѣстѣ съ Веселовскимъ для отеческаго исправленія.

Прежде чѣмъ Веселовскій прибылъ на свое обычное мѣсто въ Вѣну, онъ, по приказанію Петра, проѣхалъ по дорогѣ отъ Франкфурта-на-Одерѣ черезъ города, ведущіе въ Вѣну, и донесъ царю, что нашелъ на слѣдъ подполковника Коханскаго, который, по многимъ признакамъ, долженъ быть царевичъ; въ Вѣнѣ слѣдъ Коханскаго потерялся, но вмѣсто его явился какой-то польскій кавалеръ Кременецкій и, по нѣкоторымъ признакамъ, можно было догадаться, что этотъ Кременецкій есть никто иной, какъ тотъ самый, который назывался Коханскимъ. Открылось, что Кременецкій спрашивалъ дороги въ Римъ; Веселовскій, какъ онъ доносилъ царю, ѣздилъ нарочно по дорогамъ, ведущимъ изъ Вѣны въ Италію, но никакихъ слѣдовъ не увидѣлъ. Такія донесенія для Петра были конечно неудовлетворительны. 24 февраля царь приказывалъ отправлять надежныхъ людей въ Италію и Швейцарію отыскивать бѣглеца.

Въ Россіи скоро распространился слухъ о томъ, что

царевичъ, отправившись къ отцу, пропалъ неизвѣстно куда: начали ходить о немъ то счастливыя, то печальныя вѣсти. Одни говорили, что царь приказалъ схватить его на пути близъ Гданска и заслать въ отдаленный монастырь; другіе, что онъ скрывается въ цесарскихъ земляхъ и скоро пріѣдетъ къ своей матери. Разнеслись даже такія вѣсти: солдаты взбунтовались за границей, царя убили; дворяне хотятъ привезти царицу въ Россію, заключить ее вмѣстѣ съ ея дѣтьми въ тотъ самый монастырь, гдѣ томится законная супруга Петра, освободить послѣднюю и возвести на престолъ царевича Алексѣя. Эти слухи возбуждали радость въ народѣ. «Здѣсь — писалъ въ Вѣну изъ Петербурга императорскій посланникъ Плейеръ — все готово къ бунту; и знатные и незнатные жалуются, что ихъ утѣсняютъ, дѣтей хотятъ дѣлать мастеровыми, имѣнія отягощаютъ налогами, людей выводятъ на крѣпостныя работы», эти слухи, сообщаемые Плейеромъ, передавались Шенборномъ царевичу.

Веселовскій обращался съ вопросами къ министрамъ императора; ему отвѣчали, что ничего не знаютъ. Былъ у Веселовскаго пріятель, между близкими къ императору людьми, референтъ тайной конференціи Дальбергъ; онъ открылъ ему тайну о царевичѣ; посланный Веселовскимъ въ Тироль капитанъ Румянцевъ сообщилъ Веселовскому, что царевичъ находится въ Эренбергѣ, подъ видомъ государственнаго преступника, котораго считаютъ польскимъ или венгерскимъ княземъ. Апрѣля 8 Веселовскій подалъ императору письмо, писанное Петромъ еще въ декабрѣ прошлаго года. Ни императоръ, ни министры его не хотѣли ничего объяснить Веселовскому о царевичѣ; императоръ написалъ такой отвѣтъ царю, въ которомъ не было сознанія, что царевичъ находится во владѣніяхъ императора, но въ то же время послана была

нота въ Англію: англійскій король былъ также свойственникомъ царевичу по родству съ бранденбургскимъ домомъ. Императоръ желалъ узнать, захочетъ ли англійскій король защищать царевича, если царь станетъ доставать сына оружіемъ. Въ Эренбергъ посланъ былъ секретарь Кейль показать царевичу и оригинальныя письма къ Петру и копію ноты, посланной англійскому министру. Кейль долженъ былъ извѣстить церевича о томъ, что убѣжище его открыто, и предложилъ ему по этому поводу, если ему угодно пользоваться покровительствомъ императора, переѣхать подалѣе, въ Неаполь. При этомъ царевичу было сдѣлано замѣчаніе, чтобъ онъ помнилъ, что не слѣдуетъ подавать поводовъ къ отцовскому неудовольствію, въ особенности слѣдовало бы ему отставить прислугу, которая для отца кажется непристойной, дабы ничто не имѣло вида, будто его императорское величество, оказывая царевичу свою протекцію и черезъ то вступая въ непріятныя столкновенія съ отцомъ его, заступается за то, что неумѣстно и достойно порицанія. Царевичъ, приведенный въ тревогу отцовскимъ письмомъ и словами секретаря, заливался слезами, становился на колѣни, умолялъ пощадить его, дѣлать съ нимъ что угодно только не выдавать отцу. Его повезли въ Неаполь. Онъ взялъ съ собою только свою Евфросинью въ мужской одеждѣ. Остальная прислуга оставлена была до времени въ Эренбергѣ. По дорогѣ встрѣчались имъ подозрительныя лица съ царскими проѣзжими письмами. До какой степени царевичъ былъ это время преданъ винопитію, показываетъ донесеніе провожавшаго его Кейля «употребляю всевозможныя усилія, чтобъ удержать нашу компанію отъ сильнаго и весьма частаго пьянства, но тщетно».

Они прибыли въ Неаполь 17 (6) мая и помѣщены въ

замкѣ Сентъ-Альмо на холмѣ, господствовавшемъ надъ городомъ. Оттуда царевичъ написалъ письма: одно къ сенаторамъ, другое къ духовнымъ; въ этихъ письмахъ извѣщалъ, что убѣжалъ отъ озлобленій, такъ какъ его хотѣли насильно постричь, и находится подъ покровительствомъ нѣкой высокой особы: онъ просилъ не вѣрить, если будутъ распускать вѣсти, будто его нѣтъ въ живыхъ. Письмо это обѣщали послать по назначенію окольными путями, однако не послали.

Не долго проживалъ царевичъ въ неизвѣстности. Румянцевъ слѣдилъ за нимъ до самаго Неаполя, когда царевича везли туда. Петръ узналъ обстоятельно, гдѣ его сынъ, и 26 іюля прибылъ въ Вѣну посланный отъ русскаго царя, Петръ Толстой, вмѣстѣ съ отыскавшимъ слѣдъ царевича Румянцевымъ. Петръ поручилъ Толстому домогаться выдачи Алексѣя, обѣщая отъ отца прощеніе царевичу, а если императоръ никакимъ образомъ не согласится на выдачу, то, по крайней мѣрѣ, добиться свиданія съ царевичемъ, чтобы убѣдить послѣдняго воротиться въ отечество. Если никакія представленія не подѣйствуютъ на императора и онъ не допуститъ къ царевичу Толстаго, послѣдній долженъ былъ объявить, что такіе поступки императора царь приметъ за явный разрывъ и будетъ мстить за обиду своей чести.

Посланный представилъ письмо царя императору.

Царь просилъ выдачи сына. Императоръ, съ совѣта своихъ министровъ, не согласился на выдачу, но дозволилъ Толстому ѣхать въ Неаполь уговаривать царевича къ возвращенію на родину. Много способствовала этому теща императора и царевича, которая боялась, что если раздоръ между Петромъ и его сыномъ доведется до крайности, то отъ этого могутъ потерпѣть ея внуки, дѣти царевича. Императорское правительство хотѣло изба-

виться отъ царевича, но такъ, чтобъ не падало дурной тѣни на самого императора, а потому императорскому намѣстнику въ Неаполѣ (находившемся по Утрехтскому миру въ числѣ владѣній Габсбургскаго дома), вицекоролю (вицерою) Дауну поручалось, съ своей стороны, содѣйствовать, чтобъ царевичъ добровольно согласился воротиться въ отечество; если же царевичъ не поддастся никакимъ убѣжденіямъ, то Даунъ долженъ былъ увѣрить его, что онъ безопасно можетъ оставаться подъ покровительствомъ императора. Императоръ почему-то думалъ, что отецъ сердится на сына болѣе всего за связь съ женщиною, которую царевичъ возилъ съ собою, и поручилъ Дауну внушить царевичу, что примиреніе съ отцомъ легче состоится, если царевичъ отпуститъ отъ себя эту женщину. Но царевичъ озадачилъ Дауна такими словами: «если мой отецъ гнѣвается на меня за эту женщину, то почему не потребуетъ удаленія этой женщины? Напротивъ — онъ хочетъ наложить руки на меня самого»!

24 сентября 1717 года, Толстой и Румянцевъ пріѣхали въ Неаполь.

Черезъ день, вице-король Даунъ пригласилъ въ свой домъ царевича, съ тѣмъ, чтобъ доставить царскимъ посланцамъ возможность видѣть царевича и тогда, когда бы послѣдній заупрямился и не хотѣлъ допускать ихъ къ себѣ. Такъ поступилъ императорскій намѣстникъ для того, чтобы, сообразно письму, полученному отъ своего государя, содѣйствовать возвращенію царевича.

Толстой передалъ царевичу письмо отъ отца. Петръ, хотя и упрекалъ сына въ бѣгствѣ, но приглашалъ послѣдовать тому, что будутъ ему говорить отъ имени царя Толстой и Румянцевъ, и написалъ такія строки: «Я тебя обнадеживаю и обѣщаю Богомъ и судомъ Его,

что никакого наказанія тебѣ не будетъ, но лучшую любовь покажу тебѣ, ежели воли моей послушаешь и возвратишься».

Толстой вручилъ царевичу письмо отъ тещи; она подавала царевичу совѣтъ помириться съ родителемъ.

Царевичъ не поддался ни на что. Онъ боялся, чтобы пріѣхавшіе къ нему соотечественники не наложили на него рукъ; — тоже считалъ возможнымъ и самъ императоръ, полагавшій, какъ вообще полагали на Западѣ, что московиты способны на всякій дикій и грубый поступокъ, воспрещаемый правилами европейскаго общежитія.

Черезъ два дня, 28 сентября, Даунъ снова назначилъ свиданіе царскимъ посланцамъ съ царевичемъ у себя.

«Я не поѣду въ Россію; я боюсь явиться передъ гнѣвнымъ отцомъ; я не смѣю — говорилъ царевичъ — я напишу объ этомъ императорскому величеству, моему протектору».

«Императоръ — сказалъ Толстой — не станетъ тебя удерживать и вступать во вражду съ отцомъ твоимъ. Царь будетъ считать тебя измѣнникомъ и не отстанетъ, пока не добудетъ тебя живаго либо мертваго; мнѣ приказано не удаляться отсюда, прежде чѣмъ я не возьму тебя; — куда бы тебѣ ни увезли — я буду за тобой ѣздить по слѣдамъ».

Трусливый царевичъ задрожалъ, схватилъ Дауна за руку, увелъ въ другую комнату и говорилъ:

«Что, если отецъ станетъ меня требовать вооруженною рукою, будетъ ли мнѣ покровительствовать цезарь?»

«Не обращайте вниманія на эти угрозы — сказалъ ему вице-король — его императорское величество очень желаетъ вашего примиренія съ родителемъ, ное сли вы не считаете безопаснымъ для себя ваше возвращеніе, то

извольте оставаться; его императорское величество на столько могуществен, что может охранить тѣхъ, которые отдаются подъ его протекцію».

Ободрился царевичъ: «Я низачто ни подъ какимъ видомъ не хочу попадаться въ руки отца» — сказалъ онъ Дауну. — Но по своей робкой слабохарактерной природѣ онъ не смѣлъ также рѣшительно отвѣчать Толстому и прибѣгнулъ къ такимъ уловкамъ, къ какимъ обыкновенно прибѣгаютъ подобные царевичу люди въ минуты необходимости рѣшиться на что нибудь важное: онъ сказалъ, что повременитъ, подумаетъ...

Послѣ того царевичъ запрятался въ замкѣ Сентъ-Альмо и не поѣхалъ къ вице-королю на третій разговоръ.

Нужно было, однако, чѣмъ нибудь покончить. Даунъ устроилъ третье свиданіе уже въ самомъ замкѣ Сентъ-Альмо, отправивши туда съ Толстымъ и Румянцевымъ своего помощника фельдцейгмейстера Венцля. Изъ этого свиданія также ничего не вышло.

Толстой думалъ склонить Дауна, чтобъ онъ постращалъ царевича; Толстой поминалъ о награжденіяхъ со стороны царя, хотя не имѣлъ на то царскаго указа; Даунъ готовъ былъ способствовать возвращенію царевича, дѣйствуя только въ тѣхъ предѣлахъ, какіе ему были указаны императорскими письмами. Оказался податливѣе и склоннѣе къ принятію наградъ секретарь его Вейнгардтъ. Толстой далъ ему сто шестьдесятъ червонцевъ. За это Вейнгардтъ отправился къ царевичу и сталъ, какъ бы отъ себя лично, говорить, что императорская протекція не совсѣмъ надежна: если царь объявитъ, что прощаетъ сына, а сынъ не поѣдетъ, и послѣ того царь вздумаетъ вести войну, то императоръ, нехотя, выдастъ сына отцу.

Слова Вейнгардта сильно растревожили царевича. Онъ сталъ побаиваться, какъ бы въ самомъ дѣлѣ не хуже для него вышло, когда онъ теперь отвергнетъ предлагаемое отцовское прощеніе, а послѣ попадется въ руки отцу. Онъ написалъ записку къ Толстому и просилъ пріѣхать къ нему, только безъ Румянцева; послѣдняго царевичъ боялся. Толстой пріѣхалъ и говорилъ съ царевичемъ наединѣ.

«Я получилъ отъ государя письмо — сказалъ царевичу Толстой — онъ собираетъ войско въ Польшѣ, хочетъ ввести его въ Силезію и доставать оружіемъ своего сына, а самъ готовится ѣхать въ Италію. Ты помнишь, государь давно хотѣлъ ѣхать въ Италію, теперь для сего случая поѣдетъ; не думай, что онъ тебя видѣть здѣсь не можетъ! Кто ему запретитъ?»

Это поколебало царевича; онъ сказалъ: «Я бы поѣхалъ къ отцу, только если бы у меня не отняли Афросиньи, и дозволили жить въ деревнѣ».

Затѣмъ онъ обѣщалъ еще подумать и дать отвѣтъ завтра.

Толстой понялъ, что съ такимъ характеромъ царевича дѣло потянется, и приступилъ къ Дауну съ просьбою попугать царевича разлукою съ Афросиньюшкой. Даунъ на самомъ дѣлѣ не смѣлъ отнять Евфросиньи у царевича, потому что это было бы уже насиліе, но попугать царевича разлукою съ нею онъ считалъ дозволительнымъ, во первыхъ оттого, что императоръ приказалъ ему содѣйствовать добровольному согласію сына ѣхать къ отцу, во вторыхъ оттого, что царевичу отъ лица императора было заявлено, что если отецъ сердится на него за женщину, которую онъ съ собою возитъ, то царевичъ долженъ знать, что императору неприличнымъ окажется заступаться за поступки, достойные порицанія.

Притомъ еслибы оно и совершилось, отлученіе Евфросиньи отъ царевича, то и тогда можно было бы найти увертку, объявивши, что это еще не есть нарушеніе покровительства, обѣщаннаго только особѣ царевича: это не значило бы, что императоръ выдаетъ его отцу. Буква закона и приличія соблюдались. Вице-король велѣлъ сказать царевичу, что прикажетъ отлучить отъ него женщину въ мужской одеждѣ. Царевичъ испугался и просилъ повременить до утра, чтобъ поговорить съ своей Евфросиньей. Царевичъ предполагалъ искать спасенія у папы въ Римѣ, если цезарь его разлучитъ съ нею. Евфросинья стала ему совѣтовать во всемъ покориться отцовской волѣ и просить прощенія у отца.

Это обстоятельство рѣшило все. Царевичъ на другой день объявилъ Толстому и Румянцеву, что ѣдетъ въ отечество съ двумя кондиціями: во первыхъ, если ему позволятъ жениться на Евфросиньи, а во вторыхъ — жить въ деревнѣ. Толстой не имѣлъ права согласиться на такія кондиціи и находилъ ихъ паче мѣры тягостными, но все принялъ на себя и далъ согласіе словесно.

«Я ѣду съ вами — сказалъ царевичъ — а вы упросите моего отца, чтобъ мнѣ дозволили жениться, не доѣзжая Петербурга».

Толстой далъ слово стараться, чтобы съ царевичемъ было поступлено по его желанію, и въ тотъ же день послалъ къ царю извѣстіе о благополучномъ исходѣ своего предпріятія паче всякаго ожиданія.

Толстой, съ своей стороны, представлялъ царю свое мнѣніе, что всего лучше дозволить царевичу жениться: съ одной стороны это уронитъ его въ глазахъ цезаря и весь свѣтъ будетъ видѣть, что сынъ ушелъ отъ отца изъза этой дѣвки, а съ другой — въ своемъ государствѣ всѣ узнаютъ — что такое царевичъ.

Давши слово ѣхать въ Россію, царевичъ прежде съѣздилъ въ Баръ поклониться мощамъ св. Николая. Толстой и Румянцевъ послѣдовали за нимъ неотступно туда же. Возвратившись съ своего богомолья 14 октября, царевичъ отправился изъ Неаполя на Римъ и безпрестанно толковалъ съ своими дядьками о томъ, какъ бы отецъ дозволилъ ему обвѣнчаться за границею до пріѣзда въ Россію. Толстой и Румянцевъ очень боялись, чтобы царевичъ, подъ какими нибудь впечатлѣніями, не измѣнилъ своихъ намѣреній: они не были спокойны, пока не выѣдутъ изъ владѣній императорскихъ. Поэтому Толстой не останавливался въ Вѣнѣ, проѣхалъ ее съ царевичемъ съ третьяго на четвертое декабря ночью, и путники, не останавливаясь, достигли Брюнна, но здѣсь для нихъ произошла неожиданная задержка. Генералъ-губернаторъ Моравіи, графъ Колоредо, не дозволилъ путешественникамъ слѣдовать далѣе, прежде чѣмъ не увидится и не поговоритъ съ царевичемъ. Онъ исполнилъ полученное отъ императора приказаніе.

Царевичъ проѣхалъ Вѣну и не явился къ императору: это обстоятельство подало императору подозрѣніе, что царевича везутъ по неволѣ, что, быть можетъ, онъ раскаялся въ данномъ согласіи и желаетъ остаться подъ покровительствомъ императора. Поэтому-то императоръ велѣлъ моравскому генералъ-губернатору графу Колоредо непремѣнно видѣться съ царевичемъ и узнать отъ него причину: почему онъ не представился ему въ Вѣнѣ?

Толстой сначала упорно не хотѣлъ низачто допускать кого бы то ни было видѣться съ церевичемъ.

Это давало поводъ заключать, что надъ царевичемъ дѣлается принужденіе, что самъ царевичъ, вѣроятно, сказалъ бы что нибуть такое, чего сказать Толстой не допускаетъ его. Колоредо, сообразно императорскому по-

велѣнію, задержалъ путешественниковъ, не смотря на протестъ Толстаго, вопіявшаго о нарушеніи народныхъ правъ, угрожавшаго разрывомъ съ Россіею. Но потомъ, 23 декабря, Колоредо былъ допущенъ къ царевичу, и царевичъ на вопросъ генералъ-губернатора: почему онъ не представился императору въ Вѣнѣ, объявилъ, что все произошло по причинѣ дорожныхъ обстоятельствъ, отъ трудности явиться ко двору въ приличномъ экипажѣ и съ приличною обстановкою. Толстой и Румянцевъ стояли тутъ же. Колоредо ничего болѣе не оставалось, какъ отпустить изъ Брюнна путешественниковъ и дозволить имъ продолжать свой путь безпрепятственно до выѣзда изъ владѣній императора.

Это объясняется, по нашему мнѣнію, тѣмъ, что (какъ слѣдуетъ полагать по разсчету времени) доставлено было церевичу письмо отца, писанное отъ 17 ноября къ Толстому и Румянцеву. Въ этомъ письмѣ Петръ приказывалъ передать царевичу свое согласіе на бракъ его съ Евфросиніею и проживаніе въ деревнѣ только съ тѣмъ, чтобы вѣнчаніе произошло въ предѣлахъ Россіи, а не за границею, для избѣжанія большаго стыда. Царевичъ успокоился обѣщаніемъ царя и родителя.

Евфросинья слѣдовала за нимъ медленно, потому что была беременна и направлялась по иной дорогѣ, вмѣсто Вѣны, на Нюренбергъ, Аугсбургъ и Берлинъ. Царевичъ получалъ отъ нея письма, писалъ къ ней, совѣтовалъ ѣхать потише, особенно черезъ горы, говорилъ о своемъ будущемъ ребенкѣ, котораго называлъ Селебенымъ (?). Замѣчательно, какъ сильно и постоянно занимали царевича церковные обряды. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Евфросиніи онъ выражался: «А что ты писала, чтобы Судакову (одному изъ трехъ служителей, оставленныхъ въ Эренбергѣ) дать денегъ, и дай ему ты противъ тѣхъ

же равно съ ними, а когда велишь ему у себя пѣть вечерню и утреню въ воскресенье, а онъ, еленою (?) живучи, забылъ гласы, и ты скажи ему, что декабря въ 1-й день былъ осьмый гласъ, поэтому онъ можетъ знать что пѣть»...

Вступивши въ предѣлы Россіи, царевичъ ѣхалъ на Москву. Увѣренность въ счастливомъ окончаніи дѣла не покидала его. 23 января 1718 года онъ писалъ Евфросиніи изъ Твери: «Все хорошо, чаю, меня отъ всего уволятъ, что намъ жить съ тобою будетъ, Богъ изволитъ въ деревнѣ, и ни до чего намъ дѣла не будетъ». Между тѣмъ, въ отечествѣ онъ могъ замѣчать расположеніе къ себѣ народа; Плейеръ, слѣдившій зорко за расположеніемъ умовъ въ Россіи, доносилъ своему правительству, что во время проѣзда царевича, народъ кланялся ему и говорилъ: благослови, Господи, будущаго государя нашего! Помѣщики, духовные, простой народъ — всѣ, по свидѣтельству Плейера, отзывались въ то время съ любовью о царевичѣ Алексѣѣ.

31 января царевича привезли въ Москву.

Отецъ его былъ уже тамъ.

3 февраля его ввели къ отцу, котораго окружали нарочно приглашенные духовные и свѣтскіе сановники. Царевичъ былъ безъ шпаги. Онъ упалъ къ ногамъ родителя, заливался слезами, просилъ помилованія.

«Я покажу тебѣ милость — сказалъ царь — но только ты долженъ отречься отъ наслѣдства и указать тѣхъ, которые присовѣтывали тебѣ бѣжать за границу къ цезарю».

Царь ушелъ съ нимъ въ другую комнату и говорилъ наединѣ. Въ тотъ же день въ Успенскомъ соборѣ, предъ евангеліемъ, царевичъ подписалъ клятвенное обѣщаніе, никогда, ни въ какое время не искать, не желать, и ни

подъ какимъ предлогомъ не принимать престола, а признавать истиннымъ наслѣдникомъ своего брата Петра Петровича.

Въ тотъ же день опубликованъ былъ манифестъ ко всему русскому народу, заранѣе приготовленный. Въ этомъ манифестѣ объявлялось о давней, постоянной неохотѣ царевича къ воинскимъ и гражданскимъ дѣламъ, о его безнравственности, о томъ, что онъ, еще при жизни своей жены, взялъ «нѣкакую бездѣльную и работную дѣвку» и съ оною жилъ явно беззаконно, и это способствовало смерти его жены, излагалась исторія побѣга царевича, сообщалось, между прочимъ, что императорскій вицерой въ Неаполѣ объявилъ царевичу, что цезарь не станетъ ни по какому праву держать его въ своихъ владѣніяхъ. (противъ этого извѣстія впослѣдствіи протестовалъ Даунъ) [1]). Наконецъ, въ томъ же манифестѣ объявлялось, что царь, отеческимъ сердцемъ о немъ «соболѣзнуя», прощаетъ его и отъ всякаго наказанія освобождаетъ, но лишаетъ наслѣдства послѣ себя, «хотя бы ни единой персоны нашей фамиліи не оставалось», а вмѣсто отрѣшеннаго отъ наслѣдства назначаетъ наслѣдникомъ другаго своего сына Петра, котораго всѣ подданные должны признать наслѣдникомъ посредствомъ цѣлованія креста. Затѣмъ всѣ, которые будутъ признавать Алексѣя за наслѣдника, объявлялись измѣнниками.

Казалось, задушевное желаніе Петра достигалось; сынъ ненавистной Евдокіи, въ глазахъ всего народа, въ

---

[1]) Въ протестѣ Дауна не говорится также, чтобы Даунъ стращалъ царевича разлученіемъ съ Евфросиніей, но въ этомъ случаѣ мы вправѣ болѣе вѣрить Толстому. Съ какой стати послѣднему сваливать часть своихъ заслугъ на другаго, когда для него гораздо лучше было бы явить Петру свое искуство, еслибы онъ сумѣлъ достать царевича безъ чужой помощи.

глазахъ всего свѣта, показалъ себя недостойнымъ; онъ осрамленъ, очерненъ, ошельмованъ, какъ говорилось тогда; сынъ любимой, дорогой Екатерины признанъ наслѣдникомъ. Прощеніе недостойному сыну объявлено торжественно.

Но прощеніе объявлено съ тѣмъ, если Алексѣй откроетъ своихъ соучастниковъ: этого не было объявлено Алексѣю въ то время, когда Толстой выманилъ его изъ заграничнаго убѣжища.

Петръ былъ сильно раздраженъ заговорами, возстаніями всякаго рода, противодѣйствіями своимъ мѣрамъ и явными, и тайными, и дѣятельными, и страдательными; Петръ былъ увѣренъ, что на Руси есть много не любившихъ его. Петру предстоялъ удобный случай поймать нѣкоторыхъ изъ нихъ и притомъ не простыхъ, а вліятельныхъ людей.

На другой же день послѣ объявленія манифеста начался розыскъ. Царевичу задали вопросные пункты, требовали отъ него показаній не только о дѣйствіяхъ, но и о словахъ, какія онъ произносилъ самъ и какія онъ слышалъ отъ другихъ въ разное время.

Царевичу дали вопросные пункты, которые оканчивались такими зловѣщими словами:

«Ежели что укроешь, а потомъ явно будетъ, то на меня не пеняй, понеже вчерась предъ всѣмъ народомъ объявлено, что за сіе пардонъ не въ пардонъ».

Мелкая, эгоистическая натура Алексѣя проявилась во всей силѣ. Царевичъ настрочилъ показаніе, въ которомъ прежде всего очернилъ Александра Кикина, какъ главнаго совѣтника къ побѣгу, наложилъ подозрѣніе на своего камердинера Ивана Большаго Аѳанасьева, (хотя, какъ показывалъ, объявивши о намѣреніи учинить побѣгъ, — не получилъ отъ него одобренія), показалъ на

Дубровскаго, которому передавалъ деньги для матери, на своего учителя Вяземскаго, на сибирскаго царевича, на Ивана Кикина, на Семена Нарышкина, на князя Василія Долгорукова и отчасти на царевну Марью Алексѣевну. Царевичъ оговорилъ Кейля, секретаря имперскаго канцлера Шенборна, показавши, будто онъ принуждалъ его писать письма къ сенаторамъ и архіереямъ, хотя эти письма не были посланы. Показаніе царевича не заключали полной искренности, которая все-таки бываетъ свойствомъ болѣе благородныхъ натуръ; царевичъ раскрывался вполовину; онъ сказалъ на столько, что его показанія могли притянуть въ бѣду другихъ, а о себѣ не сказалъ всего: онъ дѣлалъ такъ, какъ всегда дѣлаютъ въ такихъ обстоятельствахъ подобные царевичу люди.

Александра Кикина схватили въ Петербургѣ, пытали тамъ же, потомъ, вмѣстѣ съ Иваномъ Большимъ Аѳанасьевымъ, привезли въ Москву и подвергли страшнымъ истязаніямъ въ Преображенскомъ приказѣ. Его пытали четыре раза. Кикинъ упорно запирался, отрицалъ справедливость показаній царевича, наконецъ, 5 марта, послѣ невыносимыхъ мученій пытки, сказалъ:

«Что царевичъ въ повинной своей написалъ и то онъ дѣлалъ, а иного не упомнитъ, только во всемъ томъ онъ виноватъ, а тотъ побѣгъ царевичу дѣлалъ и мѣсто онъ сыскалъ въ такую мѣру: когда бы царевичъ былъ на царствѣ, чтобъ былъ къ нему милостивъ».

Его приговорили къ жестокой казни.

На другой день казни, истерзанный Александръ Кикинъ лежалъ на колесѣ еще живой; царь проѣхалъ мимо него, слышалъ его стоны, вопли, моленія объ отпущеніи души на покаяніе въ монастырь; царь приказалъ отрубить ему голову и воткнуть на колъ.

Камердинеръ Иванъ Большой Аѳанасьевъ оговорилъ

многихъ, но не спасъ себя, и его приговорили къ смерти, но приговоръ отложили.

То же сдѣлано было съ Дубровскимъ, сообразно показаніямъ царевича.

Сенатора князя Василія Долгорукаго арестовали въ Петербургѣ и отправили скованнымъ въ Москву, а вслѣдъ затѣмъ въ Петербургѣ арестовали многихъ лицъ [1]) и заковали въ ножные кандалы: ихъ отправили въ Москву. Всѣмъ, находившимся въ Петербургѣ, запрещено было, до возвращенія государя въ Петербургъ изъ Москвы, выѣзжать изъ Петербурга по московской дорогѣ, подъ опасеніемъ потери жизни. Можно вообразить себѣ всеобщій ужасъ, господствовавшій въ это страшное время.

Князь Василій Долгорукій, человѣкъ государственный и близкій къ царю, хотя не любившій Меншикова, царскаго любимца, не могъ быть обвиненъ въ соучастіи съ царевичемъ, но ему поставили въ вину остроты, которыя онъ отпускалъ надъ царевичемъ, котораго хорошо понималъ. Припомнили ему тогда его замѣчаніе на сходство

[1]) 21 февраля отправлены къ Москвѣ изъ Спб. господинъ генералъ князь Василій Володимировичъ, Петръ Матвѣевичъ, Сибирскій царевичъ, Аврамъ Лопухинъ, Иванъ Кикинъ, князь Богданъ Гагаринъ, Михайла Самаринъ, да камердинеръ Иванъ Меньшой Аѳонасьевъ, Никифоръ Богдановъ, Еверлаковъ, Константинъ Баклановскій, дьякъ Волковъ, дьякъ Вороновъ, попъ Греческій. Они посланы подъ карауломъ отъ гвардіи маіора господина Юсупова-Княжева по полуночи въ 9 часу въ ножныхъ желѣзахъ всѣ. Того-же числа привезъ въ гварнизонъ подъ карауломъ свѣтлѣйшій князь г. секретаря Волкова.

Въ 22 день. Привезъ господинъ генералъ-маіоръ Чернышевъ въ гварнизонъ подъ караулъ по полудни во 2 часу Ивана Ивановича Нарышкина, Василья Михайловича сына Глѣбова; и на оныхъ наложены ножныя желѣза. Того жъ числа привезъ подъ караулъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка сержантъ Спицынъ Александра Кикина, секретаря Гаврила Конспицкаго, да человѣка его жъ Бобрина, да двухъ деньщиковъ, Шишукова да Жукова и пр.

писемъ царевича къ отцу съ записями, которыя давали встарину бояре другъ другу. Долгорукій и послѣ отъѣзда царевича заграницу еще проговорился неосторожно. Когда услыхали, что царевичъ возвращается въ Россію, князь Василій сказалъ: «Вотъ дуракъ! повѣрилъ, что отецъ посулилъ ему жениться на Афросиньѣ! Жолвъ ему, а не женитьба! Чортъ его несетъ: всѣ его обманываютъ нарочно». Подобнаго рода выраженія поставлены были ему въ вину. Яковъ Долгорукій написалъ тогда царю сильное и умное письмо, выставлялъ заслуги лицъ своего рода, оказанныя Петру, и указывалъ царю, что «ино есть дѣло злое, ино слово съ умысломъ и намѣреніемъ злымъ, ино есть слово дерзновенное безъ умыслу и хотя не безвинное, однако не такой достойное мести, какой достойны злодѣи, умысломъ виновные». Князь Василій все-таки былъ отправленъ въ Петропавловскую крѣпость и впослѣдствіи заплатилъ за свои остроты ссылкою въ Соликамскъ. Учитель Вяземскій отписался, показавши, что онъ не зналъ объ умыслахъ царевича, притомъ и царевичъ давно уже не любилъ его и теперь наговорилъ на него по злобѣ.

Но розыскъ, производимый тогда въ Преображенскомъ приказѣ, не ограничился только тѣми лицами, которыя притянуты были по оговору или по подозрѣнію въ содѣйствіи царевичу къ побѣгу. Въ тотъ же день, когда заданы были вопросные пункты царевичу, Петръ послалъ Григорія Скорнякова-Писарева за бывшею своею женою Евдокіею, въ монашествѣ Еленою. Скорняковъ-Писаревъ привезъ ее въ Москву и донесъ, что нашелъ ее не въ монашескомъ, а въ мірскомъ платьѣ; это было вмѣнено ей въ большое преступленіе. Вслѣдъ за несчастною царицею притянули въ Преображенскій приказъ толпу мужчинъ и женщинъ духовнаго и мірскаго чина. Скорня-

ковъ-Писаревъ (впослѣдствіи и самъ испытавшій горькую участь), угождая Петру, давалъ совѣты хватать того и другаго, чтобъ открывать «воровство».

Тогда открылось, что отверженная царица, послѣ долгаго томленія въ монастырѣ, завела любовную связь съ маіоромъ Глѣбовымъ, человѣкомъ женатымъ, уже не молодымъ, имѣвшимъ взрослаго сына. Попались ея письма къ этому человѣку (замѣчательныя какъ образчикъ выраженія сердечныхъ чувствъ старорусской женщины). Царица на допросѣ созналась въ связи съ нимъ. Сознался и маіоръ Степанъ Глѣбовъ, но не хотѣлъ сознаваться ни въ писаніи, ни въ произнесеніи хульныхъ словъ на Петра и Екатерину. Не добились отъ него сознанія посредствомъ кнута и жженія горячими углями и раскаленнымъ желѣзомъ, и все-таки посадили на колъ 16 марта, на Красной площади. Испытывая невыразимыя страданія, онъ былъ живъ цѣлый день, затѣмъ ночь, и умеръ только предъ разсвѣтомъ, испросивши тайно у одного іеромонаха причащеніе св. тайнъ предъ смертью. Колесованъ былъ ростовскій епископъ Досифей за то, что поминалъ Евдокію царицею, утѣшалъ ее разными вымышленными откровеніями, гласами отъ образовъ, видѣніями и тому подобными, издавна принятыми въ старой Руси, способами, пророчилъ, между прочимъ, ей быть снова царицею. Казнили смертью духовника царицы, посредника въ сношеніяхъ съ Глѣбовымъ; подвергли жестокому наказанію кнутомъ нѣсколько женщинъ и въ томъ числѣ монахинь, угождавшихъ Евдокіи. Сама Евдокія была отправлена въ ссылку въ Ладожскій женскій монастырь. Царевну Марью Алексѣевну послали въ Шлиссельбургъ; послѣ, она была переведена въ Петербургъ и оставлена въ особомъ домѣ подъ надзоромъ.

Во время страшнаго розыска въ Преображенскомъ приказѣ произошло въ глазахъ Петра замѣчательное событіе:

2 марта, въ сборное воскресенье, въ обѣдню царю Петру подалъ нѣкій человѣкъ бумагу. Бумага эта оказалась присяжнымъ листомъ на вѣрность царевичу Петру Петровичу, объявленному наслѣдникомъ престола. На немъ было подписано:

«За неповинное отлученіе и изгнаніе отъ всероссійскаго престола царскаго Богомъ хранимаго государя царевича Алексѣя Петровича христіанскою совѣстью и судомъ Божіимъ и пресвятымъ евангеліемъ не клянусь и на томъ животворящаго креста Христова не цѣлую и собственною своею рукою не подписуюсь; еще къ тому и прилагаю малоизбранное отъ богословской книги Назіанзина могущимъ вняти въ свидѣтельство изрядное, хотя за то и царской гнѣвъ на мя произліется, буди въ томъ воля Господа Бога моего Іисуса Христа, по волѣ Его святой за истину азъ рабъ Христовъ Иларіонъ Докукинъ страдати готовъ. Аминь, аминь, аминь.»

Этотъ Докукинъ былъ подъячій. Три раза подвергали его жестокимъ истязаніямъ. Онъ никого не выдалъ, хулилъ Петра и Екатерину, и кричалъ, что пришелъ добровольно пострадать за имя Христово. Его колесовали.

Примѣръ Докукина открывалъ Петру, что между сторонниками его сына находятся (хотя немногіе) люди, о которыхъ можно было сказать, что они не чета жалкому, ничтожному царевичу. Петръ понялъ, что сила, вооружающаяся противъ него — не въ самомъ сынѣ, а за этимъ сыномъ. «Когда бы не монахиня, не монахъ и не Кикинъ, — Алексѣй не дерзнулъ бы на такое неслыханное зло! — говорилъ Петръ Толстому. О, бородачи! многому

злу корень старцы и попы! Отецъ мой имѣлъ дѣло съ однимъ бородачемъ, а я съ тысячами».

Въ изобиліи лилась человѣческая русская кровь за этого царевича, а онъ самъ, между тѣмъ, тѣшился увѣренностью, что страданіями преданныхъ ему людей купилъ себѣ спокойствіе и безмятежную жизнь съ своей дорогой Афросиньюшкой. «Батюшка — писалъ онъ къ Евфросиніи — взялъ меня къ себѣ ѣсть и поступаетъ ко мнѣ милостиво! Дай Боже, что и впредь также, и чтобъ мнѣ дождаться тебя въ радости. Слава Богу, что отъ наслѣдства отлучили, понеже останемся въ покоѣ съ тобою. Дай Богъ благополучно пожить съ тобой въ деревнѣ, понеже мы съ тобой ничего не желали только, чтобы жить въ Рожественкѣ; сама ты знаешь, что мнѣ ничего не хочется, только бы съ тобою до смерти въ покоѣ дожить. А будетъ что нѣмецкихъ вракъ будетъ (т. е. что будутъ писать о его дѣлѣ заграницею), о семъ, пожалуй, не вѣрь. Пожалуй, ей-ей больше ничего не было!»

Ничто повидимому не угрожало ему. Царское слово было ему дано. Царевичъ все открылъ, а если не все, то нѣкому обличить его. Чего же болѣе?

18 марта царь уѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ. Царевичъ уѣхалъ съ нимъ. Екатерина заранѣе писала къ Меншикову, чтобы приготовить, починить и убрать для царевича дворъ, бывшій Шелтинговъ.

12 апрѣля была пасха. Царевичъ, явившись съ поздравленіемъ къ мачихѣ, валялся въ ногахъ у нея и умолялъ ходатайствовать предъ царемъ о дозволеніи жениться на Евфросиніи. Это дѣлалось вслѣдъ затѣмъ, когда осуждена была на увеличенныя тяжкія страданія его родная мать, опозоренная публичнымъ извѣщеніемъ о ея связи съ Глѣбовымъ!

Наконецъ, пріѣхала давно жданная Евфросинья. Но царевичъ не встрѣтилъ ее, не обнялъ при свиданіи. Ее, еще беременную, засадили въ Петропавловскую крѣпость 20 апрѣля; туда же посадили ея брата Ивана Ѳедорова и трехъ служителей, раздѣлявшихъ изгнаніе царевича за границею.

Тамъ она, должно полагать, и родила своего Селебенаго; но что сталось съ этимъ ребенкомъ, не извѣстно.

Въ одну изъ субботъ, въ маѣ, царь отправился въ Петергофъ, и царевичъ поѣхалъ туда-же.

Вотъ къ этому-то моменту описываемой нами трагедіи относится картина г. Ге, по поводу которой мы рѣшились припомнить нашимъ читателямъ, съ нашимъ собственнымъ взглядомъ, событія болѣе, или менѣе всѣмъ извѣстныя. Царь Петръ допрашиваетъ царевича. Передъ нимъ бумаги: — это роковое показаніе Евфросиніи, котораго никакъ не ожидалъ царевичъ.

Художникъ изобразилъ безукоризненно-мастерски этого царевича. Тупоуміе, мелкая трусость, умственная и тѣлесная лѣнь, грубая животность видны въ его чертахъ, пораженныхъ горемъ и тоскою; его горе не таково, чтобы возбудить къ себѣ то состраданіе, которое неразлучно бываетъ съ уваженіемъ. Всмотритесь повнимательнѣе въ эти черты и вы увидите въ нихъ что-то недоброе, лживое, лукавое... это такой человѣкъ, который съ перваго раза покажется чрезвычайно добрымъ, но который тотчасъ проявится инымъ, когда вы вступите съ нимъ въ серьезное дѣло. Онъ себя считаетъ выше другихъ, но, при своемъ неумѣніи взяться за дѣло и вести дѣло, онъ постоянно нуждается въ помощи другихъ, въ нуждѣ станетъ унижаться, но первому же, кто ему окажетъ услугу, заплатитъ очень дурно, даже быть можетъ именно потому, что будетъ чувствовать себя обязаннымъ къ нему благодар-

ностію и тяготиться этою обязанностію. При своей умственной нищетѣ, онъ склоненъ къ суевѣрію, но неспособенъ къ истинной вѣрѣ, которая можетъ быть только удѣломъ людей съ волею. Въ бѣдѣ, постигающей его, онъ хочетъ возбудить къ себѣ состраданіе, но невольно возбуждаетъ жалкое презрѣніе; за то онъ не будетъ сострадать чужой бѣдѣ: на это онъ слишкомъ бѣденъ духомъ. Это человѣкъ, забитый деспотизмомъ, но всегда желающій деспотствовать надъ другими... Такимъ представляется Алексѣй Петровичъ на картинѣ г. Ге.

Минута роковая. Петръ прочтетъ ему показаніе, Алексѣй растеряется...

Всѣ его надежды поколебались въ эту минуту. Афросиньюшка, съ которой онъ надѣялся скоро вступить въ бракъ — у него уже отнята. Но эту Афросиньюшку онъ увидитъ скоро: ее везутъ за нимъ въ закрытой тележкѣ. Онъ увидитъ ее, но какъ? Существо, которому онъ весь отдался, для котораго жертвовалъ такъ охотно надеждою короны — это существо явится низкимъ, предательскимъ оружіемъ его погибели!

Евфросиніи въ крѣпости задали вопросные пункты о томъ: кто писалъ царевичу во время его пребыванія заграницею, кого хвалилъ царевичъ, кого онъ бранилъ, что о комъ говорилъ?

Если-бы Евфросинья была подосланною отъ Петра соглядатайницею за царевичемъ, и тогда не могла-бы она лучше исполнить своей обязанности. Припоминая, какъ Меншиковъ совѣтовалъ царевичу взять ее съ собою заграницу, въ то время когда царевичу, какъ ѣдущему къ отцу, рѣшительно невозможно казалось давать такой совѣтъ, невольно приходишь къ подозрѣнію: не подкуплена ли она была заранѣе, чтобы слѣдить за царевичемъ? Но обращать подозрѣніе въ увѣренность нѣтъ

историческаго права, тѣмъ болѣе, что вопросъ легко можетъ быть разрѣшенъ и другими способами: Евфросинья дѣлала изъ страха то же самое, что могла дѣлать изъ выгодъ!

«Царевичъ» — показала она — «писалъ не разъ цесарю жалобы на отца, писалъ письма къ архіереямъ съ тѣмъ, чтобъ эти письма подметывать, жаловался постоянно на родителя, что онъ хотѣлъ лишить его наслѣдства, и какъ могъ искалъ животъ его прекратить; самъ царевичъ очень прилежно желалъ наслѣдства, изъявлялъ радость, когда читалъ въ курантахъ, что братъ его Петръ Петровичъ боленъ. «Видишь — говорилъ онъ — батюшка дѣлаетъ свое, а Богъ свое!» Царевичъ надѣялся на сенаторовъ, не сказавши однако Евфросиніи, на кого именно надѣется, а только говорилъ такія слова: хотя батюшка и дѣлаетъ то, что хочетъ, только какъ еще сенаты похотятъ, чаю, сенаты и не сдѣлаютъ, чего хочетъ батюшка»! Когда слыхалъ о видѣніяхъ и читалъ въ курантахъ, что въ Петербургѣ тихо и спокойно, то говорилъ: «Тишина не даромъ. Можетъ быть отецъ мой умретъ, либо бунтъ будетъ. Отецъ надѣется, что, по смерти его, вмѣсто малолѣтняго Петра, будетъ управлять мачиха его, царевича, думая, что она умна — но тогда будетъ бабье царство и добра не будетъ, а будетъ смятеніе; иные станутъ за брата, а иные за меня»... «Я — говаривалъ онъ — когда стану царемъ, то старыхъ всѣхъ переведу, а наберу себѣ новыхъ по своей волѣ. Буду жить зиму въ Москвѣ, а лѣто въ Ярославлѣ. Петербургъ будетъ простымъ городомъ; кораблей держать не стану, войны ни съ кѣмъ имѣть не хочу; буду довольствоваться старымъ владѣніемъ»... Услышалъ царевичъ, будто въ Мекленбургѣ бунтуетъ русское войско, и очень обрадовался. Евфросинья показала также, что царевичъ изъ

Неаполя хотѣлъ было бѣжать къ папѣ, но она его удержала.

Когда царевичу предъявлено было это показаніе, онъ запирался.

Ему дали очную ставку съ Евфросиньей. Онъ кое въ чемъ сознался.

Затѣмъ ему дали цѣлую кучу вопросовъ, на основаніи разныхъ показаній, особенно Ивана Аѳанасьева Большаго, не столько о дѣлахъ, сколько о словахъ двусмысленнаго значенія, въ разныя времена произнесенныхъ царевичемъ. Царевичъ и тутъ по однимъ пунктамъ сознавался, по другимъ—запирался.

Вслѣдъ затѣмъ царевичъ — очевидно, находясь въ состояніи того перепуга, когда человѣкъ, потерявши присутствіе духа при видѣ страшной опасности, не ищетъ уже средствъ избавиться отъ бѣды, а самъ въ безпамятствѣ бросается въ погибель — написалъ показаніе, въ которомъ наговорилъ столько, сколько даже не былъ вынужденъ говорить; онъ открывалъ свои тайныя помышленія, а отвѣчая на вопросъ: на кого имѣлъ надежду?—набросилъ тѣнь подозрѣнія на многихъ государственныхъ людей — на Якова Долгорукова, Бориса Шереметева, Димитрія Голицына, Куракина, Апраксина, Головкина, Стрѣшнева и другихъ. Правда, онъ не обвинялъ ихъ въ томъ, чтобъ они знали объ его замыслахъ, но называлъ ихъ своими друзьями, готовыми къ нему пристать, какъ онъ думалъ. Онъ снялъ обвиненіе съ имперскаго чиновника Кейля, на котораго прежде наговаривалъ, будто тотъ принуждалъ его писать письма къ сенаторамъ и архіереямъ, — на этотъ разъ онъ притянулъ къ дѣлу кіевскаго митрополита, сознался, что писалъ къ нему — просилъ этого архипастыря всѣмъ сказывать, что царевичъ уѣхалъ отъ принужденія вступить

въ монастырь и находится въ добромъ здравіи. Этому показанію придали тогда важное значеніе. Царевичъ заявилъ, что кіевскій архіерей ему другъ. Мы не станемъ утомлять читателей нашихъ подробностями показаній царевича, тѣмъ болѣе, что ихъ можно найти въ VI томѣ Исторіи Устрялова. Важнѣйшее, оказавшее болѣе всего пагубнаго вліянія на судьбу царевича, состояло въ такихъ словахъ:

«Когда слышалъ о мекленбургскомъ бунтѣ (войска русскаго, какъ писали въ иностранныхъ газетахъ), радуяся говорилъ, что Богъ не такъ дѣлаетъ, какъ отецъ мой хощетъ, и когда бы оное такъ было, и прислали бы по меня, то бы я съ ними поѣхалъ; а безъ присылки поѣхалъ ли или нѣтъ, прямо не имѣлъ намѣренія, а паче и опасался безъ присылки ѣхать, а когда-бъ прислали, то-бъ поѣхалъ. А чаялъ быть присылкѣ по смерти вашей, для того что писано, что хотѣли тебя убить, и чтобъ живаго тебя отлучили, не чаялъ. А хотя бъ и при живомъ прислали, когда бъ они сильны были, то-бъ могъ поѣхать».

Царевичъ не былъ еще арестованъ и не сидѣлъ въ крѣпости (куда его засадили, уже въ половинѣ іюня). Но есть свидѣтельства, показывающія, что, находясь еще на свободѣ, онъ подвергался истязаніямъ. Уже послѣ его смерти, осужденъ былъ на каторжную работу крестьянинъ графа Мусина-Пушкина Андрей Рубцовъ, видѣвшій, какъ на мызѣ, гдѣ былъ царевичъ, по пріѣздѣ царя, повели царевича подъ сарай и оттуда слышны были стоны и крики, а двое другихъ лицъ, слышавшихъ о томъ отъ Рубцова, Прошиловъ и Леонтьевъ, казнены смертью за дерзкія разсужденія объ этомъ событіи (Рус. Вѣст. 1860 г. № 21). Эти извѣстія дѣлаютъ понятнымъ:

отъ чего царевичъ могъ писать показанія, явно составленныя подъ вліяніемъ перепуга.

Гвардіи капитанъ Скорняковъ-Писаревъ отправился въ Кіевъ, сдѣлалъ обыскъ бумагамъ митрополита и ничего не нашелъ, но митрополита Іосафа Кроковскаго больнаго и престарѣлаго отправили въ Петербургъ: онъ умеръ на пути, въ Твери. Царевичъ показывалъ и на главное лицо между тогдашними архіереями, на Стефана Яворскаго; онъ былъ расположенъ къ царевичу; но Стефана не тронули, хотя царь давно уже косился на него за рѣчь, нѣкогда произнесенную съ участіемъ къ царевичу, бывшему тогда заграницею въ свою первую поѣздку.

Сознаніе царевича въ томъ, что онъ готовъ былъ пристать къ бунтовщикамъ и дѣйствовать открыто противъ отца, дало поводъ не стѣсняться по отношенію къ лицу царевича царскимъ обѣщаніемъ помилованія.

13 іюня написаны были два объявленія: одно къ духовнымъ, другое къ свѣтскимъ судьямъ, избраннымъ изъ воинскихъ и гражданскихъ чиновъ.

Крѣпко стоя за свое царское самодержавіе (на которое, какъ зналъ царь изъ исторіи своихъ предковъ, бывали посягательства особенно со стороны духовныхъ), Петръ въ своихъ объявленіяхъ прежде всего счелъ нужнымъ сказать, что онъ «по божественнымъ и гражданскимъ правамъ, а особливо по правамъ россійскимъ» имѣетъ «довольно власти учинить за преступленіе по своей волѣ безъ совѣта другихъ», но призываетъ совѣтниковъ, уподобляясь въ этомъ случаѣ врачу, который, не довѣряя себѣ въ леченіи собственной болѣзни, приглашаетъ другихъ врачей... Въ объявленіи духовенству сказано, что хотя это дѣло и не духовнаго суда, но царь приглашаетъ духовенство на основаніи повелѣнія закона

Божія, какъ значится въ XVII гл. Второзаконія. Въ объявленіи къ свѣтскимъ царь клянется самимъ Богомъ и судомъ его, что Ему не будетъ противенъ ихъ судъ, требуетъ, чтобъ они вершили это дѣло отнюдь не «флатируя или не похлѣбуя» ему, государю: «не разсуждайте того, что тотъ судъ вашъ надлежитъ вамъ учинить на моего, яко государя вашего, сына, но, не смотря на лицо, сдѣлайте правду и не погубите душъ своихъ и моей, чтобъ совѣсти наши остались чисты въ день страшнаго испытанія и отечество наше безбѣдно».

Духовенство отвѣчало хотя уклончиво, но замѣчательно мудро. Выписавъ разныя мѣста изъ св. писанія, свидѣтельствующія объ обязанности дѣтей повиноваться родителямъ, оно представило на волю государя дѣйствовать: или по ветхому или по новому завѣту; хочетъ руководствоваться ветхимъ завѣтомъ — можетъ наказать сына, хочетъ ли предпочесть ученіе новаго завѣта — можетъ пощадить и простить его по образцу, указанному въ притчѣ о блудномъ сынѣ и въ поступкѣ Спасителя съ женою прелюбодѣйницею. «Сердце царево въ руцѣ Божіей есть; да изберетъ тую часть, аможе рука Божія того преклоняетъ!» — такъ сказано въ концѣ приговора духовныхъ.

Церковь, въ лицѣ своихъ представителей, исполнила свое дѣло: указала духъ, въ какомъ должна дѣйствовать мірская власть, признающая себя христіанскою, а затѣмъ, что могла дѣлать болѣе эта церковь, не имѣвшая никакого оружія, кромѣ слова, никакихъ понудительныхъ мѣръ, кромѣ нравственнаго вліянія?

Что могли сказать свѣтскіе судьи, сохраняя свое достоинство въ равной степени, какъ сохранили его духовные? Они могли сказать: царь государь, ты далъ свое царское обѣщаніе сыну чрезъ Толстаго въ Неаполѣ, что

ему наказанія не будетъ, если онъ возвратится. Сынъ твой повѣрилъ слову царя-родителя и судить его нельзя; если онъ сдѣлаетъ еще что нибудь преступное, въ такомъ случаѣ созывай насъ, мы будемъ судить его. Но могли-ли говорить такъ люди, во главѣ которыхъ сидѣлъ Александръ Меншиковъ, личный врагъ царевича, желавшій его гибели ради спасенія собственной головы и своихъ дѣтей?

Вслѣдъ за составленіемъ суда, 14 іюня, царевичъ былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость.

17 іюня свѣтскіе судьи потребовали его въ свой судъ въ сенатѣ.

Царевичъ оговорилъ Аврама Лопухина, своего дядю, будто онъ, во время пребыванія царевича заграницею, сообщалъ цесарскому резиденту Плейеру, что за царевича стоятъ и «заворашиваются» кругомъ Москвы, для того, что о царевичѣ вѣдомостей много; царевичъ оговорилъ своего духовника Якова Игнатьева: послѣдній, нѣкогда узнавши отъ царевича на исповѣди, что царевичъ желаетъ отцу смерти, сказалъ: «Богъ тебя проститъ и мы желаемъ ему смерти».

Пытали Лопухина; разстригли и пытали три раза Якова. 19 іюня настала очередь самому царевичу. Его пытали въ крѣпости и дали 25 ударовъ кнутомъ, допрашивали: все ли то правда, что онъ писалъ въ своихъ показаніяхъ? Онъ подтвердилъ подъ пыткою, что все сказанное имъ правда, что онъ никого не поклепалъ и ничего не утаилъ. Тогда пытали вновь его бывшаго духовника и дали ему ровно столько же ударовъ, какъ и его царственному духовному сыну.

22 іюня, послѣ обѣда, по царскому повелѣнію пріѣхалъ въ крѣпость Толстой и взялъ съ царевича показаніе, въ которомъ излагались причины его непослушанія

отцу. По тону этого показанія видно, что оно писано съ голоса, требовавшаго, чтобъ писали именно такъ, какъ было написано. Царевичъ обвиняетъ себя въ ханжествѣ, въ «конверсаціи» съ попами и чернецами, въ неохотѣ къ воинскимъ дѣламъ, въ томъ, за что постоянно сердился на него Петръ. Языкъ показанія совсѣмъ не обычный языкъ царевича, слишкомъ извѣстный по его письмамъ; и языкъ и складъ рѣчи — Петра. Въ концѣ царевичъ оговариваетъ императора, будто тотъ обѣщалъ ему вооруженную помощь: «И ежелибъ до того дошло, и цезарь бы началъ то производить въ дѣло, какъ мнѣ обѣщалъ, и вооруженною рукою доставить меня короны Россійской, то-бъ я тогда, не жалѣя ничего, доступалъ наслѣдства, а имянно: ежели бы цезарь за то пожелалъ войскъ Россійскихъ въ помочь себѣ противъ какова нибудь своего непріятеля, или бы пожелалъ великой суммы денегъ, то-бъ я все по его волѣ учинилъ, также и министрамъ его и генераламъ далъ бы великіе подарки. А войска его, которыя бы мнѣ онъ далъ въ помощь, чѣмъ бы доступать короны Россійской, взялъ бы я на свое иждивеніе и однимъ словомъ сказать: ничего бы не жалѣлъ, только чтобы исполнить въ томъ свою волю».

24 іюня царевича повели на пытку; дали ему пятнадцать ударовъ. Онъ подтвердилъ прежнія показанія.

Тогда же дали 25 ударовъ Дубровскому, говорившему царевичу, что Рязанскій митрополитъ къ нему добръ, да и еще дали 9 ударовъ Якову Игнатьеву.

Въ этотъ же день, 24 іюня, подписанъ былъ царевичу смертный приговоръ сто двадцатью членами суда.

25 іюня, Григорій Скорняковъ-Писаревъ ѣздилъ къ царевичу допрашивать: что значатъ найденныя въ его бумагахъ выписки изъ Баронія? Царевичъ сознался, что дѣлалъ выписки «приличныя на себя, отца и на другихъ,

чтобъ видѣть, что прежде было не такъ, какъ теперь дѣлается», показывалъ ихъ учителю Вяземскому, но не думалъ ихъ разсѣвать въ народѣ. Странно, что этотъ вопросъ сдѣланъ былъ уже по окончаніи суда.

На другой день, 26 іюня, съѣхались въ восьмомъ часу утра въ крѣпость царь съ девятью сановниками (Меншиковымъ, Головкинымъ, Ѳед. Матв. Апраксинымъ, Мусинымъ-Пушкинымъ, Стрѣшневымъ, Толстымъ, Шафировымъ, Бутурлинымъ и Як. Ѳед. Долгоруковымъ). Учиненъ былъ застѣнокъ, т. е. пытка. Въ 11 часовъ они разъѣхались.

Въ тотъ же день, какъ записано въ книгахъ гварнизонной канцеляріи, по-полудни въ 6 часу царевичъ преставился. На другой день, 27 іюня, была годовщина полтавской битвы. Царь обѣдалъ на почтовомъ дворѣ въ саду, вечеромъ веселился. Тѣло его сына въ 9 часу вечера вынесли въ губернаторскій домъ.

На слѣдующій день тѣло царевича перенесено было въ церковь Троицы.

29 іюня, въ день царскихъ имянинъ, царь обѣдалъ въ лѣтнемъ дворцѣ, присутствовалъ на спускѣ корабля, а вечеромъ былъ фейерверкъ и веселый пиръ до глубокой ночи. Тѣло царевича лежало у Троицы. Іюня 30, вечеромъ, въ присутствіи царя и царицы, тѣло царевича было предано землѣ въ Петропавловскомъ соборѣ рядомъ съ гробомъ покойной супруги его. Траура не было.

Царевичъ гнилъ въ землѣ, а дѣло его еще продолжалось. 8 декабря были казнены смертью обвиненные его показаніями: духовникъ его Яковъ Игнатьевъ, дядя его Аврамъ Лопухинъ, камердинеръ его Иванъ Большой Аѳанасьевъ, Дубровскій и Вороновъ. Другихъ били кнутомъ и вырѣзали имъ ноздри.

Царь опубликовалъ о смерти царевича, что онъ, вы-

слушавши смертный приговоръ, пришелъ въ ужасъ, заболѣлъ болѣзнью въ родѣ апоплексіи, исповѣдовался, причастился, потребовалъ къ себѣ отца, просилъ у него прощенія и такъ скончался по-христіански около 6 часовъ пополудни 26 іюня. Этому описанію кончины царевича не всѣ повѣрили; пошли слухи иного рода: что царевичъ умеръ насильственною смертью, но какою — говорили разно. Иностранцы, ловившіе слухи, передавали за границу извѣстія, будто царевичъ былъ опоенъ, будто ему отрубили голову и т. п. Одно бродившее по рукамъ и переписываемое, напослѣдокъ напечатанное (у Устрялова) письмо, составленное, какъ въ немъ сказано, Александромъ Румянцевымъ, описываетъ очень трагически, какъ Румянцевъ съ Толстымъ и Бутурлинымъ, по царскому повелѣнію, удушили царевича подушками; но достовѣрность этого письма едва ли можетъ выдержать строгую историческую критику [1]).

---

[1]) Письмо это заподозрилъ уже г. Устряловъ; однако, нѣкоторыя доказательства его поддѣльности, приводимыя г. Устряловымъ, недостаточно сильны; напр. что письмо писано къ нѣкоему Дмитрію Ивановичу Титову, а г. Устряловъ не могъ отыскать такого Титова. Но развѣ не могло быть у Румянцева близкаго лица, неизвѣстнаго г. Устрялову? Или, дѣвку Евфросинію Румянцевъ называетъ росту высокаго, а графъ Шенборнъ, видѣвшій ее въ мужской одеждѣ, назвалъ ее petit page; во-первыхъ, здѣсь выраженіе petit можетъ относиться не къ росту, во-вторыхъ, женщина въ мужскомъ платьѣ всегда покажется ниже, чѣмъ въ женскомъ. Въ письмѣ говорится затѣмъ: царевичевъ обозъ къ Москвѣ поспѣлъ и съ нимъ привезена дѣвка Евфросинья. Г. Устряловъ думаетъ, что Румянцевъ не могъ сдѣлать такой ошибки и не знать, что Евфросинья проѣхала изъ-за границы, а не изъ Москвы. Но мы не знаемъ, какъ везли Евфросинію: могли ее везти прямо въ Москву, думая, что царевичъ тамъ, а потомъ уже повезти въ Петербургъ.

Гораздо важнѣе слѣдующія несообразности, замѣченныя Устряловымъ; въ письмѣ, писанномъ отъ 27 іюля, говорится, что Евфросинія въ монастырь на вѣчное покаяніе отослана, когда извѣстно, что 5 іюля того же года царь далъ указъ: «дѣвку Афросинью отдать

Въ записной книгѣ гварнизонной канцеляріи не говорится, чтобы въ застѣнкѣ, въ присутствіи царя и де-

---

коменданту въ домъ, и чтобъ она жила у него и куда похочетъ ѣхать, отпускалъ бы ее со своими людьми», а въ распредѣленіи вещей, оставшихся послѣ царевича, писанномъ уже въ ноябрѣ 1718 г., показано много разныхъ женскихъ вещей, которыя велѣно отдать Бутурлину, для передачи дѣвкѣ Афросиньѣ; слѣдовательно, она не была отдана въ монастырь въ іюлѣ 1718 года. Миллеръ, который жилъ близко къ этому времени, говоритъ, что Евфросинія вышла за офицера с.-петербургскаго гарнизона. Въ письмѣ Румянцева говорится, что Аврамъ Лопухинъ и Яковъ, духовникъ царевича, казнены достойною смертью, а между тѣмъ они были казнены гораздо позже 27 іюля, отъ котораго будто бы писалъ Румянцевъ Титову, а именно они были казнены 8 декабря. Но главное, что бросаетъ тѣнь подозрѣнія на это письмо, это то, что такой ловкій человѣкъ, какъ Румянцевъ, не рѣшился бы повѣрить письму такую важную государственную тайну.

Нѣкто кн. Козловскій въ 1844 году сообщилъ о разныхъ матеріалахъ, относящихся къ Петру, будто-бы полученныхъ какимъ-то Чертковымъ чрезъ адъютанта фельдмаршала Румянцева изъ архива Румянцевыхъ; въ томъ числѣ онъ сообщилъ о письмѣ Александра Румянцева къ Титову въ Рязань (Ивану Дмитріевичу, а не Дмитрію Ивановичу) о подробностяхъ пріѣзда царевича въ Москву, о свиданіи его съ царемъ и о его отреченіи отъ престола. Это письмо, по своему тону, походитъ на то, о которомъ мы упомянули, узнавши его изъ книги Устрялова. Замѣчательно, что въ матеріалахъ, изданныхъ кн. Козловскимъ, приводимые имъ нѣкоторые документы были уже напечатаны при Петрѣ, но у Козловскаго отличны отъ напечатанныхъ. Покойный Пекарскій, на основаніи сходства слога письма Румянцева, напечатаннаго Козловскимъ, съ письмомъ о задушеніи царевича, склонялся къ признанію подлинности и послѣдняго Но самые эти матеріалы, представляя несогласныя редакціи того, что ужь было напечатано при Петрѣ, едва ли могутъ приниматься безъ критики, пока не объяснится, что за причина такой разницы... Кромѣ того, мы не знаемъ какъ стары списки письма о задушеніи, приписываемаго Румянцеву. Г. Пекарскому въ 1859 году было извѣстно, что это письмо стало ходить по рукамъ назадъ тому не болѣе пяти лѣтъ. Въ такомъ случаѣ, что же мудренаго, если какой нибудь досужій любитель старины составилъ его по образцу того письма, которое было напечатано Козловскимъ и которое, хотя также отзывается нѣсколько церковно-книжною рѣчью, не въ меньшей степени, чѣмъ письмо о задушеніи, представляетъ чертъ, побуждающихъ отрицать его подлинность.

вяти сановниковъ, пытали именно царевича; правда, и подъ 19 и 24 іюня, когда мы навѣрное знаемъ, что пытали царевича, также говорится тѣми же словами: «учиненъ застѣнокъ»; но и послѣ, когда уже царевича не было на свѣтѣ, въ той же запискѣ встрѣчается подобное извѣстіе о застѣнкѣ въ присутствіи царя. Такимъ образомъ извѣстіе о застѣнкѣ 26 іюня можетъ относиться къ царевичу, но можетъ относиться и не къ нему. И мы думаемъ, — едва-ли оно къ нему относится. Зачѣмъ пытать его, когда уже ему объявленъ смертный приговоръ, когда его собственная судьба окончилась? Плейеръ, бывшій тогда въ Петербургѣ, не знавшій, конечно, подробностей розысковъ, секретно производившихся въ крѣпости, но слѣдившій за ходомъ событій, говоритъ, что замѣтилъ, какъ въ день смерти царевича ѣздило къ нему въ крѣпость высшее духовенство и Меншиковъ; тогда въ крѣпость никого не пускали, а къ вечеру ее заперли. Изъ записокъ, которыя велись въ домѣ Меншикова, видно, что Меншиковъ бывалъ у царевича и царевичъ былъ очень боленъ, а къ вечеру скончался. Изъ записокъ с.-петербургской гварнизонной канцеляріи мы, какъ выше сказали, узнаемъ, что въ это утро царь, Меншиковъ и другіе сановники были въ крѣпости, гдѣ былъ учиненъ застѣнокъ для кого-то, а въ шестомъ часу въ тотъ же день царевичъ скончался. Если сообразить всѣ эти обстоятельства, то невольно приходишь къ догадкѣ, что, послѣ объявленія смертнаго приговора, духовенство — какъ сообщаетъ Плейеръ — приходило къ царевичу для христіанскаго приготовленія его къ смерти; царь съ вельможами приходилъ къ нему прощаться, какъ это значится въ извѣстіи, сообщенномъ самимъ царемъ о кончинѣ сына, а затѣмъ смертный приговоръ былъ исполненъ неизвѣстно какимъ образомъ.

Почитатели Петра видѣли въ поступкѣ съ сыномъ безусловно великій подвигъ принесенія въ жертву отечеству своего роднаго сына. Другіе видѣли здѣсь только дурную сторону. Г. Погодинъ изобразилъ царевича до того сочувственно, что, читая статью о судѣ надъ царевичемъ, пожалѣешь, отчего такой прекрасный человѣкъ не царствовалъ у насъ вмѣсто самого Петра!

Если на поступокъ Петра смотрѣть съ той нравственной точки, которая не можетъ измѣниться ни при какихъ условіяхъ времени, то этотъ поступокъ не имѣетъ оправданія. Вѣрность данному слову считалась всегда первою общественною добродѣтелью. Можно ли не назвать достойнымъ порицанія поступокъ Владиміра Мономаха съ половецкими князьями или императора Сигизмунда съ Гусомъ на Констанцскомъ соборѣ? Точно къ такому же разряду относится поступокъ Петра, давшаго сыну свое родительское обѣщаніе не наказывать его, а потомъ предавшаго его мукамъ и смерти. Петръ руководился здѣсь въ значительной степени своими родственными чувствами. Онъ не любилъ Алексѣя, сына ненавистной, отверженной имъ жены, и хотѣлъ доставить преемство престола потомству Екатерины; это видно изъ того, что Петръ началъ отдавать Алексѣю на выборъ: либо исправиться, либо отречься, тогда уже, когда у Алексѣя родился сынъ; отецъ продолжалъ налегать на него настойчивѣе, когда родился сынъ у Екатерины. Если бы у Петра не было такого побужденія, то, отрѣшивши Алексѣя отъ наслѣдства, онъ могъ назначить, по праву первородства, своимъ наслѣдникомъ внука, который былъ такъ же малъ, какъ и рожденный чрезъ нѣсколько дней послѣ внука сынъ Петра, Петръ Петровичъ. Петръ надѣялся воспитать себѣ достойнаго преемника въ сынѣ, но вѣдь то же могъ онъ сдѣлать съ внукомъ.

Чтобы оправдать свой поступокъ и придать ему законный видъ, Петръ установилъ законъ, по которому царствующій государь, мимо всякаго права рожденія, можетъ отдавать послѣ себя престолъ по желанію. Несостоятельность и неудобопримѣнимость такого порядка вещей показались въ исторіи самого Петра; ему пришлось умереть, не воспользовавшись изданнымъ закономъ, не указавши послѣ себя преемника себѣ.

Не смотря на все это, надобно сознаться, что для Петра, въ его положеніи, представлялось выбирать что либо одно: либо совершить жестокое дѣло, либо всю жизнь подвергаться страху заговоровъ и возстаній и быть всегда увѣреннымъ, что, послѣ его смерти, наступятъ смуты и потрясенія, которыя могутъ окончиться истребленіемъ его дѣтей, его сотрудниковъ, разрушеніемъ того государственнаго зданія, надъ созданіемъ котораго онъ трудился всю жизнь.

Трагическая судьба Алексѣя Петровича оставляетъ въ исторіи поучительный образчикъ того нравственнаго закона, по которому содѣянная несправедливость влечетъ за собою необходимость совершать другую, иногда же цѣлый рядъ несправедливостей. Важность зла бываетъ соразмѣрна кругу, на который простирается вліяніе совершающаго несправедливость. Петръ въ молодости совершилъ несправедливое дѣло съ женою, отъ которой имѣлъ сына, долженствовавшаго быть наслѣдникомъ престола. По естественному человѣческому свойству, этотъ сынъ съ дѣтства получилъ враждебное чувство къ отцу; чувство это развивалось оттого, что самъ отецъ не любилъ сына: сначала оставлялъ его безъ надлежащаго надзора и руководства, потомъ, покоряясь необходимости существующей вещи, долженъ былъ признавать его тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, т. е. единственнымъ сыномъ и наслѣд-

никомъ, — онъ хотѣлъ деспотическимъ и суровымъ обращеніемъ заставить его подражать ему и походить на него, но тѣмъ самымъ еще болѣе утвердилъ въ сынѣ то, что зародилось въ дѣтствѣ и получило первое развитіе въ отрочествѣ, т. е. вражду къ отцу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вражду ко всему отцовскому направленію. Неизбѣжность рокового столкновенія вытекаетъ сама собою. Петръ видитъ неспособность сына къ престолу; онъ видитъ ее тѣмъ живѣе, что не любитъ этого сына; отцовское чувство не затмѣваетъ для него правды. Въ противоположность этой нелюбви къ сыну Евдокіи, Петръ любитъ Екатерину, любитъ ея дѣтей, и тутъ-то естественно является у него мысль замѣнить нелюбимаго сына другимъ, но сохранивши, однако, по наружности, нѣкотораго рода права. И вотъ Петръ совершаетъ еще одно несправедливое дѣло: онъ требуетъ отъ сына невозможнаго: исправиться, быть не тѣмъ, чѣмъ сынъ былъ до тѣхъ поръ, хочетъ перемѣны всего установившагося съ дѣтства существа своего сына, иначе грозитъ и отреченіемъ и монастыремъ — «я хуже, какъ съ злодѣемъ поступлю» — пишетъ онъ сыну. Сынъ боится уже не только насильственнаго постриженія, но и тайнаго убійства; сынъ чувствуетъ, что онъ для отца лишній, что онъ ему мѣшаетъ, что для отца всего пріятнѣе было бы, еслибъ умеръ сынъ его. Что могло быть естественнѣе для царевича въ его положеніи, какъ спасать заранѣе свою жизнь? Сынъ убѣгаетъ заграницу, но убѣгаетъ не затѣмъ, чтобы сыскать себѣ мирное и тихое пристанище, не думаетъ онъ посвятитъ себя жребію частнаго человѣка; онъ убѣгаетъ съ сознаніемъ своихъ правъ и заявляетъ объ этихъ правахъ сосѣднему государю. Что тутъ дѣлать Петру? Оставить сына заграницею? Невозможно! Мало того, что Алексѣй, послѣ отцовской смерти,

немедленно явится въ Россію за отцовскою короною;— всякій часъ, когда Алексѣй будетъ въ чужихъ краяхъ, онъ опасенъ для Петра. Та страна, гдѣ Алексѣй будетъ скрываться, будетъ имѣть у себя такое пугало, посредствомъ котораго власти, управляющія этою страною, могутъ держать въ покорности Петра и Россію; кромѣ того, враги и завистники Россіи могутъ воспользоваться этимъ сыномъ для своихъ видовъ, а сынъ сдѣлается ихъ покорнымъ орудіемъ. Еслибъ этотъ сынъ, убѣжавши изъ Россіи, заявилъ предъ цѣлымъ свѣтомъ, что желаетъ проживать частнымъ человѣкомъ, тогда иное дѣло; но Алексѣй этого не сдѣлалъ; явившись къ Шенборну, онъ первое слово предъ нимъ произнесъ о томъ, что отецъ лишаетъ его наслѣдства, которое ему, царевичу, принадлежитъ по указанію самого Бога. Какъ же Петру оставить въ покоѣ такого претендента? Петръ выманилъ его изъ-за границы родительскимъ милостивымъ словомъ; Петръ далъ обѣщаніе, что когда сынъ явится въ отечество, ему не будетъ никакого наказанія. Бѣглецъ повѣрилъ обѣщанію и воротился.

Что тогда дѣлать Петру? Исполнить данное слово?

Но Алексѣй разъ уже отрекся отъ наслѣдства поневолѣ, а потомъ предъ дворомъ иноземнаго государя заявилъ о своихъ правахъ; отсюда логически вытекало, что и въ другой разъ, отрекшись отъ наслѣдства, также поневолѣ, при удобномъ случаѣ Алексѣй сдѣлаетъ то же. Прощенный врагъ все-таки останется врагомъ, если въ немъ останутся убѣжденія, которыя сдѣлали его врагомъ: онъ не будетъ показывать своей вражды только до тѣхъ поръ, пока это невозможно. Положеніе Алексѣя было не таково, чтобы Петръ могъ для него сдѣлать невозможнымъ когда-нибудь заявить свои права; сторонни-

ковъ, готовыхъ поддержать эти права, нашлось бы всегда много на Руси.

Если допустить, что Алексѣй, подъ страхомъ допросовъ, наговорилъ на себя лишнее относительно своей готовности пристать къ мятежному войску и идти съ оружіемъ противъ отца, то все-таки несомнѣнно то, что, притворившись прежде предъ отцомъ въ готовности отречься отъ наслѣдства, Алексѣй не думалъ отъ этого наслѣдства отрекаться и при первомъ удобномъ случаѣ предъявилъ бы свои права въ ущербъ видамъ и планамъ своего отца.

Петру оставалось совершить еще несправедливость— нарушить данное слово! И Петръ рѣшился на эту несправедливость.

Но слѣдуетъ ли особенно чернить и порицать Петра?

Вся исторія государствъ отъ начала міра преисполнена неправдами: одна другую порождала; одною хотѣли исправить другую и черезъ то, невольно спасая самихъ себя, совершали третью, четвертую и т. д., а совершая ихъ, были увѣрены въ томъ, что онѣ необходимы, и старались увѣрить другихъ, что такъ слѣдуетъ по законамъ правосудія. Такъ дѣлалось издавна, всегда, повсюду. «Всякъ человѣкъ ложь», — сказалъ нѣкогда Псалмопѣвецъ — и великій Петръ недаромъ повторилъ эту истину въ одномъ изъ своихъ писемъ къ царевичу Алексѣю.

ПАВЕЛЪ ПОЛУБОТОКЪ.

ПАВЕЛЪ ПОЛУБОТОКЪ.

Вопросъ о родовомъ происхожденіи замѣчательной въ исторіи Малороссіи личности всегда представляетъ затрудненіе къ отвѣту; демократическій строй казацкаго общества не допускалъ ни родовыхъ отличій, ни фамильнаго чванства. Люди достигали высокихъ должностей не по преимуществамъ породы, а по личнымъ заслугамъ и по выбору громады; простой рядовой казакъ, при умѣньи, дарованіяхъ и счастливомъ сочетаніи обстоятельствъ жизни, могъ достигнуть чина полковника или генеральнаго старшины. Это не значило, однако, чтобы изъ массы казацкаго общества не выдвигались семьи и роды, такъ какъ, при сословномъ равенствѣ, малоруссы все-таки признавали естественное право преемничества по наслѣдству: казакъ, возвышаясь посредствомъ своихъ достоинствъ, поднималъ вмѣстѣ съ собою свою семью и своихъ потомковъ, а богатѣя — передавалъ имъ свое достояніе. Такимъ образомъ, послѣ изгнанія изъ Малороссіи прежняго ополяченнаго высшаго сословія, изъ нѣдръ народа фактически выступали впередъ роды, стремившіеся образовать въ извѣстномъ смыслѣ высшій классъ, отличаясь по образу жизни и потребностямъ отъ уровня простаго народа; но за то непрочно было ихъ значеніе: они также легко опускались, какъ подни-

мались. Такъ было въ XVII и въ XVIII вѣкахъ, до тѣхъ поръ, пока въ Малороссію не введено было на великорусскій образецъ дворянство; часто бывало, что послѣ полковника въ томъ же полку занималъ полковый урядъ сынъ его и даже внукъ; но если на кого-нибудь изъ этого рода судьба поглянетъ непривѣтливо, то уже другимъ изъ того же рода не всегда легко было получить полковничій чинъ.

Роды, которымъ въ общественной жизни счастливилось, носили названіе значныхъ; простые казаки, чернь, глядѣли на нихъ съ досадою и нерѣдко со злобою; но путь къ помѣщенію въ рядахъ значныхъ не былъ никому еще юридически прегражденъ: не было между значными и чернью такого средостѣнія, какое возможно между двумя различно-правными сословіями; значный, по условіямъ судьбы, выбывалъ изъ значныхъ и смѣшивался съ чернью.

Въ числѣ родовъ, возвысившихся надъ массою казачества во второй половинѣ XVII вѣка на лѣвой сторонѣ Днѣпра, былъ родъ Полуботковъ. Болѣе въ старое время судьба этого рода намъ неизвѣстна. Прозвище Полуботокъ есть, конечно, насмѣшливая кличка; полуботокъ по-малорусски значитъ: полусапожекъ, а фамильныя названія у малоруссовъ чаще всего возникали отъ насмѣшливой клички, данной въ свое время человѣку, который передавалъ, мимо собственной воли, эту кличку своимъ потомкамъ; соотвѣтственно прозвищу Полуботокъ, мы знаемъ фамильныя прозвища: Чоботокъ (сапогъ), Черевикъ (башмакъ), Сірякъ (сѣрая суконная одежда). При Многогрѣшномъ въ Черниговскомъ полку былъ сотникъ Артемій Полуботокъ. Его сынъ, Леонтій Артемьевичъ, владѣлъ землею въ Черниговскомъ полку и былъ сдѣланъ при Самойловичѣ переяславскимъ полковникомъ и гене-

ральнымъ бунчужнымъ. Леонтій Полуботокъ находился въ родствѣ съ Самойловичами. Когда, послѣ паденія гетмана Самойловича, гетманская власть досталась Мазепѣ, новый гетманъ. повидимому, благоволилъ Полуботку, по крайней мѣрѣ, вслѣдъ за ссылкою гетмана Самойловича, ссылка постигла бывшаго переяславскаго полковника Дмитрашку Райчу, а Полуботка не тронули: но въ 1691 году племянникъ сосланнаго въ Сибирь гетмана Ивана Самойловича, бывшій гадяцкій полковникъ Михайло Самойловичъ, удаленный, по настоянію Мазепы, изъ Украины и проживавшій въ Москвѣ, былъ притянутъ къ возникшему тогда дѣлу о чернецѣ Соломонѣ. Этотъ Соломонъ былъ личность странная, до сихъ поръ не объясненная исторіею. Онъ составилъ фальшивыя письма отъ Мазепы къ польскому королю Яну Собѣскому такого содержанія, за которое, со стороны Россіи, могло Мазепѣ угрожать обвиненіе въ государственной измѣнѣ. Вѣроятно, чернецъ Соломонъ былъ орудіемъ какой-нибудь враждебной Мазепѣ партіи въ Малороссіи, — партіи, желавшей очернить Мазепу предъ верховною властію въ Москвѣ и спихнуть его съ гетманства. Коварная попытка не удалась: Соломонъ поймался въ Польшѣ въ обманѣ, сознался въ собственной винѣ, былъ выданъ московскому правительству и казненъ, доставивши, вопреки тайнымъ цѣлямъ сдѣлать зло гетману, полное торжество Мазепѣ; довѣріе къ гетману укрѣпилось въ Москвѣ. По дѣлу, производившемуся въ Москвѣ объ этомъ Соломонѣ, повели въ застѣнокъ Михайла Самойловича, а потомъ сослали въ Сибирь. Мазепа узналъ, что сынъ переяславскаго полковника, Павелъ Полуботокъ, находясь тогда въ Москвѣ, сносился съ Михайломъ Самойловичемъ, а отецъ его Леонтій, благопріятствуя намѣреніямъ Самойловича про-

извести въ Малороссіи возмущеніе, помышлялъ сдѣлаться гетманомъ. Мазепа приказалъ взять подъ караулъ и отца и сына, и предалъ ихъ обоихъ суду старшинъ и совѣта полковниковъ. При разбирательствѣ этого дѣла оказалось, что Павелъ Полуботокъ, услыхавши отъ Михаила Самойловича недобрыя рѣчи о Мазепѣ, сообщилъ объ этомъ находившемуся въ Москвѣ миргородскому полковнику Апостолу, а послѣдній извѣстилъ Мазепу. Но гетманъ все-таки придирался къ Павлу Полуботку: зачѣмъ онъ самъ прямо не предостерегъ своего гетмана. Старшина въ своемъ судѣ надъ Полуботками поступила такъ, какъ хотѣлось Мазепѣ. У нихъ были отняты маетности. Часть этихъ маетностей повернули къ городу Чернигову, нашедши по документамъ, что въ старинное время онѣ принадлежали этому городу; другія маетности обращены были въ достояніе войсковой казны для раздачи инымъ лицамъ. Этотъ страшный для Полуботковъ приговоръ приведенъ былъ въ исполненіе безъ предварительнаго представленія его на утвержденіе верховнымъ правительствомъ; только по совершеніи всего, Мазепа сообщилъ о томъ царямъ Іоанну и Петру. На мѣсто Леонтія Полуботка назначенъ былъ переяславскимъ полковникомъ Иванъ Мировичъ.

Семья Полуботковъ была, такимъ образомъ, низвержена, лишена матеріальныхъ средствъ, и должна была, повидимому, испытать участь многихъ другихъ, быстро возвышавшихся и быстро сходившихъ въ общій уровень народной массы. Но съ Полуботками сталось не такъ. Родъ этотъ въ лицѣ Павла скоро опять сталъ подниматься, и самъ Мазепа помогалъ его возвышенію. Вмѣсто умершаго черниговскаго полковника Лизогуба, полковникомъ въ Черниговскомъ полку сдѣланъ Павелъ Полуботокъ, когда именно — не знаемъ, но въ 1708 году онъ

уже занималъ эту должность. Когда открылась измѣна Мазепы, и Батуринъ, столицу его, постигло разореніе отъ Меншикова, Петръ потребовалъ всю малороссійскую старшину и начальствующихъ лицъ со всѣхъ полковъ на раду въ Глуховъ, для выбора новаго гетмана. Полуботокъ былъ однимъ изъ первыхъ, явившихся на призывъ государя. Уже тогда онъ былъ въ большомъ уваженіи во всемъ казачествѣ. Избираемый, сообразно царскому желанію, на гетманскій урядъ, стародубскій полковникъ Скоропадскій началъ отказываться отъ предлагаемой чести: такъ слѣдовало по старинному казацкому обычаю. Тогда казаки заявили было стремленіе провозгласить главою казачества Павла Полуботка. Но Петръ, съ своей стороны, уже высказалъ о немъ мнѣніе, показывавшее, что царь не утвердитъ казацкаго выбора, если этотъ выборъ падетъ на Полуботка. «Этотъ человѣкъ хитеръ; съ него можетъ выйти другой Мазепа». Такъ отозвался о Полуботкѣ государь. Само собою разумѣется, что никто, узнавши о такомъ отзывѣ государя, не рѣшался настаивать на избраніи Полуботка, и въ гетманы выбранъ былъ Скоропадскій.

Въ то время, когда Мазепа передался шведскому королю и старался потянуть за собою Малороссію, Петру, для спасенія цѣлости своего государства, нужно было ласкать малоруссовъ и удержать ихъ въ повиновеніи русской державѣ. Карлъ XII могъ быть очень опасенъ Петру, если бы сумѣлъ стать твердо въ тѣ выгодныя условія, которыя, независимо отъ его собственныхъ усилій, приготовляла судьба для безразсуднаго героя. Отъ Малороссіи теперь зависѣлъ исходъ всей Сѣверной войны: за кѣмъ пойдетъ этотъ край — на сторону того будетъ склоняться перевѣсъ. Петръ понималъ что важнѣе всего въ тѣ минуты, которыя онъ пережи-

валъ, было не допустить малоруссовъ искушаться подущеніями Мазепы и обѣщаніями Карла XII. И вотъ, Петръ, въ своихъ манифестахъ, припоминаетъ всѣмъ малоруссамъ, что московское правительство до сихъ поръ держало малорусскій народъ во льготахъ; царь даетъ обѣщаніе держать его также и впередъ, свято соблюдать тѣ вѣковыя права, съ которыми край малороссійскій поступилъ подъ власть московскихъ царей. Но миновали опасности, угрожавшія русскому самодержцу. Малоруссы не пошли туда, куда манилъ ихъ и зазывалъ ихъ старый гетманъ; напротивъ, они заявили полную враждебность къ тѣмъ иноземцамъ, которые вступили въ ихъ отечество, выставляя себя ихъ призванными освободителями. Полтавская побѣда сдѣлала Карла надолго неопаснымъ Петру, и Петръ тотчасъ перемѣнилъ свой тонъ по отношенію къ Малороссіи.

17-го іюля 1709 года Скоропадскій, въ мѣстечкѣ Рѣшетиловкѣ, подалъ царю просительные пункты о разныхъ льготахъ для малороссійскаго края, и чуть не на всѣ получилъ отказъ. Царь не соглашался, по просьбѣ Скоропадскаго, изъять малороссійскія войска во время походовъ отъ зависимости великорусскихъ полковыхъ воеводъ и генераловъ, не возвращалъ въ войсковое достояніе взятыхъ у малорусскихъ измѣнниковъ орудій, не дозволялъ возобновлять черниговскихъ дворовъ, не дозволялъ малоруссамъ, вопреки домогательству Скоропадскаго, вести торговыя сношенія съ запорожцами и проч. Скоропадскій, по поводу разоренія, постигшаго малороссійскій край въ предшествовавшее военное время, испрашивалъ на нѣсколько лѣтъ льготъ казакамъ отъ службъ. Царь соизволилъ дать имъ льготу только на одно лѣто. Гетманъ доносилъ Петру, что войсковая казна оскудѣла и нечѣмъ платить жалованье охочимъ полкамъ,

существовавшимъ въ Малороссіи на опредѣленномъ жалованьѣ, отдѣльно отъ тѣхъ казачьихъ полковъ, на которые, какъ на области, была разбита страна; гетманъ ожидалъ, что царь, по своей богатой милости, соизволитъ удѣлить что-нибудь отъ своихъ щедротъ на указанныя издержки; но государь велѣлъ только доставить ему роспись собираемымъ въ Малороссіи доходамъ, съ которыхъ надобно было содержать состоявшіе на жалованьѣ полки. Вообще въ это время новый малороссійскій гетманъ могъ уразумѣть, что царь тѣмъ будетъ несговорчивѣе и упорнѣе, чѣмъ далѣе будетъ отходить то время, когда Малороссію нужно было ласкать для собственнаго спасенія. Тогда, между прочимъ, Петръ въ отвѣтѣ на просительные пункты малороссійскаго гетмана выразился, что малорусскій народъ долженъ быть признателенъ за великое благодѣяніе, оказанное ему защитою противъ шведовъ.

Послѣ того, въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ гетманства Скоропадскаго, мы видимъ рядъ мѣръ, явно клонившихся къ наложенію на Малороссію одинаковой тягости, какую терпѣла подъ желѣзною рукой Петра вся русская держава. Въ 1715 году царь сдѣлалъ измѣненіе въ способѣ поставленія полковыхъ старшинъ по всѣмъ полкамъ. До того времени выборъ ихъ совершался исключительно въ своемъ полку, но Петръ нашелъ, что полковники дѣлали изъ этого злоупотребленія: они не доводили высшему начальству до свѣдѣнія о совершавшихся выборахъ, направляли самые выборы въ видахъ собственнаго корыстолюбія и допускали выбирать лицъ, на вѣрность которыхъ престолу трудно было положиться. Петръ опредѣлилъ: впередъ полковую старшину назначать гетману, при участіи великорусскаго чиновника, находившагося постоянно близъ гетмана въ качествѣ органа верховнаго правительства русской державы въ краѣ, пользующемся

преимуществами мѣстнаго самоуправленія. Въ тотъ же годъ Петръ сталъ посылать малороссіянъ на работы за предѣлы Малороссіи. Возобновляя свой давній проектъ о соединеніи Дона съ Волгой, Петръ приказалъ выслать изъ Малороссіи нѣсколько тысячъ казаковъ къ англійскому инженеру Джону Перри, завѣдывавшему канальнымъ дѣломъ въ Волжско-донскомъ краѣ. То были, какъ говоритъ пословица, еще только цвѣтики: надобно было ждать ягодокъ.

Въ 1717 году Скоропадскій снова просилъ государя о разныхъ облегченіяхъ для Малороссіи; царь, бывшій въ то время за границею, долго не отвѣчалъ Скоропадскому «за дальностію походу и многихъ нужнѣйшихъ дѣлъ», а въ 1719 году далъ отвѣтъ, въ которомъ, вмѣсто ожидаемыхъ милостивыхъ льготъ, замѣтилъ, что великорусскій народъ несетъ разныя тягости въ податяхъ и въ людяхъ, и во всемъ прочемъ, а малороссійскій народъ, по царской милости, не знаетъ такихъ тягостей. Въ слѣдующемъ 1720 году царь показалъ Малороссіи, что ей готовится не льгота и не обособленіе отъ прочихъ частей государства, а, напротивъ, тѣснѣйшее соединеніе на основаніи равнаго съ другими частями государства принятія на себя неизвѣстныхъ ей до того времени тягостей. Царь потребовалъ двѣнадцать тысячъ казаковъ на работу Ладожскаго канала, въ край болѣе далекій и болѣе непривычный малоруссамъ по климату, чѣмъ берега Дона и нижней Волги.

Въ 1722 году пріѣхалъ Скоропадскій въ Петербургъ, посѣщая его уже не въ первый разъ. Гетманъ былъ принятъ очень почетно и ласково, царь цѣловалъ его; Скоропадскій удостоился даже сидѣть за столомъ государя рядомъ съ его высокою особою; но тогда же Скоропадскаго поразила иного рода нежданная милость. Царь из-

далъ указъ объ основаніи малороссійской коллегіи: тамъ долженъ былъ председать президентъ бригадиръ Вельяминовъ, а при немъ засѣдать шесть штабъ-офицеровъ; всѣ были изъ великоруссовъ. Управленіе Малороссіею подводилось подъ общую систему учрежденнаго въ 1719 году коллегіальнаго управленія по всей Россіи, вмѣсто прежняго приказнаго: мѣсто бывшаго нѣкогда малороссійскаго приказа должна была занять малороссійская коллегія, но съ тою важною разницею, что этой коллегіи надлежало находиться не въ столицѣ, а въ Малороссіи, въ городѣ Глуховѣ. Она была верховнымъ мѣстомъ въ малорусскомъ краѣ и выше самаго гетмана; за послѣднимъ оставалось право совѣта въ этой коллегіи. Малороссійская коллегія учреждалась подъ благовиднымъ предлогомъ защищать народъ отъ притѣсненій и злоупотребленій со стороны генеральной старшины, полковниковъ и всякихъ другихъ властей; она имѣла право производить дѣла по поступившимъ къ ней жалобамъ, вести приходныя и расходныя книги и доставлять ихъ въ сенатъ. Безъ сношенія съ нею, гетманъ и старшина не должны были предпринимать какихъ бы то ни было всенародныхъ распоряженій и разсылать универсаловъ. Тяжело показалось Скоропадскому. Онъ попытался сдѣлать государю представленіе и сослаться на права малороссійскаго края, утвержденныя царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ силу переяславскаго договора, заключеннаго съ гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ во время присоединенія Малороссіи, — права, подтвержденныя и наслѣдниками царя Алексѣя Михайловича и въ числѣ ихъ самимъ Петромъ. Царь далъ отвѣтъ, что учрежденіе малороссійской коллегіи не дѣлаетъ нарушенія пунктовъ, постановленныхъ съ Хмельницкимъ, потому что и прежде дозволялось подавать апелляціи воеводамъ великорусскимъ.

Скоропадскій не слыхалъ о такомъ пунктѣ договора, на какой указывалъ Петръ, и во всей Малороссіи не знали и не слыхали, чтобъ договоръ переяславскій давалъ право апелляціи великорусскимъ воеводамъ. Но дѣлать было нечего. Скоропадскому оставалось молчать. Онъ уѣхалъ на родину, обласканный царемъ, но съ смертельною раною въ сердцѣ. Онъ жилъ не долго.

Гетманскій урядъ остался незанятымъ. Надобно было избрать новаго главу малороссійскаго казачества, но, пока совершится выборъ и послѣдуетъ утвержденіе отъ царя, казаки избрали временнымъ наказнымъ гетманомъ черниговскаго полковника Павла Полуботка.

Первымъ дѣломъ временнаго малорусскаго правительства было отправить посланцевъ Рубца и Быковскаго съ челобитьемъ въ сенатъ о выборѣ настоящаго гетмана. Это было въ концѣ 1722 года, когда Петръ готовился идти въ персидскій походъ. Полуботокъ обратился къ императрицѣ съ просьбою о ходатайствѣ у императора, чтобы малороссійскія права и преимущества были сохранены, а въ сенатъ подавалъ прошеніе объ отмѣнѣ пошлинъ съ меда, воска и табака.

Сенатъ отправилъ присланныхъ къ нему малоруссовъ въ Астрахань и велѣлъ тамъ дожидаться государя, который былъ въ Москвѣ, собираясь идти на Персію.

По прибытіи государя въ Астрахань, представились ему малорусскіе посланцы. Петръ, отпуская ихъ, письменно благодарилъ Полуботка и старшину за ихъ вѣрную службу и обѣщалъ устроить по ихъ желанію выборъ новаго гетмана послѣ своего возвращенія изъ похода. Между тѣмъ, Петръ приказалъ нарядить пятнадцать тысячъ малороссіянъ на работы въ Ладогу, а десять тысячъ къ крѣпости Св. Креста. Вмѣсто ожидаемой Полуботкомъ и старшинами льготы отъ налоговъ, царь

издалъ новый именной указъ о налогахъ на пчельники и табачное производство въ Малороссіи. Вслѣдъ за тѣмъ, въ началѣ 1723 г., Петръ далъ указъ сенату объявить малороссійскимъ казакамъ, что, по ихъ желанію, будутъ къ нимъ въ полки опредѣляться полковники изъ великоруссовъ, какъ уже былъ тому примѣръ при Скоропадскомъ: зять этого гетмана, Толстой, получилъ полковничій урядъ въ Нѣжинѣ. Благовидный предлогъ расширить эту мѣру подалъ Стародубскій полкъ, въ которомъ казаки изъявили неудовольствіе противъ своего полковника Журавки, и просили имъ прислать другаго полковника. Царь назначилъ къ нимъ въ полковники великорусса Кокошкина и показалъ видъ, что смотритъ на такое заявленіе Стародубскаго полка, какъ на свидѣтельство того, что всѣ малоруссы желаютъ имѣть полковниковъ, назначенныхъ имъ изъ великоруссовъ.

По окончаніи персидскаго похода, воротившись въ Петербургъ, государь засталъ новое посольство изъ Малороссіи съ повтореніемъ просьбы о выборѣ новаго гетмана, согласно данному царемъ обѣщанію.

Въ челобитной, обращенной къ царю, говорилось такъ:

«Повелитель неба и земли, Христосъ Господь, въ нынѣшнемъ съ небесъ пришествіи своемъ, хотящъ побѣдити враги В. И. В-ву, всея Россіи повелителю, побѣду на иноплеменники даровалъ и съ оною торжественно въ великій градъ Москву возвратитися удостоилъ, того убо Христа въ міръ для побѣды и В. В-ва въ царствующій градъ съ побѣдою пришествія мы, съ рабской должности нашей, вамъ великому государю В. И. В-ву, въ началѣ сего года всеподданнѣйше виншуючи [1]), вѣрно желаемъ, дабы оной побѣдотворецъ Христосъ и въ предбудущіе

---

[1]) Поздравляя.

многочислимые годы и лѣта дрожайшее В. И. В-ва здоровье на огражденіе и побѣду супротивныхъ силою благости своея цѣло, состоятельно и крѣпко сохранилъ, величіе и славу имени вашему великому во всѣхъ ближнихъ и далечайшихъ странахъ иноплеменническихъ умножая зоставилъ. Мы обнадежены высокою В. И. В-ва милостію, выраженною въ премощнѣйшей [1]) граматѣ, съ правительствующаго сената принесенной черезъ нашихъ въ низовой походъ посыланныхъ зъ найпокорнѣйшимъ прошеніемъ о избраніи по давномъ обыкновеніи вольными голосами новаго гетмана, на мѣсто умершаго господина Скоропадскаго, что тое новаго гетмана избраніе, заблагочаснымъ В. В-ва зъ онаго походу возвращеніемъ сбудется; нынѣ за тую премногую В. В-ва милость достодолжное наше обсылаемъ благодарствіе и о исполненіи той же высокомонаршей милости В. И. пресв. В-ву, зъ дозволеннымъ нашимъ челюбитствіемъ, раболѣпное приносимъ прошеніе, при чемъ скипетродержавную В. В-ва монаршую духомъ лобызаемъ десницу». Подписали челобитную: Полуботокъ, Савичъ и Бупаковскій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Полуботокъ послалъ письмо кабинетъ-секретарю Макарову и просилъ его ходатайства «о неотлагательномъ исполненіи высокомонаршей милостивой деклараціи въ общенародномъ всей Малой Россіи интересѣ понеже намъ и всей Малой Россіи безъ гетмана, яко безъ совершеннаго малороссійскаго правителя, обходиться трудно и неудобно».

На просьбу о выборѣ гетмана, Петръ далъ такой отвѣтъ:

«Всѣмъ вѣдомо, что съ Богдана Хмельницкаго до Скоропадскаго всѣ гетманы явились измѣнниками, отъ

---

[1]) Могущественнѣйшей.

чего много потерпѣло государство русское, особенно Малороссія, и потому надобно пріискать въ гетманы вѣрнаго и надежнаго человѣка, а пока такой найдется, опредѣлено правительство, которому надлежитъ повиноваться и не докучать на счетъ гетманскаго выбора.»

Это малороссійское правительство, на которое указывалъ Петръ, была малороссійская коллегія, до крайности ненавистная для малорусскихъ начальныхъ людей. Между нею и генеральною старшиною произошло тогда жестокое столкновеніе. Старшина толковала, что коллегія должна была производить только дѣла по апелляціямъ, поданнымъ на приговоръ генеральнаго суда; старшина находила несправедливымъ, что коллегія разбираетъ всякія дѣла, даже не бывшія въ генеральномъ судѣ, и беретъ на себя право дѣлать распоряженія мимо туземной власти. Главное, что произошло тогда между коллегіею и старшиною, было то обстоятельство, что коллегія, по приказу государя, оповѣстила универсаломъ по всей Малороссіи, чтобы всѣ, которые имѣютъ какое-нибудь неудовольствіе противъ старшинъ и какого бы то ни было начальства въ Малороссіи, подавали жалобы въ коллегію, установленную государемъ съ тою цѣлію, дабы защищать бѣдныхъ противъ богатыхъ и вообще простой народъ противъ малороссійскихъ властей. Малорусскіе старшины увидѣли въ этомъ тайное желаніе поднять противъ нихъ подчиненныхъ и такимъ путемъ привести къ перемѣнамъ, по ихъ взгляду, нарушающимъ права и привилегіи малорусскаго края. Они поняли, то стоитъ объявить, чтобы недовольные шли жаловаться, — за недовольными дѣло не станетъ, хотя бы со стороны тѣхъ, на кого подаются жалобы, не было вовсе никакихъ злоупотребленій; въ особенности, старшины, знавшіе свой край и духъ своего народа, ожидали, что объявленіемъ коллегіи воспользуются

крестьяне, чтобы заволноваться противъ землевладѣльцевъ, своихъ помѣщиковъ, потому что, со временъ возстанія противъ польскихъ пановъ при Хмельницкомъ, крестьяне составляли въ Малороссіи горючій матеріалъ, готовый вспыхнуть отъ малѣйшаго возбужденія. Чего старшины ждали, то и случилось. На Полуботка появились отъ разныхъ лицъ жалобы. Во многихъ мѣстахъ крестьяне забунтовали, не хотѣли слушаться своихъ помѣщиковъ, одного изъ послѣднихъ, Данилу Забѣлу, драли за волосы и чуть не убили; другой, Андрей Лизогубъ, жаловался старшинѣ, что въ селѣ его Погребахъ крестьяне исколотили до полусмерти старосту. Тогда Полуботокъ, вмѣстѣ со старшиною, выдалъ универсалъ, предписывавшій посполитымъ людямъ, живущимъ на помѣщичьихъ земляхъ, оказывать своимъ помѣщикамъ законное послушаніе, подъ страхомъ наказанія. По этому поводу между членами коллегіи и старшинами произошли сцены ссоръ и несогласія. Бригадиръ Вельяминовъ говорилъ, что малорусское правительство не смѣетъ безъ вѣдома коллегіи посылать универсаловъ и, вдобавокъ, противныхъ по своему смыслу распоряженіямъ коллегіи. Полуботокъ ссылался на свой санъ наказнаго гетмана, который призналъ за нимъ самъ царь. Вельяминовъ на это сказалъ ему:

— Я бригадиръ и президентъ, а ты что такое передо мною? — ничто! Вотъ я васъ согну такъ, что и другіе треснутъ. Государь указалъ перемѣнить ваши давнины и поступать съ вами по новому!

Полуботокъ замѣтилъ непристойность его выходокъ при чтеніи указа.

— Я вамъ указъ! — закричалъ Вельяминовъ.

Полуботокъ отправилъ государю жалобу на Вельяминова и всю коллегію и привелъ въ своемъ прошеніи государю статью договора, заключеннаго съ Богданомъ

Хмельницкимъ московскими боярами во время присоединенія Малороссіи къ Россіи: Полуботокъ указывалъ, что московскій царь Алексѣй Михайловичъ тогда утвердилъ старый порядокъ судопроизводства въ новоприсоединенной странѣ; ни воеводы, ни стольники не должны были вступаться въ войсковые суды и все товариство судимо было своею генеральною старшиною; гдѣ три казака,— тамъ двое третьяго должны были судить. Полуботокъ смѣло припомнилъ Петру, что преемники Алексѣя Михайловича подтверждали этотъ договоръ и самъ Петръ подтвердилъ его при избраніи гетмана Скоропадскаго.

Но, съ своей стороны, коллегія жаловалась государю, что наказной гетманъ и старшины посылаютъ самовольно универсалы, противодѣйствуя коллегіи, поступающей по царскому указу, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, Вельяминовъ прислалъ жалобы, возникшія отъ разныхъ лицъ на Полуботка и старшину. Государь приказалъ призвать къ себѣ въ Петербургъ Полуботка, генеральнаго судью Ивана Чарныша и генеральнаго писаря Семена Савича.

Позванные къ отвѣту малоруссы явились въ Петербургъ 3-го августа 1723 года и помѣстились въ домѣ Бутурлина (князя-папы). Сначала ихъ приняли ласково и милостиво; августа 6-го они представлялись государю на островѣ Котлинѣ, потомъ нѣсколько времени оставались безъ спросовъ, посѣщая разныхъ вельможъ; вездѣ ихъ принимали радушно и привѣтливо.

Въ сентябрѣ начался надъ ними допросъ въ тайной канцеляріи, сохранившійся въ дѣлахъ государственнаго архива. Прежде всего и болѣе всего налегали на универсалы о повиновеніи крестьянъ помѣщикамъ, разосланные безъ вѣдома коллегіи. Полуботокъ и Чарнышъ объясняли, что это сдѣлано ради того, чтобы въ посполъствѣ не учинилось опаснаго смятенія. «Вельяминовъ, —

говорили они, — разослалъ своихъ офицеровъ внушать посполъству. чтобъ оно не боялось ни своихъ владѣльцевъ, ни старшинъ, а мы знаемъ, что наше посполъство всегда готово подняться на пановъ и потому, чтобы не допустить до большаго мятежа, мы разослали универсалы, иначе съ насъ бы самихъ взыскивалось, если бы вышло общее волненіе». Савичъ уклонился отъ всякаго объясненія, отговариваясь, что былъ боленъ въ то время, когда посылались универсалы.

— «Вы, — спрашивали малоруссовъ, — посылали въ Королевецъ казака Уманца предлагать казакамъ для выбора въ сотники подозрительныхъ людей: Семена Григоровича и Захара Колесниченка; первый былъ зять измѣнника Кожуровскаго; а второй — шуринъ прилуцкаго полковника Горленка, приставшаго къ Мазепѣ, между тѣмъ какъ нѣжинскій полковникъ Толстой, зять покойнаго Скоропадскаго, писалъ вамъ, что, по приговору и желанію королевецкихъ казаковъ и посполъства, надобно было оставить прежняго сотника Головаревскаго, вѣрнаго слугу государя, на занимаемомъ имъ мѣстѣ. Вы же не учинили по его письму и велѣли выбирать новаго изъ подозрительныхъ людей, а Григоровичъ, со своими товарищами, билъ и сажалъ въ тюрьму казаковъ».

Полуботокъ отвѣчалъ:

— Мы предлагали на выборъ трехъ персонъ: Григоровича, Агіенка и Колесниченка, и посылали узнать, какое будетъ согласіе королевецкихъ казаковъ; мы сдѣлали такъ потому, что казаки изъ Королевца пріѣзжали къ намъ и требовали для выбора намѣтить нѣсколькихъ лицъ, а не одну персону; старшины никого не назначили, а предоставили выборъ казакамъ. Нѣжинскій полковникъ Толстой писалъ намъ объ опредѣленіи Головаревскаго, но мы не сдѣлали этого по одному письму

Толстого, а прежде послали казака Уманца провѣдать: точно-ли хотятъ его королевецкіе казаки и за кѣмъ окажется болѣе голосовъ? На Головаревскаго были челобитчики, и мѣщане, и казаки, а кто именно, — того не припомню: его винили, что онъ разоряетъ и отнимаетъ грунты у нѣкоторыхъ лицъ; такъ дѣлалъ онъ, когда былъ сотникомъ. По этой-то причинѣ мы и не опредѣлили Головаревскаго. О томъ, чтобы Григоровичъ кого-нибудь билъ или сажалъ въ тюрьму — я ничего не знаю.

Спрошенный по этому пункту, Савичъ прибавилъ, что еще гетманъ Скоропадскій отставилъ Головаревскаго отъ должности сотника за нанесенныя людямъ обиды, Чарнышъ отозвался полнымъ невѣдѣніемъ по дѣлу о выборѣ сотника въ Королевцѣ.

Тайная канцелярія задала потомъ слѣдующій вопросъ:

«Бригадиръ Вельяминовъ писалъ, что вы, безъ указа коллегіи, раздавали въ работу деревни, приписанныя прежде къ ратушѣ. Кому раздавали вы деревни и какія именно?»

Савичъ и Чарнышъ отозвались незнаніемъ.

Одинъ Полуботокъ далъ на этотъ вопросъ такой отвѣтъ:

— Мы отдали одну деревню въ тридцать или сорокъ дворовъ новгородъ-сѣверскому сотнику Голезному, потому что этотъ сотникъ, по сенатскому указу, былъ переведенъ изъ Полтавскаго полка въ Новгородъ-сѣверскій, а прежняго сотника деревня была уже отписана къ гетманскимъ маетностямъ. Потомъ мы отдали небольшую деревню бунчуковому товарищу Кушневскому, ради отъѣзда его въ Петербургъ, какъ прежде дѣлалось у насъ въ подобныхъ случаяхъ; когда же бригадиръ сказалъ, что не слѣдуетъ давать деревни Кушневскому, тогда мы снова отобрали ее и приписали къ ратушѣ. Наконецъ, дана

была небольшая деревня канцеляристу Хоменку въ Стародубскомъ полку, въ Баклановской сотнѣ, потому что этому канцеляристу дано было обѣщаніе еще гетманомъ Скоропадскимъ, по тому поводу, что Хоменко перешелъ на его сторону изъ-за Днѣпра и тамъ покинулъ бывшую за нимъ деревню. Болѣе этихъ трехъ деревень мы никому не давали.

Былъ затѣмъ сдѣланъ малоруссамъ такой вопросъ:

—«Въ малороссійской коллегіи опредѣлено имѣть счетчика и коммисара для пріема денежной казны. Въ 1722 году велѣно было выбрать счетчика изъ гварнизонныхъ солдатъ, но на указъ объ этомъ получено донесеніе, что счетчикъ и коммисаръ уже выбраны и не изъ гварнизонныхъ солдатъ, потому что изъ гварнизонныхъ солдатъ выбрать некого: они всѣ бѣдны. Зачѣмъ отставили счетчиковъ и коммисара, не дождавшись указа?»

Полуботокъ и Савичъ объявили, что это неправда, а Чарнышъ добавилъ, что бригадиръ Вельяминовъ писалъ ложно, будто гварнизонные солдаты бѣдны и выбрать изъ нихъ некого, тогда какъ многіе изъ гварнизонныхъ солдатъ имѣютъ лавки и занимаются торгами.

Далѣе отъ тайной канцеляріи былъ предложенъ слѣдующій вопросъ:

—«Прошлый годъ въ малороссійскіе полки были опредѣлены сборщики, которымъ велѣно собрать денегъ, хлѣба и меда, и этихъ денегъ не слѣдовало употреблять никуда безъ указа, а полковники Полуботокъ, Танскій, Апостолъ и Милорадовичъ отобрали у сборщиковъ 2,264 рубли и хлѣба 628 четвертей».

Полуботокъ отвѣчалъ:

— Безъ указа ничего не брали, но по силѣ сенатскаго указа, которымъ велѣно было полковникамъ довольствоваться тѣми сборами, какіе получались прежде, въ Чер-

ниговском полку собрано не коллежскими, а полковыми сборщиками всего 70 или 80 рублей. Савичъ замѣтилъ, что изъ коллегіи присланъ былъ къ старшинѣ указъ объ одномъ медѣ, взятомъ миргородскимъ полковникомъ Апостоломъ, а о хлѣбѣ и деньгахъ не было никакой переписки, кромѣ только о хлѣбѣ, собираемомъ въ раздачу коллежскимъ служителямъ.

Представили допрошаемымъ такое донесеніе малороссійской коллегіи:

— «Былъ посланъ въ Стародубскій полкъ, въ маетности полковничьяго уряда, Пекалицкій для сбора доходовъ на полковничій рангъ. Изъ коллегіи ему посланъ былъ указъ, чтобы онъ явился съ деньгами въ коллегію, а онъ не явился, и когда потомъ былъ сысканъ, то сказалъ, что старшина не велѣла отдавать этихъ денегъ въ коллегію. Что это значитъ — спрашивала тайная канцелярія, сколько было денегъ и куда ихъ израсходовали?»

Полуботокъ на это сказалъ:

— Въ виду у насъ имѣлся указъ сената хранить собранныя деньги тамъ, гдѣ онѣ были собраны, и потому мы, старшина, опредѣлили не отдавать собранныхъ Пекалицкимъ денегъ, а приказали положить ихъ въ Стародубѣ, за неимѣніемъ полковника, при полковой старшинѣ, чтобы, когда будетъ въ Стародубскомъ полку новый полковникъ и потребуетъ этихъ денегъ, онѣ были налицо, потому что такія расходуются на покупку лошадей и на другія нужды полка. Денегъ было налицо рублей сто съ небольшимъ; а чтобы бригадиръ Вельяминовъ требовалъ этихъ денегъ и приказывалъ Пекалицкому явиться въ коллегію, и мы будто не велѣли Пекалицкому являться и доставлять въ коллегію денегъ — того мы не знаемъ и отъ насъ такого приказа не было.

И Савичъ и Чарнышъ показали то же, что и Полуботокъ.

Тайная канцелярія сдѣлала такой спросъ:

—«Когда у васъ бываютъ между собою совѣты о важныхъ дѣлахъ, вамъ велѣно давать знать бригадиру Вельяминову, и послѣдній долженъ находиться при такихъ вашихъ совѣтахъ: вы должны были сообщать ему сентенціи и копіи универсаловъ; вы же о своихъ совѣтахъ ему не объявляли, а присылали копіи съ универсаловъ и извѣстія о всякихъ дѣлахъ уже въ то время, когда дѣло окончится и состоится рѣшеніе».

Полуботокъ далъ такой отвѣтъ:

— О важныхъ дѣлахъ мы письменно не держали совѣта съ Вельяминовымъ и знать ему на письмѣ не давали, потому что такія важныя дѣла не часто случаются. Сочиняя универсалы и подписывая ихъ, мы посылаемъ ихъ въ коллегію и до просмотра коллегіи ихъ не публикуемъ; иногда же о нужнѣйшихъ дѣлахъ имѣемъ разговоръ съ бригадиромъ Вельяминовымъ. Копіи съ универсаловъ сообщаемъ въ коллегію, а сентенцій не посылаемъ, потому что у насъ не было такого обыкновенія, чтобы подписывать и крѣпить по листамъ приговоры всѣмъ старшинамъ. Не важныя же дѣла мы рѣшаемъ сами собою и по рѣшеніи доносимъ коллегіи. Всѣмъ этимъ мы не чинили коллегіи противности и не нарушали надлежащаго ей послушанія.

То же сказалъ Савичъ, а Чарнышъ отговорился незнаніемъ по причинѣ болѣзни, постигшей его.

Спрашивали:

—«Для чего вы, не объявя Вельяминову, устроили у себя, кромѣ генеральнаго суда, еще какой-то свой судъ и какія дѣла производились въ этомъ судѣ? Были-ли такіе

суды при прежнихъ гетманахъ и если не было, то для чего вы ихъ выдумали безъ указа?»

— Мы, — сказалъ Полуботокъ, — учинили въ Глуховѣ судъ съ совѣта старшинъ и сказывали о томъ ранѣе бригадиру Вельяминову, что нашъ генеральный судья заболѣлъ, а челобитчиковъ — много, и дѣлъ накопилось довольно. Бригадиръ не сказалъ намъ, чтобъ не быть такому суду, а, напротивъ, сказалъ: «хорошо». Судъ этотъ вовсе не былъ иной, кромѣ генеральнаго, онъ былъ учрежденъ временно вмѣсто генеральнаго; и при прежнихъ гетманахъ дѣлалось такъ, что если генеральный судья отлучится, или заболѣетъ, то по гетманскому приказу выбирались временные судьи изъ полковыхъ старшинъ или изъ другихъ лицъ, кто прилучится, по четыре человѣка для судопроизводства. Изъ такого суда мы отсылали дѣла въ коллегію, а въ коллегіи, продержавъ дѣло мѣсяца три, отсылали его снова въ нашъ судъ для рѣшенія.

То же показали Савичъ и Чарнышъ.

Былъ затѣмъ сдѣланъ вопросъ о глуховскомъ сотникѣ Мануйловѣ. Бригадиръ Вельяминовъ не велѣлъ его высылать въ низовой походъ, но объявленіе Вельяминова не было принято во вниманіе старшинами: Мануйловъ былъ высланъ.

—«За какую вину, — спрашивали въ тайной канцеляріи, — держали вы на пушкѣ племянника этого Мануйлова, Оболонскаго, бывшаго у насъ канцеляристомъ?»

— Мануйлова выслали не мы, — отвѣчалъ Полуботокъ, — а нѣжинскій полковникъ Толстой, и бригадиръ Вельяминовъ не говорилъ намъ, чтобы его не высылать. Оболонскій же былъ наказанъ за то, что когда Вельяминовъ, сверхъ опредѣленныхъ для него маетностей, требовалъ съ насъ еще 300 четвертей хлѣба, а у насъ хлѣба

въ сборѣ не было, то мы приказали Оболонскому написать донесеніе въ сенатъ, а Оболонскій потерялъ черновой отпускъ: за это, по нашему давнему обыкновенію, мы подвергли его штрафу, и Вельяминовъ за то на насъ озлобился,

То же показали Савичъ и Чарнышъ.

Все это до сихъ поръ были обвиненія въ злоупотребленіяхъ по общей текущей администраціи. Начались потомъ допросы по жалобамъ разныхъ лицъ на Полуботка и старшину.

—«Стародубскій мѣщанинъ Ѳедоръ Сухота искалъ на стародубскомъ войтѣ Спиридонѣ Ширяѣ издержекъ въ проѣстяхъ и волокитахъ, по посланнымъ изъ иностранной коллегіи граматамъ. Искъ простирался до 809 рублей».

— Помню, — сказалъ Полуботокъ, — что была прислана изъ иностранной коллегіи грамата о взысканіи 809 рублей по челобитію Сухоты; эти деньги остались невзысканными за челобитіемъ отвѣтчика, доказавшаго, что истецъ ищетъ на него напрасно, и потомъ дѣло взято было на рѣшеніе въ малороссійскую коллегію.

Чарнышъ сказалъ:

— Иное дѣло генеральнымъ судомъ рѣшено, написана сентенція еще при Скоропадскомъ и послана была въ иностранную коллегію.

—«Казакъ Никифоръ Ломака жаловался, что отецъ его билъ челомъ на Пилатовича, о затопленіи мельницы; былъ данъ декретъ обвинительный на Пилатовича, но не приведенъ въ исполненіе».

Полуботокъ заявилъ, что не знаетъ этого дѣла.

Ему сказали: «Пилатовичъ обвиненъ былъ при гетманѣ Скоропадскомъ, и выданъ, по гетманскому приказу, противъ него обвинительный декретъ, но генеральный судъ, взявши взятку съ Пилатовича, обвинилъ Ло-

маку и отдалъ остальныя его мельницы Пилатовичу». По этому дѣлу Чарнышъ сказалъ:

— Пилатовичъ билъ челомъ напрасно, будто посланные, по челобитію Ломаки, розыщики вели розыскъ неправильно; потомъ посланы были вновѣ розыщики и, по вторичному розыску, явился виноватъ Ломака; тогда прежніе розыщики были наказаны гетманомъ и остальныя мельницы были отданы Пилатовичу. Взятокъ съ Пилатовича не брали; правда, онъ положилъ предъ судомъ деньги, но эти деньги были ему возвращены.

—«Но по челобитію Ломаки, — возразили малоруссамъ въ тайной канцеляріи, — дѣло было требовано въ Москву и не прислано. Отчего вы его не прислали?»

— Я за болѣзнію не присутствовалъ на судѣ,— сказалъ Чарнышъ, — а потомъ, когда старшина сообщила мнѣ, что это дѣло требуютъ въ коллегію, я передалъ его въ войсковую канцелярію, для отсылки въ коллегію.

Савичъ объяснилъ, что онъ не занимался этимъ дѣломъ, собираясь ѣхать въ Петербургъ.

—«Города Любеча церкви Рождества Богородицы попъ Гаврило жаловался, что Полуботокъ сдѣлалъ нападеніе на церковную землю и другія маетности и овладѣлъ ими насильно, не обращая вниманія на крѣпостные акты».

Полуботокъ противъ этого обвиненія далъ такой отвѣтъ:

— Я не отнималъ насильно имущества и земель церковныхъ, а, быть можетъ, поступилъ такъ мой приказчикъ Семенъ Калмыковъ; думаю такъ потому, что тотъ попъ билъ челомъ въ коллегіи на него и приказчикъ послѣ его челобитья взятъ въ коллегію, а отъ меня не давалось приказанія обижать этого попа, и самъ попъ на приказчика мнѣ не жаловался. Впрочемъ, приказчикъ

взятъ въ коллегію по донесенію любецкаго сотника Савченка, а не по донесенію попа. Бригадиръ объявлялъ мнѣ о челобитной попа, и я хотѣлъ послать для розыска, но не послалъ, потому что самъ я поѣхалъ въ Петербургъ, а приказчика изъ коллегіи до сихъ поръ не освободили. Я приказывалъ приказчику, чтобъ онъ не чипилъ обиды попу.

Полуботку представили вопросы о разныхъ обидныхъ поступкахъ, учиненныхъ этому попу Гаврилѣ, а именно:

«Овладѣлъ десятью крестьянскими дворами и садомъ; приказалъ взять съ попова двора двадцать три-воза сѣна; велѣлъ выбрать два улья пчелъ въ бортяхъ; на Днѣпрѣ велѣлъ вырубить язъ; черезъ принадлежащіе попы сады и огороды проложилъ дорогу къ своему двору; отнялъ въ семи рубляхъ огородъ; взялъ у попова крестьянина избу съ сѣньми и положилъ за нее своевольно восемь рублей; взялъ за долгъ у попа крестьянина; овладѣлъ церковною землею съ сѣнными полосами; отнялъ положенную церковникамъ въ пропитаніе дань съ двухъ острововъ по пяти рубл. и по два пуда меда; отнялъ четырехъ крестьянъ, съ которыхъ шло оброка по шести рублей и овса по шести четвертей; поставилъ на купленной землѣ корчму» и проч.

На всѣ эти вопросы Полуботокъ отвѣчалъ отрицаніемъ.

На этомъ обрывается въ дѣлѣ, хранящемся въ государственномъ архивѣ, допросъ, сдѣланный тайной канцеляріей Полуботку съ товарищами. Затѣмъ, тамъ читаемъ мы роспись колодникамъ, которыхъ императоръ приказалъ отвезти въ Гварнизонъ (Петропавловскую крѣпость) лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка адъютанту Артемію Максимовичу. Это совершилось 10-го ноября 1723 года, въ 9 часовъ пополудни. Поименованные ко-

лодники были: Черниговскаго полка полковникъ Павелъ Полуботокъ, генеральный судья Иванъ Чарнышъ, генеральный писарь Семенъ Савичъ, сыновья генеральнаго судьи: Иванъ и Петръ Чарныши, Черниговскаго полка полковой писарь Иванъ Янушкевичъ, того же полка казакъ Иванъ Рыкша, Стародубскаго полка войсковой товарищъ Степанъ Косовичъ, Гадяцкаго полка судья Григорій Грабянка, канцеляристъ генеральной канцеляріи Николай Ханенко, Переяславскаго полка эсаулъ и наказной полковникъ Иванъ Даниловичъ, Стародубскаго полка наказной полковникъ Петръ Корецкій, бунчуковый товарищъ Дмитро Володковскій, войсковой товарищъ Василій Быковскій, канцеляристъ генеральной канцеляріи Иванъ Романовичъ. На дворѣ бывшаго князь-папы Бутурлина остались: священникъ Василій Петровъ и одиннадцать служителей Полуботка, изъ которыхъ одинъ былъ бандуристъ, а другой—кухмистеръ-полякъ, шесть служителей Чарныша, семь — Савича и нѣсколько служителей другихъ арестованныхъ.

Причина арестованія Полуботка и его товарищей не вполнѣ разъяснена исторіею. Въ Малороссіи сохранилось преданіе, что Полуботокъ раздражилъ царя смѣлою рѣчью, которую произнесъ на улицѣ, при выходѣ государя изъ Троицкой церкви. Бантышъ-Каменскій, въ своей исторіи Малой Россіи, сообщаетъ, что у малороссійскаго старожила Тарновскаго былъ списокъ этой рѣчи, но онъ кому-то отдалъ его [1]). Въ «Исторіи Русовъ», несправедливо

[1]) Отрывокъ изъ этой рѣчи напечатанъ подъ портретомъ Полуботка въ первомъ изданіи «Исторіи Малой Россіи» Бантышъ-Каменскаго: «вступаючись за отчизну я не боюсь ни кандаловъ, ни тюрьмы и для меня лучше найгоршою смертію умерти якъ дивиться на повшехну гибель моихъ земляковъ...» Такой портретъ съ тою женадписью, писанный масляными красками и отъ старости потемнѣвшій, видѣлъ я у одного казака въ мѣст. Монастырищѣ, Нѣжинскаго уѣзда.

приписываемой архіепископу Конисскому, приводится длинная рѣчь, будто бы говоренная Петру Полуботкомъ; но складъ этой рѣчи сразу обличаетъ поддѣлку, какъ и вообще всѣ приводимыя въ этой исторіи рѣчи. Правдоподобнѣе приводится рѣчь Полуботка, произнесенная въ это время Петру, въ сочиненіи Шерера «Annales de la Petite Russie»:

«Знаю и вижу, государь, что вы хотите погубить мою родину безъ всякой причины, единственно по злобнымъ навѣтамъ гордаго Меншикова; вы считаете себя выше всѣхъ законовъ и хотите уничтожить всѣ привилегіи, утвержденныя торжественно вашими предшественниками и вашимъ величествомъ; вы хотите подчинить произволу народъ, котораго свободу вы сами признали; вы не затрудняетесь посылать его на тяжелыя и унизительныя работы, принуждаете казаковъ, какъ рабовъ, копать каналы въ вашихъ владѣніяхъ, а что всего для насъ оскорбительнѣе — лишаете насъ драгоцѣннѣйшаго нашего права избирать вольными голосами гетмановъ и прочихъ начальниковъ; вмѣсто того, чтобы оставить судьямъ изъ нашего народа власть судить своихъ соотечественниковъ, вы поставили намъ судьями великоруссовъ, которые не знаютъ, или прикидываются незнающими, нашихъ правъ и привилегій и не перестаютъ всякими способами насъ насиловать и оскорблять. Неужели, отказывая намъ въ правосудіи, ваше величество думаете принести Богу благодарность за всѣ успѣхи, которые Онъ вамъ соизволилъ послать? Вы ослѣплены величіемъ и могуществомъ, которыя дали вамъ щедроты Божескія, а не думаете о Божескомъ правосудіи. Позвольте, ваше величество, объявить вамъ въ послѣдній разъ, что вы не получите никакой пользы отъ разоренія цѣлаго народа: гораздо менѣе вамъ славы властвовать силою и казнями надъ низ-

кими рабами, чѣмъ быть главою и отцомъ такого народа, который, за всѣ ваши благодѣянія, всегда готовъ всѣмъ жертвовать и проливать кровь ради вашей пользы и славы. Знаю, что меня ожидаютъ оковы, что меня посадятъ въ мрачную тюрьму на голодную смерть, по московскому обычаю; но мнѣ все равно: я говорю за свою родину и добровольно предпочитаю самую мучительную смерть ужасному зрѣлищу окончательнаго разоренія моего края. Подумайте, великій государь, и будьте увѣрены, что вы отдадите нѣкогда отчетъ Господу всѣхъ господствующихъ за несправедливости, которыя вы учиняете народу, принятому вами подъ ваше покровительство».

Соображая тогдашнія обстоятельства, едва-ли можно признать сообщаемую въ книгѣ Шерера рѣчь дѣйствительно сказанною Полуботкомъ. Мы знаемъ вспыльчивый, раздражительный и вмѣстѣ крутой нравъ Петра. Возможно-ли допустить, чтобы онъ спокойно, въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, стоя на улицѣ, слушалъ это укорительное краснорѣчіе малороссійскаго наказнаго гетмана? Мы увѣрены, что этой рѣчи Полуботокъ не говорилъ, но она тѣмъ не менѣе имѣетъ для насъ значеніе, какъ отголосокъ происшедшей съ Полуботкомъ катастрофы и проявленіе сочувствія къ Полуботку у малоруссовъ его времени, потому что рѣчь эта, по всѣмъ соображеніямъ, сочинена и приписана Полуботку въ Малороссіи. Въ бумагахъ государственнаго архива мы не нашли ни малѣйшаго намека на какую бы то ни было рѣчь, произнесенную Полуботкомъ государю; но изъ тѣхъ же бумагъ мы узнаемъ, что въ то время, когда Полуботокъ съ товарищами находился въ Петербургѣ и еще не былъ подвергнутъ въ тайной канцеляріи допросу, который мы привели выше, надъ нимъ начиналось тайно другое дѣло, по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Дѣло это воз-

никло августа 31-го 1723 года, по донесенію псковскаго епископа Өеофана Прокоповича, сообщившаго, письмо къ нему Иродіана, епископа черниговскаго, о черниговскомъ полковникѣ Полуботкѣ, гдѣ показано было, что Полуботокъ имѣлъ сношенія съ измѣнникомъ Орликомъ, бывшимъ писаремъ Мазепы, возведеннымъ, по смерти послѣдняго, отъ шведскаго короля Карла XII, въ санъ малороссійскаго гетмана и приходившимъ съ татарскою ордою въ предѣлы Малороссіи. Иродіанъ препроводилъ присланное къ нему письмо Нила, архимандрита елецкаго, 12-го декабря 1722 года, слѣдующаго содержанія:

«Превелебный отецъ Самборовичъ съ архимандритіи елецкой отдаленъ отъѣзжаючи въ Кіевъ, ѣздилъ жегнати [1]) своихъ благодѣтелей черниговскихъ и въ небытности мости-пана полковника черниговскаго былъ у самой паньи-полковниковой [2]) въ домѣ; оттуда повернувши, былъ у меня, Нила архимандрита, только въ той обители новоизбраннаго, гдѣ хвалячися ласкою еи милости паньи полковниковой, что его довольно зъ дому своего путьшествовала, и тое предлагалъ якобы ему, отцу Самборовичу, презентовала листъ своего пана, въ которомъ его милость, панъ полковникъ, пишучи зъ Глухова, хвалился ласкою князя свѣтлѣйшаго: повелѣлъ ему, пану полковнику, въ нуждахъ своихъ списываться, обѣщаючися во всемъ пособствовати; также повѣдалъ, якобы чулъ зъ устъ паньи полковниковой, что пана миргородскаго полковника моцно [3]) ранено на баталіи, и также полковника Танскаго разсѣчено и пана Галагана разрублено, а сынъ пана полковника миргородскаго гдѣсь [4])

---

[1]) прощаться.
[2]) госпожи полковницы.
[3]) сильно.
[4]) гдѣ-то.

подѣлся — неизвѣстно; также похвалялъ ростропность его милости пана полковника черниговскаго, который, чуючи Орлика съ 30,000 кочуючаго за Васильковымъ въ степи, не писалъ къ нему, токмо изустнымъ выговоромъ посылалъ козаковъ увѣдомляючися, для чего бы Орликъ зблизился [1]) зъ ордою подъ Кіевъ, на что якобы то отвѣтствовалъ Орликъ: «того ради я здѣсь кочую зъ ордою, бо [2]) въ нашихъ сторонахъ многолюдно, а повѣтріе тяжкое, абымъ я ся не заразилъ [3])». Я какъ въ ту пору казалъ [4]) отцу Самборовичу, что то байка ширая [5]), а не правда, такъ и теперь принужденъ повелѣніемъ преосвященнаго моего пастыря его милости господина Иродіана Журавовскаго мусилемъ [6]) дати на письмѣ подлинныя его отца Самборовича слова».

Уже до пріѣзда Полуботка въ Петербургъ по этому поводу возникла переписка между Полуботкомъ и Самборовичемъ, переведеннымъ тогда изъ Чернигова въ Кіевъ въ санѣ игумена Кирилловскаго монастыря. Полуботокъ отъ 29-го мая 1723 года писалъ Самборовичу такое письмо:

«Донеслося мнѣ вѣдомо изъ Чернигова о нѣкоторыхъ плеткахъ [7]), что якобы оныя произошли на контемптъ [8]) и на нѣкуюсь шкодливость [9]) моей особы отъ васъ, мости-пана [10]), чего весьма не сподѣвалемся [11]), которыя отецъ Нилъ, отъ вашея мости-пана чуючи, донеслъ пре-

---

[1]) приблизился.
[2]) ибо.
[3]) чтобы я не заразился.
[4]) говорилъ.
[5]) сущая выдумка.
[6]) долженъ былъ.
[7]) сплетняхъ.
[8]) для униженія.
[9]) зловредность.
[10]) милостивый государь.
[11]) не надѣялся.

освященному его милости епископу черниговскому, яко же, по требованію его преосвященства, о тыхъ за рукою своею далъ его пастырской милости сказку, которой копію въ объявленіе черезъ сего листа [1]) подавцу [2]) до вашей милости пана посылаючи, вельцѣ [3]) прошу на всякой пунктъ мнѣ въ самой скорости учините отвѣтъ: есть ли тые плетки отъ вашей милости-пана вышли, чили не [4]), абымъ я могъ вѣдати на кимъ при невинности моей моего безчестія и обругательства доходити [5]); при томъ всегдашнимъ мя вашей милости полецаю [6]) молитвамъ».

Въ отвѣтъ на это письмо кирилловскій игуменъ 4-го іюня 1723 года писалъ черниговскому полковнику:

«Презентовано [7]) мнѣ сказку превелебнаго отца Нила, теперешняго архимандриты елецкаго, который написалъ якобы по пріѣздѣ моемъ въ Черниговъ, будучи мнѣ въ домѣ вашемъ панскомъ давано читати листъ, писанный отъ вашей мости-пана. Тамъ листа мнѣ не презентовано, только цидулку, чинячи мнѣ сожалѣніе, а потѣшаючи веселою вѣстью о милостивомъ монаршемъ призрѣніи на Малую Россію, то есть повелѣно всякому началу и гражданству владѣти добрами [8]) и доходами належными [9]) по прежнему, наконецъ въ той цидулѣ доложено, что князь свѣтлѣйшій много ходатайствовалъ до императорскаго величества въ томъ дѣлѣ нашимъ посланнымъ и впредь обѣщался. Напутствіемъ зъ дому вашего панского отъ

---

[1]) письма.
[2]) подателя.
[3]) очень.
[4]) или нѣтъ.
[5]) искать.
[6]) поручаю.
[7]) показано.
[8]) имуществами.
[9]) надлежащими.

ея милости паньи полковниковой мнѣ учиненнымъ не хваливался я того дня предъ отцомъ Ниломъ, бо ажъ на утренній день [1]) мнѣ прислано по милости своей, что была благодѣтельская ласка ко изгнанному, ибо мя нагло [2]) отецъ Нилъ выправилъ [3]) зъ Елецкаго въ Кіевъ хотя на крѣпко складалемся писаніемъ [4]) преосвященнаго архипастыря тутейшаго [5]) кіевскаго персвадуючимъ, чтобы я не рушался зъ мѣсца [6]). О тому полковнику миргородскомъ, о пану Галагану и о пану Танскомъ, жаднаго [7]) въ дому вашей милости не было разговору, боледво съ полъ-квадранса тамъ бавилисьмыся на пожегнанію [8]). Тое добре памятую, что еще выѣздячему [9]) мнѣ на устрѣчу [10]) къ архіерею теперешнему черниговскому въ въ Новгородокъ, сказали мнѣ за монастыремъ Елецкимъ на дворцѣ пришедшій зъ города іеромонахъ Θаддей Какойловичъ и діаконъ Андрей Дембицкій, будто слышали они, что подъ шопою [11]) тамъ у Чернигови читано письмо яко бы пана миргородскаго пострѣляно, Галагана и Чесника разсѣчено и пана Танского порубано, не вѣдать чи живы будутъ; тую вѣсть на ночлезѣ у вечеру за Сновомъ на лузѣ объявилъ былъ я его милости отцѣ архимандриту Святотроицкому, въ то время сопутнику моему, а больше никому, бо не подлинно было чи такъ, или нѣтъ. О Орлику и о ордѣ за Васильковымъ

---

[1]) ибо уже на другой день.
[2]) внезапно.
[3]) выпроваживалъ.
[4]) усиленно ссылался на письмо.
[5]) здѣшняго.
[6]) убѣждавшее, чтобы я не трогался съ мѣста.
[7]) никакого.
[8]) ибо едва полъчетверти часа мы провели на прощаніи.
[9]) выѣзжающему.
[10]) встрѣчу.
[11]) подъ навѣсомъ.

ѣни [1]) въ дому вашей мости, ани въ Черниговѣ н я и слыхалъ и не розмовлялъ [2]) о нимъ съ отцомъ Ниломъ э о посылкѣ вашей милости къ нему не вѣдаю и жадного словесного вашей мости пану не чинилемъ аплявузу [3]) развѣ моглъ онъ слышати отъ людей посполитыхъ, а не отъ мене, бо и о мнѣ тутъ пронеслось было яко бы я давно уже поѣхалъ до святѣйшаго синода, и минувши Черниговъ ктось [4]) мене видѣлъ въ Седневѣ и въ Новгородку, а я здѣсь недвижимъ пребываю, имѣючи мѣсто пристойное. Пронеслася была зимою тутъ тревога, будто орда въ степи за Васильковымъ, или уже по семъ боку Василькова, а отъ кого — въ то время не вѣдалъ я, ажъ теперь спросился отца намѣстника святософійскаго, отца писаря, отца инстигатора консисторіи, и они повѣдали, что неякійсь [5]) мужикъ прибѣгъ до Рославичъ, села митрополитанскаго, сказалъ о той тревогѣ попу, попъ зъ городничимъ тамошнимъ ударили въ колоколъ на гвалтъ [6]), людей потревожили и по околичныхъ селахъ; однако за тое и попъ и городничій приняли въ цѣпи наказаніе, а мужикъ въ крѣпости печерской имѣлъ наказаніе, а понеже отецъ Нилъ по повелѣнію на мене неправдивую далъ сказку, то мусилъ [7]) писати и тое чего отъ мене не слыхалъ: може онъ по нелюбови ко мнѣ сіе творитъ, хотя я ни въ чемъ его милости не перешкожую [8]), или хотѣлъ крайняго моего благодѣтеля, вашу панскую милость, подвигнути на меня старца до уразы [9]), до не-

[1]) ни.
[2]) не разговаривалъ.
[3]) не одобрялъ.
[4]) кто-то.
[5]) какой-то.
[6]) въ набатъ.
[7]) долженъ былъ.
[8]) не препятствую.
[9]) къ оскорбленію.

ненависти. что кольвекъ [1]) дѣлаетъ, Богъ ему да простить, а я всегда въ надлежащей чести доброе имя и славу такъ самого вашей мостипана, яко и всего богодарственнаго домовства пестуючи и заховуючи всегдашнія молитвы и готовость услугъ доживотныхъ [2]) при нижайшемъ поклоненіи залецаю [3]). Вельми вашъ во всемъ зычливый [4]) богомолецъ и слуга нижайшій Евстратій Самборовичъ, архимандритъ елецкій, игуменъ общества Святотроицкаго Кирилловскаго кіевскій «рукою власною».

По этимъ полученнымъ извѣстіямъ, тайная канцелярія отправила въ Кіевъ къ томашнему генералъ-губернатору князю Трубецкому указъ произвести розыскъ о сношеніяхъ Полуботка съ Орликомъ. Указъ этотъ отправленъ былъ съ нарочнымъ, лейбъ-гвардіи сержантомъ Мордвиновымъ, которому велѣно было самому находиться при слѣдствіи и, окончивши слѣдствіе, отослать все дѣло для окончательнаго рѣшенія въ вышній судъ. Но князь Трубецкой, начавши производить розыскъ, встрѣтилъ затрудненіе и доносилъ, что никакъ не можетъ довести дѣло до конца, потому что люди, которыхъ онъ привлекалъ къ допросу, боясь Полуботка или потакая ему, не говорили правды. Дѣло въ томъ, что въ Петербургѣ находившіеся малоруссы провѣдали собирающуюся надъ ними грозу: сенатскіе подъячіе сообщили имъ секретное дѣло, производившееся объ нихъ, и Полуботокъ написалъ въ Малороссію наставленіе, какъ слѣдуетъ поступать и отвѣчать, когда будутъ дѣлать розыскъ. Это сдѣлалось извѣстнымъ государю и, повидимому, это обстоятельство

[1]) что-нибудь.
[2]) пожизненныхъ.
[3]) поручаю.
[4]) доброжелательный.

и было поводомъ внезапнаго ареста, наложеннаго на малороссіянъ въ Петербургѣ. У г. Соловьева, кромѣ тѣхъ бумагъ, которыя были въ нашихъ рукахъ изъ государственнаго архива, были еще документы московскаго архива иностранныхъ дѣлъ, изъ которыхъ оказывается, что 10-го ноября, въ день, когда арестовали Полуботка съ другими малоруссами, Петру, при выходѣ изъ церкви св. Троицы, пріѣхавшій изъ Малороссіи канцеляристъ Иванъ Романовичъ подалъ двѣ челобитныя; государь распечаталъ ихъ въ домѣ, называемъ «Четыре фрегата», и нашелъ въ этихъ челобитныхъ «неосновательныя и противныя прошенія». Изъ указа, послѣдовавшаго уже послѣ кончины Петра (П. С. З., ст. 4651), видно, что въ одной изъ этихъ челобитныхъ, написанной старшинами, остававшимися въ Малороссіи, они просили государя, будто бы по желанію всего малороссійскаго народа, уничтожить малороссійскую коллегію и устроить вмѣсто нея генеральный судъ изъ семи особъ. По поводу этой челобитной Петръ приказалъ арестовать Полуботка и всѣхъ его товарищей и захватить всѣ ихъ бумаги: въ этихъ бумагахъ найдена «промеморія» отправлявшемуся въ Малороссію посланцу съ наставленіемъ, какіе отвѣты слѣдуетъ давать, когда будутъ дѣлать вопросы, и вмѣстѣ съ тѣмъ научать жаловаться на притѣсненія со стороны малороссійской коллегіи. Петръ ясно узналъ, что малоруссы провѣдали секретное дѣло, производившееся о нихъ, и 16-го января 1724 года далъ такой указъ сенату, что «секретныя дѣла вынесены отъ подъячихъ черкасамъ... того ради, получа сіе, учините, по примѣру иностранной коллегіи, чтобы секретныя дѣла были особливо у надежныхъ людей, чтобы впредь такого скаредства не учинилось».

Какъ бы то ни было, но еще въ декабрѣ 1723 года

отправленъ былъ въ Малороссію Румянцевъ, довѣренный человѣкъ Петра, сослужившій ему важную службу вмѣстѣ съ Толстымъ по дѣлу о вызовѣ царевича Алексѣя изъ-за границы. Государь далъ ему инструкцію повѣрить и докончить розыскъ, начатый и неконченный княземъ Трубецкимъ. Румянцевъ долженъ былъ собрать всѣхъ тѣхъ людей, которые были въ прежнемъ розыскѣ, обнадежить ихъ, что имъ не будетъ ничего дурнаго, убѣдить ихъ, чтобъ они безо всякой опасности объявили о преступленіяхъ Полуботка и всей старшины и, снявши съ нихъ допросъ, отправить ихъ въ Петербургъ, не подъ арестомъ, но съ офицеромъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Румянцеву предписывалось собирать въ городахъ казаковъ, убѣдить ихъ въ томъ, что имъ будетъ лучше, когда, вмѣсто прежнихъ полковниковъ, будутъ имъ назначены новые полковники изъ великороссіянъ, и узнать, что казаки вовсе не участвовали въ составленіи челобитной объ избраніи гетмана, а что такую челобитную выдумала старшина отъ имени всего казачества, безъ желанія подчиненныхъ.

Румянцевъ, въ январѣ 1724 года, доносилъ изъ Чернигова, что, пріѣхавши въ Стародубъ, онъ собралъ на сходъ полковую старшину, сотниковъ и по нѣскольку десятковъ казаковъ отъ каждой сотни, а также и членовъ магистрата. Онъ спрашивалъ ихъ: знаютъ-ли они о челобитной, поданной генеральною старшиною объ избраніи гетмана, и съ ихъ-ли желанія генеральная старшина составила эту челобитную? Иные сказали, что знаютъ; другіе — что не знаютъ подлинно. Но, по замѣчанію Румянцева, они говорили такъ, что вѣрить имъ нельзя: сразу видно, что ихъ научали другіе. Румянцевъ спросилъ: довольны-ли они опредѣленнымъ въ ихъ полкъ полковникомъ Кокошкинымъ? Казаки сообразили, какого отвѣта

хочется тѣмъ, которые задавали имъ такой вопросъ, и сказали, что они «по высокой милости царской, зѣло удовольствованы». Когда Румянцевъ изъ Стародуба пріѣхалъ въ Черниговъ, то собралъ сходъ и объявилъ черниговскимъ казакамъ, что у нихъ полковникомъ будетъ назначенный отъ царя Богдановъ. Казаки приняли эту новость «съ великимъ благодареніемъ». Румянцевъ спросилъ про челобитную объ избраніи гетмана, посланную государю будто бы отъ всего казачества. Черниговскіе казаки отвѣчали, что ничего объ этомъ не вѣдаютъ, что старшина составила эту челобитную «воровски безъ ихъ позволенія». Содержавшійся подъ карауломъ канцеляристъ Банкевичъ подалъ на старшину доносъ, и Румянцевъ препроводилъ этотъ доносъ въ тайную канцелярію. Изъ Чернигова Румянцевъ собрался ѣхать въ другіе маллороссійскіе полковые города и испрашивалъ дальнѣйшихъ для себя инструкцій. Этихъ инструкцій мы не нашли, но изъ указа Екатерины I (П. С. З. ст. 4651) оказывается, что Румянцевъ ѣздилъ во всѣ полковые города и вездѣ собиралъ на сходъ полковую старшину и по нѣсколько сотъ казаковъ. Онъ дѣлалъ на сходахъ тѣже вопросы, что въ Черниговѣ и Стародубѣ. Вездѣ казаки показали, что они не просили ни объ упраздненіи малороссійской коллегіи, ни объ избраніи гетмана, что это вымыслила сама собою старшина, а другихъ принуждали прилагать руки къ челобитной. Румянцевъ вмѣстѣ съ тѣмъ донесъ въ тайную каацелярію, что, какъ онъ узналъ, находившіеся въ Петербургѣ малоруссы посылали къ оставшейся въ Малороссіи старшинѣ, къ Журавовскому и Лизогубу наставленіе, а Журавовскій и Лизогубъ, по смыслу этого наставленія, разослали отъ себя письма въ три полка, чтобы побудить малороссійскій народъ заявлять неже-

ланіе имѣть у себя великорусскихъ судей и великорусскихъ полковниковъ. Потомъ Полуботокъ послалъ изъ Петербурга въ Малороссію своего довѣреннаго человѣка Лаговича передать генеральной старшинѣ, чтобы полковники въ разныхъ полкахъ внушили своей полковой старшинѣ и сотникамъ, дабы они постарались поскорѣе помириться со всѣми тѣми, съ кѣмъ находились въ ссорѣ, и вознаградили бы тѣхъ, кого оскорбили, чтобы не было болѣе жалобъ на причиненныя обиды. Когда правительство узнало объ этомъ обо всемъ изъ донесенія Румянцева, Лаговича подвергли очной ставкѣ съ Полуботкомъ, и Полуботокъ сознался, что посылалъ Лаговича дѣлать надлежащія внушенія, чтобы расположить казаковъ давать на вопросы такіе отвѣты, которые бы не шли въ разрѣзъ съ ихъ задушевнымъ желаніемъ удержать въ Малороссіи старый порядокъ и не допускать нововведеній.

Полуботокъ умеръ въ Петропавловской крѣпости въ 1724 году. Его товарищи были освобождены Екатериною I.

Тогдашнее русское правительство не только при Петрѣ, но и послѣ его кончины, старалось представить Полуботка и его товарищей людьми, которые, заботясь о своихъ личныхъ и сословныхъ цѣляхъ, были утѣснителями «подлаго», какъ выражались въ тѣ времена, народа, а государь являлся защитникомъ и охранителемъ этого народа отъ эксплуатаціи сильныхъ и богатыхъ лицъ, занимавшихъ начальническія мѣсса. Въ Малороссіи, между тамошнею интеллигенціею, составилось и укрѣпилось мнѣніе о Полуботкѣ, какъ о смѣломъ, благородномъ и рѣшительномъ, тѣмъ не менѣе, непоколебимо вѣрномъ престолу и своему долгу героѣ, пожертвовавшемъ своею свободою и даже самою жизнію за права своей родины.

Мы не имѣемъ подробныхъ данныхъ, чтобы произнести вѣрный приговоръ и, такъ сказать, послѣднее слово исторіи о печальномъ событіи, изложенномъ нами. Все, въ чемъ въ оное время обвиняли Полуботка и вообще старшину, останется недоказаннымъ. Читатели наши могутъ ясно видѣть, что обвиненія, на которыя ихъ заставляли давать отвѣты въ тайной канцеляріи, голословны и не подтверждались никакими фактическими уликами, а отъ обвиняемыхъ ни въ чемъ не послѣдовало сознанія. Притомъ способъ, какимъ возбуждены всѣ противныя для Полуботка и старшины жалобы, по самому существу своему внушаетъ подозрѣніе въ справедливости самыхъ жалобъ. Малороссійская коллегія разсылаетъ приглашенія подавать жалобы на старшинъ. Нѣтъ и быть не можетъ въ свѣтѣ человѣка, который бы всѣмъ угодилъ. Понятно, если оповѣстить всѣмъ и каждому, чтобы шли съ жалобами на то или другое лицо, то непремѣнно явится цѣлая куча жалобъ. Дѣлать подобныя приглашенія къ подачѣ жалобъ можно только съ предвзятымъ желаніемъ повредить, во что бы то ни стало, тѣмъ, на которыхъ будутъ приноситься жалобы. Такъ на самомъ дѣлѣ и было. Петръ, въ видахъ государственнаго единства, находилъ неумѣстнымъ сохранять областную самобытность Малороссійскаго края и желалъ тѣснѣе слить его съ остальнымъ государствомъ своимъ. При такомъ взглядѣ, ему до крайности непріятно было домогательство старшинъ объ избраніи новаго гетмана и ихъ недовольство учрежденіемъ малороссійской коллегіи, новаго, еще небывалаго органа предполагаемаго государемъ слитія Малороссіи съ Россіею. Петръ зналъ и вѣрно понималъ, что этого желаютъ одни старшины, какъ люди сравнительно болѣе другихъ политически развитые, и потому на нихъ-то устремилъ свои удары. Петръ зналъ въ

то же время, что въ Малороссіи существуютъ уже издавна враждебныя отношенія между казацкимъ начальствомъ и простыми казаками, между значными и черныю, между богатыми и бѣдняками, между владѣльцами земли и безземельными наймитами, между привилегированнымъ казачествомъ и осужденнымъ на поборы и повинности поспольствомъ, однимъ словомъ, между тѣмъ, что на какихъ бы то ни было отношеніяхъ и какими бы то ни было путями поднималось изъ народной массы и остальною массою. Петръ воспользовался этимъ общественнымъ положеніемъ въ Малороссіи для своихъ политическихъ цѣлей. Въ такихъ видахъ ему было полезно, когда явятся изъ народной массы жалобы на старшину, на значныхъ людей; въ такихъ видахъ онъ отправилъ Румянцева вызывать у простыхъ казаковъ согласіе и сочувствіе къ нововведеніямъ, которыя, какъ Петру было извѣстно, приходились не по-сердцу старшинѣ и вообще значнымъ людямъ. Можетъ-ли историкъ вѣрить искренности того, что могли отвѣчать казаки и простолюдины на вопросы человѣка, пріѣхавшаго отъ царя и своимъ тономъ показывавшаго имъ, чего хочетъ царь? Можетъ-ли, кромѣ того, вѣрить безпристрастной правдивости донесеній человѣка, прибывшаго въ Малороссію съ заранѣе задуманнымъ планомъ услышать тамъ такое народное желаніе, какого хотѣлось получить самодержавному царю? Мы не можемъ признать ни справедливости тѣхъ обвиненій, которыя были искусственно возбуждены противъ Полуботка и старшинъ, ни обвинять послѣднихъ въ ихъ домогательствахъ удерживать въ Малороссіи старый порядокъ не нравившійся царю. Полуботокъ былъ одною изъ жертвъ, принесенныхъ для государственныхъ цѣлей, которыя во всей дѣятельности Петра всегда были на первомъ планѣ.

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА

ПЕРВАЯ РУССКАЯ ИМПЕРАТРИЦА.

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА

ПЕРВАЯ РУССКАЯ ИМПЕРАТРИЦА.

Въ исторіи всѣхъ человѣческихъ обществъ мало отыщется личностей съ такою странною судьбою, какова была судьба нашей Екатерины I-й, второй супруги Петра Великаго. Безъ всякаго собственнаго стремленія къ самовозвышенію, не одаренная отъ природы блестящими, изъ ряда выдающимися способностями, не получивъ не только образованія, но даже поверхностнаго воспитанія, эта женщина изъ званія крѣпостной дѣвушки вознесена была судьбою, чрезъ постепенные шаги на жизненномъ пути, въ санъ самодержавной обладательницы одного изъ пространнѣйшихъ и могущественнѣйшихъ государствъ земнаго шара. Невольно станешь втупикъ при многихъ вопросахъ, возникающихъ по поводу разныхъ случаевъ и отношеній въ жизни этой женщины, и предъ самимъ собою сознаешься въ совершенной невозможности отвѣчать на эти вопросы, да и самые источники для біографіи этой первой русской императрицы чрезвычайно темны. Мракомъ покрыто самое ея происхожденіе: мы не знаемъ положительно, гдѣ ея родина, къ какой націи принадлежали ея родители и какую вѣру исповѣдывали и въ какой она сама первоначально была крещена. Сохранились иностранныя извѣстія, отрывочныя, анектодиче-

скаго свойства, противорѣчивыя между собою и потому имѣющія мало научнаго достоинства. Еще въ XVIII вѣкѣ, въ царствованіе Екатерины II, нѣмецъ Бюшингъ, занимавшійся прилежно русскою стариною, говорилъ: «Все что историки о происхожденіи Екатерины I утверждали, или только приводили свои догадки, — все ложь. Я самъ, будучи въ Петербургѣ, напрасно доискивался, и казалось мнѣ, потерялъ всякую надежду узнать что нибудь вѣрное и правильное, какъ вдругъ случай сообщилъ мнѣ то, что я нарочно искалъ долгое время».

То, чему придалъ Бюшингъ такое значеніе, было слѣдующее: Екатерина происходила изъ великаго княжества Литовскаго, въ дѣтствѣ исповѣдывала римско-католическую религію своихъ родителей, потомъ, при переселеніи послѣднихъ въ Остзейскій край, приняла лютеранство, а послѣ своего плѣна, когда сблизилась съ Петромъ, приняла православіе. Въ дополненіе къ такому извѣстію, сообщенному публикѣ Бюшингомъ, можно указать на то, что разсказывается въ книгѣ «Die neuere Geschichte der Chineser, Japaner etc.», что отецъ Екатерины былъ родомъ изъ Литвы, перешелъ въ Дерптъ; тамъ у него родилась эта дочь, которую онъ крестилъ, какъ и всѣхъ дѣтей своихъ, въ римско-католическую вѣру. Повальная и заразительная болѣзнь, свирѣпствовавшая въ Дерптѣ, побудила его выбраться оттуда въ Маріенбургъ съ семьею своею. Въ книгѣ, составленной Шмидомъ-Физельдекомъ и напечатанной 1772 года въ Ригѣ подъ заглавіемъ: «Meterialien für die Russische Geschichte», приводится любопытное письмо ганноверскаго посланника въ Россіи Вебера, гдѣ разсказывается слѣдующее: «Мать Екатерины была крѣпостная дѣвушка помѣщика Розена, въ имѣніи его Рингенѣ, дерптскаго округа. Эта дѣвушка родила ребенка женскаго пола,

потомъ скоро умерла. Малолѣтнюю дочь ея взялъ воспитывать помѣщикъ Розенъ, въ продолженіе двадцати лѣтъ служившій въ шведскомъ войскѣ и по отставкѣ проживавшій въ своемъ имѣніи. Этимъ своимъ человѣческимъ поступкомъ Розенъ навлекъ на себя подозрѣніе; думали, что онъ былъ настоящимъ отцомъ незаконнорожденнаго ребенка. Воспитатель этотъ самъ скоро умеръ, дѣвочка осталась безпріютною круглою сиротою, тогда ее принялъ изъ состраданія мѣстный пасторъ. Но судьба, готовившая ей современемъ странную и блестящую будущность, скоро послала ей другаго покровителя: то былъ препозитъ, или (какъ теперь называется эта должность) суперъ-интендентъ лифляндскихъ приходовъ, маріенбургскій пасторъ Эрнестъ Глюкъ.

По другимъ извѣстіямъ иное разсказывается о дѣтствѣ Екатерины до ея водворенія у Глюка. Рабутинъ, бывшій цесарскимъ посланникомъ при русскомъ дворѣ въ послѣдніе годы царствованія Петра и въ царстованіе Екатерины I, говоритъ, что Екатерина была дочь крѣпостной дѣвушки помѣщика лифляндскаго Альфендаля и была своею матерью прижита съ помѣщикомъ, который потомъ выдалъ свою любовницу въ замужество за богатаго крестьянина, имѣвшаго впослѣдствіи отъ нея нѣсколькихъ дѣтей, уже законныхъ. Вольтеръ считаетъ Екатерину незаконнорожденною отъ крестьянской дѣвушки, но говоритъ, что отцомъ ея былъ крестьянинъ, занимавшійся ремесломъ могильщика. Шведскій историкъ, при Петрѣ Великомъ находившійся въ Россіи въ плѣну со множествомъ плѣнныхъ шведовъ, сообразно съ донесеніемъ шведскаго военнаго коммисара фонъ-Сета, говоритъ, что Екатерина была дочь шведскаго подполковника Рабе и жены его Елизаветы, урожденной Морицъ. Потерявъ въ младенчествѣ родителей, она взята

была въ рижскій сиротскій домъ, а оттуда принята благодѣтельнымъ пасторомъ Глюкомъ. Иной писатель Иверсенъ, въ статьѣ: «Das Mädchen von Marienburg», говоритъ, что Екатерина была рижская уроженка изъ рода Бадендакъ. Изъ всѣхъ этихъ разнорѣчивыхъ извѣстій, извѣстіе Вебера опирается на такое свидѣтельство, которое даетъ ему сравнительно болѣе достовѣрности. Веберъ говоритъ, что онъ слышалъ это отъ Вурма, жившаго нѣкогда у Глюка учителемъ дѣтей и знавшій Екатерину въ то время, когда она жила служанкой у маріенбургскаго пастора. Для насъ важнѣе всего были бы извѣстія, почерпнутыя изъ правительственныхъ актовъ того времени; но изъ дѣлъ государственнаго архива узнаемъ только, что Екатерина была дочь крестьянина Сковронскаго. При концѣ царствованія Петра Великаго начали отыскивать родню тогдашней императрицы. Такимъ образомъ отыскался братъ Екатерины Карлъ Сковронскій и жена его, которая, однако, ни за что не хотѣла ѣхать съ мужемъ въ Россію. Петръ мало довѣрялъ, чтобъ эти лица были на самомъ дѣлѣ тѣ, за которыхъ себя выдавали, да и въ самомъ дѣлѣ нельзя было въ такомъ вопросѣ обходиться безъ крайней осторожности; охотниковъ попасть въ родню къ русской государынѣ могло явиться много. Назвавшій себя братомъ Екатерины содержался подъ карауломъ: и это ясно доказываетъ, что Петръ не довѣрялъ ему, иначе этого не было бы, при чрезвычайной любви Петра къ своей супругѣ. Быть можетъ, опасаясь заточенія, жена Карла Сковронскаго не хотѣла, какъ мы выше сказали, ѣхать къ мужу и пребывала въ лифляндскомъ селеніи Догабенѣ, приписанномъ къ мѣстечку Вышки-озеро, принадлежавшему шляхтичу Лауренскому; послѣ долгаго сопротивленія она, наконецъ, поѣхала къ мужу. Когда Екатерина, по кон-

чинѣ Петра, стала самодержавною единою обладательницею Россіи, тогда оказывалось болѣе довѣрчивости къ претендентамъ на родство съ государынею. Тогда явилась еще женщина, называвшая себя родною сестрою Екатерины; звали ее Кристина; она была за-мужемъ за крестьяниномъ Гендриковымъ и вмѣстѣ съ мужемъ состояла въ крѣпостной зависимости въ имѣніи лифляндскаго помѣщика Вульденшильда или Гульденшильда. Просьба, съ которою эта женщина обратилась на имя русской государыни, написана была на польскомъ языкѣ, и это побуждаетъ считать вѣроятнымъ извѣстіе, что родители Екатерины были выходцы изъ Литвы. Кристина была взята въ Петербургъ съ мужемъ и четырьмя дѣтьми. Потомъ нашлась еще женщина въ польскихъ «Инфляндахъ» объявившая себя другою сестрою русской государыни; она была за-мужемъ за крестьяниномъ Якимовичемъ. Ее звали Анною, и она, признаваемая урожденною Сковронскою или Сковоронскою (Сковорощанка), взята была въ Петербургъ съ семьею. Нашелся еще и другой братъ Екатерины, Фридрихъ Сковронскій; и его взяли въ столицу русскую, но жена его съ дѣтьми отъ перваго ея брака съ нимъ не поѣхала. Оказывалось, что еще былъ Екатерины братъ, Дирихъ; онъ былъ взятъ въ Россію при Петрѣ въ числѣ шведскихъ плѣнниковъ; по государеву приказу всюду его розыскивали и не нашли.

Екатерина обласкала своихъ родственниковъ, но кто знаетъ, довѣряла ли имъ всѣмъ вполнѣ, безъ всякой тѣни сомнѣнія, въ томъ, что они дѣйствительно ея родные. Едва ли она могла ихъ помнить и повѣрить собственными воспоминаніями ихъ заявленія. Она, однако, пожаловала своего брата Карла Сковронскаго графскимъ титуломъ, а полное возвышеніе всѣхъ ея родныхъ произошло уже въ царствованіе дочери Екатерины императрицы

Елисаветы; тогда потомство сестеръ Екатерины получило графское достоинство и образовало роды графовъ Гендриковыхъ и Ефимовскихъ.

Изъ этихъ извѣстій, сохранившихся не у иностранныхъ ловителей слуховъ, а въ государственныхъ документахъ, неоспоримо оказывается, что Екатерина происходила изъ крестьянской семьи Сковронскихъ: если бы родичи, объявившіе себя таковыми, не были на самомъ дѣлѣ тѣмъ, за кого себя выдавали, то все-таки несомнѣнно, что прозвище Сковронскихъ за состоящими въ крѣпостной зависимости крестьянами было, такъ сказать, патентомъ на званіе родственниковъ русской государыни, а стало быть она сама себя признавала урожденною Сковронскою и по происхожденію крѣпостною крестьянкою. Самое названіе фамиліи Сковронскихъ чисто-польское, и вѣроятно Сковронскіе были, какъ говорятъ, переселившіеся изъ Литвы въ Лифляндію крестьяне, а просьба, поданная сестрою Екатерины на польскомъ языкѣ, показываетъ, что это переселеніе случилось въ недавнее время и потому языкъ польскій не пересталъ быть роднымъ ихъ языкомъ. Въ тѣ времена, переселенія съ мѣста на мѣсто были обычными явленіями въ жизни сельскаго народа, искавшаго гдѣ бы можно было жить льготнѣе и зажиточнѣе. Въ такихъ видахъ, конечно, и Сковронскіе вышли изъ литовскихъ владѣній и поселились въ Лифляндіи. Но обыкновенно переселенцы встрѣчали на своемъ новосельѣ въ сущности то же, съ чѣмъ сжились на прежней родинѣ. Мужикъ, перешедши или убѣжавши отъ одного владѣльца къ другому, сначала пользовался у послѣдняго льготами, а потомъ и здѣсь, какъ на прежнемъ пепелищѣ, приходилось отбывать барщинныя работы, платить произвольно наложенные господиномъ поборы, и выходило, что мужикъ вездѣ оста-

вался мужикомъ, на то онъ и на свѣтъ рождался, чтобъ на другаго работать; куда бы ни сунулся мужикъ, вездѣ за нимъ плелась его доля зависимости отъ дворянина. Могло на новомъ мѣстѣ жительства быть ему и гораздо хуже, чѣмъ было тамъ, откуда онъ ушелъ, особенно когда въ краѣ, гдѣ онъ себѣ выбралъ новоселье, возгорится война. Такъ и случилось со Скавронскими.

Куда именно въ Лифляндскомъ краѣ переселились родители Екатерины, когда умерли, и по какому поводу ея братья и сестры очутились въ разныхъ мѣстахъ, а не тамъ, гдѣ была она — всего этого мы не знаемъ. Достовѣрно только, что въ Рингенѣ у кистера (по другимъ—у пастора) воспитывалась круглою сиротою Марта Скавронская. Такъ было первое имя той, которая впослѣдствіи явилась въ исторіи Екатериною Алексѣевною, императрицею и самодержицею всероссійскою. Пріѣхалъ въ Рингенъ препозитъ Эрнстъ Глюкъ, объѣзжавшій приходы, надъ которыми по своей обязанности долженъ былъ наблюдать. Этотъ Эрнстъ Глюкъ былъ человѣкъ недюжинный: это былъ истый типъ такого ученаго нѣмца, .который умѣетъ съ кабинетною ученостью соединить предпріимчивость, неутомимость и желаніе обратить свою ученость на пользу какъ можно большаго числа своихъ ближнихъ. Онъ родился въ 1652 году въ Германіи, въ саксонскомъ городкѣ Веттинѣ, близъ Магдебурга и въ юности воспитывался въ учебныхъ заведеніяхъ своей родины. Его поэтическая и добродушная натура возбудилась мыслію сдѣлаться проповѣдникомъ слова Божія и распространителемъ просвѣщенія у такихъ народовъ, которые хотя и были крещены, но по степени образованія стояли ниже нѣмцевъ и прочихъ западныхъ европейцевъ. Нѣмецкому сердцу Глюка ближе всего показалась Ливонія; послѣ многихъ политическихъ перево-

ротовъ, эта страна въ это время находилась подъ властію шведской короны, но жила внутреннею нѣмецкою жизнію и всегда казалась окраиною германскаго міра, первымъ аванпостомъ нѣмецкой культуры, которая по неизмѣнному нѣмецкому племенному катихизису, начертанному въ каждомъ нѣмецкомъ сердцѣ, должна двигаться на востокъ, подчиняя и поглощая всѣ народности. Масса простаго народа въ Ливоніи состояла изъ латышей и чухонъ, хотя и усвоивавшихъ какъ религію нѣмцевъ, такъ и мало-по-малу и обычаи ихъ жизни, но еще не потерявшихъ своего языка. Нѣмцы — бароны и бюргеры, смотрѣли съ высокомѣріемъ эксплуататоровъ на порабощенныя племена, и поэтому ассимиляція латышей и чухонъ съ нѣмцами шла туго; и это-то спасло народность тѣхъ и другихъ отъ преждевременнаго поглощенія нѣмецкою стихіею. Кромѣ латышей и чухонъ, къ простому сельскому народу Ливонскаго края слѣдуетъ причислить русскихъ переселенцевъ изъ раскольниковъ, бѣжавшихъ въ недавнія передъ тѣмъ времена изъ отечества по случаю религіознаго преслѣдованія. Эти бѣглецы изъ Россіи проживали въ восточной окраинѣ Ливоніи. Глюкъ прибылъ въ Ливонскій край въ 1673 году съ желаніемъ быть просвѣтителемъ простаго народа, къ какому племени ни принадлежалъ бы этотъ народъ; лишь бы онъ былъ простымъ народомъ. Глюкъ принялся учиться по-латышски и по-русски. Большія способности были у этого человѣка; еще въ Германіи онъ съ успѣхомъ занимался восточными языками; и въ Ливоніи пошло ему скоро и споро. По-латышски онъ научился въ короткое время до такой степени, что могъ приняться переводить Библію на латышскій языкъ. Но тутъ увидалъ Глюкъ, что онъ еще недостаточно приготовилъ себя въ изученіи того, съ чего приходилось переводить, въ изу-

ченіи еврейскаго и греческаго языковъ. Глюкъ обратно уѣзжаетъ въ Германію, поселяется въ Гамбургѣ, и начинаетъ заниматься у ученаго оріенталиста Эзарда; такъ у него идетъ дѣло до 1680 года; тогда Глюкъ снова ѣдетъ въ Ливонію. Онъ принимаетъ тамъ мѣсто приходскаго пастора, потомъ его дѣлаютъ препозитомъ; Глюкъ всецѣло посвящаетъ себя просвѣтительной дѣятельности для мѣстнаго населенія; переводитъ на мѣстныя нарѣчія полезныя книги и заводитъ школы для обученія простонароднаго юношества, — вотъ его любимыя мысли и намѣренія, вотъ цѣли его жизни. Въ 1684 году Глюкъ отправился въ Стокгольмъ, представилъ тогдашнему королю проэктъ о заведеніи школъ для латышей въ тѣхъ приходахъ, гдѣ пасторы были пробстами. Не оставилъ король безъ одобренія и другой проэктъ Глюка — о заведеніи школъ у русскихъ поселенцевъ, жившихъ въ шведскихъ владѣніяхъ, а ихъ масса не ограничивалась только раскольниками, въ послѣднее время уѣзжавшими въ Ливонію; тогда русскихъ подданныхъ, принадлежавшихъ шведской коронѣ, было довольно и въ тѣхъ земляхъ, которыя были уступлены Россіею Швеціи по Столбовскому миру. Проэктъ, относившійся къ обученію русскихъ, не былъ, однако, приведенъ въ исполненіе до тѣхъ поръ, пока Ливонія и русскія области, составлявшія достояніе древняго Великаго Новгорода, находились подъ властію шведовъ. Между тѣмъ Глюкъ, въ ожиданіи заведенія русскихъ школъ, принялся учиться по-русски. По собственнымъ словамъ его (Пекарск. «Наука о Литер. при Петрѣ I»), Глюкъ видѣлъ чрезвычайную скудость народнаго просвѣщенія между русскими, подчиненными шведскому скиперту, но еще худшее невѣжество выказывалось между тѣми, которые оставались подъ московскою властію. «Хотя — говоритъ пасторъ — у нихъ

есть вся славянская библія, но отъ славянскаго нарѣчія русское нарѣчіе (vernacule rossica) такъ далеко разнится, что русскій простолюдинъ не пойметъ ни единаго періода славянской рѣчи. Я — продолжаетъ Глюкъ — сердечно предался желанію выучиться по-русски, и Богъ послалъ мнѣ для того способы, хотя и не имѣлъ намѣреній и не сознавалъ, какимъ образомъ Промыселъ можетъ направить меня къ служенію блистательной цѣли». Съ изученіемъ русскаго языка Глюкъ предпринялъ опыты перевода славянской библіи на простой русскій языкъ и сочинялъ на этомъ языкѣ молитвы. Ему помогалъ русскій монахъ, котораго Глюкъ пригласилъ къ себѣ жить и обязался содержать его, а тотъ долженъ былъ трудиться вмѣстѣ съ своимъ хозяиномъ въ его ученыхъ работахъ. Монахъ этотъ былъ взятъ изъ Пичуговскаго монастыря, находившагося въ русскихъ предѣлахъ, недалеко отъ ливонской границы. Занятіе русскимъ переводомъ св. писанія повлекло Глюка къ перепискѣ съ Головинымъ — русскимъ посланникомъ въ 1690 году.

Вотъ этотъ-то пасторъ Глюкъ, живучи въ городѣ Маріенбургѣ со своимъ семействомъ и отправляя должность препозита, объѣзжалъ приходы и заѣхалъ въ Рингенъ къ пастору, или кистеру. У него увидалъ онъ дѣвочку сиротку и спросилъ: кто это?

— Сирота бѣдная, принялъ къ себѣ изъ христіанскаго состраданія, хотя у меня самого небольшой достатокъ. Жаль, что я не буду въ силахъ воспитать ее какъ бы хотѣлось — сказалъ рингенскій кистеръ (или пасторъ).

Глюкъ поласкалъ дѣвочку, поговорилъ съ нею и сказалъ: — Я возьму эту сиротку къ себѣ. Она будетъ у меня за моими дѣтьми ходить.

И препозитъ уѣхалъ въ Маріенбургъ, взявши съ собою маленькую Марту Скоронскую.

Марта съ этихъ поръ выросла въ домѣ Глюка. Она ходила за его дѣтьми, одѣвала ихъ, убирала, водила въ кирху, а въ домѣ прибирала комнаты; она была служанкою, но, при добротѣ и благодушіи хозяина, ея положеніе было гораздо лучше, чѣмъ вообще въ то время могло быть положеніе служанки въ нѣмецкомъ домѣ. На умственное воспитаніе ея, кажется, не много обращено было вниманія; по крайней мѣрѣ и впослѣдствіи, когда судьба ея измѣнилась чуднымъ образомъ, она, какъ говорятъ, оставалась безграмотною. За то Марта день ото дня хорошѣла, по мѣрѣ того какъ входила въ лѣта; маріенбургскіе молодцы стали на нее засматриваться въ кирхѣ, куда являлась она каждое воскресенье съ дѣтьми своего хозяина. У ней были блестящіе, искристые черные глаза, бѣлое лицо, черные волосы (говорили послѣ, что она ихъ чернила). Исправляя въ хозяйскомъ домѣ всякія работы, не могла она отличаться ни мягкостію и нѣжностію кожи на рукахъ, ни изящными пріемами, подобно барынѣ или богатой горожанкѣ, но въ крестьянскомъ кругу могла считаться настоящею красавицею.

Когда Мартѣ пошелъ восемнадцатый годъ, ее увидѣлъ въ кирхѣ одинъ шведскій драгунъ, служившій въ военномъ гарнизонѣ, расположенномъ въ Маріенбургѣ; звали его Іоганъ Рабе. Отъ роду ему было двадцать два года; онъ былъ кудрявъ, хорошо сложенъ, статенъ, ловокъ, вполнѣ молодецъ. Марта очень понравилась ему, да и онъ приглянулся Мартѣ. Объяснился ли онъ гдѣ нибудь съ дѣвушкой, или нѣтъ—не знаемъ. Живучи у строгонравственнаго пастора, Марта не ходила ни на полевыя работы, не бывала въ такихъ мѣстахъ, гдѣ обыкновенно сближаются молодые люди обоихъ половъ,

а потому очень могло быть, что знакомство солдата съ пасторскою служанкою тѣмъ только ограничилось, что онъ видалъ ее въ кирхѣ, да быть можетъ обмѣнялся съ ней мимолетными изъявленіями учтивости и любезности при выходѣ изъ кирхи. Рабе обратился къ посредству одного почтеннаго лица, котораго называютъ родственникомъ Глюка, хотя въ такомъ родствѣ можно сомнѣваться, такъ какъ Глюкъ былъ чужестранецъ въ Лифляндскомъ краѣ и едва ли имѣлъ тамъ родныхъ. Рабе просилъ это почтенное лицо принять на себя трудъ, поговорить съ пасторомъ, не счетъ желанія своего жениться на его служанкѣ. Господинъ этотъ исполнилъ порученіе солдата.

Пасторъ Глюкъ сказалъ ему:

— Марта достигла совершенныхъ лѣтъ и можетъ сама рѣшить свою судьбу. Конечно, я человѣкъ небогатый; у меня своихъ дѣтей много, а теперь настаютъ времена тяжелыя! началась война съ русскими. Враги идутъ въ нашъ край съ сильною ратью и не сегодня завтра могутъ добраться сюда. Такія опасныя времена пришли, что отецъ семейства можетъ позавидовать тому, у кого нѣтъ дѣтей. Я своей служанки не неволю идти замужъ и не стану удерживать. Какъ она хочетъ, такъ пусть и поступаетъ! Но объ этомъ драгунѣ слѣдуетъ мнѣ спросить у его командира.

Гарнизономъ въ Маріенбургѣ командовалъ маіоръ Тильо-фонъ-Тильсау; онъ находился въ добрыхъ отношеніяхъ съ Глюкомъ и посѣщалъ пастора. Когда маіоръ пришелъ къ нему, Глюкъ сообщилъ о предложеніи, сдѣланномъ отъ имени драгуна, и спрашивалъ, каковъ человѣкъ этотъ драгунъ и находитъ ли его командиръ умѣстнымъ, чтобъ онъ вступилъ въ бракъ.

— Этотъ драгунъ очень хорошій человѣкъ, — сказалъ

командиръ, — и хорошо дѣлаетъ, что хочетъ жениться. Я не только дозволю ему сочетаться бракомъ съ вашей служанкой, но за хорошее поведеніе произведу его въ капралы!

Глюкъ позвалъ Марту и сказалъ:

— Сватаетъ тебя здѣшняго гарнизона драгунъ Іоганъ Рабе. Хочешь ли ты идти за него?

— Да, отвѣчала Марта.

И пасторъ и маіоръ поняли, что красота солдата защемила сердце дѣвушки. Позвали драгуна и въ тотъ же вечеръ совершили обрученіе.

Солдатъ женихъ сказалъ тогда:

— Я прошу, чтобъ нашъ бракъ совершился какъ можно скорѣе и не откладывался на долгое время. Могутъ насъ куда нибудь услать. Время военное. Нашему брату нельзя надѣяться оставаться долго на одномъ мѣстѣ.

— Онъ говоритъ правду, — сказалъ маіоръ, — русскіе стоятъ за пятнадцать миль отсюда и могутъ направиться на Маріенбургъ. Мы должны готовиться къ оборонѣ отъ незванныхъ гостей. До веселья ли намъ будетъ тогда, какъ непріятели появятся въ виду города?

Порѣшили совершить бракосочетаніе Іогана Рабе съ Мартою Скоронскою на третій день послѣ обрученія.

Пришелъ этотъ третій день. По окончаніи богослуженія, Глюкъ соединилъ драгуна со своею служанкою супружескимъ союзомъ. Присутствовали при этомъ маіоръ и съ нимъ три офицера, а жена самого маіора вмѣстѣ съ другими женщинами убирала невѣсту и провожала въ церковь. Послѣ обряда новобрачные и всѣ гости отправились въ домъ препозита и пировали до ночи.

Есть разныя извѣстія на счетъ того, какъ долго пришлось этимъ новобрачнымъ жить вмѣстѣ. Одни изъ

этихъ извѣстій передаются тѣми, которые увѣряютъ, будто бы слыхали о подробностяхъ событія отъ самой новобрачной уже впослѣдствіи, когда она была женою не шведскаго драгуна, а русскаго капитана-царя: они говорятъ, что вѣсть о приближеніи русскаго войска пришла въ самый день брака и разогнала пировавшихъ въ домѣ Глюка гостей. Но, по другимъ извѣстіямъ, молодые супруги жили вмѣстѣ восемь дней. Какъ бы то ни было, разлука новобрачныхъ по поводу приближенія русскаго войска послѣдовала очень скоро послѣ брака. Драгунъ Рабе съ другими десятью драгунами по приказу маіора отправился на развѣдки и уже болѣе не увидалъ своей супруги.

Къ Маріенбургу подступилъ Шереметевъ съ войскомъ. Нашествіе его на Лифляндію было ужаснымъ бѣдствіемъ для края. Оно возобновило забытыя времена XVI вѣка, когда надъ тамошними жителями совершались возмутительныя звѣрства, которыя по всей Европѣ расписывались въ тогдашнихъ брошюрахъ (игравшихъ роль газетъ) въ самыхъ яркихъ краскахъ, и можетъ быть съ преувеличеніями, для того, чтобы возбудить повсемѣстное омерзеніе къ полудикимъ московитамъ. И теперь потомки оказывались не милостивѣе своихъ предковъ. Шереметевъ въ донесеніи своемъ Петру хвалился, что все кругомъ опустошилъ, ничего не осталось въ цѣлости, воздѣ пепелъ и трупы, а плѣннаго народа такъ много, что предводитель не зналъ, куда его дѣвать. Царь одобрилъ такой образъ веденія войны, а плѣнныхъ приказывалъ гнать въ Россію. Тогда десятки тысячъ нѣмцевъ, латышей и чухонъ гоняли на поселеніе въ глубину Россіи, гдѣ, смѣшавшись съ русскимъ народомъ, ихъ потомство должно было безслѣдно исчезнуть для исторіи.

Подступилъ Шереметевъ къ Маріенбургу въ августѣ 1702 года. Городъ Маріенбургъ расположенъ былъ на берегу пространнаго озера, имѣвшаго восемнадцать верстъ въ окружности и пять верстъ въ ширину. Противъ города на озерѣ, возвышался изъ воды старый замокъ, издѣліе рыцарскихъ вѣковъ, соединенный съ городомъ мостомъ черезъ воду. Онъ былъ выстроенъ въ 1340 году, съ цѣлію защиты противъ русскихъ, которые тогда уже дѣлали нападенія на Ливонскій край, негодуя на то, что нѣмцы засѣли тамъ хозяевами и господами латышей и чухонъ. Отрѣзанный отъ города и берега водою, замокъ казался неприступнымъ при тогдашнихъ способахъ веденія войны; однако, въ 1390 году, великій князь литовскій Витовтъ овладѣлъ имъ не посредствомъ храбрости, а путемъ хитрости; онъ переодѣлся рыцаремъ и нашелъ возможность войти въ замокъ, а потомъ уже впустить туда свою рать. Въ 1560 году, во время войны царя Ивана съ ливонскими нѣмцами, Маріенбургскій замокъ опять былъ взятъ русскими. Въ описываемое нами время нашествія Шереметева этотъ замокъ не могъ оборонить города, но годился быть временнымъ убѣжищемъ осажденныхъ до тѣхъ поръ, пока могли явиться имъ на выручку большія силы. Тогдашній государь ливонцевъ, шведскій король распорядился такъ, что въ Ливоніи, куда, главнымъ образомъ, направлялись завоевательныя стремленія Петра, оставлено было недостаточно войска и команда надъ этимъ войскомъ вручена была самымъ плохимъ генераламъ.

Сначала подступилъ къ Маріенбургу русскій авангардъ подъ командою Юды Болтина, потомъ и цѣлый корпусъ Шереметева, раздѣленный на четыре полка. Шереметевъ только-что одержалъ побѣду надъ шведскимъ генераломъ Шлиппенбахомъ, и навелъ страхъ на

весь околодокъ какъ своими успѣхами, такъ еще болѣе своимъ жестокосердіемъ и безпощадностію къ побѣжденнымъ и покореннымъ. У маіора Тильо было не много драгунъ въ замкѣ. Съ приближеніемъ русскихъ жители бросились спасаться въ замокъ, но тамъ всѣмъ невозможно было на долгое время помѣститься. Шереметевъ расположился на берегу озера и рѣшилъ непремѣнно взять и городъ и замокъ. Фельдмаршалъ посылалъ къ осажденнымъ требовать добровольной сдачи, но осажденные не сдались. Шереметевъ стоялъ десять дней. Помощи шведамъ ни откуда не являлось. Тѣснота въ замкѣ грозила появленіемъ болѣзней, какъ это бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Шереметевъ приказалъ готовить плоты и намѣревался, посадивъ на нихъ три полка своей арміи: Балка, Англерова и Мурзенкова, ударить на замокъ съ двухъ сторонъ. Нѣсколько времени предпріятіе не удавалось: драгуны и осажденные жители дѣятельно давали отпоръ со стѣнъ и валовъ, многихъ русскихъ солдатъ перестрѣляли, иныхъ перекалѣчили. «Но Богъ», — по выраженію Шереметева, въ его донесеніи своему государю, — «и Пресвятая Богородица твоимъ высокимъ счастіемъ помиловали, что прилетѣли двѣ бомбы въ одно мѣсто къ острову, въ палату, которая была придѣлана къ городовой стѣнѣ близъ больверка новаго землянаго, гдѣ ихъ пущія пушки стояли, вырвало и обвалило городовой стѣны саженъ на пять, и они не допустя пристать къ острову, ударили въ барабаны и просили сроку и прислали письмо». (Устр. Ист. П. В. IV. 2. 248). Въ своемъ письмѣ осажденные просили Шереметева прекратить нападеніе на замокъ, на такихъ условіяхъ, чтобы жителямъ оставить ихъ имущества и жизнь, а войску дозволить выдти съ оружіемъ и съ распущенными знаменами. Но Шереметевъ чувствовалъ себя совершеннымъ

побѣдителемъ и не согласился на предложенія, которыя умѣстны были бы только тогда, когда обѣ стороны, враждовавшія между собою, имѣли бы достаточно силы, чтобъ заставить себя уважать. Русскій полководецъ, по собственному его выраженію, «отказалъ имъ сурово», требовалъ безусловной сдачи на милость побѣдителей и въ глазахъ присланныхъ къ нему посланцовъ приказалъ палить изъ пушекъ въ сдѣланный проломъ, а солдатамъ идти на штурмъ замка. Впередъ двинулся Англеръ съ своимъ полкомъ; за нимъ и солдаты другихъ полковъ. Тогда со стороны осажденныхъ опять раздался барабанный бой, показывавшій снова ихъ желаніе вступить въ переговоры. На этотъ разъ сношенія были иного рода: явился комендантъ, маіоръ Тильо-фонъ-Тильсау, а съ нимъ вся офицерія: два капитана, два поручика, провіантскій смотритель, инженеръ и аптекарь: они отдали фельдмаршалу свои шпаги и были объявлены военноплѣнными. Они просили милосердія для всѣхъ. Но не всѣ военные, находившіеся тогда въ замкѣ, рѣшились сдаться русской силѣ: одинъ артиллерійскій прапорщикъ, съ нимъ вмѣстѣ одинъ штыкъ-юнкеръ и нѣсколько солдатъ остались въ замкѣ, не объявили никому, что они хотятъ дѣлать, и тайно рѣшились на смѣлое и отчаянное предпріятіе,

За военными, которые сдавались въ плѣнъ, шла въ русскій станъ толпа жителей обоего пола съ дѣтьми и слугами. Тогда явился предъ побѣдителемъ и препозитъ Эрнестъ Глюкъ съ семьею и прислугою. Почтенный пасторъ зналъ, что грозный воинственный русскій царь цѣнитъ людей, посвятившихъ себя наукѣ, и думаетъ о просвѣщеніи подданныхъ. Глюкъ взялъ съ собою переводъ Библіи на русскій языкъ и представилъ его Шереметеву. Фельдмаршалъ принялъ его ласково; онъ видѣлъ, что этотъ плѣнникъ будетъ особенно по-душѣ Петру и

пригодится государю въ дѣлѣ воспитанія русскаго общества. Тогда русскимъ достались въ плѣнъ: Глюкъ съ семьею, его дѣтей учитель Іоганнъ Вурмъ и бывшая ихъ нянька Марта Рабе, такъ скоро послѣ брака потерявшая мужа и свою свободу. По однимъ извѣстіямъ, Шереметевъ роздалъ плѣнныхъ начальнымъ людямъ, и Марта Рабе досталась полковнику Балку, а тотъ опредѣлилъ ее стирать бѣлье своимъ солдатамъ вмѣстѣ съ другими плѣнными женщинами. Впослѣдствіи, Шереметевъ замѣтилъ ее и взялъ отъ Балка себѣ. По другимъ извѣстіямъ — въ самый тотъчасъ, когда къ Шереметеву явился Глюкъ съ семьею, русскій фельдмаршалъ замѣтилъ Марту, поразился ея красотою и спросилъ Глюка: что это у него за женщина?

— Это бѣдная сирота! — сказалъ пасторъ: — я взялъ ее ребенкомъ и содержалъ до совершеннолѣтія, а недавно выдалъ замужъ за одного шведскаго драгуна.

— Это не мѣшаетъ! — сказалъ Шереметевъ: — она у меня останется. А вы всѣ прочіе отправитесь въ Москву. Тамъ васъ устроятъ.

И фельдмаршалъ приказалъ достать у жены одного изъ своихъ подначальныхъ офицеровъ приличное платье и одѣть плѣнницу. По приказанію Шереметева она сѣла за столъ обѣдать съ другими, и во время этого обѣда раздался оглушительный взрывъ; Маріенбургскій замокъ погибъ въ развалинахъ.

Какъ бы ни было, тотчасъ ли послѣ прибытія Глюка въ русскій лагерь Марта была оставлена Шереметевымъ, или, доставшись прежде Балку, послѣ была взята фельдмаршаломъ, но то несомнѣнно, что Маріенбургъ погибъ черезъ нѣсколько часовъ, послѣ того какъ гарнизонъ и жители города сдались побѣдителямъ. Артиллерійскій прапорщикъ, по прозвищу Вульфъ, штыкъ-юнкеръ и сол-

даты вошли въ ту палату, «гдѣ былъ порохъ, и ручныя ядра и всякіе припасы, и самъ себя и съ тѣми, кто былъ съ нимъ, порохъ зажегъ и много съ собою народу погубилъ» (Устрял. И. П. В., IV, 248). «Едва Богъ спасъ и насъ»! — продолжаетъ въ своемъ донесеніи Шереметевъ — «слава Всемогущему Богу, что насъ мостъ ближе не допустилъ: былъ сожженъ! А если бы не мостъ, много бы насъ погибло; и того жаль: что не было какой рух ляди, все пропало, хлѣба одного было ржи 1500 пудъ и прочего, магазины сколько пожегъ! И взятые того проклятаго клянутъ». Говорятъ (Phiseldek, 210), что Вульфъ, рѣшившись на отчаянный поступокъ, открылъ свой умыселъ Глюку и далъ ему совѣтъ спастись, а Глюкъ, узнавши намѣреніе Вульфа, убѣдилъ и словомъ и примѣромъ другихъ жителей выйти изъ замка и отдаться на милосердіе побѣдителя.

Такъ Маріенбургъ или Маринбургъ, издавна извѣстный русскимъ подъ туземнымъ названіемъ Алыстъ, погибъ отъ рукъ горсти смѣлыхъ шведовъ, рѣшившихся предпочесть смерть неволѣ. Но оставались на островѣ обломки замка. Шереметевъ приказалъ все разорить дотла. «Буду, — писалъ онъ царю, — стоять до тѣхъ мѣстъ, докуль весь раскопаю. А держать было нельзя: удолѣло и около все опустѣло, также тамъ сумасбродный подорвалъ порохомъ».

Побѣдитель затруднялся тогда обиліемъ плѣнныхъ. «Прибыло мнѣ печали — писалъ онъ Петру: — гдѣ мнѣ дѣть взятый полонъ. Тюрьмы полны и по начальнымъ людямъ вездѣ, опасно того, что люди такіе сердитые! Тебѣ извѣстно, сколько уже они причинъ сдѣлали себя не жалѣя; чтобы какія хитрости не учинили: пороху бы въ погребахъ не зажгли, также и отъ тѣсноты не почали-бы мереть, также и денегъ на кормъ много исхо-

дитъ. А провожатыхъ до Москвы одного полка мало». Между тѣмъ царь дорожилъ не только нѣмцами, но и чухнами и латышами; ливонскіе туземцы, хотя и представлялись въ глазахъ европейцевъ необразованными, все-таки были культурнѣе тогдашняго народа въ Россіи. Изъ ста семей, отправленныхъ Шереметевымъ въ Россію изъ-подъ Маріенбурга, было до четырехъ сотъ душъ, которые «умѣютъ овые топоромъ, овые иные художники (Устр. IV, 2 — 249 - 250) для Азовской посылки годятся».

Шереметевъ, взявши Маріенбургъ въ концѣ августа 1702 года, отправлялъ всѣхъ плѣнныхъ въ Москву въ распоряженіе Тихона Никитича Стрѣшнева. Фельдмаршалъ старался, чтобъ можно было ихъ доставить скорѣе, пока еще не наступили осенніе холода. Тогда со многими другими былъ отправленъ въ Москву и Глюкъ. Благочестивый и просвѣщенный пасторъ смотрѣлъ на случившееся съ собою событіе, какъ на одинъ изъ путей, которыми Провидѣніе направляло его къ его призванію. Петру не было незнакомымъ имя Глюка, и русскій царь былъ очень доволенъ, когда въ его власти находился этотъ человѣкъ, способный, хотя бы и противъ собственной воли, приносить пользу русскому народу. Привезенный въ Москву, пасторъ былъ помѣщенъ въ Нѣмецкой Слободѣ и тамъ прожилъ зиму. 4 марта 1703 года, царь указалъ ему назначеніе: Петръ пожаловалъ ему годичнаго содержанія три тысячи рублей и повелѣлъ открыть въ Москвѣ школу для дѣтей разночинцевъ, предоставляя его усмотрѣнію выборъ учителей по разнымъ предметамъ научнаго преподаванія. Глюку предстояли значительныя затрудненія: не было ни русскихъ учителей, ни русскихъ руководствъ. Къ счастію Москва, не была бѣдна иноземцами, освоившимися и съ русскою жизнію, и съ русскимъ

языкомъ. Глюкъ набралъ изъ такихъ особъ шестерыхъ. Предположено было преподавать въ новозаводимой школѣ философію, географію, риторику, языки латинскій, французскій и нѣмецкій, также начатки греческаго и еврейскаго. Иностранцы, поступившіе въ учителя, были нѣмцы [1]), за исключеніемъ двухъ, принадлежавшихъ, какъ кажется, къ французской націи [2]). Бывшій домашнимъ учителемъ маріенбургскаго препозита Вурмъ поступилъ теперь въ число учителей этой школы. Самъ Эрнестъ Глюкъ, уже прежде основательно изучившій, сколько могъ, русскій языкъ, занялся теперь составленіемъ руководствъ и переводовъ: онъ окончилъ переводъ св. Писанія—именно перевелъ Новый Завѣтъ, — перевелъ лютеранскій катихизисъ, написалъ порусски молитвословъ въ риѳмованныхъ стихахъ, составилъ vestibulum, или словарь къ познанію языковъ русскаго, нѣмецкаго, латинскаго и французскаго, перевелъ Коменя: «Janua linguarum», перевелъ: «Orbis pictus», составилъ учебникъ географіи, сохранившійся въ рукописи — съ обращеніемъ въ смыслѣ посвященія къ царевичу Алексѣю Петровичу и съ приглашеніемъ къ россійскимъ законамъ, «аки мягкой и всякому изображенію угодной глинѣ». Русскій языкъ, которымъ писалъ Эрнестъ Глюкъ, есть смѣсь народной русской рѣчи съ рѣчью

[1]) Рейэмутъ — для географіи, дѣятельной философіи, ѳики, политики, латинской риторики съ ораторскими упражненіями и съ изъясненіями примѣровъ изъ историковъ Курція и Юстина и стихотворцевъ Виргилія и Горація. Христіанъ Бернардъ Глюкъ — для философіи картезіанской, также для языковъ греческаго, еврейскаго и халдейскаго. Іоганнъ Августъ Вурмъ — для грамматики нѣмецкой и латинской и для изъясненія словаря Vestibulum) и введенія въ латинскій языкъ (Janua linguarum). Отто Бирканъ — для начальнаго чтенія и письма латинскаго и для ариѳметики.

[2]) Мерла — для французской грамматики и Рамбуръ — для танцовальнаго искусства и поступи нѣмецкихъ и французскихъ учтивствъ. (Пек. Наука и лит. при П. Вел. 122).

славяноцерковною. Глюкъ, какъ видно, хотя хорошо изучилъ славянскую рѣчь, но не дошелъ до яснаго уразумѣнія грани, какая существуетъ въ самой природѣ между славяноцерковнымъ и народно-русскимъ нарѣчіями. И требовать этого отъ иностранца при тѣхъ условіяхъ, при какихъ Глюкъ могъ заниматься русскимъ языкомъ, было бы черезчуръ строго, тогда какъ и чисто-русскіе по происхожденію люди не всегда могли уразумѣть и соблюдать эту грань. Глюку для школы отвели помѣщеніе на Покровкѣ, въ домѣ Нарышкиныхъ. Почтенная дѣятельность этого человѣка продолжалась до 1705 года, а въ этомъ году, 5 мая Глюкъ скончался, оставивъ по себѣ многочисленное семейство.

Петръ, покровительствуя вообще всякой умственной дѣятельности, по своимъ личнымъ симпатіямъ, не могъ найти въ Глюкѣ вполнѣ подходящаго дѣятеля въ сферѣ того образованія, которое хотѣлъ распространить въ подвластной ему Россіи. Петръ былъ черезмѣру реалистъ, чтобъ его преобразовательные планы могли найти исполнителя въ пасторѣ-нѣмцѣ, думавшемъ заводить латинскія школы для массы простонародья. Петру нужны были въ Россіи свѣдущіе моряки, инженеры, техники, а не филологи, эллинисты и евреисты. Поэтому-то явленіе Глюка и его школы въ исторіи духовнаго преобразованія Россіи, предпринятаго Петромъ, не пустило корней и осталось какимъ-то эпизодическимъ.

Такова была судьба маріенбургскаго препозита. Иная опредѣлена была свыше его служанкѣ Мартѣ. Когда она находилась у Шереметева, пріѣхалъ Александръ Даниловичъ Меншиковъ и, увидавши Марту, изъявилъ желаніе взять ее къ себѣ. Не понравилось это Шереметеву, неохотно уступилъ онъ прекрасную плѣнницу; но уступилъ, хотя по своему обычаю не удержался при этомъ

отъ грубыхъ словъ; не уступить онъ не посмѣлъ, потому что Меншиковъ былъ первый любимецъ царя и всесильнымъ человѣкомъ становился въ Россіи. Александръ Даниловичъ, взявши въ свою собственность ливонскую плѣнницу, отправилъ ее въ Москву, въ свой собственный домъ, богатый, отличавшійся множествомъ домашней и дворовой прислуги, какъ слѣдовало, по тогдашнимъ обычаямъ, быть дому знатнаго русскаго вельможи.

Не знаемъ, сколько времени жила Маріенбургская плѣнница у своего новаго господина до тѣхъ поръ, какъ съ ней случилась опять перемѣна. Царь Петръ прожилъ нѣсколько времени въ Москвѣ и, посѣщая домъ своего любимца, увидѣлъ тамъ его прекрасную служанку. Кажется это было зимою 1703 — 1704 года, такъ какъ намъ достовѣрно извѣстно, что въ ту зиму Петръ пробылъ нѣкоторое время въ Москвѣ. Не разъ, по окончаніи годовыхъ трудовъ, царь на зиму посѣщалъ Москву и тамъ устраивалъ торжества и празднества по поводу своихъ недавнихъ успѣховъ. 1703 годъ ознаменовался важными для Петра и Россіи событіями: въ этомъ году, 27 мая, царь Петръ, вмѣстѣ со своимъ любимцемъ Александромъ Даниловичемъ Меншиковымъ, заложилъ Петропавловскую крѣпость на Невѣ и тѣмъ положилъ начало Петербургу, первому русскому городу при Балтійскомъ морѣ. Мѣсто, гдѣ основывался новый городъ, чрезвычайно нравилось Петру; скоро онъ началъ называть новостроющійся городъ своимъ парадизомъ и готовилъ ему великую будущность. Былъ поводъ въ слѣдующую затѣмъ зиму повеселиться. Меншиковъ изъ кожи вонъ лѣзъ, какъ говорится, стараясь веселить своего государя, и устраивалъ у себя въ домѣ пиршества и празднества. Въ одинъ изъ такихъ пировъ Петръ, уже по своему обыкновенію порядочно подпившій, увидалъ Марту. Она въ качествѣ

служанки подавала что-то государю. Петра поразили ея лицо и осанка; — сразу она понравилась государю.

— Кто такая у тебя эта красавица? — спросилъ Петръ у Меншикова.

Меншиковъ объяснилъ царю, что это — ливонская плѣнница, безродная сирота, служившая у пастора и взятая съ нимъ вмѣстѣ въ Маріенбургѣ.

Петръ, оставшись ночевать тогда у Меншикова, приказалъ ей проводить себя въ спальню. Онъ любилъ хорошенькихъ женщинъ и дозволялъ себѣ мимолетныя развлеченія; много красавицъ перебывало у него, не оставивъ въ его сердцѣ никакого слѣда. И Марта, повидимому, должна была быть не болѣе, какъ одною изъ такихъ многихъ. Но вышло не такъ.

Петръ не удовольствовался съ нею только такимъ знакомствомъ. Скоро Марта понравилась такъ государю, что онъ сдѣлалъ ее своею постоянною любовницею. Сближеніе съ Мартою совпало у Петра съ охлажденіемъ, возникшимъ къ прежней его возлюбленной Аннѣ Монсъ.

Придется оставить нерѣшеннымъ вопросъ: что именно охладило Петра къ этой нѣмкѣ, ради которой онъ удалилъ отъ себя и заточилъ свою законную супругу; лучше оставить его нерѣшеннымъ, чѣмъ повторять догадки и возводить ихъ въ фактическія истины.

Не знаемъ, было ли причиною такой перемѣны отысканіе любовнаго письма Анны въ карманѣ утонувшаго польско-саксонскаго посланника Кенигсека, какъ сообщаетъ леди-Рондо [1]), или, какъ говорятъ другіе, пово-

---

[1]) Нѣтъ причины отвергать это извѣстіе, какъ дѣлаетъ Устряловъ. Самое вѣское замѣчаніе Устрялова противъ его достовѣрности есть то, что въ источникѣ, откуда оно почерпнуто, не мало явно ложныхъ извѣстій. Но другія указанія Устрялова легко опровергаются. Онъ замѣчаетъ, что Гордонъ и Плейеръ молчатъ объ этомъ извѣстіи, но Гордонъ и Плейеръ могли не услыхать

домъ къ разрыву было то, что Анна Монсъ предпочла положенію царской любовницы положеніе законной жены прусскаго посланника Кейзерлинга. Меншиковъ хитро подвелъ ее выразить такого рода желаніе, а потомъ наговорилъ на нее царю; онъ ненавидѣлъ Анну Монсъ: ему казалось, что она отнимала въ царѣ ту привязанность, которую Петръ безраздѣльно оказывалъ бы Меншикову. Вѣрность того и другаго извѣстія одинаково можетъ быть допущена по ихъ правдоподобію, но ни то, ни другое не имѣетъ за собою несомнѣнности. Вѣрно только то, что время, когда Петръ сошелся съ Мартою, близко сходится съ тѣмъ временемъ, когда у него произошелъ разрывъ съ Анною.

Не знаемъ навѣрно, когда именно произошло это новое сближеніе царя, и только можемъ догадываться, что день, когда онъ впервые узналъ Марту, было 28 сентября — вѣроятно 1703 года. Это мы предполагаемъ на томъ основаніи, что въ 1711 году Петръ изъ Карлсбада писалъ къ этой Мартѣ, ставшей уже его женою, и, выставивъ 28 сентября, приписалъ: «начальнова дня нашего добра». Но это съ нашей стороны только предпо-

---

его, а можетъ быть кто-нибудь и услыхалъ, но принялъ за ходячую сплетню. Само собою разумѣется, любовнаго письма, вынутаго изъ кармана утонувшаго Кенигсека, не публиковали, — о немъ зналъ Петръ, да Анна, да близкія къ нимъ особы, и слухи отъ нихъ уже расходились, безъ сомнѣнія, съ варіяціями. Устряловъ въ опроверженіе этого извѣстія указываетъ еще и на то обстоятельство, что послѣ смерти Кенигсека Анна Монсъ находилась въ дружелюбномъ отношеніи къ царю, что доказывается ея письмомъ къ Петру отъ 11 октября 1703 года, въ которомъ она проситъ присылки указа на пожалованную ей царемъ вотчину. Но это объяснится можетъ тѣмъ, что, какъ свидѣтельствуетъ доношеніе Плейера своему двору, трупъ утонувшаго Кенигсека лѣтомъ 1703 года не былъ еще отыскапъ, слѣдовательно Петръ могъ еще не знать о письмѣ къ Кенигсеку своей любовницы, или же она, посылая письмо къ царю, не знала, что царю извѣстны ея продѣлки.

ложеніе, потому что, могло быть, Петръ намекалъ и на что нибудь другое, замѣчая день 28 сентября. Послѣ того какъ Петръ рѣшился взять Марту себѣ любовницею, онъ велѣлъ перебраться ей къ нему, и нѣсколько времени спустя, Марта приняла православную вѣру и наречена была Екатериною; воспріемникомъ ея былъ царевичъ Алексѣй Петровичъ, и поэтому-то она была названа Алексѣевною. Когда именно случилось это обращеніе къ православію Маріенбургской плѣнницы — нѣтъ данныхъ опредѣлить. Марта, теперь Екатерина, жила съ тѣхъ поръ нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ, чаще въ Преображенскомъ, въ сообществѣ дѣвицъ Арсеньевыхъ, (изъ которыхъ одна, Дарья Михайловна, была потомъ женою Меншикова), сестры Меншикова и Анисьи Толстой. Отъ 6 октября 1705 года, есть письмо, въ которомъ подписались всѣ эти женщины [1]), а любовница Петра назвала себя «сама третья», что доказываетъ, что у ней въ то время было уже двое дѣтей отъ Петра.

Но Екатерина не постоянно, не безвыѣздно находилась въ Москвѣ, часто царь требовалъ ее къ себѣ и она нѣсколько времени ѣздила съ нимъ въ его непосидячей жизни, а потомъ снова возвращалась въ Москву. Она носила названіе Екатерины Василевской [2]), но потомъ ей перемѣнили прозвище и стали называть Катериною Михайловною, потому что Петръ проходилъ служебные чины подъ именемъ Михайлова. Въ то время, когда Екатерина

---

[1]) Анна Меншикова (сестра Александра Даниловича), Варвара (Арсеньева), тетка несмысленая (Анисья Толстая), Катерина сама третья, Дарья глупая (жена Александра Даниловича).

[2]) Правильнѣе Веселовской, по имени тетки своей, сестры ея матери; эта тетка приняла Екатерину ребенкомъ послѣ смерти ея родителей, и отъ нея перешла Екатерина къ пастору или кистеру, отъ котораго взялъ ее къ себѣ Глюкъ.

не находилась вмѣстѣ съ царемъ, Петръ безпрестанно писалъ къ ней и въ письмахъ своихъ называлъ ее маткою, разумѣя, что она — мать его дѣтей, а близкую къ ней Анисью Толстую — теткою, прибавляя иногда эпитетъ «многомысленная»; она же въ шутку называла себя «тетка несмысленная». Эта Анисья Толстая въ первые годы была, какъ кажется, чѣмъ-то въ родѣ надзирательницы Петровой любовницы. Екатерина, по отношенію къ Меншикову, своему бывшему хозяину и господину, нѣсколько лѣтъ соблюдала уваженіе, и Меншиковъ все-таки обращался съ нею замѣтно съ тономъ человѣка, стоявшаго выше ея, который при случаѣ можетъ повлiять на ея судьбу. Но эти отношенія измѣнились въ 1711 году. До тѣхъ поръ Меншиковъ писалъ ей: «Катерина Алексѣевна! Много лѣтъ о Господѣ здравствуй!» но въ письмѣ 30 апрѣля 1711 года написалъ ей: «Всемилостивѣйшая государыня царица», а дочерей ея назвалъ государынями царевнами. Это показывало, что Петръ уже признавалъ ее своею законною женою, и всѣ подданные должны были признавать ее въ этомъ званіи. Самъ Петръ, въ своихъ письмахъ къ Екатеринѣ, на конвертахъ сталъ титуловать ее царицею, а къ ней обращаясь, выражался: «Катеринушка, другъ мой сердешниинькой!» Бракъ Петра съ Екатериною совершился въ 1712 году 19 февраля въ 9 часовъ пополуночи въ Петербургѣ въ церкви Исаакія Далматскаго (см. замѣтки А. Ѳ. Бычкова: «Др. и Нов. Росс.» 1877 г., т. I, стр. 323—324). Впослѣдствіи царь заявлялъ во всеобщее свѣдѣніе своему народу о какихъ-то важныхъ заслугахъ, оказанныхъ Екатериною во время Прутскаго дѣла, когда государь со своими военными силами очутился въ критическомъ положеніи но въ чемъ именно состояли эти заслуги Екатерины, не объявлялъ объ этомъ ея царственный супругъ, и изъ всѣхъ сохра-

нившихся современныхъ описаній Прутскаго дѣла нельзя вывести ничего, чтобы могло указывать на важное участіе Екатерины. Неясное свидѣтельство самого Петра объ участіи Екатерины въ Прутскомъ дѣлѣ впослѣдствіи подало поводъ къ произвольнымъ измышленіямъ. Составилось мнѣніе, что Екатерина, въ минуты всеобщей опасности, пожертвлвала всѣ свои драгоцѣнности на подарки, назначенные для того, чтобы склонить визиря къ миру и черезъ то имѣть возможность вывести всю русскую армію изъ безвыходнаго положенія, въ которомъ она тогда находилась. Такъ разсказывалось въ Веницейской исторіи Петра Великаго и у Вольтера; отъ нихъ этотъ разсказъ перешелъ къ Голикову; то же повторялось многими. Эти разсказы сдѣлались анекдотическою баснею, наравнѣ, напримѣръ, съ баснею о спасеніи царя Михаила Θедоровича Сусанинымъ и многими другими такими же историческими баснями, которыя принимались безъ строгаго разслѣдованія ихъ достовѣрности. Мы съ своей стороны не можемъ прибѣгать на счетъ этого ни къ какимъ предположеніямъ. Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что Екатерина умѣла въ эти минуты заявить себя и угодить Петру. Черезъ много лѣтъ послѣ того, когда государь, уже принявшій титулъ императора, вознамѣрился короновать свою супругу императорскою короною, въ указѣ объ этомъ онъ свидѣтельствовалъ о важныхъ услугахъ отечеству, оказанныхъ Екатериною въ 1711 году во время Прутскаго дѣла. Намъ остается неизвѣстнымъ, какимъ именно въ Прутскомъ дѣлѣ участіемъ пріобрѣла Екатерина такую славу, но отвергать достовѣрность этого участія не имѣемъ права послѣ того, какъ слышимъ о такомъ участіи отъ самого Петра.

Со времени Прутскаго похода отношенія Петра къ Екатеринѣ какъ-то возвысились и облагородились. Часто

мы видимъ Екатерину неразлучною спутницею Петра. Она съ нимъ совершила заграничное путешествіе по Западной Европѣ, хотя не сопровождала своего супруга во Францію и оставалась въ Голландіи на то время, какъ Петръ посѣтилъ эту страну. Въ 1722 году, Екатерина сопутствовала Петру въ Персидскомъ походѣ, раздѣляя славу его успѣховъ, также какъ одиннадцать лѣтъ тому назадъ раздѣляла скорбь неудачи въ турецкой войнѣ. Большинство писемъ Петра къ Екатеринѣ и Екатерины къ Петру, писанныхъ въ тѣ промежутки времени, когда обстоятельства вынуждали супруговъ находиться въ разлукѣ, относится къ періоду отъ 1711 года до кончины Петра, или отъ того времени, когда Екатерина стала признаваться всѣми царицею и законною супругою русскаго государя, до тѣхъ минутъ, когда, овдовѣвши, она сдѣлалась единственною и полною самодержицею въ Россіи. Незамѣнимую потерю понесла бы исторія, еслибъ не дошла до потомства эта переписка супруговъ (Письма русскихъ государей. М. 1861. ч. I). Личность Петра Великаго осталась бы не только въ тѣни, но и въ невѣрномъ свѣтѣ. Петръ — здѣсь какъ семьянинъ и притомъ семьянинъ счастливый: это совсѣмъ не то, что Петръ политическій дѣятель, или Петръ, связанный узами брака съ особою, которую онъ любить не въ состояніи. Въ письмахъ его къ Екатеринѣ нѣтъ и тѣни тѣхъ чертъ суровости и черствости, которыя сопровождали всю дѣятельность государя внѣ его отношеній къ любимой женѣ и семьѣ своей. Во всемъ и вездѣ видна у него нѣжнѣйшая привязанность. Онъ скучаетъ безъ нея, когда дѣла отвлекаютъ его отъ семейнаго очага, и она скучаетъ безъ него. «Я слышу» — писалъ онъ Екатеринѣ въ августѣ 1712 года изъ-за границы, — «что ты скучаешь, а и мнѣ не безскучно жъ, однако можешь разсудить, что

дѣла на скуку мѣнять не надобно». Въ 1717 году, когда Петръ ѣздилъ во Францію, а Екатерина на то время оставалась въ Голландіи, онъ писалъ къ ней: «А что ты пишешь, чтобъ я скоряя пріѣхалъ, что вамъ зѣло скучно, тому я вѣрю; только шлюсь на доносителя (т. е. на подателя письма) каково и мнѣ безъ васъ и могу сказать, что кромѣ тѣхъ дней, что я былъ въ Версали и Марли, дней съ 12 сколь великой плезиръ имѣлъ» (стр. 71). Видна нѣжная заботливость о своей женѣ, проявлявшаяся особенно тогда, когда Екатеринѣ приходилось пускаться въ дорогу. Въ 1712 году онъ писалъ: «Я еще отсель (изъ Грейхвальде) ѣхать скоро себѣ къ вамъ не чаю; и ежели лошади твои пришли, то поѣзжай съ тѣми тремя батальоны, которымъ велѣно итить въ Анкламъ, только для Бога бережно поѣзжай и отъ баталіоновъ ни на сто сажень не отъѣзжай, ибо непріятельскихъ судовъ зѣло много въ Гафѣ и непрестанно выходятъ большимъ числомъ, а вамъ тѣхъ лѣсовъ миновать нельзя» (стр. 22). Въ 1718 году (стр. 75) онъ писалъ царицѣ: «Объявляю тебѣ, чтобъ ты тою дорогою, которую я изъ Новгорода ѣхалъ, отнюдь не ѣздила, понеже ледъ худъ и мы гораздо съ нуждою проѣхали и одну ночь принуждены ночевать. Для чего я писалъ, двадцать верстъ отъѣхавъ отъ Новгорода къ коменданту, чтобъ тебѣ велѣлъ подводы ставить старою дорогою». Въ 1723 году писалъ онъ, возвратившись прежде нея въ Петербургъ: «Безъ васъ очень скучно. Дорога преспективная очень худа, а особливо чрезъ мосты высокіе, которые чрезъ рѣки многіе не крѣпки; того ради, лучше чтобъ пѣшкомъ перешла или въ одноколкѣ переѣхала» (стр. 137). Нерѣдко супруги, находясь другъ съ другомъ въ разлукѣ, посылали одинъ другому подарки.

Когда государь находился заграницею, Екатерина

посылала ему пива (стр. 29—30), свѣжепросольныхъ огурцовъ (стр. 132), а онъ посылалъ ей венгерскаго вина, изъявляя желаніе, чтобъ она пила за здоровье, и извѣщая, что и онъ съ тѣми, которые тогда находились при немъ, будетъ пить за ея здоровье, а кто не станетъ пить, на того прикажетъ наложить штрафъ. Въ 1717 г. Петръ благодарилъ Екатерину за присланный презентъ и писалъ ей: «Такъ и я посылаю отсель къ вамъ взаимно. Право на обѣ стороны достойные презенты: ты прислала мнѣ для вспоможенія старости моей, а я посылаю для украшенія молодости вашей» (стр. 45). Вѣроятно для вспоможенія старости Екатерина послала тогда Петру вина, а онъ ей какихъ-нибудь нарядовъ. Въ слѣдующемъ затѣмъ 1717 году, Петръ изъ Брюсселя прислалъ Екатеринѣ кружева (стр. 62), а Екатерина отдарила его виномъ. Находясь въ этомъ же году на водахъ въ Спа, Петръ писалъ: «Сего моменту Любрасъ привезъ отъ васъ письмо, въ которомъ взаимно сими днями поздравляете (то была годовщина Полтавской побѣды) и о томъ же тужите, что не вмѣстѣ, такъ же и презентъ двѣ бутылки крѣпыша. А что пишите для того мало послала, что при водахъ мало пьемъ, и то правда, всего болѣе пяти въ день не пью, а крѣпыша по одной или по двѣ, только не всегда, иное для того, что сіе вино крѣпко, а иное для того, что его рѣдко». Сама Екатерина, показывая заботливость о здоровьѣ супруга, писала ему (стр. 165), что посылаетъ «ему только двѣ бутылки крѣпыша, а что больше того вина не послала и то для того, что при употребленіи водъ, чаю не возможно вамъ много кушать». Супруги посылали другъ другу также ягоды и фрукты: Екатерина въ іюлѣ 1719 года послала Петру, находившемуся тогда въ морскомъ походѣ противъ шведовъ, «клубники, померанцевъ, цитроновъ» вмѣстѣ съ

боченкомъ сельдей (стр. 111), а Петръ послалъ ей фруктовъ изъ «ревельскаго огорода» (стр. 91). Какъ заботливая жена, Екатерина посылала супругу принадлежности одежды и бѣлья. Однажды изъ-за границы онъ ей писалъ, что на устроенной пирушкѣ онъ былъ одѣтъ въ камзолъ, который она ему передъ тѣмъ прислала, а другой разъ изъ Франціи, онъ писалъ ей о положеніи присланнаго ему бѣлья: «У насъ хотя есть портомои, однакожь вы послали рубашки» (стр. 59). Въ числѣ презентовъ, посланныхъ Екатеринѣ, одинъ разъ были посланы Петромъ его остриженные волосы (стр. 78), а въ 1719 году онъ послалъ ей изъ Ревеля цвѣтокъ и мяты, которую, бывши прежде съ Петромъ въ Ревелѣ, она сама садила (стр. 79); а Екатерина отвѣчала ему: «Мнѣ это не дорого, что сама садила; то мнѣ пріятно, что изъ твоихъ ручекъ». Часто переписка между супругами касалась домашняго хозяйства. Петръ, находясь заграницею, поручалъ женѣ наблюденіе надъ хозяйственными заведеніями. Такъ, между прочимъ, она наблюдала надъ устройствомъ петергофскихъ прудовъ и фонтановъ. Въ іюлѣ 1719 года, Екатерина писала Петру (стр. 106): «Изволили упомянуть мнѣ о бассейнѣ, что въ немъ вода не держится и чтобъ старую глину вынявъ, набить чикмареми Петергоѳскою глиною, будетъ и тою не удержится, то положить плиту съ сементомъ и на сіе, батюшка мой, истину доношу: будто вѣдала до вашего писанія приказала оной Петергоѳской глины возить, токмо хотѣла кирпичемъ укласть. Нынѣ старую желтую глину выносятъ, потомъ буду дѣлать по вашему изволенію». Съ особенною живостію писала Екатерина о дѣтяхъ своихъ, извѣщала Петра о здоровьѣ царевенъ и царевича, любимца обоихъ родителей, котораго они прозвали шишечкой. «Доношу — писала Екатерина въ августѣ 1718

года — что за помощію Божіею я съ дорогою нашею шишечкою и со всѣми въ добромъ здоровьѣ. Оный дорогой нашъ шишечка часто своего дрожайшаго папа упоминаетъ, и при помощи Божіей въ свое состояніе происходитъ и непрестанно веселится мунштированіемъ солдатъ и пушечною стрѣльбою» (стр. 81). Въ важныхъ семейныхъ дѣлахъ, какъ видно, Екатерина всегда испрашивала рѣшенія мужа и вообще, какъ показываютъ многія черты, не смѣла выходить изъ его воли. Такъ напр., въ 1818 году она затруднялась, не узнавши воли и желанія отца, совершить крещеніе дочери, и писала супругу, бывшему тогда внѣ Россіи: «Ежели къ намъ скоро быть нечаете, то прошу, да изволите меня увѣдомить о крещеніи новорожденной нашей дочери (которой имя угодноль вашей милости?) или безъ васъ совершить, или обождать вашего счастливаго сюда прибытія, что дай Господь Богъ вскорѣ» (стр. 84). Петръ дѣлился съ женою, какъ съ своимъ истиннымъ другомъ, извѣстіями объ одержанныхъ побѣдахъ и посылалъ ей вѣдомости о сраженіяхъ и политическихъ дѣлахъ. Такъ въ іюлѣ 1719 г. онъ извѣщаетъ Екатерину о побѣдоносныхъ подвигахъ генерала Лесси надъ шведами (стр. 110): «Съ непріятелемъ былъ бой и помощію Божіею непріятеля побили и семь пушекъ взяли. А какъ былъ бой и какое потомъ оный генералъ разореніе непріятелю учинилъ, тому посылаю обстоятельную вѣдомость — съ его письма копію и симъ васъ поздравляемъ». Екатерина отвѣчала Петру: «Съ оною счастливою викторіею наипаче вашу милость поздравляю, желая сердечно дабы всемогущій Богъ по своей обыкновенной къ вамъ милости уже сей толь продолжительной войны благополучный конецъ учинить соизволилъ» (стр. 115). Здѣсь Екатерина выражаетъ не собственные взгляды и желанія относительно войны, а

подлаживается къ тогдашнему направленію Петра, очень желавшаго мира, но съ выгодою для Россіи. Вѣсти о побѣдахъ надъ непріятелемъ Россіи подавали поводы къ празднествамъ и пирушкамъ не только у Петра, но и у Екатерины, когда она находилась въ разлукѣ съ мужемъ. Въ 1719 году, Екатерина писала: «Для той прошлой викторіи и въ предбудущаго вашего счастья въ завтрашній день повеселимся» (стр. 108). Прилаживаясь къ образу выраженій Петра, Екатерина (стр. 109) пишетъ: «Паки поздравляю счастливою на морѣ прошлою викторіею, и за вашъ особливый въ то время трудъ отдали мы сей день Богу благодареніе, потомъ будемъ веселиться и Ивашка Хмѣльницкаго не оставимъ». Не разъ въ перепискѣ супруговъ со стороны обоихъ встрѣчается шутливый тонъ или корцвейльвортъ, какъ говорили въ то время. Въ 1716 году, когда Петръ пытался устроить союзъ съ Даніею, Англіею и нѣмецкими государствами противъ Швеціи, желая выразить мысль, что предпріятіе не удается, Петръ пишетъ Екатеринѣ: «О здѣшнемъ объявляемъ, что болтаемся туне; ибо что молодыя лошади въ каретѣ, такъ наши соединенныя, а наипаче коренныя, сволóчь хотятъ да коренныя не думаютъ: чего для я намѣренъ скоро отсель къ вамъ быть» (стр. 49). Въ 1719 г. онъ писалъ: «Вчерась каково письмо получилъ отъ господина адмирала, экстрактъ выписавъ посылаю при семъ, изъ котораго увидите, что вышереченный господинъ адміралъ нашъ едва не всю Швецію растлилъ своимъ велимъ спирономъ» (стр. 113). Въ томъ же году, Екатерина, извѣщая мужа о нечаянной сторти какого-то француза-садовника, выражалась такъ: «Который ѳранцузъ дѣлалъ новые цвѣтники, шелъ онъ бѣдненькій ночью чрез каналъ, сшолся съ нимъ напротивъ Ивашка Хмельницкій и, какимъ-то побытомъ съ мосту столкнувъ, послалъ на тотъ

свѣтъ дѣлать цвѣтниковъ» (стр. 96). Въ 1720 году, Екатерина писала Петру о какомъ-то Львѣ, который привезъ ей письмо отъ государя: «Сей не левъ, но отъ дорогого льва шелудивая кошка письмо привезла, что мнѣ угодно» (стр. 123). Въ своихъ письмахъ Петръ называлъ себя старикомъ. По этому поводу Екатерина въ письмѣ къ мужу говоритъ: «Напрасно затѣяно, что старикъ, ибо могу поставить свидѣтелей старыхъ посестрей, а надѣюсь, что и вновь къ такому дорогому старику съ охотою сыщутся» (стр. 97). Здѣсь Екатерина дѣлаетъ намекъ на разныхъ тѣхъ женщинъ, съ которыми Петръ случайно заводилъ мимолетныя связи. Въ этомъ отношеніи между супругами замѣтно что-то даже циническое. Въ 1717 году, изъ Спа, гдѣ Петръ пользовался цѣлебными водами, онъ писалъ Екатеринѣ: «Понеже во время питія водъ домашней забавы дохтуры употреблять запрещаютъ, того ради я метресу свою отпустилъ къ вамъ, ибо не могъ бы удержаться, ежелибъ при мнѣ была» (стр. 70), Екатерина отвѣчала ему (стр. 166): «Что вы изволите писать, что вы матресишку свою отпустили сюда для своего воздержанія, что при водахъ невозможно съ нею веселиться и тому я вѣрю, однакожь больше мню, что вы оную изволили отпустить за ея болѣзнью, въ которой она и нынѣ пребываетъ и для леченья изволила поѣхать въ Гагу, и не желала бъ я (отъ чего Боже сохрани), чтобъ и галанъ [1]) той метресишки такой здоровъ пріѣхалъ, какова она пріѣхала [2]). А что въ другомъ своемъ писаніи изволите поздравлять именинами старика и шишечкиными [3]) и я чаю, что ежелибъ сей старикъ былъ

[1]) Любовникъ.

[2]) Разумѣетъ самого Петра.

[3]) То есть днемъ тезоименитства Петра и сына его Петра Петровича.

здѣсь, тобъ и другая шишечка на будущій годъ поспѣла!» Здѣсь Екатерина хочетъ сказать, что если бы она постоянно была съ мужемъ, то сдѣлалась бы скоро беременною и могла бы на слѣдующій годъ родить другого ребенка. И это говорится тотчасъ послѣ рѣчи о «метресишкѣ!»

Такого рода «корцвейльворты» въ перепискѣ Петра съ Екатериною объясняютъ многое въ характерахъ обоихъ и, вмѣстѣ съ другими чертами, содѣйствуютъ къ рѣшенію вопроса: что могло Петра привязать къ этой женщинѣ до такой степени?

Петръ съ отроческихъ лѣтъ пріучился не стѣснять своихъ желаній и поступковъ ни для кого и ни въ чемъ; отъ этого-то, вѣроятно, онъ и не могъ ужиться съ первою супругою, Евдокіею. И со всякою иною супругою, кромѣ Екатерины, не могъ бы онъ ужиться. Будь этою супругою дочь какого-нибудь иноземнаго государя или принца, не рѣшился бы онъ посылать къ ней свою «метресишку»; будь этою второю супругою дочь какого-нибудь русскаго боярина или дворянина — и та не отнеслась бы къ подобнымъ выходкамъ своего мужа съ корцвейльвортами: пусть этотъ мужъ будетъ ей царь и господинъ, но всетаки вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ бы ей законный мужъ, имѣющій по отношенію къ ней обязанности, налагаемыя на него не мірскими законами, зависящими отъ воли царя, а уставами православной церкви, которая для русскаго сердца и ума издавна была выше всѣхъ земныхъ властей. Только такая круглая сирота-иноземка, какъ Екатерина, бывшая служанка, потомъ жалкая плѣнница, обязанная по своему званію безропотно повиноваться всякому господину, имѣвшему право какъ вещь передать ее другому, — только такая женщина и годилась быть женою человѣка, который, не обращая ни на кого вни-

манія, считалъ себѣ дозволительнымъ дѣлать все, что ему ни придетъ въ голову, и развлекаться всѣмъ, къ чему не повлекла бы его необузданная чувственность. Петръ не только не терпѣлъ противорѣчія себѣ, онъ не выносилъ даже сдержаннаго, не высказываемаго прямо неодобренія своихъ поступковъ. Петръ хотѣлъ, чтобы всѣ около него признавали хорошимъ все, что онъ ни дѣлаетъ. Такъ и Екатерина относилась къ Петру. Это была ея первая добродѣтель. Кромѣ такой добродѣтели, Екатерина обладала еще другою. Не рѣдко, подвергаясь гнѣву, Петръ приходилъ въ умоизступленіе: все бѣжало отъ него, какъ отъ свирѣпаго дикаго звѣря; но Екатерина, по врожденной женской способности, сумѣла подмѣтить и усвоить такіе пріемы обращенія съ мужемъ, которыми было возможно успокоить его свирѣпость. Современникъ Бассевичъ разсказываетъ, что въ такія минуты одна Екатерина могла приступить къ нему безъ боязни: одинъ звукъ ея голоса успокоивалъ Петра; она сажала его, брала за голову, лаская почесывала, и тѣмъ наводила на него успокоительный сонъ. Иногда два или три часа онъ покоился такимъ образомъ у нея на груди и просыпался свѣжимъ и бодрымъ: безъ этого, его раздраженіе влекло за собою сильную головную боль. Когда ей нѣсколько разъ удалось это средство, Екатерина стала для Петра необходимымъ существомъ; какъ только приближенные къ царю замѣчали въ его лицѣ судорожныя движенія рта — предвѣстники припадковъ свирѣпости, тотчасъ звали Екатерину: въ ней словно было что-то магнетическое, исцѣляющее. Пользуясь такимъ значеніемъ для супруга, ей, казалось, легко было стать ангеломъ-хранителемъ многихъ, заступницею несчастныхъ, постигнутыхъ царскимъ гнѣвомъ; но Екатерина, отъ природы одаренная большимъ женскимъ тактомъ, не зло-

употребляла своимъ свойствомъ и дозволяла себѣ обращаться къ Петру съ заступничествами только тогда, когда замѣчала, что ея заступничество не только не будетъ отвергнуто, но само по себѣ царю понравится. Да и тутъ случалось, что Екатерина, при всемъ своемъ житейскомъ благоразуміи, ошибалась. И въ такомъ случаѣ, получивши отказъ, она не смѣла повторять своей просьбы и не давала супругу замѣтить своего неудовольствія тѣмъ, что Петръ не такъ поступилъ, какъ бы ей хотѣлось; напротивъ, спѣшила выказать полное равнодушіе къ судьбѣ виновнаго, за котораго пыталась просить, и признавала безусловно правымъ судъ государя. Изъ дошедшей до насъ и изданной въ печати переписки царственныхъ супруговъ видно, что Екатерина старалась думать обо всемъ, какъ думалъ Петръ, интересоваться тѣмъ, чѣмъ интересовался Петръ, любить то, что онъ любилъ, шутить надъ тѣмъ, надъ чѣмъ онъ шутилъ, и ненавидѣть то, что онъ ненавидѣлъ. У Екатерины не осталось самобытной личности: до такой степени она подчинила себя во всемъ волѣ Петра. Государь, однако, обращается съ нею не такъ какъ деспотъ съ рабою, а какъ властитель съ своимъ лучшимъ, вѣрнѣйшимъ другомъ. Судя по письмамъ его, онъ считалъ ее правоспособною быть ему совѣтницею въ дѣлахъ не только домашнихъ, но и общественныхъ и политическихъ: онъ извѣщаетъ ее о разныхъ политическихъ событіяхъ и предположеніяхъ, которыя занимали его, посылаетъ ей описанія сраженій. Екатерина и въ этой сферѣ вела себя съ замѣчательнымъ тактомъ и сдержанностію: она заявляла радость объ успѣхахъ русскаго оружія, о подвигахъ новосозданнаго Петромъ флота, о всемъ, что вело къ умноженію славы и пользы Россіи, но не пускалась въ совѣты и разсужденія, даже и въ дѣлахъ домашнихъ, которыя, по

самому существу своему, принадлежали женщинѣ, болѣе чѣмъ другія дѣла. Екатерина всегда испрашивала приказанія Петра и во всемъ отдавалась на его волю. Эта сдержанность нравилась Петру и чѣмъ скромнѣе вела себя въ этомъ отношеніи Екатерина, тѣмъ болѣе почиталъ онъ ее достойною быть его товарищемъ во всемъ. Такія натуры, какъ Петръ, любятъ обращаться къ совѣтникамъ, но эти совѣтники тѣмъ болѣе нравятся и кажутся достойными, чѣмъ менѣе высказываютъ свои собственныя мнѣнія, а только благоговѣйно соглашаются съ тѣмъ, что имъ сообщено. Петръ и въ этомъ отношеніи нашелъ въ Екатеринѣ истинный идеалъ жены для себя. За то и онъ, кромѣ нѣжнѣйшей супружеской любви, проявлялъ къ ней вниманіе, желая увѣковѣчить ея имя въ потомствѣ: такъ онъ учредилъ орденъ св. Екатерины въ память услугъ, оказанныхъ любимою супругою во время Прутскаго похода; устроилъ въ Петербургѣ и Ревелѣ увеселительные сады (Екатериненгофъ и Катариненталь), именемъ ея назвалъ шестидесятипушечный корабль, учредилъ для ея особы (въ 1724 г.) кавалергардскую роту и наконецъ съ большимъ почетомъ [illegible]-ствомъ возложилъ на нее императорскую корону.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ турецкой войны и Прутской катастрофы, Екатерина родила Петру сына, царевича Петра Петровича, дорогаго «шишечку», какъ называли его родители. Это событіе тѣснѣе привязало другъ къ другу супруговъ. У Петра отъ Екатерины были въ живыхъ только дочери; дѣти мужескаго пола хотя рождались, но умирали въ младенчествѣ. Сынъ ненавистной Петру первой жены его, Евдокіи Лопухиной, царевичъ Алексѣй, вовсе не раздѣлявшій ни стремленій, ни вкусовъ Петра, оставался законнымъ наслѣдникомъ, долженствовавшимъ занять престолъ послѣ отцовской кончины.

Петру хотѣлось вмѣсто него дать наслѣдство дорогому «шишечкѣ». Мы не станемъ здѣсь не только повторять, но и припоминать трагическихъ событій погибели несчастнаго царевича, описанныхъ нами въ предъидущей статьѣ: «Царевичъ Алексѣй Петровичъ». Желаніе государя доставить послѣ себя русскій престолъ «шишечкѣ» совпадало съ неспособностію Алексѣя быть преемникомъ Петра, какъ преобразователя Россіи; эту неспособность сознавалъ отецъ, и нельзя было не сознавать ее такому великому уму. Какую же роль играла тутъ Екатерина?

Безхарактерный, ничтожный царевичъ, убѣжавши отъ отца въ Вѣну, въ разговорѣ съ имперскимъ канцлеромъ указывалъ на Екатерину, какъ на главную враждебную себѣ личность и приписывалъ злому вліянію мачихи нерасположеніе къ себѣ родителя; но этотъ же царевичъ, по пріѣздѣ въ отечество, валялся въ ногахъ этой мачихи и умолялъ ее о заступничествѣ передъ раздраженнымъ родителемъ. Неизвѣстно намъ съ ея стороны ни малѣйшей черты, по которой мы могли бы сдѣлать какое-нибудь заключеніе: какъ именно держала себя Екатерина въ то время, когда вся эта трагедія происходила передъ ея глазами? Заявлено ли было ею какое-нибудь ходатайство передъ Петромъ за царевича, или за кого-нибудь изъ многихъ, пострадавшихъ по его дѣлу? Нѣтъ нигдѣ о томъ ни слѣда. Но правду надобно сказать: не видно, чтобъ Екатерина оказывала на Петра и вліяніе противное, усиливавшее его жестокость въ этомъ дѣлѣ. Съ своимъ житейскимъ тактомъ, пріучивши себя не вмѣшиваться въ такія дѣла, гдѣ ея голосъ не могъ имѣть вѣса, Екатерина и здѣсь благоразумно устранилась и держала себя такъ, что ея особы вовсе не видно во всемъ этомъ плачевномъ дѣлѣ. Царевича не стало. Много крови было за него пролито; много выставилось на кольяхъ русскихъ

головъ; — все это клонилось къ тому, чтобы дорогой «шишечка» былъ преемникомъ Петра I на россійскомъ престолѣ. И Петръ Петровичъ, сынъ Екатерины, явился въ глазахъ цѣлаго міра единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ: послѣ кончины Алексѣя, никто, казалось, въ свѣтѣ не могъ оспаривать его права. Какъ не быть этимъ въ душѣ довольною Екатеринѣ? Ея потомство оставалось въ выигрышѣ отъ смерти Алексѣя. Это-то обстоятельство невольно возбуждаетъ подозрѣніе, что Екатерина была довольна трагическою судьбою пасынка и устраненіемъ отъ престолопреемничества сына послѣдняго. Но нѣтъ ни малѣйшаго историческаго свидѣтельства, которое бы могло подтвердить подобное подозрѣніе.

Но «шишечка» отправился на тотъ свѣтъ 25 апрѣля 1718 г. У покойнаго царевича Алексѣя оставалось двое дѣтей: мальчикъ Петръ и дѣвочка Наталья. Мальчикъ теперь дѣлался законнымъ наслѣдникомъ. Уже по всей Россіи шопотомъ говорили объ этомъ, видѣли въ смерти царевича Петра Петровича Божіе правосудіе, карающее царя и все его семейство за смерть невиннаго сына первенца и возвращающее законное наслѣдіе тому младенцу, которому оно принадлежало по рожденію.

Говорятъ, самъ Петръ колебался. Смерть Алексѣя не осталась безъ слѣдовъ на его совѣсти, которой голоса невозможно было усыпить ни кипучею дѣятельностію въ работахъ по государственному строю, ни шумными оргіями всепьянѣйшаго собора. По временамъ государь становился угрюмъ, задумчивъ. Екатеринѣ, хотя бы она была совершенно неповинною въ смерти Алексѣя Петровича, должна была отзываться постоянною тягостію на сердцѣ мысль, что по кончинѣ ея супруга могутъ провозгласить государемъ такого ребенка, которому воспитатели съ дѣтства внушатъ, что врагомъ его родителя

была мачиха послѣдняго. Петръ 5 февраля 1722 г. сдѣлалъ еще шагъ, хотя нѣсколько ограждавшій Екатерину отъ этой угрожающей опасности. Петръ издалъ законъ о престолонаслѣдіи, по которому опредѣлилъ право царствующаго государя назначать себѣ преемника, руководствуясь своею личною волею. При такомъ законѣ, дѣти Алексѣя Петровича не имѣли уже права на престолъ по своему первородству. Екатерина была еще молода и могла произвести на свѣтъ ребенка мужескаго пола, которому Петръ могъ передать свой престолъ, по завѣщанію, а если бы Екатерина и не родила сына, все-таки въ волѣ Петра оставалось устроить послѣ себя такой порядокъ вещей, при которомъ его вдовѣ не угрожало бы опасности.

Наступила персидская война. Петръ самъ лично отправился въ походъ и взялъ съ собой Екатерину, точно такъ, какъ бралъ ее во время турецкой войны. Но въ персидскую войну ничего не представилось такого, чтобъ можно было указать на подвигъ Екатерины, какъ послѣ Прутскаго дѣла; по крайней мѣрѣ Екатерина и теперь являлась участницею военныхъ трудовъ своего супруга.

По возвращеніи изъ экспедиціи, Петръ вознамѣрился вознесть свою супругу на степень самаго крайняго почета: короновать ее императорскою короною и совершить самый обрядъ коронованія въ первопрестольной столицѣ Россіи. Манифестъ, извѣщавшій народъ о царскомъ намѣреніи, былъ опубликованъ 15 ноября 1723 г.: въ этомъ манифестѣ государь оповѣщалъ всѣхъ своихъ подданныхъ, что любезнѣйшая супруга его государыня Екатерина Алексѣевна «во всѣхъ его трудахъ помощница была и во многихъ воинскихъ дѣйствіяхъ, отложа женскую немочь, волею съ нимъ присутствовала, и елико возможно вспомогала, а наипаче въ Прутской кампаніи

съ турки, почитай отчаянномъ времени, какъ мужески, а не женски поступала, о томъ вѣдомо всей арміи, а отъ нея несомнѣнно и всему государству». За такія важныя услуги, оказанныя царицею, государь «по данному ему отъ Бога самовластію», въ благодарность, вознамѣрился увѣнчать ее императорскою короною. Время торжества коронаціи назначено было заранѣе на май 1724 года; къ этому торжеству Петръ пригласилъ всѣхъ членовъ августѣйшаго дома и даже выбывшихъ изъ него чрезъ замужество съ иноземными принцами племянницъ своихъ, дочерей брата Петрова, Мекленбургскую Екатерину и Курляндскую Анну, будущую русскую государыню. Не приглашены были только малолѣтнія дѣти царевича Алексѣя. За то всѣ, бывшіе тогда въ Россіи, иностранные представители дворовъ приглашены были къ торжеству, и одинъ изъ такихъ господъ, министръ гольштинскаго герцога, ухажившаго тогда за дочерью Петра, Бассевичъ сообщаетъ объ очень важномъ происшествіи. «Петръ» — говоритъ Бассевичъ — «имѣлъ обыкновеніе съ своими довѣренными вельможами посѣщать знатнѣйшихъ иноземныхъ негоціантовъ, и къ одному такому негоціанту, происхожденіемъ англичанину, пріѣхалъ онъ наканунѣ торжества коронаціи. Въ числѣ гостей, бывшихъ тогда съ царемъ у негоціанта, находилось два архіерея: новгородскій архіепископъ Ѳеодосій Яновскій и псковской епископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Первый былъ давнишній любимецъ царя, уже нѣсколько въ послѣднее время утрачивавшій царское довѣріе, втораго Петръ все болѣе и болѣе узнавалъ, приближалъ къ себѣ и оцѣнивалъ за необыкновенный умъ и разностороннее образованіе. Былъ тамъ же и великій канцлеръ Головкинъ. «Назначенная на завтра коронація — говорилъ государь — имѣетъ болѣе важное значеніе, чѣмъ сколько думаютъ. Я вѣнчаю Ека-

терину императорскою короною для того, чтобъ сообщить ей право на управленіе государствомъ послѣ себя. Она спасла имперію, которая чуть было не стала добычею турокъ на берегахъ Прута, и потому она достойна царствовать послѣ меня. Я надѣюсь, что она сохранитъ всѣ мои учрежденія и сдѣлаетъ государство счастливымъ». Никто не посмѣлъ возражать Петру, и безмолвіе собесѣдниковъ признано было тогда знакомъ всеобщаго одобренія государевыхъ словъ.

Готовя супругѣ блестящее торжество, Петръ учредилъ особый отрядъ тѣлохранителей; — то была рота кавалергардовъ, состоявшая на первый разъ изъ шестидесяти дворянъ. Капитаномъ этой роты былъ самъ государь, а капитанъ-лейтенантомъ Петръ назначилъ Ягужинскаго, генералъ-лейтенанта и генералъ-прокурора; государь пожаловалъ ему передъ тѣмъ орденъ св. Андрея Первозваннаго. Эта рота на первый разъ должна была сопровождать Екатерину въ день коронаціи.

Трое сутокъ передъ торжествомъ Екатерина соблюдала строгій постъ и пребывала въ молитвѣ. Дѣло было въ Москвѣ, и нужно было, чтобъ русскій народъ вѣрилъ въ преданность къ православію той особы, которая какъ бы получала право царствовать и управлять государствомъ самодержавно. Обрядъ коронованія совершился 7 мая въ Успенскомъ соборѣ съ тѣми церемоніями, какія предписывались по церковному чину при царскихъ вѣнчаніяхъ. Екатерина при звонѣ колоколовъ шествовала изъ дворца, одѣтая въ богатое платье, нарочно для этого дня заказанное въ Парижѣ. Ее велъ подъ руку Гольштинскій герцогъ; за нею, одѣтый въ голубомъ кафтанѣ, вышитомъ руками супруги, шелъ Петръ, вмѣстѣ съ Меншиковымъ и кн. Репнинымъ; кавалергарды провожали высокихъ особъ. Видѣвшіе тогда Екатерину замѣтили

что у ней на глазахъ выступали слезы. Понятно, что она должна была переживать минуты сильныхъ внутреннихъ ощущеній; въ ея воспоминаніи долженъ былъ развертываться длинный рядъ прежнихъ событій ея странной жизни, начиная отъ невеселыхъ дней сиротства и бѣдности и упираясь въ свѣтлыя минуты торжества и величія. Въ Успенскомъ соборѣ самъ Петръ возложилъ на Екатерину корону, а потомъ, взявши отъ новгородскаго архіепископа государственное яблоко или державу, вручилъ его Екатеринѣ. Государь во все продолженіе церемоніи держалъ въ одной рукѣ скипетръ. Послѣ коронаціи совершено было надъ Екатериною мѵропомазаніе на царство, а по окончаніи литургіи она, при звонѣ колоколовъ, шествовала изъ Успенскаго собора въ Архангельскій соборъ и Вознесенскій монастырь, поклониться праху старыхъ русскихъ царей и царицъ. Такъ слѣдовало по древнему чину царскаго вѣнчанія.

Обѣдъ въ этотъ день устроенъ былъ въ Грановитой палатѣ. Государь съ новокоронованною императрицею долженъ былъ сидѣть за особымъ столомъ отъ всѣхъ другихъ участниковъ пира. Передъ дворцомъ устроены были искусственные фонтаны, извергавшіе бѣлое и красное вино, и разставлены жареные быки, начиненные внутри разною птицею. То было угощеніе народу. Государь за обѣдомъ не вынесъ долговременнаго сидѣнья напоказъ гостямъ, вскочилъ отъ своего стола, пошелъ къ окну и сталъ наблюдать за движеніемъ народной толпы. Къ государю стали присоединяться вельможи. Петръ, стоя у окна, говорилъ съ полчаса, потомъ, замѣтивши, что обѣдъ останавливается, а между тѣмъ подаютъ другую перемѣну блюдъ, сказалъ: «ступайте, садитесь и смѣйтесь надъ своими государями!» Это было сказано въ смыслѣ остроты надъ пошлостію общепринятого

тыхъ придворныхъ пріемовъ, требовавшихъ соблюденія церемоній, которыя подъ видомъ почестей только стѣсняютъ высокихъ особъ.

На другой день послѣ коронаціи, Екатерина принимала поздравленія. Самъ Петръ въ званіи генерала и адмирала поздравлялъ ее. По его желанію, не онъ, а она, императрица, пожаловала графское достоинство Петру Толстому. Разсказываютъ, что въ это время Екатерина, думая, что теперь Петръ ни въ какой просьбѣ ей не откажетъ, ходатайствовала о помилованіи осужденнаго и находившагося въ ссылкѣ въ Новгородѣ Шафирова. Петръ не только не исполнилъ ея желанія, но сказалъ, чтобъ ему не напоминали объ этомъ человѣкѣ. Ничто не въ силахъ было подѣйствовать на его сердце, когда оно было противъ кого-нибудь раздражено.

Восемь дней ликовала Москва по поводу вѣнчанія на царство Екатерины. Много было втайнѣ недовольныхъ поступкомъ Петра, соблазняясь низкимъ происхожденіемъ Екатерины; однако слишкомъ вѣдома была на Руси грозная неумолимая «бѣдность», какъ называли Преображенскій приказъ, и всѣ боялись навести на себя подозрѣніе въ томъ, что не одобряли поступковъ государя. Всѣ, однако, были убѣждены, что коронованіемъ Екатерины Петръ хочетъ показать свое желаніе оставить ее послѣ себя русскою государынею и самодержицею. Вѣнчаніе на царство женщины было новымъ, необычнымъ явленіемъ, какъ и царствованіе женщины безъ мужа. Предшествовавшая русская исторія могла представить одинъ только случай такой коронаціи — это коронованіе Маріи Мнишекъ, устроенное названнымъ Дмитріемъ передъ своимъ бракомъ съ нею. Но примѣръ этотъ не могъ служить образцомъ, такъ какъ ни Марина, ни Дмитрій не считены были впослѣдствіи имѣвшими право на пре-

столъ. Иностранцы, бывшіе въ Россіи во время коронованія Екатерины, видѣли въ этомъ поступкѣ Петра прямое намѣреніе дать своей супругѣ право быть его преемницею на престолѣ.

Въ 1724 г., въ ноябрѣ, случилось событіе, разсказываемое иностранцами въ такомъ смыслѣ, какъ будто между царственными супругами готовъ былъ возникнуть разладъ. Былъ у Екатерины правитель канцеляріи, завѣдывавшій дѣлами по имѣніямъ императрицы, Вильямъ Монсъ, родной братъ Анны Монсъ, бывшей когда-то любовницею Петра. Говорятъ, Петръ приревновалъ его къ своей супругѣ, но, не давая никому видѣть настоящаго повода нерасположенія къ этому человѣку, придрался къ нему за злоупотребленія по управленію дѣлами государыни и осудилъ его на смерть. Екатерина попыталась было просить помилованія осужденному, но Петръ пришелъ въ такую ярость, что разбилъ въ дребезги богатое зеркало и сказалъ: «Эта вещь составляла лучшее украшеніе моего дворца, а я вотъ захотѣлъ и уничтожилъ ее!» Этими словами Петръ хотѣлъ сдѣлать намекъ на судьбу самой Екатерины; она должна была понять, что Петръ, вознесшій ее на высоту, можетъ и свергнуть ее съ этой высоты и поступить съ нею подобно тому, какъ поступилъ бы съ драгоцѣннымъ зеркаломъ. Привыкнувъ издавна къ такимъ выходкамъ досады, Екатерина съ обычнымъ спокойствіемъ, которое считала умѣстнымъ сохранять въ подобныя минуты, кротко сказала: «Развѣ дворецъ вашъ лучше сталъ отъ этого?» Монса казнили; голову казненнаго выставили публикѣ напоказъ на вершинѣ столба. Тогда Петръ вмѣстѣ съ Екатериною проѣхалъ въ коляскѣ мимо этого столба, наблюдая, какого рода душевное движеніе покажется на лицѣ его супруги. Екатерина, всегда умѣвшая владѣть собою, не измѣнила

своему спокойствію и сказала: «Какъ грустно, что у придворныхъ можетъ быть столько испорченности!» Такъ разсказываютъ иностранцы (см. у Лефорта: «Рус. Истор. Общ. Сборн.», т. III. 387).

Для насъ собственно эта трагедія остается неясною.

По нѣкоторымъ признакамъ можно догадываться, что Петру вступала въ сердце ревность по поводу расположенія и довѣрія Екатерины къ Монсу, но рѣшить этого невозможно. Изъ дѣла, произведеннаго надъ Монсомъ, видно только, что онъ дѣйствительно былъ обличенъ во взяточничествѣ и разныхъ злоупотребленіяхъ; пользуясь милостями Екатерины и самого Петра, онъ зазнался, какъ зазнавались многіе временщики, и когда открылись всѣ его беззаконныя продѣлки, понятно, что Петръ былъ сильно раздраженъ противъ него; недаромъ государь всю жизнь свою преслѣдовалъ взаточниковъ и казнокрадовъ: такимъ раздраженіемъ можетъ объясниться и сцена съ зеркаломъ, если она только въ самомъ дѣлѣ происходила. Во всякомъ случаѣ, если къ озлобленію за злоупотребленія примѣшивалась у Петра и тайная ревность то едва ли возможно допустить, чтобъ Екатерина своимъ короткимъ обращеніемъ съ Монсомъ подала поводъ къ такой ревности. Допустимъ даже, что Екатерина не питала къ мужу столько любви, чтобъ такая любовь могла удерживать въ ней вѣрность къ супругу; но то несомнѣнно, что Екатерина была очень благоразумна и должна была понимать, что отъ такого человѣка, каковъ былъ Петръ, невозможно, какъ говорится, утаить шила въ мѣшкѣ и провести его такъ, чтобъ онъ спокойно вѣрилъ въ любовь женщины, которая будетъ его обманывать. Наконецъ, и собственная безопасность должна была руководить поведеніемъ Екатерины: еслибъ жена Петра позволила себѣ преступныя шалости, то ей

пришлось бы очень нездорово, когда бы такой супругъ узналъ объ этомъ. До какой степени взыскателенъ былъ въ подобныхъ вопросахъ Петръ, показывалъ примѣръ Евдокіи и Глѣбова. На Евдокію Петръ не имѣлъ никакого права, послѣ того какъ самъ отвергъ ее, и много лѣтъ прошло послѣ разлуки съ мужемъ, когда она сошлась съ Глѣбовымъ; между тѣмъ, когда Петръ узналъ, что у нихъ между собою была любовная связь, то не простилъ имъ обоимъ. Можно изъ этого заключить, что бы ожидало Екатерину, еслибъ за нею открылась измѣна мужу, съ которымъ она жила и которому рождала дѣтей. Поэтому догадки и подозрѣнія иностранцевъ на счетъ отношеній Екатерины къ Монсу не имѣютъ основаній. По крайней мѣрѣ добрыя отношенія государя къ своей супругѣ и вліятельное положеніе императрицы при дворѣ продолжали высказываться до самой кончины Петра. Екатерина помирила вдову царя Ивана Алексѣевича царицу Прасковью съ ея дочерью Анною, и только по ходатайству Екатерины мать изрекла дочери прощенье: такъ высоко цѣнилась въ царскомъ семействѣ личность Екатерины! Въ ноябрѣ 1724 г., уже послѣ казни Монса, совершилось обрученіе герцога Голштинскаго съ дочерью Петра и Екатерины, Анною: это сдѣлалось по настоянію Екатерины, которая давно уже оказывала расположеніе къ герцогу, но Петръ медлилъ дать свое рѣшительное согласіе на этотъ бракъ по тогдашнимъ политическимъ соображеніямъ. Наконецъ, если Петръ не исполнилъ просьбы Екатерины о помилованіи Монса, то оказывалъ милости къ другимъ по ея заступничеству. Такъ онъ возвратилъ свое благоволеніе Меншикову и кабинетъ-секретарю своему Макарову, на которыхъ былъ гнѣвенъ. Съ другой стороны надобно замѣтить, что и прежде исторіи съ Монсомъ не всегда Петръ оказывалъ милость

осужденнымъ, когда за нихъ просила Екатерина: такъ, мы видѣли, что онъ не простилъ, по ея просьбѣ, Шафирова, даже въ такія минуты, когда наиболѣе оказывалъ свое расположеніе и уваженіе къ супругѣ. Бывшій при русскомъ дворѣ посланникъ польскаго короля Августа II, Лефортъ, сообщаетъ, разумѣется по слухамъ, что въ декабрѣ 1724 г. у Петра съ Екатериною возникла какая-то размолвка, и 16 числа декабря Екатерина просила у Петра въ чемъ-то прощенія; супруги объяснялись между собою въ теченіе трехъ часовъ, послѣ чего между ними возстановилось полное согласіе. Если это не праздное произведеніе молвы, часто выдумывающей небылицы про высокопоставленныхъ особъ, то все-таки едва ли разсказываемое о происходившемъ между супругами могло быть послѣдствіемъ исторіи съ Монсомъ, такъ какъ послѣ казни Монса прошло тогда уже болѣе мѣсяца и супруги въ это время находились между собою въ дружелюбныхъ отношеніяхъ.

Наступило, наконецъ, событіе самое роковое, самое потрясающее въ жизни Екатерины. Петръ заболѣлъ смертельно. Признаки недуга чувствовались у него давно, но обнаружились съ неудержимою силою въ январѣ 1725 года. Признаками этого болѣзненнаго состоянія было задержаніе мочи. Докторъ Блюментростъ, лечившій государя, принялъ эти признаки за болѣзнь мочеваго пузыря и думалъ, что у государя образуется каменная болѣзнь. Петръ не терпѣлъ леченья, когда нужно было соблюдать докторскія предписанія, и плохо соблюдалъ ихъ. Уже чувствуя себя больнымъ, 3 января 1725 г. Петръ производилъ выборъ новаго «князя-папы» своего всешутѣйскаго и всепьянѣйшаго собора и вмѣстѣ съ членами этого шутовскаго собора неумѣренно пилъ и дурачился по своему обычаю. Это повредило его здоровью. Въ половинѣ января

усилившіяся боли принудили его позвать на совѣтъ еще другихъ врачей. Одинъ изъ этихъ врачей, итальянецъ Лазарити, освидѣтельствовавши императора, находилъ, что болѣзнь Петра происходитъ отъ внутренней язвины, образовавшейся у шейки мочеваго канала, и накопившаяся тамъ липкая матерія, мѣшаетъ проходу урины. Лазарити совѣтовалъ прежде выпустить накопившуюся мочу, а потомъ лечить язвину. Блюментросту было досадно, что не онъ, а другой напалъ на такое открытіе; онъ воспротивился и продолжалъ лечить государя по-своему, пока страданія больнаго дошли до такой степени, что онъ страшно кричалъ отъ боли, и не только по всему дворцу раздавался его болѣзненный крикъ, но слышимъ былъ за наружными стѣнами дворца. Петръ, обращаясь къ окружавшимъ его, говорилъ: «Познавайте изъ меня, какое жалкое животное человѣкъ!» Екатерина ни на минуту не оставляла своего супруга. 22-го января Петръ пожелалъ, чтобъ вблизи его спальни устроили подвижную церковь и совершили богослуженіе. Послѣ того государь исповѣдывался и причастился св. таинъ.

Снова потомъ сошлись врачи. Лазарити попрежнему настаивалъ, что слѣдуетъ искусственно выпустить мочу, а потомъ лечить язвину въ каналѣ. Блюментростъ на этотъ разъ долженъ былъ уступить ему, такъ какъ и другіе врачи присоединились къ итальянцу. Операція исполнена была на другой послѣ того день англійскимъ врачемъ Горномъ; государю тотчасъ стало легче; всѣ обрадовались. Вѣсть о такомъ облегченіи распространилась въ народѣ, который тогда сходился толпами въ церквахъ молиться о выздоровленіи государя. Докторъ Горнъ объявилъ окружающимъ, что у государя никакого камня въ пузырѣ нѣтъ и его страданія происходятъ отъ язвины, какъ догадывался Лазарити.

На слѣдующую ночь Петръ спалъ спокойно. Надежда на выздоровленіе возрастала. Но 26 января, во вторникъ, государь попросилъ ѣсть; ему дали овсяной кашицы, и едва онъ съѣлъ нѣсколько ложекъ, какъ съ нимъ сдѣлались судороги, за тѣмъ наступили лихорадочные припадки; врачи осмотрѣли болящаго и нашли, что нѣтъ болѣе спасенія: язвина въ мочевомъ каналѣ приняла гангренозное состояніе. Лазарити сообщилъ объ этомъ Толстому, Толстой Екатеринѣ. Надобно было подумать о государствѣ, пока Петръ былъ еще въ памяти. Къ Петру допущены были сенаторы и вельможи.

Не видно, чтобъ въ это время Петръ говорилъ съ ними о состояніи государства, въ какомъ оно должно было находиться на случай кончины государя. Но Петръ вспомнилъ тогда старинный обычай своихъ предковъ: когда ихъ поражала тяжкая болѣзнь и они чувствовали близость смерти, то спѣшили сдѣлать какое-нибудь доброе дѣло, чтобъ умилостивить Бога за грѣхи свои. И Петръ, отступавшій всю жизнь отъ привычекъ и обычаевъ отеческихъ, теперь хотѣлъ идти по слѣдамъ стариковъ: онъ указалъ освободить всѣхъ преступниковъ, осужденныхъ въ каторжную работу, исключая, однако, виноватыхъ въ смертоубійствѣ или осужденныхъ по первымъ двумъ пунктамъ: по преступленіямъ противъ религіи и верховной власти. Въ тотъ же день надъ болящимъ, послѣ полудня, архіереи, члены синода, совершили елеосвященіе.

Слѣдующую за тѣмъ ночь Петръ провелъ безпокойно. Съ нимъ дѣлался бредъ; онъ вскакивалъ съ постели, и его съ большимъ трудомъ удерживали.

27 января, Петръ повелѣлъ оказать милость преступникамъ, осужденнымъ по военному суду на смертную казнь или въ каторжную работу, кромѣ виновныхъ по первымъ двумъ пунктамъ и смертоубійцъ. Тогда же дано

было прощеніе дворянамъ, не явившимся на смотръ по царскому указу и по закону подлежавшимъ потерѣ движимаго и недвижимаго имущества. Помилованные государемъ должны были въ знакъ благодарности молиться Богу о его выздоровленіи. Въ этотъ день, въ концѣ втораго часа пополудни, Петръ изъявилъ намѣреніе выразить свою послѣднюю волю. Ему подали письменныя принадлежности. Петръ началъ писать, но не могъ: онъ написалъ какіе-то неразборчивые знаки, которые уже послѣ, по догадкамъ, толковали, что то были слова: «отдайте все»... Государь проговорилъ, чтобъ къ нему позвали цесаревну Анну Петровну, но когда она явилась къ отцу, послѣдній уже не въ силахъ былъ произнести ни одного слова (Зап. Бассевича «Рус. Арх.» 1865. 621).

По извѣстіямъ, сообщаемымъ иностранными посланниками, находившимися тогда въ Россіи, Лефортомъ и Кампредономъ, съ этой поры до самой смерти Петръ находился въ состояніи агоніи, безъ языка. Но Голиковъ, руководствуясь разсказомъ Θеофана Прокоповича, говоритъ, будто государь послѣ того слушалъ увѣщанія духовныхъ лицъ и произнесъ нѣсколько благочестивыхъ изреченій. Въ достовѣрности такого извѣстія можно сильно сомнѣваться: если бы государь былъ въ силахъ произнесть нѣсколько словъ архіереямъ, то могъ бы и выразить свою послѣднюю волю о престолонаслѣдіи. Съ большимъ вѣроятіемъ можно допустить другое извѣстіе, передаваемое тѣмъ же Голиковымъ. Уже ночью, когда Петръ видимо ослабѣвалъ, троицкій архимандритъ предложилъ ему еще разъ причаститься св. таинъ и, въ случаѣ согласія, просилъ его шевельнуть рукою. Петръ не въ силахъ былъ говорить, но съ трудомъ шевельнулъ рукою, и тогда его причастили св. таинъ. Тотчасъ послѣ того началась агонія.

Тверской архіепископъ Ѳеофилактъ Лопатинскій читалъ надъ нимъ отходную до тѣхъ поръ, пока у болящаго уже не оказалось признаковъ дыханія. Тогда Екатерина закрыла ему глаза и сама въ изнеможеніи упала на руки окружавшихъ постель усопшаго императора. Было пять часовъ съ четвертью пополуночи 28 января.

Въ то время какъ Петръ боролся со смертію, въ другихъ покояхъ дворца вельможи вели совѣщаніе о престолонаслѣдіи. Одни изъ нихъ тогда же ухватились за права великаго князя Петра, сына царевича Алексѣя Петровича; таковы были князья Голицыны, Долгорукіе, Репнины; другіе — въ челѣ ихъ Меншиковъ, генералъ-адмиралъ Апраксинъ, Толстой, Бутурлинъ — хотѣли возвести на престолъ Екатерину, основываясь на томъ, что самъ Петръ короновалъ ее, и указывали, что возведеніе великаго князя Петра, бывшаго еще малолѣтнымъ, можетъ отозваться недоразумѣніями и междоусобіями. Нѣкоторые изъ сторонниковъ великаго князя Петра пытались было согласить обѣ партіи и предлагали объявить императоромъ великаго князя Петра, а до совершеннолѣтія его вручить правленіе Екатеринѣ вмѣстѣ съ сенатомъ. Сторона, желавшая возведенія на престолъ Екатерины, безъ участія великаго князя Петра, взяла, наконецъ, верхъ чрезъ то, что Толстой и Бутурлинъ пригласили во дворецъ кружокъ гвардейскихъ офицеровъ, а за стѣнами дворца поставили оба гвардейскихъ полка съ готовностію употребить въ дѣло оружіе, если понадобится.

— Кто смѣлъ безъ моего вѣдома привести сюда войско? — говорилъ князь Репнинъ, президентъ воинской коллегіи.

— Я, — отвѣчалъ Бутурлинъ: — это сдѣлалъ я по повелѣнію императрицы. Всѣ обязаны ей повиноваться, не исключая и тебя!

У тѣхъ, которые были на сторонѣ великаго князя Петра, не доставало согласія; всѣ почти находились по разнымъ поводамъ въ непріязни другъ съ другомъ; многіе, сверхъ того, боялись, чтобъ имъ не откликнулся судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. Такимъ образомъ Репнинъ, не ладившій съ Голицыными, перешелъ на сторону Екатерины; присталъ туда же и канцлеръ Головкинъ. Позвали кабинетъ — секретаря Макарова; онъ при Петрѣ Великомъ долгое время вѣдалъ дѣла, непосредственно исходившія отъ государя.

— Нѣтъ ли какого завѣщанія или распоряженія покойнаго государя на счетъ преемства престола послѣ его кончины? — спросилъ Макарова генералъ-адмиралъ Апраксинъ.

— Ничего нѣтъ! — отвѣчалъ Макаровъ: — нѣсколько лѣтъ тому назадъ государь составилъ завѣщаніе, но уничтожилъ его передъ своею послѣднею поѣздкою въ Москву. Хотя онъ послѣ того и говорилъ о необходимости написать новое, но не приводилъ въ исполненіе этого намѣренія. Государь высказывалъ такую мысль: «если народъ, выведенный мною изъ невѣжественнаго состоянія и поставленный на степень могущества и славы, заявитъ себя неблагодарнымъ, то не поступитъ согласно моему завѣщанію, хотя бы оно было написано, и я не желаю подвергать моей послѣдней воли возможности оскорбленія; но если народъ будетъ чувствовать, чѣмъ обязанъ мнѣ за мои труды, то станетъ сообразоваться съ моими желаніями, а они были выражены съ такою торжественностію, какой нельзя было бы сообщить никакому писанному документу.

— Я прошу дозволить мнѣ сказать слово, — произнесъ тогда Ѳеофанъ Прокоповичъ, — и когда получилъ желаемое дозволеніе, началъ со свойственнымъ ему крас-

норѣчіемъ говорить о святости данной всѣми подданными присяги, въ 1722 году, признавать преемникомъ государю ту особу, которую онъ самъ назначитъ.

— Однако, — возразили ему: — покойный не оставилъ завѣщанія, по которому было бы можно указать на избранную имъ особу. Это обстоятельство можно скорѣе принять за признакъ нерѣшительности, и поэтому, при неимѣніи преемника, указаннаго прежнимъ императоромъ, вопросъ о престолонаслѣдіи должно рѣшить государство.

— Преемникомъ себѣ, — сказалъ Ѳеофанъ: — государь указалъ супругу свою, короновавъ ее самъ императорскою короною въ Москвѣ. Это коронованіе само по себѣ безъ всякаго другаго документа даетъ ей неоспоримое право на управленіе государствомъ.

На это возразили нѣкоторые: у другихъ народовъ супруги монарховъ коронуются вмѣстѣ съ ними, однако такая коронація не даетъ имъ права наслѣдовать престолъ послѣ кончины супруговъ.

Тогда кто-то изъ сторонниковъ Екатерины сказалъ: Покойный государь именно съ тою цѣлію и совершилъ эту коронацію, чтобъ указать въ Екатеринѣ себѣ преемницу на престолѣ. Еще до похода въ Персію, онъ объяснялъ свои виды четыремъ сенаторамъ и двумъ членамъ синода, которые и теперь находятся на совѣщаніи: онъ тогда говорилъ, что хотя въ Россіи нѣтъ обычая короновать царицъ, но необходимость требуетъ этого, чтобы престолъ послѣ его смерти не остался празднымъ и чрезъ то не возникло бы какого нибудь повода къ недоразумѣніямъ и смутамъ.

Ѳеофанъ съ своей стороны разсказалъ о рѣчи, которую произнесъ покойный государь передъ вѣнчаніемъ на царство Екатерины въ домѣ англійскаго негоціанта; по-

томъ архіерей обратился къ Головкину и другимъ лицамъ, которыя были вмѣстѣ съ государемъ у этого негоціанта, и спросилъ: помнятъ ли они эти слова покойнаго монарха?

Канцлеръ подтвердилъ слова Ѳеофана. Другіе также отвѣчали утвердительно.

Меншиковъ, которому въ его положеніи болѣе всѣхъ тогда хотѣлось, чтобъ на престолъ взошла Екатерина, съ жаромъ воскликнулъ:

— Какого же еще выраженія воли покойнаго монарха намъ добиваться? Свидѣтельство такихъ почтенныхъ особъ стоитъ всякаго завѣщанія. Если великій нашъ государь повѣрилъ свою волю правдивости знатнѣйшихъ своихъ подданныхъ, то не сообразоваться съ этимъ было бы съ нашей стороны преступленіемъ противъ ихъ чести и противъ самодержавной воли государя.

— Намъ, — сказали тогда другіе: — нечего толковать о томъ, кого избирать наслѣдникомъ престола: дѣло давно рѣшено, и мы сюда собрались не для избранія, а для декларации.

— Да, — сказалъ генералъ-адмиралъ Апраксинъ: — по силѣ коронаціи, совершенной въ Москвѣ въ 1724 году, сенату остается провозгласить Екатерину Алексѣевну императрицею и самодержицею всероссійскою, съ тѣми правами, какими пользовался ея покойный супругъ.

Въ такомъ смыслѣ составленъ былъ актъ и всѣ подписали его безъ возраженій. Потомъ отправились приглашать Екатерину.

Облитая слезами, вышла она изъ царской опочивальни въ сопровожденіи Голштинскаго герцога и обратилась съ трогательною рѣчью къ вельможамъ, говорила о своемъ сиротствѣ, вдовствѣ, поручала себя и все свое семейство покровительству сената и вельможъ, просила

ихъ быть милостивыми и къ Голштинскому герцогу, котораго покойникъ любилъ и назначилъ своимъ зятемъ. Въ отвѣтъ на такія слова Апраксинъ, ставъ на колѣни, поднесъ ей актъ о признаніи ея преемницею Петра. Раздались одобрительныя восклицанія въ залѣ.

— Любезновѣрные мои! — сказала Екатерина: — исполняя намѣреніе вѣчно-дорогаго моему сердцу въ Бозѣ почившаго супруга, я посвящу дни мои труднымъ заботамъ о благѣ государства, до тѣхъ поръ, пока Богъ не отзоветъ меня отъ этой земной жизни. Если великій князь Петръ Алексѣевичъ будетъ пользоваться моими совѣтами, то быть можетъ я буду имѣть въ моемъ печальномъ вдовствѣ то утѣшеніе, что приготовлю вамъ императора, достойнаго по крови и имени того, котораго вы только-что лишились.

Громогласное ура огласило залу; такіе же крики раздались и за стѣною дворца.

31 января, былъ изданъ отъ синода, сената и генералитета манифестъ, извѣщавшій всю Россію о кончинѣ ея государя, императора Петра, и обязывавшій всѣхъ подданныхъ Россійской имперіи присягать на вѣрность императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, такъ какъ уже вся Россія въ 1722 присягнула соблюдать законъ о признаніи наслѣдникомъ престола то лицо, которое изберетъ послѣдній государь, а въ 1724 году самъ Петръ въ Москвѣ короновалъ императорскою короною свою супругу и тѣмъ самымъ указалъ въ ней ту особу, которую пожелалъ назначить послѣ себя преемницею.

Весь Петербургъ присягнулъ новой государынѣ безъ малѣйшихъ признаковъ ропота или недовольства. Когда начали приводить къ присягѣ народъ въ Москвѣ, оказались небольшія сопротивленія, не имѣвшія, однако, ни вліянія на народную громаду, ни важныхъ послѣдствій.

Двое раскольниковъ заупрямились, объявили, что не станутъ присягать Екатеринѣ и не признаютъ ее за государыню. Ихъ сначала посѣкли кнутомъ, а потомъ, когда кнутъ ихъ не донималъ, стали жечь огнемъ, и послѣ двухъ пытокъ принудили произнесть присягу. Въ губерніяхъ были также проблески неудовольствія, выражавшагося главнымъ образомъ всякаго рода болтовнею. «Настоящій царь нашъ Петръ — говорили нѣкоторые — не умеръ, да и не царствовалъ; онъ молодымъ еще попался въ плѣнъ къ шведамъ и до сихъ поръ находится у нихъ въ неволѣ, а шведы вмѣсто него послали въ Россію похожаго на него лицомъ своего человѣка, и тотъ, назвавшись царемъ Петромъ, началъ людямъ бороды рѣзать и нехристей своихъ въ высокіе чины жаловалъ, и такъ похожъ былъ на настоящаго Петра, что никто не могъ распознать, что это не истинный царь, только узнала его царица, и за это онъ съ царицею развелся и посадилъ ее въ монастырь, а самъ другую жену взялъ себѣ изъ нѣмокъ. Вотъ этотъ-то фальшивый Петръ недавно умеръ, оставивши царство своей царицѣ нѣмкѣ. А теперь вотъ настоящій царь Петръ освободился изъ неволи, и ворочается въ свое царство. И сынъ его, царевичъ Алексѣй, живъ и находится у своего тестя, цесаря». Другіе не отрицали, чтобъ царствовавшій подъ именемъ Петра былъ на самомъ дѣлѣ имъ, однако порицали его за введеніе иноземныхъ обычаевъ и за отяготительныя для народа учрежденія, а по обычному въ русской духовной жизни пріему взваливали все дурное на бояръ, обвиняя ихъ за то, что давали худые совѣты государю. Третьи вопіяли прямо противъ воцаренія Екатерины и кричали, что царствовать надлежитъ не ей, а царевичу, сыну Алексѣя. Все это имѣло важныя послѣдствія для тѣхъ, которые только такъ болтали и за свою болтовню подвергались

наказанію. Народъ вездѣ покорно присягалъ новому правительству. Только вымыселъ, что царевичъ Алексѣй, о смерти котораго въ свое время было объявлено всей Россіи, не умеръ, а гдѣ-то спасается, пришелся болѣе по нраву русскому народу; но и тутъ обстоятельства показали, что теперь не такъ легко внушать къ себѣ всеобщую вѣру самозванцамъ, какъ было въ началѣ XVII вѣка. Скоро послѣ обнародованія манифеста о кончинѣ Петра и о восшествіи Екатерины, въ двухъ противоположныхъ между собою русскихъ краяхъ, явились одинъ за другимъ два названныхъ царевича Алексѣя. Первый огласилъ себя въ Почепѣ, въ Малороссіи. Онъ былъ родомъ сибирякъ, сынъ звонаря изъ городка Погорѣльскаго, служилъ семнадцать лѣтъ въ гренадерахъ, и потомъ переведенъ былъ въ другой полкъ, расположенный на квартирахъ въ Малороссіи. Тамъ никто его не узналъ, и онъ началъ возвѣщать, что онъ — спасшійся отъ смерти царевичъ Алексѣй. Этому плуту не удалось погулять; его тотчасъ же схватили и посадили подъ стражу. Другой явился въ Астрахани; и тотъ былъ также уроженецъ сибирскій, крестьянинъ по сословію, занимавшійся извощичьимъ ремесломъ на чужой сторонѣ. Звали его Евстигней Артемьевъ. Этому молодцу предпріятіе сначала стало было удаваться. Нашлись такіе, что повѣрили его рѣчамъ. Но вскорѣ въ какомъ-то пригородномъ селеніи его схватили и доставили въ Астрахань, а тамошнее мѣстное начальство приказало посадить его въ тюрьму и послало о немъ донесеніе въ Петербургъ. Оба названные царевича — и почепскій и астраханскій были привезены въ Петербургъ и въ ноябрѣ 1725 года публично казнены смертію.

Первое время по своемъ вступленіи на престолъ Екатерина посвятила печальному долгу погребенія своего

супруга. Набальзамированное тѣло государя было выставлено въ дворцовой залѣ, нарочно украшенной примѣнительно къ значенію грустнаго торжества. Въ этой залѣ гробъ Петра стоялъ съ 13 февраля по 8 марта, и въ этотъ промежутокъ времени поставленъ былъ близъ него другой гробъ съ трупомъ шестилѣтней дочери Петра, Наталіи. 8-го марта, оба гроба повезли въ деревянную церковь Петропавловскаго собора, временно построенную до окончанія каменной, и тогда Ѳеофанъ Прокоповичъ произнесъ свою знаменитую надгробную рѣчь, которая не только произвела потрясающее впечатлѣніе на слушателей, но и впослѣдствіи считалась однимъ изъ лучшихъ образцовъ духовнаго краснорѣчія. Трупъ усопшаго императора, посыпанный землею, былъ оставленъ въ закрытомъ гробѣ на катафалкѣ, и, по извѣстію Голикова, стоялъ въ церкви около шести лѣтъ.

Было много дѣлъ, начатыхъ Петромъ и неоконченныхъ по случаю его смерти. Екатерина рѣшилась ихъ окончить. Въ февралѣ 1725 года, дано было порученіе датчанину Берингу снарядить мореходную экспедицію къ берегамъ Камчатки: это дѣлалось по волѣ Петра, котораго незадолго до кончины занимала мысль—узнать, соединяется ли Азія съ Америкою, или отдѣляется отъ нея водою? Тогда же Екатерина, по проекту, начертанному Петромъ въ 1724 г., положила открыть Академію Наукъ и съ этой цѣлью повелѣла русскому послу въ Парижѣ, князю Куракину, приглашать въ Россію иностранныхъ ученыхъ для занятія мѣстъ въ русской Академіи Наукъ, которая, однако, на самомъ дѣлѣ была открыта не ранѣе октября 1726 г. Въ маѣ 1725 г., учрежденъ былъ кавалерственный орденъ Александра Невскаго, и это дѣлалось также по мысли Петра: онъ заявлялъ о такомъ намѣреніи еще до Персидскаго похода. Того же года, въ томъ

же мѣсяцѣ маѣ, совершено было бракосочетаніе великой княжны Анны Петровны съ Голштинскимъ герцогомъ, во исполненіе воли покойнаго императора, который самъ обручилъ августѣйшую чету. Екатерина оказала милости лицамъ, подвергшимся опалѣ ихъ государя въ послѣднее время его царствованія. Получили свободу и возстановленіе своихъ гражданскихъ правъ лица, наказанныя политическою смертію по дѣлу Монса; объявлено прощеніе Шафирову, и Екатерина поручила ему писать исторію Петра Великаго; допущены были къ службѣ и къ царской милости дѣти казненнаго князя Гагарина; выпустили на волю малоруссовъ, посаженныхъ Петромъ въ Петропавловскую крѣпость съ наказнымъ гетманомъ Полуботкомъ, умершимъ въ заточеніи. Дѣла внѣшнія въ 1725 году шли удачно въ смыслѣ докончанія плановъ Петра. Оставленный въ Закавказьѣ Петромъ генералъ Матюшкинъ усмирилъ въ Грузіи мятежъ и убѣдилъ грузинскаго царя Вахтанга отдаться подъ покровительство Россіи, а потомъ напалъ на Дагестанъ, разорилъ множество ауловъ, разрушилъ шахмалову столицу Тарки, выгналъ самого шахмала, непріязненнаго къ Россіи, и достоинство шахмала уничтожилъ вовсе. Въ октябрѣ 1725 года, отправленъ былъ иллирійскій графъ Савва Владиславовичъ въ отдаленный Китай для установленія прочныхъ границъ и для распространенія взаимной торговли между русскими и китайцами.

Новая императрица съ перваго взгляда могла считаться хорошо подготовленною къ той великой роли, какая теперь выпала ей на долю. Она была постоянною сопутницею и самимъ искреннимъ другомъ великаго государя, правившаго Россіею съ такою славою, какой не достигалъ никто изъ его предшественниковъ. Что всего важнѣе — самъ великій преобразователь заявлялъ предъ

всею Россіею, что эта женщина. будучи его любимою супругою, была въ то же время его помощницею и участницею во всѣхъ важныхъ воинскихъ и гражданскихъ предпріятіяхъ. Много въ ея пользу говорило уже то, что въ теченіе многихъ лѣтъ она могла не только дружелюбно уживаться съ такимъ характеромъ, какой былъ у Петра, но и заслужить у него высокое о себѣ мнѣніе. Но Екатерина можетъ служить нагляднымъ доводомъ той истины, что нельзя дѣлать сужденій: какъ поступила бы извѣстная человѣческая личность въ такихъ и такихъ-то случаяхъ, когда подобные случаи прежде не представлялись ей въ жизни. Въ такого рода сужденіяхъ мы обыкновенно ошибаемся. Ошиблись бы мы въ приговорѣ о томъ, что вышло бы изъ Екатерины, оставшейся на престолѣ полновластною рѣшительницею судьбы своей и судьбы подвластнаго ей государства, ошиблись бы, еслибъ Екатерина сошла со сцены прежде кончины мужа и не сдѣлалась послѣ него самодержавной государыней. Мы были бы вправѣ ожидать отъ нея чего-нибудь необыкновеннаго, особенно руководствуясь приговоромъ Петра Великаго, такъ отлично умѣвшаго оцѣнить людей. Не то выказалось въ исторіи. Екатерина, какъ жена Петра, была дѣйствительно женщина большаго ума, но это была одна изъ такихъ умныхъ женщинъ, какихъ на свѣтѣ не мало во всѣхъ сословіяхъ и при всякихъ жизненныхъ условіяхъ. Такія женщины, соединяя съ умомъ честность, могутъ быть добрыми супругами и матерями, пріятными собесѣдницами, хорошими хозяйками и вполнѣ заслуживать самые лестные отзывы не только отъ своихъ родныхъ и домашнихъ, но и отъ чужихъ, кто только ихъ знаетъ. Но далѣе — такія женщины не представляютъ за собою никакихъ достоинствъ. Безъ мужа, безъ взрослыхъ дѣтей, безъ близкаго круга родныхъ и друзей,

служащихъ ей постоянною опорою, такая женщина рѣшительно можетъ потеряться, опуститься и, при всѣхъ своихъ нравственныхъ достоинствахъ, никуда не быть пригодною. Такова по существу своему Екатерина. Она превосходно умѣла пользоваться обстоятельствами, въ которыя поставила судьба ея женскую жизнь; она пріобрѣла любовь и уваженіе какъ супруга, такъ и всего круга близкихъ людей и на столько привлекла къ себѣ ихъ сердца, что они признавали за ней такія достоинства, какихъ на самомъ дѣлѣ у ней вовсе не было. Екатерина была женщина въ полномъ смыслѣ своего вѣка, воспитанная и сжившаяся въ такой средѣ, гдѣ женщина, по существу своей природы, обязана быть только помощницею, — мужа ли, родителей, друзей, кого бы то ни было, но все-таки только помощницею, а не самобытною дѣятельницею: въ этой средѣ умъ женскій только и пригоденъ на такое положеніе. Екатерина и была для Петра достойною помощницею: не знаемъ собственно, какъ выражалось это помощничество, но должны вѣрить, потому что намъ объ этомъ заявляетъ самъ Петръ. По смерти Петра Великаго Екатерина вдругъ очутилась въ положеніи выше своего женскаго ума. Приходилось стать выше всѣхъ, руководить другими, выбирать себѣ пригодныхъ помощниковъ. Къ этому не приготовили ее никакія предшествовавшія обстоятельства жизни; не пріучилъ ее къ этому геніальный умъ Петра. Петръ никого не могъ пріучить къ самобытности; онъ любилъ и цѣнилъ только помощниковъ, которые не смѣли противорѣчить ему, ни подавать совѣтовъ, когда онъ ихъ не требуетъ, ни чего нибудь дѣлать мимо его вѣдома и безъ его воли. И Екатерина именно тѣмъ и заслужила высокое о себѣ мнѣніе супруга, что умѣла ему угодить, а угождала ему только тѣмъ, что находилась у него во

всегдашнемъ нравственномъ подчиненіи. Петра не стало. Екатерина, привыкши въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ видѣть около себя другое лицо, которому безусловно подчинялась, и сознавать за собою только второстепенное значеніе, съ перваго же раза выказывается тѣмъ, чѣмъ выработала ее предшествовавшая жизнь: она предаетъ себя со своею семьею покровительству и защитѣ сенаторовъ и вельможъ; но ее дѣлаютъ самодержицею; ей даютъ то, чего принять и хранить она никакъ не была въ силахъ. Отказаться отъ этой чести было невозможно, если бы даже она и хотѣла: пришлось бы даже рисковать и своею собственною головою, и судьбою дочерей. Надобно было принимать новое положеніе. Но при этомъ новомъ положеніи ей не приходится быть чьею нибудь помощницею; у ней теперь должны быть помощники по ея собственному выбору, да и не одно лицо, а много; еслибъ ей хотѣлось во что бы то ни стало оставаться попрежнему въ значеніи чьей-то помощницы, то пришлось бы сдѣлаться помощницею многихъ... а этого никакъ не возможно: многіе не могутъ между собою спѣться до такой степени, чтобы достигнуть полнаго единства. Отсюда трагическое, можно сказать, положеніе государыни, наступившее именно съ той минуты, когда она, по волѣ судьбы, достигла той высоты, о какой въ молодости ей и не снилось.

И это трагическое положеніе выразилось прежде всего въ томъ, что Екатерина должна была отдѣлываться и увертываться отъ Меншикова, который болѣе другихъ способствовалъ возведенію ея на престолъ, думая, конечно, править всѣмъ государствомъ отъ имени той, кто нѣкогда была его служанкою, а теперь стала повелительницею. Надобно было искать противовѣса Меншикову, и Екатерина думала найти его въ своемъ зятѣ,

Голштинскомъ герцогѣ; она сблизилась съ нимъ, и естественно Меншиковъ и герцогъ не взлюбили другъ друга. Дѣло пошло далѣе. Сенатъ, еще и при Петрѣ нерѣдко не представлявшій согласія между своими членами, но сдерживаемый геніальнымъ умомъ и желѣзною волею самодержца, теперь остался безъ той крѣпкой узды, которая для него была необходима. Въ концѣ 1725 г., въ немъ возникло разногласіе. Минихъ потребовалъ 15,000 солдатъ на работы для окончанія Ладожскаго канала. Одни изъ членовъ сената (между ними генералъ-адмиралъ Апраксинъ и Толстой) находили, что надобно исполнить требованіе Миниха и окончить дѣло, начатое Петромъ, дѣло, которому великій государь придавалъ большую цѣнность. Меншиковъ воспротивился, доказывалъ, что солдаты набираются съ большими издержками не для земляныхъ работъ, а для защиты отечества отъ враговъ, и когда его доводы не принимались, онъ деспотически именемъ императрицы объявилъ, что солдатъ не дадутъ на работы. Сенаторы оскорбились. Послѣ того начался ропотъ и затѣмъ тайныя соображенія и совѣщанія о томъ, какъ бы вмѣсто Екатерины возвести на престолъ великаго князя Петра; царь ребенокъ казался самымъ подходящимъ царемъ для тѣхъ, которые думали на самомъ дѣлѣ править государствомъ отъ его имени. Узналъ объ Толстой, и по его предположенію должно было образовать учрежденіе, стоящее выше сената и непосредственно управляемое особою государыни. Онъ склонилъ на свою сторону нѣсколькихъ главныхъ и вліятельнѣйшихъ вельможъ: Меншикова, князя Голицына, канцлера Головкина, вице-канцлера Остермана и генералъ-адмирала Апраксина. Они предложили государынѣ проектъ учрежденія верховнаго тайнаго совѣта, который долженъ быть выше сената. Указъ объ учрежденіи его данъ былъ въ февралѣ

1726 года. Поводомъ къ такому учрежденію указано то обстоятельство, что нѣкоторые, засѣдающіе въ сенатѣ, въ то же время состоятъ президентами коллегій, и сверхъ того, «яко первые министры имѣютъ по должности своей тайные совѣты о политическихъ и другихъ военныхъ дѣлахъ». Обязанные въ то же время засѣдать въ сенатѣ и вникать во всѣ дѣла, подлежащія вѣдѣнію сената, «за многодѣльствомъ не могутъ вскорѣ чинить резолюціи на внутреннія государственныя дѣла и отъ того въ тайныхъ совѣтахъ о важнѣйшихъ дѣлахъ имъ не малое чинится помѣшательство, а въ сенатѣ въ дѣлахъ остановка и продолженіе». Новое учрежденіе отдѣляло отъ сената дѣла первой важности и состояло подъ непосредственнымъ предсѣдательствомъ высочайшей особы. Дѣла, подлежащія исключительно верховному тайному совѣту, были: всѣ чужестранныя и тѣ изъ внутреннихъ, которыя требуютъ по существу своему высочайшей воли; напримѣръ, новые налоги не могли быть постановлены иначе, какъ по указу верховнаго тайнаго совѣта. При самомъ открытіи новаго учрежденія, постановлено было правиломъ, что собранія верховнаго тайнаго совѣта должны еженедѣльно происходить по внутреннимъ дѣламъ въ среду, а по иностраннымъ въ пятницу, но если случится что нибудь необыкновенное, то собраніе можетъ происходитъ и въ другой какой-нибудь день недѣли, и тогда всѣ члены особо о томъ оповѣщаются. Указы изъ совѣта издаются отъ имени императрицы. Сенатъ пересталъ имѣть право безапеляціонныхъ приговоровъ, и долженъ былъ титуловаться уже не правительствующимъ, а высокимъ. Челобитчикамъ дозволялось подавать въ верховный тайный совѣтъ апеляцію какъ на сенатъ, такъ и на коллегіи, но если кто подастъ несправедливую апеляцію, тотъ подвергнется штрафу и платѣ въ

пользу тѣхъ судей, на которыхъ онъ жаловался, и въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ взятъ былъ бы штрафъ съ этихъ судей, еслибъ жалоба, на нихъ поданная, была признана справедливою. Если же челобитчикъ обвинитъ напрасно судей въ такомъ неправомъ поступкѣ, который, по закону, подлежитъ смертной казни, тогда челобитчикъ самъ подвергнется смерти. Совѣтъ — поясняется въ современномъ протоколѣ — не есть особенное судилище, а собраніе, къ облегченію ей (императрицѣ) бремени служащее (Чт. 1858, 3. Протоколы в. т. сов. 5).

Отъ вѣдомства сената были изъяты три коллегіи: иностранная, воинская и морская.

Членами новоучрежденнаго совѣта были лица, подавшія проектъ объ его учрежденіи; къ нимъ присоединенъ былъ графъ Толстой, а чрезъ нѣсколько дней послѣ открытія совѣта, послѣдовавшаго 8 февраля, императрица помѣстила въ число членовъ герцога Голштинскаго (17 февраля) да еще съ явнымъ намѣреніемъ поставить его выше прочихъ членовъ: «Понеже — говорится въ одномъ указѣ — любезнѣйшій намъ зять его королевское высочество герцогъ Голштинскій по нашему милостивому требованію въ семъ верховномъ тайномъ совѣтѣ присутствуетъ, и мы на его вѣрное радѣніе къ намъ и къ интересамъ нашимъ положиться совершенно можемъ, того ради и его королевское высочество яко нашъ любезнѣйшій зять и по достоинству своему не токмо надъ прочими членами первенство и во всѣхъ приключающихся дѣлахъ первый голосъ имѣетъ, но и мы его королевскому высочеству позволяемъ изъ другихъ верховному тайному совѣту подчиненныхъ мѣстъ всѣ такія вѣдомости требовать, которыя къ дѣламъ въ верховномъ тайномъ совѣтѣ предложеннымъ, для лучшаго о нихъ изъясненія, ему потребны будутъ». Герцогъ, присутствуя

въ верховномъ тайномъ совѣтѣ первый разъ 21 февраля и выказывая свое значеніе, милостиво заявилъ, что ему пріятно будетъ, если другіе члены будутъ иногда противнаго съ нимъ мнѣнія (Протоk. Чт. 1858, 111, 5). Герцогъ плохо понималъ, если не совсѣмъ не понималъ по-русски, и потому для перевода его мнѣній на русскій языкъ прикомандированъ былъ камеръ-юнкеръ кн. Иванъ Григор. Долгорукій.

Въ апрѣлѣ 1726 года, императрицу стали тревожить подметныя письма, которыхъ содержаніе указывало на существованіе людей, недовольныхъ правленіемъ, учрежденнымъ по смерти Петра. Министры, члены верховнаго тайнаго совѣта, представляли ей словесно разныя замѣчанія о томъ, какъ бы оградить престолъ отъ могущихъ произойти потрясеній. Остерманъ представилъ свое мнѣніе на письмѣ, и предлагалъ, для устраненія различныхъ мнѣній о порядкѣ престолонаслѣдія, соединить бракомъ великаго князя Петра съ его теткою цесаревною Елисаветою Петровною, не смотря ни на ихъ родство, ни на неравенство въ возрастѣ, съ тѣмъ, что если у нихъ не будетъ наслѣдниковъ, то наслѣдство должно будетъ перейти къ потомству Анны Петровны. Этотъ проектъ сдѣлался предметомъ обсужденія на долгое время, но для исторіи онъ важенъ преимущественно потому, что въ своемъ основаніи осуществился теченіемъ исторіи; хотя Елисавета не вышла за Петра, но дѣйствительно царствовала и, оставаясь бездѣтною, передала престолъ потомству сестры своей Анны Петровны.

Но какъ подметныя письма продолжали появляться, то, апрѣля 21, изданъ былъ строгій указъ противъ ихъ сочинителей и распространителей; обѣщана была удвоенная награда тѣмъ, которые откроютъ и предадутъ въ руки правосудія сочинителей подметныхъ писемъ, затѣмъ воспрещались частные толки и бесѣды по вопросу

о правахъ престолонаслѣдія и объявлялось, что если въ теченіе шести недѣль не откроются виновные въ составленіи подметныхъ писемъ, то они будутъ преданы церковному проклятію.

При существованіи верховнаго тайнаго совѣта, короткое царствованіе Екатерины ознаменовалось тѣмъ, что обращено было вниманіе на нѣкоторые отяготительные для народа пріемы и учрежденія прошлаго царствованія; кое-что было измѣнено, другое и вовсе отмѣнено. Всѣ доходы имперіи 1725 г. простирались до 8.779,731 р. при расходахъ въ 9.147,108 р., слѣдовательно съ дефицитомъ. Главная статья доходовъ падала на подушное, составлявшее въ своемъ итогѣ сумму въ 4.487,875 р. и этотъ родъ налога былъ самый отяготительный и наиболѣе не терпимый народомъ, какъ по существу своему, такъ еще болѣе по способамъ взиманія. По самому своему существу налогъ этотъ представлялъ видимую неравность и несправедливость. Платили записанныя въ ревизіи и такъ какъ ревизіи не могли предприниматься часто, то необходимо выходило, что живые должны были платить за умершихъ, взрослые за малыхъ, рабочіе за престарѣлыхъ, ни къ какой работѣ неспособныхъ. Способъ сбора этого налога былъ до крайности тяжелъ и ненавистенъ. Надобно знать, что по идеѣ Петра этотъ налогъ опредѣлялся исключительно на содержаніе войска, и самое войско положено было расквартировать сообразно сбору средствъ, такъ что взиманіе съ записанныхъ въ подушный окладъ предоставлялось самимъ воинскимъ чинамъ съ участіемъ выбранныхъ отъ земскаго дворянства коммисаровъ. Но это совершалось до крайности разорительно для крестьянъ и со всякими признаками злоупотребленій, казнокрадства, вымогательства и взяточничества.

Въ указѣ императрицы верховному тайному совѣту отъ 9 января 1727 г. соединено многое, что выдумалось и выработалось въ теченіе года. Тамъ (см. Сборн. Отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Н. IX. 86 и Чтен. 1857. III, 33) говорится: «не только крестьянство, на которое содержаніе войска положено, въ великой скудости обрѣтается и отъ великихъ и непрестанныхъ экзекуцій и другихъ непорядковъ въ крайнее и всеконечное разореніе приходитъ, но и прочія дѣла: яко коммерція, юстиція и монетные дворы, весьма въ разоренномъ состояніи обрѣтаются». Крестьянскіе побѣги, опустошавшіе русскіе края во все царствованіе Петра, не прекращались и теперь, иные убѣжавшіе съ мѣста жительства шатались по лѣсамъ, образовали разбойничьи шайки и нападали на проѣзжихъ по дорогамъ, на помѣщичьи усадьбы; другіе селились на окраинахъ, многіе убѣгали за границу: нѣкоторые искали пріюта въ Польшѣ, другіе въ турецкихъ и крымскихъ владѣніяхъ, или у башкирцевъ. Правительство сознавало, что такіе побѣги происходили «не отъ одного хлѣбнаго недорода и отъ подати подушной», но и «отъ несогласія у офицеровъ съ земскими». Но не слѣдуетъ думать, что только офицеры и солдаты тяготили крестьянъ въ ихъ бытѣ: «нынѣ надъ крестьянами развѣ десять или больше командировъ находится вмѣсто того, что прежде былъ одинъ, а именно изъ воинскихъ, начавъ отъ солдата до штабу и генералитету, а изъ гражданскихъ и штатскихъ отъ фискала, коммисаровъ, вальдмейстеровъ и прочихъ, до воеводъ, изъ которыхъ иные не пастырями, но волками въ стадо ворвавшимися называться могутъ. Тому же подобные и многіе приказчики, которые за отлученіемъ помѣщиковъ своихъ надъ бѣдными крестьянами чинятъ, что хотятъ».

Такъ представлялось тогдашнему правительству по-

ложеніе сельскаго рабочаго класса, требовавшее мѣръ къ облегченію его судьбы и устроенію его благосостоянія. При самомъ вступленіи своемъ на престолъ, Екатерина сбавила съ крестьянъ подушнаго оклада по четыре копѣйки съ ревизской души, и это сдѣлано было по необходимости, такъ какъ накопилось недоимокъ болѣе милліона за прошлый годъ, а за двѣ трети текущаго года собрана была только половина того, что слѣдовало собрать. Въ 1727 г. въ верховномъ тайномъ совѣтѣ рѣшено было, также вслѣдствіе убѣжденія о невозможности собрать съ крестьянъ положенной суммы, слѣдуемой по всей Россіи съ подушнаго оклада: устранить военныхъ (генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеровъ) отъ сборовъ подушнаго оклада и вывести ихъ изъ уѣздовъ, расположивъ слободами при городахъ, а сборъ подушнаго возложить на воеводъ, управляющихъ провинціями и зависящихъ отъ губернаторовъ, при участіи вмѣстѣ съ воеводами по штабъ-офицеру изъ войска. Разомъ съ отстраненіемъ военныхъ отъ сбора подушныхъ денегъ упразднилась должность земскихъ коммисаровъ и уничтожались ихъ конторы, а въ то же время и народные суды. Расправа и судъ возлагались на воеводъ подъ вѣдѣніемъ губернаторовъ, а высшею инстанціею, куда можно было подавать аппеляціи на губернаторовъ, была юстицъ-коллегія. Уничтожилась мануфактуръ-коллегія, а вмѣсто нея учреждался совѣтъ изъ фабрикантовъ, которые должны были съѣзжаться въ Москву и служить безъ жалованья. Правительство вообще имѣло въ виду упразднить многія канцеляріи и правительственныя должности, «потому что умноженіе правителей и канцелярій тягостно для народа и требуетъ множество издержекъ»,— такая причина приведена въ протоколѣ верховнаго тайнаго совѣта. Для порядка въ разсчетѣ доходовъ и расходовъ возобновля-

лась упраздненная передъ тѣмъ ревизіонъ-коллегія и учреждалась доимочная канцелярія. Упущенія въ сборахъ казенныхъ платежей накоплялись и увеличивались, что и принудило къ появленію этого учрежденія. Мы не имѣемъ основанія указать степень того участія, какое лично принимала императрица въ вопросѣ, касавшемся облегченія народа отъ тягостей подушныхъ платежей и воинскаго самоуправства.

Но вообще, какъ она полагала свое имя на указы, то конечно надобно допустить, что если содержаніе ихъ сочинялось другими, все-таки она сочувствовала ихъ смыслу. Зная, какъ при всякомъ удобномъ случаѣ она при Петрѣ являлась на сторонѣ тѣхъ, которые по своему положенію нуждались въ добродушномъ представительствѣ за нихъ, смѣло можемъ признавать, что во время самобытнаго обладанія верховною властію, въ дѣлахъ, касавшихся облегченія народной участи, дѣйствовало доброе женское сердце Екатерины.

Но не во всѣхъ дѣлахъ ея царствованія, когда рѣшенія слѣдовали отъ ея имени можно съ достовѣрностію признавать личное участіе Екатерины. Совершались вопіющія возмутительныя дѣянія, и хотя офиціально исходили отъ нея, но она была тутъ виновата столько же сколько можетъ падать вина на слабое или несовершеннолѣтнее лицо, сидящее на престолѣ, когда именемъ его производятся распоряженія, о которыхъ онъ или не думалъ или вовсе не зналъ. Къ категоріи такихъ дѣлъ мы смѣло можемъ отнести бывшее при Екатеринѣ дѣло архіепископа новгородскаго Ѳеодосія Яновскаго. Этотъ человѣкъ, одинъ изъ умныхъ и свѣтлыхъ архипастырей Петрова вѣка, любимецъ покойнаго государя и исполнитель его плановъ, имѣлъ нравъ строптивый и неуживчивый, а оттого окружали его недоброжелатели и никто

не любилъ его. Этимъ воспользовался псковской архiерей Θеофанъ Прокоповичъ, человѣкъ чрезвычайно умный и ученый, но хитрый и коварный, не останавливавшiйся ни передъ какими путями къ собственному возвышенiю. Ему кстати пришлось, что Θеодосiй, сообразно своему безпокойному нраву, произносилъ кое-какiя выраженiя, которыя должны были не понравиться верховной власти, и въ апрѣлѣ 1725 г. Θеофанъ подалъ доносъ на своего товарища; прежде онъ находился съ нимъ въ дружелюбномъ отношенiи: они оба приготовляли къ кончинѣ Петра Великаго. Θеодосiй, въ бесѣдѣ съ Θеофаномъ и другими синодскими членами, ропталъ на нерасположенiе свѣтскихъ сановниковъ къ духовенству, угрожалъ за то карою Божiею на Россiю, критиковалъ поступки бывшаго императора, порицалъ его излишнюю охоту къ слѣдованiю тайныхъ дѣлъ, которая «показываетъ въ немъ мучительское сердце, жаждущее крови человѣческой», вспоминалъ какъ онъ былъ «непостояненъ и неблагоразсуденъ»: сегодня задумаетъ одно великое дѣло, завтра еще болѣе затѣетъ, съ наговоровъ бездушныхъ людей и доносителей о всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ особахъ началъ имѣть какъ о невѣрныхъ себѣ худое мнѣнiе, имѣлъ тайныхъ шпiоновъ, которые надъ всѣми надзирали и такъ иногда смущали его, что ночью спать не могъ, для того подозрѣнiя всѣхъ боялся, за не очень важныя слова повелѣвалъ казнить смертiю, а можно было и безъ такого кровопролитiя въ словахъ подлыхъ людей и во всемъ положиться на промыселъ Божiй». Говоря о безполезности суровыхъ мѣръ, онъ выражался: «сколько людей переказнено, а воровство не убываетъ, совѣсть въ людяхъ незавязанная, надобно обучать черезъ школы и отъ того познаютъ Бога и что есть грѣхъ; только безъ денегъ сего сдѣлать нельзя, а инструментъ желѣзный (т. е. для

казней) не велика диковинка: дать двѣ гривны»! О смерти государя, Θеодосій замѣчалъ, что болѣзнь «ему пришла отъ безмѣрнаго женонеистовства». Когда высочайшая власть назначала богослуженія, новгородскій архіерей по этому поводу дѣлалъ такое замѣчаніе: «какое тиранство! мірская власть принуждаетъ духовную молиться! Это слово Божію противно: апостолъ Павелъ молитъ христіанъ молиться за царя, а не принуждаетъ; я служить буду изъ страха, чтобъ меня въ ссылку не сослали, да услышитъ ли Богъ такую молитву?» Другіе духовные, спрошенные по поводу Θеофанова доноса, подтвердили его доносъ: въ числѣ этихъ духовныхъ былъ Θеофилактъ Лопатинскій, тверской архіерей, впослѣдствіи самъ испытавшій отъ Θеофана участь, подобную той, какую теперь вмѣстѣ съ Θеофаномъ приготовилъ несчастному Θеодосію. Обвиняемый сознался, просилъ помилованія, но заступниковъ у него не было. Своимъ безпокойнымъ нравомъ и неосторожнымъ языкомъ онъ успѣлъ уже вооружить противъ себя могучаго Меншикова.

Однажды, когда караульные не хотѣли пропустить его во дворецъ, онъ въ запальчивости сказалъ: «Я самъ лучше свѣтлѣйшаго князя!» Меншиковъ зналъ про этотъ случай и теперь, когда Θеодосію угрожала бѣда, не раскрылъ рта въ пользу строптиваго архіерея. Вдобавокъ Θеодосія обвиняли еще въ растратѣ и присвоеніи церковнаго достоянія въ окладахъ образовъ и серебряной утвари. 11-го мая 1725 года, Екатеринѣ поднесли на утвержденіе приговоръ къ смертной казни, «за учиненныя имъ церкви Божіей и указамъ ея величества противности и непристойныя слова». Но императрица «для поминовенія его величества» во всемъ государствѣ отмѣнила смертную казнь и повелѣла: «Θеодосія отъ синодскаго правленія, новгородской епархіи и архимандритіи

Александроневскаго монастыря отрѣшить и сослать въ дальній монастырь, именно Корѣльскій на устьѣ Двины, гдѣ содержать подъ карауломъ неисходно и давать ему на пищу и одежду по двѣсти рублей въ годъ». Но злобные враги поступили съ нимъ еще суровѣе того, какъ предписано было въ указѣ. Съ него сняли санъ и въ званіи простаго монаха подъ именемъ чернеца Ѳеодоса послали на мѣсто заточенія и засадили въ каменную тюрьму съ малымъ оконцемъ, опредѣливъ ему въ пищу только хлѣбъ и воду. Страдалецъ, отправленный въ Корѣльскій монастырь въ сентябрѣ 1725 года, умеръ въ февралѣ слѣдующаго года отъ голода, скорби и недостатка свѣжаго воздуха, гонимый завистниками и врагами, не возбуждая ни въ комъ состраданія по причинѣ своего задорнаго и неуживчиваго нрава. Никто не преслѣдовалъ его съ такимъ ожесточеніемъ какъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, хотя онъ прежде былъ видимо въ дружелюбныхъ отношеніяхъ къ новгородскому архіерею; но Ѳеофанъ имѣлъ въ виду занять мѣсто низложеннаго Ѳеодосія и потому болѣе чѣмъ кто другой боялся, чтобъ Ѳеодосій не получилъ прощенія и снова не вошелъ въ милость у верховной власти; поэтому-то Ѳеофану было необходимо согнать поскорѣе со свѣта Ѳеодосія Яновскаго.

Меншиковъ не останавливался ни передъ какими бы то ни было путями, ведущими къ удовлетворенію его алчности и честолюбія. Но свѣтлѣйшій встрѣчалъ противодѣйствіе со стороны другихъ вельможъ, особенно со стороны Голштинскаго герцога. Отъ этого Екатерина не сразу надѣлила его тѣми богатствами, которыхъ онъ домогался. Еще при Петрѣ числились на немъ большіе начеты въ казну и онъ долго не могъ добиться снятія съ него этихъ начетовъ. Хотѣлось ему прибавить къ своимъ обширнымъ владѣніямъ земли и села въ Мало-

россіи — и того онъ не получалъ. Ему представился случай сдѣлаться владѣтельнымъ герцогомъ въ Курляндіи; Курляндскимъ герцогомъ считался тогда старикъ Фердинандъ; онъ жилъ за границею своего герцогства уже много лѣтъ, потому что не поладилъ съ своими подданными. Но кромѣ его жила въ Митавѣ вдовствующая герцогиня Анна Ивановна, племянница Петра Великаго, окруженная русскими; дѣлами Курляндіи распоряжался русскій государь. Между тѣмъ, на основаніи государственнаго права, Курляндія считалась леннымъ владѣніемъ польской Рѣчи Посполитой, которая отъ внутреннихъ междоусобій и долговременной внѣшней войны не была настолько сильна, чтобы при жизни Петра оказывать давленіе на страну, считавшуюся ея достояніемъ. Но Петра не стало; носившій герцогскій титулъ старикъ былъ близокъ къ смерти, Курляндію ожидали ва жныя перемѣны. Польскіе паны толковали, что такъ какъ, наконецъ, угасалъ властвовавшій въ Курляндіи домъ Кетлеровъ, при которомъ Курляндія стала польскимъ леномъ, то теперь Курляндскій край, какъ выморочное ленное владѣніе, долженъ присоединиться къ непосредственнымъ владѣніямъ Рѣчи Посполитой и раздѣлиться, подобно послѣднимъ, на воеводства. Но польскій король Августъ II, онъ же саксонскій князь-избиратель, хотѣлъ доставить Курляндское герцогство своему побочному сыну Морицу, по выбору курляндскаго сейма, и въ этомъ стремленія короля шли въ разрѣзъ съ видами польскихъ пановъ. Вообще польскіе паны рѣдко ладили съ своими королями, ограждаясь отъ присущихъ королямъ стремленій усилить монархическую власть. И теперь паны готовы были противиться всякимъ королевскимъ стремленіямъ такого пошиба.

Сосѣди Польши, Пруссія и Россія, были противны

одинаково какъ намѣреніямъ польскаго короля, такъ и видамъ польской націи. И та и другая не хотѣли допустить распространенія предѣловъ Рѣчи Посполитой, не расположены были содѣйствовать усиленію саксонскаго дома, наконецъ, та и другая желали посадить на Курляндское герцогство своихъ кандидатовъ. Польскій король тайно отправилъ Морица въ Курляндію. Морицъ понравился курляндскому дворянству; оно готово было избрать его, но предложило ему условіе: жениться на вдовствующей герцогинѣ Аннѣ Ивановнѣ. Все повезло какъ нельзя лучше и Морицу и курляндцамъ: Аннѣ Ивановнѣ очень понравился Морицъ. Стали курляндцы собираться созывать сеймъ и избирать Морица въ герцоги. Но узнали объ этомъ въ Россіи и взглянули недружелюбно на такое намѣреніе курляндцевъ. Верховный тайный совѣтъ, 31 мая 1726 г., послалъ русскому резиденту Бестужеву указъ всѣми силами стараться убѣдить курляндцевъ не выбирать Морица, а выбрать Голштинскаго принца, сына умершаго епископа Любскаго. Съѣхавшіеся на сеймъ депутаты не послушались Бестужева, увѣряя, что императрица милостива къ Аннѣ Ивановнѣ и все для нея сдѣлаетъ по ея просьбѣ, и представляя съ своей стороны, что если теперь не избрать герцога, то поляки поспѣшатъ объявить Курляндію выморочнымъ леномъ и присоединятъ къ польскимъ владѣніямъ, а это не сочтется выгоднымъ для Россіи. 18-го іюня 1726 г., курляндскій сеймъ избралъ Морица герцогомъ единогласно.

Въ это-то время Меншиковъ принялъ намѣреніе сдѣлаться самъ герцогомъ Курляндскимъ. Желаніе это было еще при Петрѣ, но тогда неудобно было налегать на это, теперь же Меншиковъ смѣлѣе предложилъ свой планъ Екатеринѣ, когда возникъ вопросъ объ избраніи въ Курляндіи новаго герцога. Екатерина сочла съ своей сто-

роны слишкомъ навязчивымъ дѣломъ понуждать курляндцевъ къ выбору Меншикова, но поставила его въ числѣ кандидатовъ, угодныхъ Россіи вмѣсто Морица, предоставляя выборъ изъ этихъ кандидатовъ самому курляндскому сейму. Въ концѣ іюня, еще, вѣроятно, не зная объ окончившемся въ Митавѣ выборѣ Морица, верховный тайный совѣтъ отправилъ въ Курляндію Меншикова и въ то же время предписалъ русскому послу князю Василію Долгорукому ѣхать туда же. Они должны были предложить курляндцамъ: если хотятъ жить съ Россіею въ дружелюбныхъ отношеніяхъ, то пусть выбираютъ или Голштинскаго принца, сына епископа Любскаго, или князя Меншикова, или кого-нибудь изъ двухъ принцевъ Гессен-Гомбургскихъ, находившихся тогда въ русской службѣ. Но Меншиковъ поѣхалъ въ Курляндію съ намѣреніемъ повести дѣло такъ, чтобъ выбрали не кого-нибудь другаго, а непремѣнно его особу.

28-го іюня прибылъ Меншиковъ въ Ригу, и туда же пріѣхали изъ Митавы Анна Ивановна и, не вступая въ городъ, остановилась за Двиною и послала просить Меншикова къ себѣ. Меншиковъ пріѣхалъ. Анна Ивановна стала просить его исходатайствовать у императрицы дозволеніе вступить ей въ бракъ съ Морицемъ и утвердить послѣдняго въ герцогскомъ достоинствѣ, возложенномъ на него курляндскимъ сеймомъ.

— Ваше высочество! — сказалъ ей Меншиковъ: — неприлично будетъ вступать съ нимъ въ супружескій союзъ, понеже оный рожденъ отъ метресы, а не отъ законной жены; и вамъ и ея величеству государынѣ нашей и всему нашему государству то будетъ безчестно и принца Морица допустить до герцогства невозможно для вредительныхъ интересовъ россійскихъ и польскихъ. Ея величество государыня императрица изволитъ трудиться

для интересовъ россійской имперіи, чтобъ оная съ сей стороны всегда была безопасна, и для пользы всего княжества Курляндскаго, дабы оное подъ высокою ея величества протекціею при своей вѣрѣ и вѣрности въ вѣчныя времена попрежнему было, и для того изволила указать представить сукцессоровъ, которые написаны въ инструкціи князя Долгорукаго, дабы ваше высочество о такомъ высокомъ соизволеніи ея величества государыни императрицы были извѣстны и избирали изъ того лучшее.

— Я, — сказала герцогиня: — буду повиноваться волѣ государыни императрицы и оставлю свое прежнее намѣреніе. Если воля государыни такова, чтобъ герцогомъ быть кому-нибудь изъ тѣхъ, что предлагаются въ инструкціи князя Долгорукова, то я наиваще желаю, чтобъ герцогомъ были избраны вы, потому что, по крайней мѣрѣ, я надѣюсь быть покойною во владѣніи моими деревнями; а если кого инаго изберутъ, то не знаю, будетъ ли онъ ласковъ со мною, и боюсь какъ бы онъ не отнялъ у меня моего вдовьяго пропитанія.

Анна Ивановна, говоря такія слова, хитрила; она вовсе не желала Меншикову умноженія власти: она давно уже его не терпѣла и считала своимъ врагомъ. У ней на умѣ было другое. Она замыслила ѣхать въ Петербургъ и лично просить за себя у императрицы, настроивъ герцога Голштинскаго, чтобъ онъ ходатайствовалъ за нее.

Послѣ бесѣды съ Меншиковымъ, Анна Ивановна уѣхала въ Митаву, а вслѣдъ за ея отъѣздомъ пріѣхали изъ Митавы въ Ригу, для свиданія съ Меншиковымъ, князь Василій Лукичъ Долгорукій и русскій резидентъ, находившійся постоянно въ Курляндіи, Петръ Бестужевъ. Князь Долгорукій сообщилъ Меншикову, что онъ дѣлалъ предложенія курляндскимъ чинамъ поступить со-

образно полученной отъ русскаго правительства инструкціи, но не встрѣтилъ съ ихъ стороны желанія сообразоваться съ волею русской императрицы. Курляндцы не хотѣли выбирать въ герцоги Меншикова, отговариваясь тѣмъ, что онъ не природный нѣмецъ и не лютеранскаго вѣроисповѣданія, — не хотѣли избирать Голштинскаго принца, представляя то обстоятельство, что онъ еще не совершеннолѣтенъ и достигъ только тринадцатилѣтняго возраста; не хотѣли также и Гессенъ-Гомбургскихъ принцевъ, служащихъ въ Россіи.

Меншиковъ сдѣлалъ Бестужеву замѣчанія за то, что онъ, находясь въ Митавѣ, допустилъ безъ протеста съ своей стороны выборъ принца Морица; потомъ отправился самъ Меншиковъ въ Митаву въ сопровожденіи значительнаго воинскаго конвоя.

На другой день послѣ прибытія Меншикова въ Митаву явился къ нему принцъ Морицъ.

— Императрица желаетъ, — сказалъ ему Меншиковъ, — чтобъ курляндскіе чины собрались снова и произвели новый выборъ, за этимъ я сюда и пріѣхалъ.

— Это дѣло невозможное, — отвѣчалъ Морицъ — сеймъ кончился; чины разъѣхались; если теперь ихъ собирать и принуждать къ новымъ выборамъ, то произведенные ими выборы не будутъ имѣть законной силы. Я выбранъ городомъ сообразно древней формѣ правленія въ Курляндіи, и если послѣ своего избранія не буду герцогомъ, то Курляндія должна быть, какъ выморочный ленъ, присоединена къ Рѣчи Посполитой и раздѣлена на воеводства, или же быть завоевана Россіею.

— Ничего такого не будетъ, — сказалъ Меншиковъ, — Курляндія будетъ имѣть свою древнюю форму правленія, но не должна искать другаго покровительства, кромѣ Россіи.

Въ тотъ же день Меншиковъ позвалъ къ себѣ сеймоваго маршала, канцлера и нѣсколькихъ вліятельныхъ членовъ сейма, и сказалъ имъ, что непремѣнно слѣдуетъ собрать вновь сеймъ и произвести новые выборы, иначе грозилъ вступленіемъ въ Курляндію русскаго войска и ссылкою упорныхъ въ Сибирь. По нѣмецкимъ источникамъ, во время пребыванія Меншикова въ Митавѣ, дѣло съ Морицемъ дошло до военной стычки. Меншиковъ послалъ взять Морица, а Морицъ, запершись въ домѣ, отбивался отъ русскихъ, и при этомъ нѣсколько человѣкъ было убито.

Но когда Меншиковъ далъ знать въ Петербургъ о своемъ рѣшеніи, объявленномъ курляндцамъ, въ верховномъ тайномъ совѣтѣ не совсѣмъ одобрительно посмотрѣли на такой рѣшительный тонъ. Опасно было задирать разомъ Пруссію и Польшу, а такое поведеніе, какое въ качествѣ представителя Россіи принялъ по отношенію къ курляндцамъ Меншиковъ, могло раздражить и ту и другую державу. Къ большему вреду для намѣреній Меншикова, пріѣхала въ Петербургъ вдовствующая герцогиня Анна Ивановна 23 іюля, и остановилась у Голштинскаго герцога. Она подняла на ноги и его и всю императорскую фамилію. Она горько жаловалась на самоуправство и высокомѣріе Меншикова Голштинскій герцогъ, всегда любимый тещею, принялъ близко къ сердцу дѣло Курляндской герцогини. Подъ его вліяніемъ Екатерина очень дружелюбно приняла и выслушала Анну Ивановну и до такой степени раздражилась противъ Меншикова, что многіе, узнавъ объ этомъ, ожидали чего-нибудь дурнаго для князя; говорили даже, что императрица прикажетъ его арестовать. Но все, однако, ограничилось тѣмъ только, что Екатерина приказала послать ему выговоръ, указавши, что своими рѣзкими поступками

въ Курляндіи онъ можетъ довести Россію до несвоевременной ссоры съ прусскимъ и польскимъ королями и польскою Рѣчью Посполитою. Императрица потребовала его назадъ въ Петербургъ для совѣта о важныхъ дѣлахъ. Меншиковъ воротился. Враги его думали, что теперь, какъ говорится, закатится звѣзда его счастія, но судьба отсрочила надъ нимъ свой судъ. У Меншикова былъ пріятель Бассевичъ, министръ Голштинскаго герцога, имѣвшій на послѣдняго большое вліяніе. Этотъ человѣкъ, настроенный Меншиковымъ, внушилъ своему герцогу, что въ его положеніи гораздо лучше сойтись съ Меншиковымъ, такъ какъ враги Меншикова — сторонники партіи великаго князя Петра Алексѣевича, а если эта партія возьметъ верхъ, то это не принесетъ пользы ни герцогу, ни его голштинцамъ. Герцогъ довѣрился Бассевичу, котораго давно уже привыкъ считать своимъ искреннимъ доброжелателемъ. Герцогъ самъ сталъ просить императрицу за Меншикова, и Екатерина, какъ будто снисходя къ ходатайству зятя, возвратила Меншикову прежнюю милость и расположеніе; герцогъ воображалъ, что своимъ великодушіемъ побѣдилъ своего соперника и обязалъ вѣчною къ себѣ признательностію. Но не таковъ былъ Меншиковъ, чтобъ умилиться чувствомъ благодарности къ герцогу: онъ послѣ того сталъ еще болѣе ненавидѣть его, испытавши, что герцогъ пользуется большою силою у императрицы. Но, умѣя скрывать свои настоящія чувства, онъ сталъ съ герцогомъ любезенъ, не противился, когда герцогъ получилъ команду надъ гвардейскимъ Преображенскимъ полкомъ, и своимъ притворнымъ дружелюбіемъ къ герцогу пріобрѣталъ благорасположеніе Екатерины. Милости къ нему государыни не только не умалялись, но возрастали. Императрица снова сама думала доставить ему герцогство

Курляндское путемъ выбора, но въ согласіи съ Польшею; однако самъ Меншиковъ, потерпѣвши неудачу, оставилъ честолюбивые планы на счетъ Курляндіи и обратился на другой путь, который повелъ бы его къ большей высотѣ, чѣмъ та, на какую возвести его могло достиженіе герцогскаго титула. Меншиковъ рѣшился заручиться расположеніемъ партіи великаго князя, но положилъ дѣйствовать такъ, чтобы Екатерина и другіе члены императорскаго семейства не видѣли сразу для себя вреда; зная безхарактерность государыни, онъ разсчитывалъ повліять на нее и побудить ее сдѣлать въ пользу великаго князя такія распоряженія которыя были бы въ то же время полезны ему самому.

Съ самаго принятія на себя самодержавнаго единовластія, Екатерина не отличалась ни твердостію, ни проницательностію, ни любовью къ дѣламъ. Прежде, когда она была супругою и помощницею Петра и находилась у него въ постоянномъ нравственномъ подчиненіи, она, угождая во всемъ супругу, казалась подвижною, трудолюбивою, способною переносить лишенія; теперь становилась лѣнивою, безпечною, изнѣженною, склонною къ роскоши и пустымъ забавамъ, и что всего было хуже, привыкши прежде повиноваться Петру и не имѣть своей воли, теперь она также не имѣла воли и подчинялась всякому, кто умѣлъ стать къ ней близко. Руководили ею то герцогъ, то Меншиковъ, то Толстой, то Ягужинскій, Головкинъ, и другіе, смотря по обстоятельствамъ. Она, чѣмъ долѣе царствовала, тѣмъ все ниже опускалась. Послѣ государя, одареннаго ужасающею желѣзною волею и непостижимою проницательностію, престолъ занимала особа, напоминавшая царя, ниспосланнаго Зевсомъ въ лягушечье царство, въ извѣстной баснѣ. Въ концѣ іюля 1726 года, посланникъ польскаго короля и саксонскаго князя-изби-

рателя Августа, Лефортъ, въ своей депешѣ писалъ: «При дворѣ постоянно дни превращаются въ ночи; веселятся на всякіе лады. О дѣлахъ никто не говоритъ; самые способные и самые вѣскіе люди не берутся ни за какую работу, иначе какъ такъ, что лишь бы скорѣе съ плечъ долой... Всѣ страшно недовольны неполученіемъ жалованья; правительство всѣмъ задолжало мѣсяцевъ за восемь». Въ половинѣ декабря того же года онъ писалъ: «Чѣмъ болѣе вглядываюсь въ различныя обстоятельства настоящаго царствованія, тѣмъ менѣе вижу слѣдовъ прежняго трудолюбія, бдительности и страха. Истинные патріоты прежде содѣйствовали общему добру, ихъ совѣты принимались и взвѣшивались, теперь отечество не имѣетъ царя, господствуютъ роскошь, нѣга, лѣнь. Верховный совѣтъ существуетъ только по имени; герцогъ Голштинскій хотѣлъ бы захватить бразды правленія, но его не допускаютъ и вотъ, уже четыре недѣли верховный совѣтъ не собирался. Только духъ несогласія сводитъ людей, и частная выгода господствуетъ надъ общею пользою. Ничего не дѣлается, вся бдительность направлена только къ опустошенію казны. Издержки увеличиваются до безконечности, каждый тащитъ, сколько можетъ, ничего не дѣлается безъ наличныхъ денегъ» (Р. И. О. Сб. т. III, стр. 455). Отъ 18 января 1727 года, пишется: «Восемнадцать мѣсяцевъ персидская армія не получаетъ ни гроша, а флотъ — девять мѣсяцевъ, гвардія около двухъ лѣтъ; гражданскіе чиновники оплачиваются также очень дурно. Дворъ завладѣлъ тѣми суммами, которыя назначены на войско, да вдобавокъ каждый кто можетъ тянетъ сколько хочетъ изъ казны въ свою пользу». Въ довершеніе упадка власти, здоровье Екатерины съ зимы стало дѣлаться все хуже и хуже. Говорили, что еще лѣтомъ 1726 года ей подали чего-то лихіе люди, но такіе

толки не были основаны на вѣрныхъ данныхъ, которыми въ настоящее время исторія имѣла бы право основываться. Несомнѣнно, что съ декабря Екатерина болѣла до самой своей кончины.

Между тѣмъ, какъ бы для повѣрки дѣйствій Меншикова въ Курляндіи, отправленъ былъ туда генералъ-лейтенантъ Девіеръ. Такое назначеніе показываетъ, что имъ заправляли руки, непріязненныя Меншикову. Антонъ Девіеръ, бывшій при Петрѣ генералъ-полицмейстеръ, зять Меншикова (женатый на сестрѣ его), былъ въ то же время его заклятымъ врагомъ. Но Девіеръ не могъ сдѣлать Меншикову ничего дурнаго въ Митавѣ и когда въ февралѣ 1712 года возвратился въ Петербургъ, то увидалъ, что Меншиковъ уже сталъ такъ высоко, что могъ почти все дѣлать съ Екатериною. Меншиковъ выпросилъ у императрицы въ свою собственность городъ Батуринъ и принадлежавшія Мазепѣ имѣнія, приписанныя къ Гадяцкому замку (Протоколы верх. т. сов. Чт. 1858 г. т. III. 42—43), а въ декабрѣ 1726 года съ него были сняты всѣ начеты, числившіеся на немъ еще при Петрѣ Великомъ. Правда, Меншикову не удалось и теперь выпросить себѣ титулъ генералиссимуса, котораго онъ давно уже добивался, но за то онъ настроилъ Екатерину, что она согласилась сдѣлать его тестемъ наслѣдника своего престола.

До сихъ поръ Меншикова всѣ считали никакъ не способнымъ стать на сторону великаго князя Петра, а между тѣмъ сторона эта была сильна между вельможами, и, что всего важнѣе, въ пользу великаго князя было вообще убѣжденіе русскаго народа, который не могъ сочувствовать странному порядку престолопреемства, введенному Петромъ Великимъ, и не могъ отрѣшиться отъ уваженія къ праву первородства. Меншиковъ зналъ, что

мысль объявить наслѣдникомъ престола великаго князя Петра будетъ принята съ восторгомъ во всей Россіи, и послѣ своей курляндской неудачи присталъ самъ къ этой мысли, но хотѣлъ упрочить свою безопасность тѣмъ, чтобы женить великаго князя на своей дочери. Подалъ ли кто другой Меншикову эту мысль, или онъ самъ дошелъ до нея, — не знаемъ, но то вѣрно, что Меншиковъ нашелъ себѣ въ этомъ сильныхъ пособниковъ — могучаго представителя стараго боярства, князя Михаила Михаиловича Голицына, многихъ другихъ вельможъ и двухъ иностранныхъ министровъ, которыхъ дворамъ было угодно и выгодно, чтобы великій князь Петръ сдѣлался императоромъ: первый изъ этихъ иностранныхъ министровъ былъ цесарскій посланникъ Рабутинъ, второй — датскій посланникъ Вестфаленъ. Государю перваго, императору Карлу VI, желательно было воцареніе Петра, потому что Петръ, по своей матери, приходился племянникомъ императрицы; государю втораго, датскому королю, хотѣлось того же, чтобъ отклонить избраніе на русскій престолъ Голштинскаго герцога, котораго очень любила Екатерина и по этой любви могла сдѣлать своимъ преемникомъ; датскій король не любилъ герцога по давней враждѣ къ голштинскому дому. Цесарскому двору до такой степени было желательно, чтобы великій князь Петръ сдѣлался императоромъ, что Рабутинъ обѣщалъ Меншикову первый фьефъ въ имперіи, если Меншиковъ успѣетъ склонить императрицу назначить Петра своимъ преемникомъ на престолѣ. Меншиковъ принялся вліять на императрицу и началъ съ того, что выхлопоталъ у Екатерины дозволеніе на бракъ своей дочери съ Петромъ, хотя послѣдній, будучи еще несовершеннолѣтнимъ, не могъ скоро совершить этого брака. Пришлось кстати Меншикову слѣдующее обстоятельство: дочь Меншикова

сговорена была за польскаго выходца Сапѣгу, пожалованнаго въ Петербургѣ титуломъ фельдмаршала. Сапѣга былъ замѣчательно красивый и ловкій молодецъ. Екатерина пожелала женить его на своей племянницѣ, дочери своего брата Карла Скавронскаго, котораго она только-что пожаловала въ графское достоинство. Меншиковъ, какъ бы въ вознагражденіе за отнятіе у его дочери жениха, просилъ дать ей другаго — великаго князя. Екатерина согласилась. Вообще, сдѣлавшись самодержавною государынею, она время отъ времени становилась все болѣе податливою, а тутъ еще слабѣла здоровьемъ, и неудивительно, что Меншикову у болѣзненной и почти слабоумной женщины не трудно было вынудить такое согласіе.

Предстоявшій бракъ великаго князя съ дочерью Меншикова не связывался съ назначеніемъ Петра наслѣдникомъ престола, и быть можетъ Екатерина потому такъ легко поддалась просьбѣ Меншикова, что не видѣла здѣсь ничего касавшагося важныхъ государственныхъ вопросовъ. Но всѣ, узнавши о данномъ императрицею согласіи на такой бракъ, ясно видѣли, къ чему идетъ дѣло и что для себя готовитъ въ будущемъ Меншиковъ. Прежде всего пришли въ ужасъ обѣ дочери Екатерины, бросились къ ногамъ матери и указывали ей пагубныя послѣдствія ея податливости замысламъ честолюбца. Екатерина говорила, что бракъ великаго князя Петра съ дочерью Меншикова не измѣнитъ ея тайнаго намѣренія, которое она питаетъ относительно назначенія себѣ наслѣдника, но измѣнить слову согласія, данному Меншикову, уже теперь невозможно.

Тогда враждебная Меншикову партія принялась составлять заговоръ, съ цѣлью, во что бы то ни стало, не допустить государыню оставить послѣ себя наслѣдникомъ

зятя Меншикова. Къ врагамъ Меншикова присталъ теперь Петръ Андреевичъ Толстой, который еще такъ недавно дѣйствовалъ вмѣстѣ съ Меншиковымъ душа въ душу. Участниками этого заговора были: Девіеръ, генералъ Бутурлинъ, Григорій Скорняковъ-Писаревъ, генералъ Ушаковъ — страшный при Петрѣ начальникъ тайной канцеляріи, Александръ Львовичъ Нарышкинъ и князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій. Герцогъ Голштинскій также зналъ о заговорѣ и естественно сочувствовалъ ему [1]).

Начало, какъ кажется, положено было Голштинскимъ герцогомъ: это видно изъ показаній Девіера, напечатанныхъ въ приложеніяхъ къ исторіи Екатерины I. (Уч. зап. Имп. Ак. Наукъ. Кн. II, вып. I, стр. 246). Герцогъ, свидѣвшись съ Девіеромъ, спросилъ его: знаетъ ли онъ про сватовство великаго князя Петра.

— Отчасти о томъ слышалъ, — отвѣчалъ Девіеръ, — а правда ль то, или нѣтъ — не вѣдаю.

Герцогъ сказалъ: «Хорошо ли это будетъ и полезно ли ея величеству? Надобно ея величеству донести о томъ съ обстоятельствомъ; это мнѣ говорилъ Толстой: надобно ея величеству имѣть предосторожность; свѣтлѣйшій князь силенъ, у него войска въ командѣ и военная коллегія подъ начальствомъ и ежели такъ сдѣлается, какъ онъ

---

[1]) Мы не читали подлиннаго дѣла по поводу этого заговора, которое принадлежитъ къ тайнымъ дѣламъ государственнаго архива; къ этимъ дѣламъ мы доступа не имѣли, и потому, по необходимости, должны руководствоваться свѣдѣніями, сообщенными изъ этого дѣла гг. Арсеньевымъ и Соловьевымъ, а сверхъ того извѣстіями иностранцевъ. Французъ Вильярдо разсказываетъ, будто Толстой въ сильной рѣчи представлялъ Екатеринѣ опасность, но не могъ отклонить ее. Отрывки изъ слѣдственнаго дѣла, намъ извѣстные, которыми мы далѣе пользуемся, не дозволяютъ довѣрять Вильярдо. Видно, что Толстой не имѣлъ случая говорить объ этомъ съ государынею.

хочетъ, то придетъ въ пущую силу и тогда попроситъ ея величество, чтобы изъ Шлютенбурга бывшую царицу взять, а она стараго обычая человѣкъ, можетъ все перемѣнить постарому, нрава гнѣвнаго. Къ тому же можетъ быть захочетъ обиду сдѣлать ея величеству и дѣтямъ ея. Такъ говорилъ мнѣ Толстой. Да я и самъ признаю, что нехорошо и надобно о томъ сказать ея величеству, какъ она изволитъ, чтобъ вѣдала.»

— Не худо, — отвѣчалъ Девіеръ, — надобно знать о томъ государынѣ. Да почему же вы сами не доложите ея величеству?

— Я, — отвѣчалъ герцогъ, — уже нѣчто далъ ея величеству знать, токмо изволила умолчать.

Девіеръ сказалъ: «какъ время найдете, доложите ея величеству».

Послѣ праздника Пасхи пріѣхалъ къ Девіеру Толстой и сначала велъ разговоръ о томъ, какъ бы у государыни выпросить милости своему провинившемуся сыну, а потомъ, съ видомъ откровенности, спросилъ Девіера: говорилъ ли тебѣ что нибудь его королевское высочество герцогъ?

— Нѣчто мнѣ говорилъ, — сказалъ Девіеръ.

— А вѣдаешь ты, — спросилъ Толстой, — что дѣлается сватовство у великаго князя на дочери свѣтлѣйшаго?

— Вѣдаю, — отвѣчалъ Девіеръ, — но отчасти, а подлинно не вѣдаю, только вижу, что его свѣтлость обходится съ великимъ княземъ ласково.

Толстой сказалъ: «Надобно обо всемъ донести ея величеству обстоятельно и показать ей, что впередъ можетъ статься; свѣтлѣйшій князь и теперь такъ великъ, въ милости, а ежели то сдѣлается по воли ея величества, не будетъ ли послѣ того государынѣ какой нибудь противности? вѣдь онъ захочетъ добра больше великому

князю, чѣмъ ей; къ тому же онъ очень честолюбивъ; можетъ статься, что великаго князя сдѣлаетъ наслѣдникомъ и бабушку его велитъ сюда привести, а она женщина нрава особливаго, жестокосерда, захочетъ вымести злобу и дѣла, которыя были при блаженной помяти государѣ — опровергнуть, для того надобно ея величеству обстоятельно донести, какъ она о томъ соизволитъ, только бы о томъ о всемъ была извѣстна; я самъ хочу донести, да и тебя прошу, если время сыщешь, доложи и ты. Мнится мнѣ, что лучше будетъ, когда ея императорское величество, для своего интереса, короновать изволитъ при себѣ цесаревну Елисавету Петровну или Анну Петровну, или обѣихъ вмѣстѣ и когда такъ сдѣлается, то ея величеству благонадежнѣе будетъ, а потомъ, какъ великій князь научится, тогда можно будетъ за море его послать погулять и для обученія послать въ другія государства, какъ и прочіе европейскіе принцы посылаются».

Но когда шло дѣло о томъ, какую изъ двухъ царевенъ предпочесть, то оба пріятеля расходились въ своихъ взглядахъ. Девіеръ стоялъ за старшую, герцогиню и говорилъ: «нравомъ она изрядна, умильна и пріемна и умъ превеликій, много на отца походитъ и человѣчествомъ изрядная, а другая царевна, хоть изрядная, только будетъ посердитѣе». Но Толстой былъ за Елисавету: «мужъ Анны,— говорилъ онъ,— герцогъ Голштинскій, нелюбимъ у насъ, какъ чужеземецъ, да и онъ самъ смотритъ на Россію только какъ на средство добыть шведскій престолъ. Елисавету Петровну надобно возвести, а великій князь Петръ еще малъ, пусть поучится, потомъ заграницей поѣздитъ, а тѣмъ временемъ цесаревна Елисавета коронуется и утвердится на престолѣ».

Подобные разговоры велись у Девіера и Толстого съ Бутурлинымъ, Скорняковымъ-Писаревымъ, Ушаковымъ и

герцогомъ Голштинскимъ. Всѣ толковали о томъ, что надобно доложить государынѣ, указать ей опасность отъ Меншикова и убѣдить заранѣе назначить наслѣдницею престола одну изъ своихъ дочерей. Девіеръ изъявлялъ желаніе сѣсть въ числѣ членовъ верховнаго тайнаго совѣта, а Голштинскій герцогъ — получить чинъ генералиссимуса. Между тѣмъ, всѣ только говорили между собою, не приступая къ объясненію съ императрицею — и такъ проходили дни за днями, пока, наконецъ, 10 апрѣля, герцогъ Голштинскій послалъ къ Толстому пригласить его для совѣщанія въ домъ къ Андрею Ушакову. Толстой, не заставши Ушакова дома, поѣхалъ по улицѣ, и вдругъ нагналъ его герцогъ Голштинскій, пригласилъ къ себѣ въ коляску и приказалъ ѣхать въ свой домъ. Тамъ былъ уже Ушаковъ.

— Знаете ли, — сказалъ герцогъ, — императрица сдѣлалась очень больна и надежды на выздоровленіе мало. Если она скончается, не распорядившись престолонаслѣдіемъ, то мы всѣ пропадемъ; нельзя ли теперь же поскорѣе убѣдить ея величество, чтобъ она объявила наслѣдницею дочь свою.

— Прежде этого не сдѣлали, — сказалъ Толстой, — теперь уже поздно, когда императрица при смерти.

— Правда, — сказалъ на это Ушаковъ.

Съ тѣхъ поръ какъ Екатерина заболѣла и болѣзнь ея внушала опасенія, русскіе вельможи прятались другъ за друга, притворялись больными, стараясь держать себя вдалекѣ отъ дѣлъ, чтобъ не попасться въ просакъ. Апраксинъ, Голицынъ, Головкинъ, Меншиковъ, Остерманъ, всѣ пребывали притворно больными, смотря по разсчету, когда находили для себя это полезнымъ. Къ концу апрѣля состояніе здоровья Екатерины сдѣлалось безнадежнымъ. Меншиковъ овладѣлъ особою умирающей и старался ни-

кого не допускать къ ней. Въ такомъ положеніи дѣлъ не трудно ему было отъ имени государыни обвинить Девіера въ непристойныхъ словахъ и проступкахъ и нарядить надъ нимъ слѣдственную коммиссію. Меншиковъ разсчелъ, что если зацѣпить Девіера, то за нимъ откроются и попадутся другіе его соумышленники. Коммиссія, назначенная для допроса Девіера, состояла изъ слѣдующихъ лицъ: канцлера Головкина, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Голицына, генералъ-лейтенанта Мамонова и князя Юсупова, при участіи коменданта петербургской крѣпости Фаминцына. Допросъ производился въ крѣпости.

Дѣло поставлено было такъ, какъ будто слѣдствіе о Девіерѣ возникаетъ отъ показанія цесаревенъ.

Антонъ Девіеръ обвинялся въ томъ, что 16 апрѣля, когда особенно государынѣ было плохо и «всѣ доброжелательные подданые были въ печали», онъ «не былъ въ печали, а веселился». Такъ напримѣръ, плачущую племянницу императрицы Софью Карловну, вертѣлъ, какъ будто танцуя съ нею, и говорилъ: «не надобно плакать»; — сѣвши на кровать рядомъ съ великимъ княземъ, шепталъ ему что-то на ухо, а когда въ это время вошла цесаревна Елисавета, онъ не отдалъ ей «должнаго рабскаго респекта» и «со злой своей продерзости» говорилъ: «о чемъ печалишься? Выпей рюмку вина»! а великому князю, какъ объявилъ послѣдній, говорилъ: «Поѣдемъ со мной въ коляскѣ, лучше тебѣ будетъ, и воля, а матери твоей не быть живой»! и еще шутилъ съ великимъ княземъ, говоря, что «его высочество сговорилъ жениться, а они будутъ за его невѣстою волочиться, а онъ станетъ ревновать».

Эти обвиненія выставлены были, чтобъ найти поводъ къ начатію розыска о другомъ дѣлѣ, и черезъ такой ро-

зыскъ доискаться: «въ какой силѣ злыя слова говорилъ, гдѣ съ кѣмъ и когда былъ въ совѣтѣ и какое злое имѣлъ намѣреніе».

По тогдашнимъ юридическимъ обычаямъ Девіера подвергли пыткѣ. Девіеръ не стерпѣлъ тѣлесныхъ мученій и открылъ всѣхъ, съ кѣмъ велъ бесѣды о недопущеніи великаго князя Петра до брака съ княжною Меншиковой и объ устраненіи Петра отъ престолонаслѣдія.

6 мая, Меншиковъ сообщилъ верховному тайному совѣту указъ отъ имени императрицы, рѣшавшій участь Девіера и его соумышленниковъ. Девіера и Скорнякова-Писарева указано, лишивъ чиновъ, чести и имущества, наказать кнутомъ и сослать въ Тобольскъ; Толстого, вмѣстѣ съ сыномъ Иваномъ—отправить на заточеніе въ Соловецкій монастырь, Бутурлина и Нарышкина, лишивъ чиновъ, послать на безвыѣздное житье въ деревняхъ; князя Ивана Долгорукаго и Ушакова — перевести въ полевые полки.

Императрица окончила жизнь свою въ тотъ самый день, когда Меншиковъ выдалъ, будто бы утвержденный государынею, указъ о казни Девіера съ соумышленниками. Само собою разумѣется, что умиравшая государыня не была ни душой, ни тѣломъ въ томъ виновна. Болѣзнь мучила Екатерину съ зимы; весною она усилилась; 16 апрѣля всѣ думали, что императрица тогда же скончается; вельможи и гвардейскіе офицеры цѣлую ночь пробыли въ дворцовыхъ покояхъ. Тогда, по приказанію императрицы, велѣно было раздать бѣднымъ 15,000 рублей, выпустить изъ тюрьмъ заключенныхъ и молиться въ церквахъ о государынѣ. Въ то время, когда всѣ ожидали, что она испуститъ дыханіе, съ нею сдѣлался сонъ, продолжавшійся пять часовъ, и послѣ того ей стало какъ будто легче; появилась слабая надежда на выздоровленіе.

Около больной императрицы неотступно находилась ея дочь Анна Петровна. Въ первыхъ числахъ мая врачи замѣтили, что у императрицы образовался въ легкихъ нарывъ. Этотъ нарывъ прорвался, и 6 числа мая, въ девятомъ часу пополудни, Екатерина скончалась тихо и спокойно. Судя по описываемымъ признакамъ хода ея болѣзни, она умерла отъ чахотки. Кончина постигла ее на сорокъ четвертомъ году возраста. (Weber. Das veränderte Russland. III, 81, 82).

Меншиковъ тотчасъ заявилъ завѣщаніе, будто-бы составленное по волѣ покойной императрицы. Престолъ оставлялся великому князю Петру Алексѣевичу. Мы не будемъ разбирать этого завѣщанія, такъ какъ оно принадлежитъ собственно уже слѣдующему царствованію. Мы думаемъ, что Екатерина участвовала въ составленіи его столько же, сколько и въ утвержденіи приговора надъ Девіеромъ и его товарищами.

Эпоха Петра Великаго, по истинѣ, можетъ назваться эпохою чудесъ. Мы не говоримъ уже о такихъ явленіяхъ, какъ возникновеніе сильнаго военнаго флота въ государствѣ, неимѣвшемъ до того времени ни одного морскаго судна, — сформированіе многочисленнаго и хорошо вооруженнаго войска, одерживавшаго блестящія побѣды надъ первымъ полководцемъ своего вѣка, — устроеніе фабрикъ и заводовъ въ странѣ, гдѣ до того времени были только первичныя начала кустарной промышленности для удовлетворенія незатѣйливыхъ потребностей простонароднаго быта, — образованіе ученыхъ, художниковъ, государственныхъ людей и дипломатовъ изъ того народа, у котораго въ слабой степени существовала грамотность — все это явленія черезчуръ извѣстныя и давно на всякіе лады оцѣненныя: новые толки объ нихъ могутъ показаться безплодною риторикою. Но мы укажемъ на тотъ кругъ лицъ,

который ближе соприкасался съ особою великаго Преобразователя: и здѣсь намъ представятся личности, въ судьбѣ которыхъ было что-то необыкновенное, дивное, таинственное. Насъ невольно поражаетъ судьба бѣднаго мальчика простолюдина, продававшаго на московскихъ улицахъ пироги; онъ впослѣдствіи сталъ обладателемъ многихъ земель и рабовъ, владѣльцемъ трипадцати милліоновъ капитала, дошелъ до значенія самаго всемогущаго человѣка въ государствѣ, не доставало ему только скипетра и короны: и этотъ человѣкъ, лишенный всего, умираетъ нищимъ изгнанникомъ въ сибирскихъ тундрахъ. А вотъ другой мальчикъ, нищій, сирота, бродитъ по улицамъ другаго города, Кіева: впослѣдствіи — это могучій іерархъ, славный и своимъ умомъ, и своими кознями Өеофанъ Прокоповичъ. А вотъ бѣдный тульскій оружейникъ, случайно поправившій Петру пистолетъ: впослѣдствіи онъ родоначальникъ богатѣйшаго въ Россіи дома. А сколько другихъ, вознесенныхъ Петромъ, сдѣланныхъ сильными вельможами, а потомъ, послѣ Петра, вслѣдъ за Меншиковымъ, проводившихъ остатокъ грустной жизни въ Сибири! Но никто не былъ къ Петру такъ близокъ какъ Екатерина. Какъ чудна, какъ необычна судьба этой женщины. Простолюдинка, бѣдная сиротка, получившая изъ христіанскаго человѣколюбія пріютъ и кусокъ хлѣба у добрыхъ людей, выростаетъ, находитъ себѣ жениха, выходитъ замужъ, готовится жить трудомъ, сообразно тому кругу, въ которомъ родилась. Вдругъ судьба разсыпаетъ по вѣтру ея желанія, разрушаетъ только-что состоявшійся союзъ семейной любви, судьба влечетъ ее жалкою плѣнницею въ чужую землю, къ чужимъ людямъ. Для чего? Для того ли, чтобъ оставить солдатскою прачкою, или рабою въ какомъ нибудь барскомъ домѣ? Нѣтъ. Для того, чтобы сдѣлать женою одного изъ величайшихъ

государей земныхъ и послѣ его кончины поставить самодержавною обладательницею обширной монархіи. Не похоже ли это на сказку? Въ самомъ дѣлѣ, если бы ктс, въ видѣ сказки, разсказалъ подобную судьбу женщины, то разсказчику поставили бы въ виду крайнюю невѣроятность вымысла. И однако это не сказка, а историческая быль. Судьба какъ будто указала Екатеринѣ призваніе — жить для Петра, быть необходимою для великаго человѣка и тѣмъ сослужить великую службу Россіи и всему человѣчеству. Выше мы сказали, что не знаемъ степени ея участія въ воинскихъ и гражданскихъ предпріятіяхъ, о чемъ заявлялъ Петръ, но увѣрены, что она была дѣйствительно его помощница на столько, на сколько для этого великаго человѣка было необходимо смягчательное, успокояющее вліяніе женской души. Эту женскую душу Петръ нашелъ въ Екатеринѣ. Нашелъ ли бы онъ ее, если бы судьба не свела его съ Ливонскою плѣнницею, — мы не беремся объ этомъ гадать; но вѣрно то, что Петръ не нашелъ этой женской души ни въ Евдокіи Лопухиной, ни въ Аннѣ Монсъ, ни во многихъ другихъ особахъ женскаго пола, съ которыми онъ сходился случайно и ненадолго. Одна Екатерина привязала его къ себѣ. Одна Екатерина сумѣла быть достойною подругою этого великаго генія, который вполнѣ понималъ и цѣнилъ нравственное женское достоинство, хотя временно и ниспускался въ грязь цинизма и разврата: эта грязь не могла, прильнувъ къ его могучей натурѣ, испортить его. Только такая подруга, какъ Екатерина, нужна была Петру; самъ великій человѣкъ сознавалъ это и оттого такъ высоко возносилъ свою «Катеринушку». Она сдѣлала все свое дѣло, исполнила тайное призваніе своей земной жизни; она прожила съ Петромъ двадцать лѣтъ, съ терпѣніемъ перенесла крестъ его строптиваго и ди-

каго нрава, крестъ подчасъ очень тяжелый — незлобиво и любовно служила ему ангеломъ-утѣшителемъ во всѣхъ жизненныхъ путяхъ, неусыпно просидѣла у изголовья его смертнаго одра многіе дни и ночи и закрыла глаза своему великому другу. Здѣсь и окончилось ея земное призваніе. Осталась она безъ Петра въ этомъ мірѣ; люди вознесли ее тогда на такую высоту, на какой она не могла уже и держаться; и въ этомъ внѣшнемъ величіи Екатерина стала совершенно лишнею въ мірѣ; можно признать къ ней за особенную милость Провидѣнія, что она пережила своего супруга только двумя годами и тремя мѣсяцами. Кто знаетъ, что ожидало бы ее въ этомъ омутѣ козней сталкивавшихся между собою временщиковъ, коварныхъ себялюбцевъ, алчныхъ корыстолюбцевъ, старавшихся одинъ другаго утопить, чтобъ самому стать повыше. Во всякомъ случаѣ ей предстояла роль не блестящая, скорѣе жалкая, а можетъ быть и плачевная. Судьба избавила ее отъ этого искушенія; Екатерина скончалась кстати, оставивъ по себѣ въ исторіи свѣтлое воспоминаніе какъ многолѣтняя спутница великаго русскаго государя, нѣжно имъ любимая, и какъ добрая женщина, всегда, на сколько было возможно, готовая облегчить чужія бѣдствія и никому недѣлавшая зла.

САМОДЕРЖАВНЫЙ ОТРОКЪ.

САМОДЕРЖАВНЫЙ ОТРОКЪ.

Послѣ трагической кончины царевича Алексѣя Петровича осталось двое сиротъ его: дочь Наталья и сынъ Петръ. По принятому въ Русской землѣ предпочтенію мужескаго пола предъ женскимъ, великій князь Петръ Алексѣевичъ, хотя и моложе сестры своей, съ дѣтства долженъ былъ считаться законнымъ наслѣдникомъ престола. Петръ Великій понималъ, что такое право будутъ признавать за этимъ младенцемъ (великій князь Петръ Алексѣевичъ родился 12 октября 1715 года), однако самъ не желалъ, чтобы внукъ воспользовался этимъ правомъ. Отвращеніе къ сыну, рожденному отъ ненавистной Евдокіи Лопухиной, въ душѣ царя переходило и на потомство этого несчастнаго сына. Петру хотѣлось доставить престолъ потомству своей любимой Катеринушки. Петръ объявилъ своимъ преемникомъ рожденнаго отъ ней сына Петра Петровича, носившаго на семейномъ языкѣ родителей и нянекъ названіе «шишечки». Но не сбылись надежды государя: его «дорогой шишечка» умеръ, не достигши даже отроческихъ лѣтъ. Чрезвычайно скорбѣлъ о немъ родитель, но не перенесъ своей привязанности на внука, хотя, какъ разсказываютъ, въ минуты досады склонялся иногда къ мысли признать право внука. Однако онъ ни разу гласно не заявилъ этой мысли. На-

противъ, въ 1722 году онъ обязалъ своихъ подданныхъ присягою заранѣе повиноваться тому неизвѣстному лицу, кого царю угодно будетъ послѣ себя объявить своимъ преемникомъ. Русь дала такую странную присягу, потому что Русь привыкла исполнять безъ сопротивленія все, что прикажутъ сверху, но Русь не переставала признавать по праву наслѣдникомъ престола законнаго сына царевича Алексѣя.

Маленкій Петръ лишился матери тогда еще, когда не въ силахъ былъ знать ее. Кронпринцесса Шарлота оставила его вмѣстѣ съ его сестрою подъ надзоромъ няньки или гофмейстерши Роо, родомъ нѣмки. Когда царевичу Петру было три года отъ роду, онъ въ своихъ дѣтскихъ забавахъ выказывалъ любознательность, подававшую утѣшительныя надежды: онъ пожелалъ, чтобъ ему сдѣлали батарею съ пушками, изъ которыхъ самъ палилъ; онъ также упражнялся въ стрѣльбѣ изъ маленькаго ружья. (Weber, III, 92). Потомъ надзирателями за нимъ были женщины «неважной кондиціи», одна — вдова портнаго, другая — вдова какого-то трактирщика, а танцмейстеръ Норманъ училъ его чтенію и письму и сообщалъ первоначальныя свѣдѣнія о морскомъ дѣлѣ, такъ какъ самъ служилъ прежде во флотѣ. Въ 1719 году, слѣдовательно тотчасъ послѣ смерти его родителя, былъ къ нему назначенъ воспитателемъ или дядькою нѣкто Мавринъ, бывшій при дворѣ пажомъ, потомъ носившій званіе камеръ-юнкера, а въ 1723 году былъ у Петра учителемъ венгерецъ Зейкинъ. Какъ мало обращалъ вниманія на воспитаніе внука Петръ Великій, показываетъ то, что когда какой-то наставникъ великаго князя Петра Алексѣевича съ восторгомъ говорилъ царю объ успѣхахъ своего питомца и убѣждалъ царя лично пожаловать на экзаменъ, государь не исполнилъ его приглашенія. По

извѣстіямъ прусскаго посланника Мардефельда, бывшаго въ Россіи въ концѣ царствованія Петра Великаго и въ послѣдующіе за смертію его годы (Сборн. Р. Ист. Общ. XV, 241—242), Петръ умышленно не заботился о воспитаніи внука, давая тѣмъ ясно понять, что не хочетъ, чтобъ этотъ ребенокъ взошелъ когда нибудь на престолъ. Въ послѣдніе два года Петрова царствованія общее мнѣніе въ Россіи было таково, что царь, любя болѣе всѣхъ въ своей семьѣ великую княжну Анну Петровну, для нея готовилъ преемство престола; бракъ съ этой великой княжной былъ важнымъ по своимъ послѣдствіямъ событіемъ, потому что долженъ былъ установить вопросъ о преемничествѣ, и будущій мужъ Анны Петровны могъ открыть для Россіи новую царственную династію. Въ Петербургѣ думали, что наслѣдники всѣхъ европейскихъ престоловъ станутъ добиваться руки дочери царя Петра. Были предложенія отъ имени наслѣднаго испанскаго принца, отъ имени прусскаго наслѣднаго принца, отъ имени герцога шартрскаго, но всѣхъ болѣе посчастливилось голштинскому герцогу, родному племяннику короля Карла XII, претендовавшему не безъ основанія на шведскую корону послѣ дяди. Этому принцу посчастливилось оттого, что онъ нѣсколько лѣтъ сряду въ качествѣ изгнанника, ищущаго покровительства своимъ правамъ, проживалъ въ Россіи и могъ лично сойтись съ великою княжною. Притомъ ему покровительствовала и любила его Екатерина, и это, какъ увѣряетъ прусскій посланникъ, происходило у послѣдней не безкорыстно: она хотѣла выдать дочь поскорѣе замужъ, чтобы, въ случаѣ смерти мужа, самой сдѣлаться царицею и не имѣть соперницы въ дочери, которую могли возвести, зная особую любовь къ ней родителя. Предпочтеніе, которое оказывалъ Аннѣ Петровнѣ царь Петръ, совпадало

съ характеромъ, душевными свойствами и сочувствіями великой княжны. Это была особа умная, любившая заниматься серьезными предметами, очень любознательная, не терпѣвшая русскихъ обычаевъ и склонная къ усвоенію всего иностраннаго. Такая была по-сердцу Петру, хоть бы и не была его дочерью. Совершенную противоположность долженъ былъ представлять великій князь Петръ. Собственно личность его не могла еще ясно выразиться, но будучи еще младенцомъ, онъ уже лелѣялъ надежды и желанія приверженцевъ старины, сторонниковъ чисто-русскаго направленія, а къ такимъ принадлежали и многія боярскія фамиліи и большая масса русскаго народа. Въ то время какія-нибудь тридцать лѣтъ реформаторской Петровой дѣятельности не успѣли образовать ту бездну, которая впослѣдствіи выработалась временемъ между высшими слоями русскаго общества и чернымъ народомъ. Число понѣмеченныхъ русскихъ все-таки не превышало массы тѣхъ, что продолжали всѣмъ существомъ своимъ тянуться къ завѣтной старинѣ, и у многихъ подъ европейскими кафтанами и Андреевскими звѣздами билось сердце съ тѣми ощущеніями, какія слышались въ сердцѣ каждаго русскаго простолюдина. Маленькій великій князь Петръ былъ сынъ царевича Алексѣя, котораго самъ отецъ послѣдняго, царь Петръ, выставлялъ сторонникомъ старыхъ русскихъ обычаевъ и противникомъ отцовскихъ преобразованій. За этого Алексѣя была въ оное время вся русская старина; Алексѣя не стало; старолюбцы оплакивали его, своего вожака, свою надежду; но у Алексѣя былъ сынъ; онъ, этотъ сынъ, еще былъ малолѣтенъ, но со временемъ выростетъ и станетъ заступникомъ старолюбцевъ, слѣдуя по стопамъ своего несчастнаго родителя. Этотъ малолѣтокъ дѣлался заранѣе знаменемъ старолюбцевъ, какимъ былъ для нихъ

нѣкогда царевичъ Алексѣй Петровичъ. Петръ Великій не любилъ его и не заботился о его воспитаніи: тѣмъ лучше, значитъ Алексѣевъ сынъ не будетъ испорченъ въ дѣтствѣ, и выйдетъ изъ него чистый русскій, какого старолюбцамъ и нужно было! А между тѣмъ современники, видѣвшіе этого ребенка, говорили въ одинъ голосъ, что онъ кроткаго нрава, добраго сердца, весь въ мать, которая, хотя нѣмка, но была святой жизни женщина,— а красота этого ребенка просто ангельская! А къ сестрѣ своей какую чрезвычайную любовь и нѣжную дружбу питаетъ... прелесть, что за мальчикъ!

И этого-то мальчика не любилъ дѣдушка, не любилъ между прочимъ оттого, что слишкомъ былъ самъ уменъ и зналъ человѣческую природу: онъ понималъ, что внукъ его не забудетъ судьбы своего родителя, и станетъ ему все то милымъ, за что потерпѣлъ его родитель. Трагическая смерть царевича Алексѣя произвела всеобщую скорбь: проявлять ее гласно не смѣли русскіе люди, но въ глубину сердецъ ихъ не могли проникнуть происки никакихъ тайныхъ канцелярій и преображенскихъ приказовъ. Даже большая часть подписавшихъ приговоръ надъ Алексѣемъ сдѣлала это изъ страха. Понятно, что за исключеніемъ немногихъ, въ родѣ Толстаго и Румянцева, показавшихъ лично злобу къ царевичу, всѣ готовы были обратить симпатіи свои къ царевичеву сыну. Царствованіе Петра Великаго для всѣхъ было не легкимъ; многіе не прочь были видѣть царя съ направленіемъ обратнымъ Петрову, а такого направленія ожидать могли именно отъ сына царевича Алексѣя. Притомъ многовѣковая привычка видѣть на престолѣ прямыхъ наслѣдниковъ по крови бывшихъ государей такъ укоренилась въ русскомъ народѣ, что никакіе новые указы не въ силахъ были истребить ее скоро: русскіе привыкли уже

считать отъ самого Бога установленнымъ правиломъ, что сыновья наслѣдуютъ послѣ отцовъ. Наслѣдникомъ Петра Великаго былъ сынъ его Алексѣй. Не стало Алексѣя, но былъ у Алексѣя сынъ, — стало быть этотъ сынъ долженъ быть наслѣдникомъ русскаго престола. Такъ смотрѣла вся Русь, вопреки требованіямъ царя признать въ свое время того, кого онъ пожелаетъ наименовать преемникомъ послѣ себя. Впрочемъ царь Петръ до самой своей кончины не показалъ даже никакихъ намековъ — кого бы онъ желалъ видѣть своимъ преемникомъ. Онъ требовалъ, чтобы всѣ съ покорностью дожидались того часа, когда ему угодно будетъ объявить объ этомъ, и не терпѣлъ, когда дерзали его объ этомъ спрашивать. Разсказываютъ, что онъ не на шутку разсердился на Ѳеофана Прокоповича, который, видя, что Петръ оказываетъ особое расположеніе къ своему будущему зятю, голштинскому герцогу, и, думая угодить царю, сталъ хвалить этого герцога и дѣлать намеки, что этотъ будущій супругъ русской великой княжны могъ бы съ достоинствомъ занять русскій престолъ.

Когда Петръ короновалъ жену свою Екатерину, тогда многіе видѣли въ этомъ поступкѣ желаніе сдѣлать ее послѣ себя преемницею на престолѣ. Не станемъ безусловно довѣрять сказанію Ѳеофана Прокоповича, будто наканунѣ коронаціи Екатерины Петръ говорилъ о причинахъ, побуждающихъ его къ этому поступку: что онъ послѣ себя хочетъ предоставить ей престолъ. Конечно, Ѳеофанъ, сообщая это извѣстіе уже послѣ кончины царя, могъ такъ говорить въ угоду Екатеринѣ; но то несомнѣнно, что эта коронація была единственнымъ фактическимъ доводомъ желанія Петра, чтобы его жена послѣ него вступила на царство, и, правду сказать, инымъ ничѣмъ кромѣ такого желанія нельзя было объяснить

этого поступка царя. Россія вѣрила, что у Петра было это желаніе, и эта вѣра утверждала право Екатерины въ то время, когда она царствовала. Ей повиновались, считали, что она взошла на престолъ по волѣ покойнаго государя, но ее не любили, и не хотѣли, чтобъ она господствовала, или, что все равно, чтобъ сильные земли господствовали ея именемъ. Еще никогда на Руси не была возводима на престолъ женщина и не предоставлялось ей права царствовать самобытно безъ мужчинъ. Такая новизна порождала соблазнъ. Чувство законности, вытекающей не изъ постановленій, изданныхъ такимъ-то государемъ въ такое-то время, а изъ естественнаго порядка и нравственныхъ понятій, освященныхъ вѣками, влекло сердце русскихъ къ великому князю, сыну несчастнаго царевича Алексѣя. На сторону этого отрока склонялась и масса простаго русскаго народа и духовенства, и люди родовитые, князья, потомки древнихъ рюриковичей и гедиминовичей: Голицыны, Репнины, Трубецкіе, Долгоруковы и вновь поднявшіеся въ одну версту съ старинными родами: Головкины, Нарышкины, Салтыковы. Кромѣ чувства законности, которое родовитыя особы раздѣляли со всею массою русскаго народа, ихъ лелѣяла мысль объ ограниченіи самодержавной власти, а органомъ этого ограниченія могли быть именно они въ качествѣ высшаго класса націи. Познакомившись по волѣ покойнаго государя съ западно-европейскими порядками, они узнали, что во многихъ западныхъ странахъ верховная власть не пользуется такимъ неограниченнымъ произволомъ какъ въ Россіи и, прельщаясь этимъ, желали, чтобъ и въ своемъ отечествѣ явилось тоже. Самъ Петръ заимствовалъ коллегіальное устройство изъ Швеціи; неудивительно, что туда направились и пожеланія родовитыхъ русскихъ людей: узнали они, что именно въ Швеціи государственный совѣтъ такъ много значитъ,

что ставитъ преграды верховной королевской власти; тоже русскимъ вельможамъ хотѣлось завести и у себя; и естественно возникли надежды, что всего успѣшнѣе это могло осуществиться и пустить первые ростки во время малолѣтства государя, когда по необходимости вмѣсто него должны будутъ управлять дѣлами государства его вельможи. Еще во время кончины Петра Великаго, если вѣрить Бассевичу (Р. Арх. 1865, стр. 621), въ Петербургѣ составлялся заговоръ съ цѣлью заключить Екатерину вмѣстѣ съ ея дочерьми въ монастырь, возвести на престолъ великаго князя Петра и возстановить старые порядки, все еще дорогіе не только простому народу, но и большей части вельможъ. У заговорщиковъ была надежда на армію, находившуюся въ Украинѣ и состоявшую подъ командой князя Михаила Голицына. Но къ счастію для Екатерины узналъ объ этомъ въ пору Меншиковъ. Нѣтъ нужды повторять здѣсь обстоятельствъ, при которыхъ провозглашена была Екатерина; столько же добродушная, какъ и умная отъ природы Екатерина не стала преслѣдовать заговорщиковъ: это значило бы идти противъ общественнаго мнѣнія, которое тогда было за право великаго князя Петра Алексѣевича. Впрочемъ наиболѣе видные и вліятельные сторонники послѣдняго были фактически понижены въ царствованіе вдовы Петра Великаго. У Репнина отнялъ власть Меншиковъ; канцлеръ Головкинъ, при избраніи Екатерины заявившій, что не худо было бы услышать объ этомъ голосъ народа, долженъ былъ замолчать, Василій Лукичъ Долгоруковъ удаленъ былъ въ Варшаву посломъ, а Остерманъ, постоянно державшійся стороны великаго князя, во-време успѣлъ притвориться больнымъ и черезъ то впослѣдствіи поставилъ себя такъ, что во все царствованіе Екатерины продолжалъ оставаться у дѣлъ. Сдѣлавшись самодержав-

ною государынею, Екатерина постоянно оказывала знаки любви и вниманія великому князю, и это помогло тому, что ея короткое царствованіе прошло безъ важныхъ потрясеній. Его особа, какъ внука Петра и сына того, кто сталъ для многихъ народнымъ мученикомъ, была священна, и чѣмъ болѣе онъ возросталъ, тѣмъ сильнѣе сердца обращались къ нему. Это-то главнымъ образомъ произвело крутой поворотъ въ направленіи Меншикова, который изъ противника вдругъ сталъ приверженцемъ малолѣтняго великаго князя. Будучи нѣкогда однимъ изъ виновниковъ гибели царевича Алексѣя, Меншиковъ естественно долженъ былъ страшиться, что сынъ этого царевича Алексѣя, вступивши въ возрастъ, не помянетъ добромъ гонителей родителя его, а Меншикова тѣмъ болѣе, когда узнаетъ, что и послѣ Петра Великаго Меншиковъ дѣйствовалъ противъ тѣхъ, которые готовы были заступиться за права законнаго наслѣдника престола. Между тѣмъ уже дѣлалось очевиднымъ, что, сколько бы Меншиковъ ни старался, всѣ его усилія будутъ напрасны: Петръ станетъ государемъ мимо воли Меншикова, и Меншиковъ будетъ одною изъ первыхъ жертвъ его, и защитить его некому тогда будетъ. Это дѣлалось явнымъ для Меншикова тогда, когда, добиваясь Курляндскаго герцогства, онъ увидалъ, что Екатерина не помогаетъ его честолюбивымъ видамъ на столько, на сколько бы ему хотѣлось. На Екатерину все болѣе и болѣе имѣлъ вліяніе голштинскій герцогъ, зять государыни: этотъ герцогъ не любилъ Меншикова, да и Меншиковъ не любилъ герцога. Не безъ этого вліянія произошло и то, что по курляндскому вопросу о поступкахъ Меншикова поручено было произвести дознаніе заклятому врагу Меншикова Девіеру. Императрица, зная непріязненныя ихъ отношенія между собою, во все свое царствованіе благово-

лила къ Девіеру и теперь хотѣла явно показать свѣтлѣйшему князю, что не намѣрена состоять у него въ покорности. Въ то время, какъ Меншиковъ находился въ Курляндіи, голштинскій герцогъ провелъ въ верховномъ тайномъ совѣтѣ постановленіе, чтобъ никакой указъ не былъ издаваемъ безъ подписи государыни или верховнаго совѣта. Во всѣхъ дѣлахъ Меншиковъ видѣлъ и чувствовалъ, что герцогъ вредитъ ему, опасается его и строитъ противъ него ковы. Хотя наружное согласіе не прерывалось между обоими соперниками, но оба они знали, что одинъ другому не другъ. А между тѣмъ Меншиковъ, придерживаясь строго партіи императрицы и дочерей ея, противъ правъ великаго князя Петра, долженъ будетъ работать для своего врага, Голштинскаго герцога: вѣдь можетъ же быть объявлена наслѣдницею старшая дочь Екатерины, жена Голштинскаго герцога! Даже если предположить, что не Анна, а другая дочь, Елисавета, будетъ объявлена преемницею Екатерины на престолѣ — для Меншикова все-таки не много отъ того вѣрной надежды. Елисавета могла выйдти замужъ за какого нибудь иноземнаго принца, и съ нею вмѣстѣ на русскій престолъ возсѣлъ бы иноземецъ, и для этого-то иноземца Меншиковъ будетъ прокладывать дорогу! Иное дѣло, когда бы у Екатерины былъ сынъ, тогда Меншиковъ едва ли бы сталъ долго колебаться между сыномъ Екатерины и сыномъ царевича Алексѣя и, конечно, принялъ бы сторону перваго и держался бы ея крѣпко. Но теперь представлялось выбирать: или пристать къ сторонѣ великаго князя Петра, отъ котораго можно было опасаться мести за родителя, или же стоять за дочерей Екатерины и трудиться — либо для своего врага голштинскаго герцога, либо кто знаетъ для кого въ особѣ будущаго мужа Елисаветы. Такой вопросъ путемъ здраваго

размышленія приводилъ Меншикова на сторону великаго князя. Свѣтлѣйшій видѣлъ и зналъ, что народъ станетъ за Петра, и потому всѣ усилія Меншикова въ пользу дочерей Екатерины могутъ оказаться напрасны и гибельны для него самого. А великій князь былъ такъ силенъ въ народномъ сочувствіи къ нему, что если бы Меншикову удалось объявить одну изъ дочерей Екатерины ея преемницею, если бы даже принесена была на вѣрность новой государынѣ присяга — и тогда великій князь Петръ Алексѣевичъ безъ партіи бы не остался. Его положеніе походило на положеніе его родителя въ то время, когда Петръ Великій хотѣлъ ограничиться тѣмъ, чтобъ заставить его отречься отъ своихъ правъ на престолонаслѣдіе въ пользу брата. Самъ же великій государь пришелъ скоро къ тому убѣжденію, что это было бы напрасно: цѣль этимъ путемъ не была бы достигнута. Алексѣя непремѣнно вытянули бы изъ бездѣйствія и заставили сдѣлаться если не вожакомъ, то значкомъ партіи, противной Петру и его преобразованіямъ. Точно такъ теперь, при государынѣ Екатеринѣ, было то же съ сыномъ царевича Алексѣя. Около этого малолѣтняго великаго князя группировалась партія, которая брала себѣ мальчика за значекъ. Разныя побужденія завлекали русскихъ въ эту партію: одни видѣли въ этомъ отрокѣ воскресителя старины, другихъ привлекало къ нему чувство законности или виды на ограниченіе самодержавія, какъ мы замѣтили выше, а нѣкоторые имѣли въ виду собственныя выгоды и возвышеніе, какъ всегда бываетъ при перемѣнахъ. Какъ ни разнобразны могли быть побужденія, привлекавшія къ царственному отроку, все-таки въ результатѣ выходило, что у Петра готово было явиться такъ много сторонниковъ, что отважиться на борьбу съ ними было бы дѣло черезчуръ рискованное и

опасное. Это зналъ Меншиковъ и не могъ онъ этого не знать, послѣ того какъ въ тайную канцелярію къ генералъ-маіору Ушакову чуть не каждый день привозили провинившихся въ томъ, что предпочитали права на престолъ великаго князя Петра Алексѣевича правамъ императрицы Екатерины Алексѣевны; а у нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ уваженіе къ великому князю доходило до того, что они не страшились поминать его имя на ектеніяхъ въ богослуженіи какъ законнаго наслѣдника престола.

Соображая все это, Меншиковъ пришелъ къ мысли — изъ противника сдѣлаться сторонникомъ и защитникомъ правъ великаго князя Петра Алексѣевича. Къ этому настроилъ его цесарскій посланникъ Рабутинъ. Въ интересахъ римскаго императора естественно было тогда домогаться, чтобы послѣ императрицы Екатерины былъ объявленъ наслѣдникомъ великій князь Петръ Алексѣевичъ, свойственникъ императора Карла VI, сынъ сестры императрицы. Кромѣ этихъ родственныхъ связей, много пользы надѣялось извлечь для себя имперское правительство отъ вступленія на русскій престолъ этого отрока. Рабутинъ первый подалъ Меншикову мысль перейти на сторону Петра и тѣмъ угодить императору. Заодно съ Рабутиномъ дѣйствовалъ на Меншикова датскій посланникъ Вестфаленъ, который, въ видахъ своего правительства, хотѣлъ не допустить голштинскаго герцога до престолонаслѣдія въ Россіи. Но чтобъ обезопасить себя отъ мести со стороны великаго князя за родителя, Меншиковъ, также слѣдуя совѣту Рабутина, положилъ женить наслѣдника русскаго престола на своей дочери. Такимъ образомъ, когда этотъ наслѣдникъ станетъ императоромъ, сколько бы ни старались озлобить его противъ враговъ его родителя, чувство мести къ

Меншикову сталкивалось бы въ немъ съ чувствомъ уваженія къ своему тестю. Но Меншикову оказывалось нужнымъ заранѣе оградить себя по этому поводу. Иначе — великій князь могъ дать обѣщаніе жениться на дочери Меншикова, а потомъ отречься отъ такого обѣщанія. Меншикову казалось, что для предупрежденія такого несчастія полезно будетъ устроить это дѣло теперь, пока жива Екатерина. Обвѣнчать великаго князя съ княжною Меншиковою теперь же было невозможно: великій князь не достигъ совершеннолѣтія. Но можно было связать его на будущее время волею императрицы-бабушки. Сама судьба, или стеченіе обстоятельствъ, помогли въ этомъ Меншикову. Екатерина очутилась какъ бы въ долгу сдѣлать для Меншикова угодное.

Сынъ польскаго выходца Сапѣги, получившаго въ Россіи званіе фельдмаршала, прекрасный молодой человѣкъ, плѣнявшій взоры и сердца красавицъ петербургскаго высшаго общества, возъимѣлъ было желаніе сочетаться бракомъ съ княжною Меншиковою, но потомъ по старанію Екатерины вознамѣрился жениться на племянницѣ императрицы, Скавронской. Это обстоятельство подало Меншикову смѣлость просить государыню въ замѣну отнятаго у его дочери жениха благоволить дать ей другаго, дозволить жениться на ней великому князю. Императрица въ это время была уже больна и ослабѣла духомъ. Она на все согласилась. Узнали объ этомъ ея дочери и противники Меншикова, на челѣ которыхъ очутился тогда Толстой, бывшій недавно еще его другомъ. Они соображали, что изъ этого можетъ послѣдовать такое возвышеніе временщика, которое для нихъ всѣхъ будетъ не безопасно; они просили Екатерину не допускать до этого. Императрица говорила имъ въ утѣшеніе, что данное Меншикову соизволеніе на бракъ великаго

князя съ его дочерью не рѣшаетъ вопроса о престолонаслѣдіи. Вслѣдъ затѣмъ Меншиковъ подсунулъ больной государынѣ завѣщаніе, по которому престолъ назначался великому князю Петру, а двумъ дочерямъ императрицы давалось по 300,000 рублей на приданое, по 100,000 рублей каждой въ годъ до совершеннолѣтія будущаго государя и по одному милліону каждой единовременно, да вдобавокъ всѣ туалетныя украшенія и все столовое серебро и золото; а мѣстности и земли, составлявшія частную собственность государыни, предоставлялись ея родственникамъ Скавронскимъ. Въ завѣщаніи своемъ императрица поручала великому князю жениться на Меншиковой, а дочери Елисаветѣ выйдти замужъ за епископа любскаго, двоюроднаго брата Голштинскаго герцога. Управленіе государствомъ до совершеннолѣтія Петра поручалось администраціи, состоящей изъ двухъ цесаревенъ, Голштинскаго герцога и прочихъ членовъ верховнаго тайнаго совѣта въ числѣ девяти особъ, между которыми дѣла рѣшаться должны по большинству голосовъ. Великій князь, достигшій совершеннолѣтія, не долженъ требовать отчета отъ администраціи. Россія обязывалась содѣйствовать Голштинскому герцогу получить Шлезвигъ и шведскую корону. Цесаревнамъ предоставляется свободный выѣздъ за границу, но для герцога Голштинскаго надлежитъ купить отъ казны домъ въ Петербургѣ. Права потомству цесаревенъ по старшинству ихъ между собою предоставляются только тогда, когда бы не осталось потомства отъ великаго князя. Это завѣщаніе уничтожало указъ Петра Великаго о назначеніи наслѣдника отъ произвола царствующаго лица и возвращало права великому князю по его происхожденію.

Завѣщаніе вскрыто было на другой день по кончинѣ императрицы, 7 мая 1727 года. Что Меншиковъ распо-

ряжался волею находившейся въ предсмертномъ томленіи государыни — это понятно, но рѣшить невозможно, въ какой степени и по какимъ побужденіямъ согласиться должны были на все цесаревны. Девіеръ и другіе товарищи были осуждены именемъ императрицы въ день ея кончины и затѣмъ сосланы.

На другой день послѣ смерти Екатерины, въ пять часовъ утра, созвана была гвардія, состоявшая тогда изъ двухъ полковъ: преображенскаго и семеновскаго; она была разставлена у оконъ дворца. Въ дворцовую залу, гдѣ собирался обыкновенно верховный тайный совѣтъ, созвали весь генералитетъ, знатнѣйшихъ духовныхъ сановниковъ, знатное шляхетство, всего было до трехсотъ человѣкъ. Будущаго императора посадили на высокомъ мѣстѣ. Меншиковъ приказалъ распечатать и громко прочитать завѣщаніе императрицы Екатерины. Всѣ единогласно закричали: виватъ! Всѣ присутствовавшіе двинулись въ церковь. По совершеніи литургіи опять всѣ отправились въ залу. Молодой царь сѣлъ на возвышеніи подъ балдахиномъ на креслѣ; по правую сторону отъ него сидѣли на стульяхъ: цесаревна Анна съ своимъ супругомъ, великая княжна Наталья Алексѣевна, сестра новаго государя, и великій адмиралъ Апраксинъ, а по лѣвую также на стульяхъ сидѣли: цесаревна Елисавета, Меншиковъ, канцлеръ Головкинъ и князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ. Остерманъ стоялъ подлѣ императорскаго кресла. Снова прочли завѣщаніе и рѣшили записать его въ протоколъ.

Тутъ фельдмаршалъ Сапѣга замѣтилъ, что онъ не отходилъ отъ постели умиравшей государыни и никакого завѣщанія не видалъ и ничего отъ нея о такомъ завѣщаніи не слыхалъ. Но на это замѣчаніе не обращено было вниманія, и самому завѣщанію по вопросу о воз-

веденіи на престолъ Петра не придавали значенія. Завѣщаніе имѣло важность по отношенію къ цесаревнамъ и родственникамъ императрицы. Что касается престолонаслѣдія, то безъ всякихъ завѣщаній Русская земля давно уже признала права Петрова внука.

Одиннадцатилѣтній императоръ въ этотъ же день произнесъ нѣсколько пожалованій: между прочими, Меншиковъ возведенъ былъ изъ вице-адмираловъ въ адмиралы, а сынъ его, Александръ, сдѣланъ оберъ-камергеромъ.

Трудно было желать болѣе полнаго единодушія, чѣмъ то, какое сопровождало восшествіе на престолъ Петра II. Всѣ радовались, что отмѣнился нелѣпый и опасный законъ, навязанный Россіи Петромъ Великимъ, законъ, предоставлявшій царствующему государю назначать себѣ преемника, не руководствуясь никакими соображеніями о первородствѣ. Теперь возстановлялось укоренившееся въ народномъ сознаніи понятіе о томъ, что государи получаютъ свои права не отъ человѣческихъ умысловъ, а отъ непостижимой воли самого Бога. Петръ II вступалъ по праву первородства, безъ возраженій, безъ объясненій; всѣ были довольны.

Много было надеждъ на хорошее царствованіе. О молодомъ государѣ говорили, что онъ очень добръ и любитъ справедливость, а о его воспитаніи будетъ приложено стараніе со стороны умныхъ людей. Разсказывали, что на другой день послѣ своего возведенія на царство онъ написалъ къ своей сестрѣ Натальѣ письмецо такого содержанія:

«Богу угодно было призвать меня на престолъ въ юныхъ лѣтахъ. Моею первою заботою будетъ пріобрѣсть славу добраго государя. Хочу управлять богобоязненно и справедливо. Желаю оказывать покровительство бѣднымъ, облегчать всѣхъ страждущихъ, выслушивать не-

винно преслѣдуемыхъ, когда они станутъ прибѣгать ко мнѣ, и по примѣру римскаго императора Веспасіана, никого не отпускать отъ себя съ печальнымъ лицомъ».

Эти слова, написанныя въ этотъ день на письмѣ, были произнесены государемъ въ засѣданіи верховнаго тайнаго совѣта 21 іюня.

Такія поселяющія надежду извѣстія разносились о новомъ государѣ. Приверженцы старины были очень довольны восшествіемъ на престолъ сына царевича Алексѣя и пророчили возвращеніе для Россіи всего, что къ ихъ досадѣ было изломано, уничтожено Петромъ Великимъ. Но не унывали тогда и сторонники Петровскихъ преобразованій, такъ какъ во главѣ руководящаго управленія государствомъ на время малолѣтства государя былъ Меншиковъ, любимый сподвижникъ Петра, а воспитателемъ царствующаго отрока былъ назначенъ Остерманъ, умный иноземецъ, умѣвшій обрусѣть въ Россіи. Приводя программу воспитанія малолѣтняго государя, Веберъ (Verändert. Russl., III. 93) говоритъ, что можно утвердиться въ Пиѳагоровомъ ученіи о переселеніи душъ, глядя какъ геній Петра Великаго переходилъ въ государственныхъ людей его вѣка.

Меншиковъ началъ съ того, что послалъ извѣстить страдавшую въ заточеніи въ Шлиссельбургѣ бабку императора, первую супругу Петра Великаго, Евдокію Лопухину, постриженную насильно подъ именемъ инокини Елены. Послѣ несчастнаго процесса надъ ея сыномъ, царевичемъ Алексѣемъ, привлеченная къ этому процессу, всенародно ошельмованная опубликованіемъ ея связи съ Глѣбовымъ, несчастная узница отправлена была въ Ладожскій монастырь на строжайшее заключеніе, но потомъ переведена была въ Шлиссельбургъ. По извѣстію иностранцевъ, отъ нея отнята была прислуга, оставлена

была только одна карлица, которая для нея была безполезна, и бывшая царица должна была сама себѣ мыть бѣлье и подметать свою комнату. Никто къ ней не допускался, и даже тѣ офицеры и солдаты, которые стояли на караулѣ, были обыскиваемы въ предупрежденіе, чтобъ кто-нибудь изъ нихъ не приносилъ какого-нибудь письмеца къ царицѣ или отъ нея не принималъ къ кому-нибудь. Говорятъ, будто такое стѣсненіе постигло ее особенно по злобѣ императрицы Екатерины, но чтобъ обвинить послѣднюю въ такой жестокости, мы не имѣемъ никакихъ основаній, кромѣ извѣстій, сообщаемыхъ иностранными книгами, а ихъ составители писали по слухамъ, не будучи сами близки къ дѣлу (Neu. Miscellanien. 179, 180).

Теперь эта несчастная страдалица вдругъ узнала, что внукъ ея достигъ престола. Меншиковъ, извѣщая ее объ этомъ, именемъ ея царствующаго внука, просилъ ея благословенія внуку на бракъ его съ княжною Меншиковою. Вмѣстѣ съ тѣмъ вывели ее изъ запертой тюрьмы, перевели въ просторныя комнаты, прислали ей бѣлья, платья, прислугу, столовые приборы, дали обстановку, болѣе приличную для бабки государя императора.

Чтобъ держать въ рукахъ несовершеннолѣтняго государя, Меншиковъ перевелъ его изъ дворца въ свой домъ на Васильевскомъ острову. Предлогомъ къ такому переселенію послужило то, что непріятно было оставаться въ томъ дворцѣ, гдѣ такъ недавно скончалась императрица и гдѣ еще лежало ея непогребенное тѣло. Меншиковъ уступилъ для государя половину своихъ просторныхъ палатъ и сверхъ того еще домикъ въ своемъ саду, примыкавшемъ къ палатамъ. Государь очутился какъ будто въ плѣну у Меншикова, такъ что ни съ кѣмъ онъ не могъ ни видѣться, ни бесѣдовать. Остерманъ, съ титу-

ломъ оберъ-гофмейстера при особѣ императора, занимался обученіемъ его. Прежніе воспитатели Петра, Марвинъ и Зейкинъ, были отдалены. Марвинъ былъ заподозрѣнъ Меншиковымъ въ участіи въ заговорѣ съ Девіеромъ, и отправленъ въ Тобольскъ въ почетную ссылку подъ предлогомъ порученій по службѣ. Послѣ былъ удаленъ отъ воспитательства и Зейкинъ, а черезъ нѣсколько времени отпущенъ на свою родину въ Венгрію.

Двѣнадцатаго мая одиннадцатилѣтній императоръ, помѣщенный въ домѣ Меншикова, вошелъ въ отдѣленіе, оставленное княземъ для себя съ семействомъ. Онъ засталъ тамъ у князя нѣсколькихъ вельможъ. «Я сегодня хочу уничтожить фельдмаршала», сказалъ онъ. Всѣ, стоявшіе тутъ, переглянулись между собою, не понимая въ чемъ дѣло. Тогда Петръ подалъ Меншикову бумагу: это былъ подписанный рукою государя патентъ на чинъ генералиссимуса. Напрасно домогался этого чина при Екатеринѣ зять ея герцогъ Голштинскій.

Черезъ четыре дня послѣ этого производства Меншикова въ генералиссимусы, 16 мая, совершилось погребеніе императрицы обычнымъ образомъ въ Петропавловскомъ соборѣ, а 22 числа того же мѣсяца совершилось другое событіе, которое должно было укрѣпить могущество Меншикова. Члены верховнаго тайнаго совѣта пріѣхали къ Меншикову въ домъ: Меншиковъ предложилъ на обсужденіе вопросъ объ исполненіи воли покойной императрицы, благословлявшей своего наслѣдника и внука императора Петра вступить въ бракъ съ княжною Меншиковою. Всѣ члены верховнаго тайнаго совѣта безъ возраженій согласились и составили протоколъ. Воля императрицы въ ея завѣщаніи была выражена такъ ясно и положительно, что спора объ этомъ не могло быть допущено. Тайный совѣтникъ Степановъ отвозилъ состав-

ленный протоколъ въ Екатерингофъ для подписи Голштинскому герцогу и двумъ цесаревнамъ. Они всѣ находились тогда въ Екатерингофѣ и держали карантинъ по поводу распространившейся въ Петербургѣ эпидемической оспы, отъ которой умеръ женихъ принцессы Елисаветы, епископъ любскій. И они всѣ трое подписали протоколъ: никакого противорѣчія невозможно было поставить.

Въ четвергъ 24 мая совершилось обрученіе молодаго царя съ княжною Маріею Александровною. Обрядъ совершенъ былъ архіепископомъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. Послѣ обряда всѣ присутствовавшіе стали приносить новообрученнымъ поздравленія, сдѣлалась большая давка, всѣ цѣловали государю руку, а государь цѣловалъ поздравлявшихъ въ уста и, по обычаю того времени, подносилъ своими руками въ кубкахъ венгерское вино. Прежній женихъ теперешней царской невѣсты Сапѣга былъ здѣсь же и оказывалъ Меншикову знаки уваженія и любезности. Марія Александровна въ качествѣ царской невѣсты тогда же получила титулъ высочества, ей назначенъ былъ особый штатъ и содержаніе въ 34,000 р. въ годъ. На все согласились члены верховнаго тайнаго совѣта въ угоду могучаго Меншикова. Но царь былъ отрокъ и не показалъ при этомъ важномъ событіи въ своей жизни той нѣжности, какую можно было бы требовать отъ жениха къ невѣстѣ. По окончаніи обряда своего обрученія онъ уѣхалъ въ Петергофъ на охоту.

Царскій воспитатель баронъ Андрей Ивановичъ Остерманъ принадлежалъ къ числу рѣдкихъ по уму людей, обладающихъ притомъ изумительнымъ житейскимъ тактомъ. Вестфалецъ родомъ, чуждый Россіи по происхожденію, по воспитанію и по симпатіямъ, которыя привлекали его какъ нѣмца къ нѣмецкой народности, этотъ иноземецъ болѣе всѣхъ другихъ иноземцевъ, привлечен-

ныхъ въ Россію Петромъ Великимъ, понялъ, что, поселившись въ чужой странѣ, надобно посвятить себя совершенно новому отечеству и сжиться съ духомъ, нравами, особенностями того общества, среди котораго будетъ течь новая жизнь. Остерманъ былъ по происхожденію незнатный человѣкъ: онъ былъ не болѣе какъ сынъ пастора. Поступивши студентомъ въ іенскій университетъ, онъ не окончилъ тамъ курса по причинѣ несчастнаго случая: въ буйной студентской пирушкѣ, подпивши съ товарищами, онъ поссорился съ однимъ студентомъ, вышелъ на дуэль и прокололъ шпагою своего соперника. Послѣ того уже нельзя было ему оставаться въ университетѣ. Онъ уѣхалъ въ Голландію и тамъ, въ Амстердамѣ, встрѣтился съ русскимъ вице-адмираломъ Крюйсомъ, который, по порученію Петра Великаго, вербовалъ въ Россію на службу разныхъ полезныхъ и свѣдущихъ людей. Остерманъ поступилъ къ нему какъ частный человѣкъ. Это было для него тѣмъ удобнѣе, что старшій братъ Остермана находился уже въ Россіи на царской службѣ. Время поступленія меньшаго Остермана къ Крюйсу было въ первыхъ мѣсяцахъ 1704 года. Отъ частной службы у Крюйса Остерманъ скоро перешелъ въ государственную и занялся изученіемъ русскаго языка. Въ этомъ онъ не былъ похожъ на большую часть тогдашнихъ иноземцевъ, искавшихъ счастія въ Россіи: они обыкновенно смотрѣли на Русь и на русскій языкъ свысока, считали себя просвѣтителями и благодѣтелями варварской страны, въ которую переселялись, и не признавали нужнымъ знать по-русски: русскіе-де, какъ варвары, обязаны учиться рѣчи образованныхъ народовъ, а не люди образованные ихъ варварскому, дикому языку. Такъ смотрѣло большинство иноземцевъ; не такъ взглянулъ на это Остерманъ. Какъ только поселился онъ въ Россіи,

тотчасъ принялся за русскій языкъ и при своихъ блестящихъ способностяхъ въ теченіе двухъ лѣтъ усвоилъ его себѣ такъ, какъ только могъ усвоить въ тѣ времена прилежно старательный иноземецъ. Нужна была Петру о какомъ-то предметѣ записка, и ему подали ее написанною по-русски въ такомъ видѣ, что она очень понравилась государю. Онъ спросилъ, кто ее составлялъ, и узналъ, что авторъ ея иностранецъ, всего не болѣе двухъ лѣтъ живущій въ Россіи. Петръ умѣлъ съ перваго раза оцѣнивать людей и взялъ составителя записки въ свою канцелярію. Чрезъ нѣсколько времени онъ уже повѣрялъ ему важныя секретныя государственныя бумаги. «Никогда ни въ чемъ этотъ человѣкъ не сдѣлалъ погрѣшности» — говорилъ о немъ Петръ впослѣдствіи. «Я поручалъ ему писать къ иностраннымъ дворамъ и къ моимъ министрамъ, состоявшимъ при чужихъ дворахъ, отношенія по-нѣмецки, по французски, по-латини; онъ всегда подавалъ мнѣ черновые отпуски по-русски, чтобъ я могъ видѣть, хорошо-ли понялъ онъ мои мысли. Я никогда не замѣтилъ въ его работахъ ни малѣйшаго недостатка». Въ 1711 г. во время несчастнаго Прутскаго дѣла Остерманъ принималъ немаловажное участіе, но дѣятельность его во всей широтѣ проявилась во время переговоръ со Швеціею, тянувшихся съ 1718 по 1721 годъ; хотя онъ числился тамъ вторымъ лицомъ подлѣ генералъ-фельдцейхмейстера Брюса, но былъ душою всего дѣла, состоя въ званіи тайнаго совѣтника. При Ништадтскомъ мирѣ Россія осталась навсегда обязанною Остерману удержаніемъ Выборга. Петру хотѣлось удержать за собою этотъ городъ, но русскій царь, утомленный продолжительною войною, еще болѣе нуждался въ мирѣ и потому предписывалъ Остерману не упорствовать черезчуръ изъ-за Выборга и уступить его шведамъ, если они будутъ угрожать

прерванiемъ переговоровъ. Остерманъ хотѣлъ, во что бы то ни стало, сохранить для Россiи этотъ городъ, между тѣмъ участвовавшiй вмѣстѣ съ нимъ Ягужинскiй былъ того мнѣнiя, что Выборгъ слѣдуетъ уступить, и собирался ѣхать къ государю для взятiя отъ него рѣшительнаго повелѣнiя объ отдачѣ Выборга. Остерманъ сговорился съ комендантомъ въ Выборгѣ генераломъ Шуваловымъ и упросилъ его задержать у себя Ягужинскаго во время отправки его къ государю, а между тѣмъ онъ постарается настоять на уступкѣ Выборга Россiи. Такъ и сдѣлалось. Шуваловъ началъ угощать Ягужинскаго, вообще склоннаго къ пиршествамъ, продержалъ два дня въ Выборгѣ, а Остерманъ успѣлъ добиться своей цѣли: шведскiе уполномоченные, желая также скорѣйшаго мира съ Россiею, согласились въ это время на уступку Выборга: еслибъ этого не сдѣлалъ Остерманъ, Ягужинскiй, представивши государю о необходимости ради примиренiя сдѣлать шведамъ уступку, лишилъ бы такимъ образомъ Россiю этого важнаго города. Въ эту эпоху Ништадтскаго мира Остерманъ показалъ царю свою заботливость о сохраненiи казеннаго интереса: государь далъ ему сто тысячъ червонцевъ на подкупъ шведскихъ уполномоченныхъ. Остерманъ употребилъ всего десять тысячъ, а девяносто тысячъ возвратилъ обратно казнѣ. Это было очень по-сердцу Петру, который всегда берегъ государственное достоянiе и строго наказывалъ казнокрадовъ. Послѣ Ништадтскаго мира Петръ пожаловалъ Остермана титуломъ барона, а въ 1723 году, послѣ низложенiя Шафирова, далъ ему должность вице-канцлера. Не задолго до своей смерти Петръ отзывался о немъ, что этотъ человѣкъ лучше всѣхъ постигаетъ истинныя выгоды Русскаго государства, и Россiя безъ него не можетъ обходиться. При Екатеринѣ Остерманъ продолжалъ занимать должность вице-канцлера,

произведенъ былъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и украшенъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго. При своей важной вице-канцлерской должности онъ завѣдывалъ почтовымъ вѣдомствомъ и торговлею, а предъ концомъ царствованія Екатерины назначенъ былъ воспитателемъ великаго князя Петра Алексѣевича и его оберъ-гофмейстеромъ, съ сохраненіемъ прежнихъ должностей и своего мѣста въ верховномъ тайномъ совѣтѣ. Этотъ человѣкъ, при необыкновенномъ природномъ умѣ, владѣлъ большою начитанностію и высокимъ разностороннимъ образованіемъ, которое онъ успѣлъ получилъ самъ, не смотря на то, что шалости молодости не допустили его окончить университетскаго курса. Это былъ человѣкъ замѣчательной честности, ничѣмъ нельзя было подкупить его — и въ этомъ отношеніи онъ былъ истиннымъ кладомъ между государственными людьми тогдашней Россіи, которые всѣ вообще, какъ природные русскіе, такъ и внѣдрившіеся въ Россіи иноземцы, были падки на житейскія выгоды, и многіе были обличаемы въ похищеніи казны. Для Остермана пользы государства, которому онъ служилъ, были выше всего на свѣтѣ. Его считали чрезвычайно хитрымъ, двуличнымъ; никто не могъ отгадать его мыслей и намѣреній, никто не могъ понять, когда онъ умышленно выражался такъ, чтобъ его не поняли; никто не умѣлъ такъ извиливаться и узкользать отъ опасностей какъ онъ и никто такъ вѣрно, правильно и и такъ въ пору не узнавалъ насквозь людей, съ которыми вступалъ въ сношенія. Рѣдко кто могъ сказать, что слыхалъ отъ него правду, если надѣялся выпытать отъ него то, что онъ имѣлъ основаніе скрывать. Но съ такими свойствами хитрости, двуличности и коварства, Остерманъ, какъ бываетъ часто у людей съ такими свойствами, не отличался сильною волею и не былъ злой че-

ловѣкъ; онъ лукавилъ только тогда, когда по его видамъ этого требовала польза Россіи въ сношеніяхъ съ иностранными властями или собственная его безопасность въ омутѣ придворныхъ интригъ. Самымъ характеристическимъ пріемомъ его было очень ловко и кстати напустить на себя болѣзнь, а это нѣсколько разъ дѣлалъ онъ, когда нужно было поступить или вопреки своей совѣсти или наперекоръ силѣ, такъ что Остермановскія болѣзни вошли, можно сказать, въ историческую пословицу. Казавшись обрусѣвшимъ, съ искреннею любовію къ Россіи, Остерманъ все-таки остался иностранцемъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ въ тогдашнее время человѣкъ, усвоившій въ убѣжденіяхъ и жизни культурные признаки, не походилъ на чистокровнаго русскаго, не хотѣвшаго двигаться далѣе того предѣла, который отдѣлялъ старую Русь отъ новой, созданной геніемъ Петра Великаго. Остерманъ сталъ русскимъ человѣкомъ, но стоялъ однако выше того уровня, на которомъ находилось тогда русское общество. Онъ назывался не Генрихомъ, а Андреемъ Ивановичемъ, говорилъ не иначе какъ по-русски; говорятъ нѣкоторые, что онъ даже принялъ православіе, но другое извѣстіе, что онъ остался лютераниномъ, имѣетъ за собою болѣе основанія, особенно въ то время, когда царствовалъ Петръ II: тогда, по крайней мѣрѣ, непріязненные Остерману люди находили неумѣстнымъ назначеніе его воспитателемъ государя именно потому, что онъ былъ лютеранинъ. Есть извѣстіе о немъ, что онъ былъ одинъ изъ раннихъ адептовъ того вольнодумства, которымъ такъ ославился XVIII вѣкъ (Объ Остерманѣ см. Phiseldeck, стр. 344, 352, ссылка на Hempel «Leben des Gr. Ostermann», стр. 229 и далѣе).

Послѣ удаленіе Маврина и Зейкина Остерманъ взялъ въ учители Петру академика Гольдбаха, молодаго ученаго

съ большими способностями, и дѣятельнымъ товарищемъ его былъ знаменитый архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, преподававшій государю Законъ Божій. Отъ нихъ обоихъ, отъ Остермана и Прокоповича, остались программы воспитанія государя, любопытный памятникъ исторіи умственной жизни того вѣка. Система въ программѣ Ѳеофана не была строго православною, по крайней мѣрѣ не въ такомъ духѣ и не съ такими пріемами являлось православное ученіе подъ перомъ другихъ славныхъ пастырей церкви. Ѳеофанъ, въ своей программѣ, какъ и въ большей части своихъ сочиненій, походилъ болѣе на евангелическаго доктора, чѣмъ на православнаго архіерея. Наставленіе, какое предполагаетъ онъ давать въ религіи государю, начинается отъ познанія Божества; первоначальнымъ источникомъ богопознанія признается во-первыхъ: созерцаніе творенія во всѣхъ видахъ, во вторыхъ: наблюденія надъ свойствами души человѣческой, невидимой тѣлесными очами, и наконецъ въ третьихъ: сознаніе человѣческой совѣсти, внушающее человѣку радость о содѣянномъ имъ добромъ дѣлѣ и безпокойство о совершенномъ имъ злѣ. Таковы свидѣтельства всѣхъ народовъ, вѣровавшихъ и доселѣ вѣрующихъ въ Божество. Богъ всемогущъ, всевѣдущъ, всеблагъ и справедливъ, безначаленъ и безконеченъ, онъ награждаетъ за добро и наказываетъ за зло: въ томъ увѣряетъ насъ наша совѣсть. Но такъ какъ мы видимъ, что въ мірѣ многіе злодѣи пользуются земными благами, а праведные люди страдаютъ и терпятъ гоненія, изъ этого вытекаетъ логически потребность вѣры въ будущую жизнь по окончаніи нашего земнаго бытія. Но для такой вѣры недостаточно одного нашего разумѣнія, необходимо откровеніе свыше или религія. Религія можетъ признаваться истинною или ложною. Ѳеофанъ считаетъ всѣ религіи

ложными, исключая христіанской. Приводятся богословскіе и историческіе доводы подлинности и правдивости книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта, служащихъ основаніемъ христіанскаго вѣроученія. Ученіе христіанское дѣлится на ученіе о вѣрѣ и нравственное ученіе. Затѣмъ составитель програмы предполагаетъ сообщить своему царственному питомцу краткія свѣдѣнія о церковной исторіи, о ересяхъ и расколахъ, о вселенскихъ и помѣстныхъ соборахъ, о писаніяхъ св. отецъ и т. п. Въ этой краткости, съ какою предполагается знакомить ученика съ тѣмъ, изъ чего открывается между прочимъ, такъ сказать, фундаментъ отличія православной церкви отъ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, и виденъ Ѳеофанъ. У другаго, болѣе чѣмъ онъ православнаго вѣроучителя, эта сторона обратила бы гораздо больше вниманія.

Программа свѣтскаго ученія, начертанная Остерманомъ, заключаетъ въ себѣ одиннадцать параграфовъ. Сначала воспитатель толкуетъ о необходимости изучать иностранные языки, чему естественно было придавать въ Россіи больше значенія, чѣмъ въ остальныхъ европейскихъ странахъ. Латинскій языкъ хорошо знать, потому что такое знаніе составляетъ признакъ благовоспитаннаго человѣка; притомъ надобно слѣдовать примѣру, указанному въ Нѣмецкой имперіи: тамъ всегда уважалось основательное знаніе латинскаго языка, и нынѣшній римскій императоръ хорошо въ немъ свѣдущъ. Молодой русскій царь признается уже достаточно подготовленнымъ какъ въ латинскомъ, такъ и во французскомъ языкахъ. Остается упражняться въ нихъ, выслушивать задаваемыя предложенія и составлять сообразные отвѣты. Остерманъ хотѣлъ болѣе упражнять императора въ наукахъ. Изъ массы наукъ воспитатель отличалъ и ставилъ на первый

планъ тѣ, которыя казались ему наиболѣе необходимыми для званія государя. Къ нимъ онъ причислялъ: исторію новыхъ государствъ, науку государственнаго благоразумія; различные виды управленія государственнаго и ихъ выгоды, гражданское законовѣдѣніе, права и обязанности верховнаго и земскаго начальства, ученіе о союзахъ, о посольскомъ правѣ, о войнѣ и мирѣ, о военномъ искусствѣ и о всемъ, что съ нимъ соприкасается. Все другое затѣмъ входящее въ область человѣческихъ знаній, слѣдуетъ излагать вкратцѣ. Сюда относитъ онъ древнюю исторію съ ея разнообразными образцами доблестей, математику, космографію, естествовѣдѣніе, на сколько оно служитъ основаніемъ построенія машинъ, водопроводовъ, мореплаванія и т. п., и на сколько занятія естественными науками пробуждаютъ благородство духа и стремленіе уразумѣть природу съ ея таинствами, — гражданскую архитектуру, геральдику и генеалогію высокихъ домовъ. Для удобства въ преподаваніи предполагалось составить извлеченія изъ разныхъ ученыхъ сочиненій для руководства государю при обученіи. Время ученья не должно простираться болѣе часа; затѣмъ долженъ слѣдовать отдыхъ и забавы. Уроки должно излагать въ видѣ разговоровъ или бесѣдъ, а не утомлять учащагося множествомъ писанія и чтенія. Надлежитъ вести дневникъ и отмѣчать въ немъ, какія мѣста, читанныя въ книгахъ, остановили вниманіе государя.

При изложеніи исторіи новыхъ государствъ слѣдуетъ имѣть въ виду образъ правленія въ этихъ государствахъ и перемѣны, возникавшія въ нихъ, не утомлять памяти хронологіею, но стараться ясно указать на способы управленія, устройство коллегій и вообще государственныхъ учрежденій, обратить вниманіе на войско, торговлю, національное богатство, религію, на цѣли и намѣренія го-

сударствъ по отношенію къ сосѣдямъ. При этомъ слѣдуетъ, чтобы учащемуся императору излагать дѣянія Петра Великаго, тѣмъ болѣе, что по этому можно обозрѣть все Русское государство, его силу, потребности и средства, какъ въ зеркалѣ.

Относительно военнаго искусства дѣлается замѣчаніе, что несправедливо принято возвеличивать тѣхъ государей, которые отличались военною славою и пріобрѣли завоеванія; гораздо болѣе славы правителю миролюбивому, прилагающему заботы свои къ государственному устроенію. Но такъ какъ война не всегда отъ насъ самихъ зависитъ, то необходимо держаться въ готовности вести ее, и потому нужно изученіе военнаго дѣла. Военное искусство двояко; одна часть его состоитъ изъ плановъ, приготовленныхъ заранѣе и служащихъ для обученія въ домѣ. Это военная архитектура. Другая пріобрѣтается въ полѣ: сюда принадлежитъ расположеніе лагерей, доставленіе продовольствія и боевыхъ запасовъ, осада и защита укрѣпленій и проч. Рекомендуется при этомъ французское сочиненіе подъ названіемъ: «L'art de faire la guerre».

Въ преподаваніи древней исторіи принималось за правило излагать съ большою подробностью исторію Византійскаго государства и Востока по связи съ Россіею, какъ въ отношеніи православной вѣры, такъ по государственнымъ событіямъ.

На все обученіе предполагалось посвятить два года, полагая въ недѣлю пять учебныхъ дней, а въ каждый день отъ двухъ до трехъ учебныхъ часовъ. Остерманъ назначилъ время и для забавъ: для стрѣльбы, «концертовъ музическихъ», «вальянтеншпиль» (игра), бильярда и пр. Сохранилась записка, въ которой обозначено, въ какой день учиться, въ какой — солдатъ обучать, съ пти-

цами въ поле ѣздить. На прогулки употреблялось послѣобѣденное время; въ субботу заниматься слѣдовало музыкою и танцами, а въ воскресенье по-полудни ѣздить въ лѣтній домъ и въ огороды. Еще не достигши совершеннолѣтія, по программѣ, начертанной Остерманомъ, государь каждую среду и пятницу долженъ былъ посѣщать засѣданія верховнаго тайнаго совѣта. Но такія опредѣленныя въ программѣ посѣщенія верховнаго тайнаго совѣта ограничились на дѣлѣ только однимъ разомъ, 21 іюня; тогда Петръ проговорилъ въ совѣтѣ то самое, что писалъ въ письмѣ къ сестрѣ своей на другой день послѣ своего вступленія на престолъ. Всѣмъ заправлялъ Меншиковъ, но и онъ также не ѣздилъ въ совѣтъ, а дѣла приносились къ нему на домъ для подписи. Цесаревны не бывали въ совѣтѣ, ихъ значеніе скоро умалилось, и одна изъ нихъ, старшая, скоро совершенно выбыла изъ Россіи.

Герцогъ голштинскій, какъ говорится, стоялъ Меншикову костью въ горлѣ. Свѣтлѣйшій князь очень желалъ выпроводить его изъ Россіи, чтобъ не имѣть близко себя особъ, которыя по рожденію стояли выше его и предъ которыми онъ долженъ былъ смиряться. Сначала герцогъ не думалъ, какъ видно. убираться изъ родины своей супруги. 19 мая министръ его Бассевичъ подалъ въ верховный тайный совѣтъ меморіалъ: въ немъ, упоминая объ уплатѣ указаннаго въ завѣщаніи Екатерины милліона и ежегодномъ платежѣ по 100,000 цесаревнамъ, сообразно тому же завѣщанію, онъ просилъ купить для герцога домъ въ Петербургѣ, а до того времени размѣстить свиту его въ зданіи Академіи Наукъ. На этотъ меморіалъ не послѣдовало отвѣта. Послѣ смерти жениха Елизаветы, епископа любскаго, умершаго отъ оспы, Меншиковъ подъ предлогомъ охраненія здоровья государя,

заставилъ герцога съ супругой не ѣздить во дворецъ, а потомъ сталъ такъ обращаться съ нимъ, что герцогъ увидалъ необходимость уѣзжать. Молодой государь долженъ былъ ѣхать въ Москву короноваться. Меншиковъ представлялъ герцогу, что ему обременительно будетъ ѣхать за государемъ въ Москву и совершенно не зачѣмъ; лучше ему ѣхать въ свое Голштинское герцогство и хлопотать о пріобрѣтеніи Шлезвига, такъ какъ уже заключенъ у Россіи договоръ съ римскимъ императоромъ, и послѣдній обязался прилагать все зависящее отъ него стараніе, чтобъ герцогу достался Шлезвигъ. Герцогъ понималъ, что Меншиковъ хочетъ его выпроводить. Мало было ему опоры противъ могучаго временщика. Русскіе люди не любили пришельца, роптали, что содержаніе его въ Россіи дорого обходится. Меншиковъ уже давно, еще при строгомъ государѣ Петрѣ Великомъ, привыкъ обкрадывать казну, теперь онъ распоряжался ею совершенно по произволу—все это прощалось ему, своему, но не прощалось иноземцу даже и то, что не имѣло подобія съ такимъ казнокрадствомъ, однако все-таки дѣлало ущербъ государственной экономіи. Еще болѣе не нравилось людямъ старорусскаго направленія то высокомѣріе, съ которымъ относился молодой и неопытный герцогъ къ русской національности, къ чемъ онъ раздѣлялъ тогдашній недостатокъ всѣхъ нѣмцевъ, жившихъ въ Россіи, исключая умнаго Остермана, который одинъ понималъ, какъ надобно въ Россіи держать себя нѣмцу, и былъ такъ безкорыстенъ и нежаденъ, что отказывался отъ предоставляемыхъ ему въ собственность имѣній, конфискованныхъ у Толстаго послѣ его ссылки и составлявшихъ отъ пяти до шести тысячъ крестьянскихъ дворовъ (Lefort. Сб. Р. Ист. Общ., т. III, стр. 481). Уразумѣвъ свое положеніе, голштинскій герцогъ скоро убѣ-

дился, что и въ самомъ дѣлѣ ему лучше по-добру-поздорову убраться изъ страны, воспользовавшись тѣми деньгами, которыя предоставлялись въ его пользу по завѣщанію Екатерины. 28 іюня его министръ Бассевичъ и другой министръ Штанке заявили въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, что ихъ герцогъ имѣетъ намѣреніе уѣхать навсегда въ свое наслѣдственное герцогство вмѣстѣ съ супругою.

Въ началѣ іюля Меншиковъ заболѣлъ и болѣе двухъ недѣль не выходилъ. Болѣзнь, постигшая его, была, какъ говорили, лихорадка, но она сопровождалась разными мучительными припадками и между прочимъ кровохарканьемъ, подававшимъ поводъ подозрѣвать чахотку. Были минуты, когда болѣзнь казалась до того важною, что опасались за жизнь Меншикова.

Въ это время раздумье брало многихъ; составлялись разные планы и предположенія. Не терпѣли Меншикова старолюбцы, не терпѣли его и тѣ, которыхъ нельзя было признавать въ числѣ старолюбцевъ, не терпѣли за высокомѣріе, надменность и алчность; всѣ тайно желали, чтобъ онъ сошелъ со сцены. Но вреднѣе для него въ его болѣзни было то, что въ то время, когда онъ былъ боленъ, молодой царь подвергся вліянію, зарождавшему въ немъ непріязненное чувство къ Меншикову. Не видясь съ Меншиковымъ во время болѣзни послѣдняго, Петръ видѣлся со своимъ наставникомъ Остерманомъ, ходилъ къ нему по утрамъ въ халатѣ и проводилъ цѣлые дни въ постоянномъ сообществѣ съ Долгоруковыми — Иваномъ Алексѣевичемъ и отцомъ его Алексѣемъ Григорьевичемъ. Князь Иванъ Алексѣевичъ, молодой человѣкъ восемьнадцати лѣтъ отъ роду, очень понравился малолѣтнему царю. Во время смерти императрицы Екатерины онъ былъ осужденъ по дѣлу Де-

віера и удаленъ въ деревню, но молодой царь упросилъ Меншикова простить его и приблизилъ къ себѣ. Родитель этого князя Ивана Алексѣевича, князь Алексѣй Григорьевичъ, обергофмейстеръ великой княжны Наталіи Алексѣевны, былъ назначенъ помощникомъ Остермана въ званіи царскаго воспитателя. Меншиковъ не боялся ни этого князя, ни его сына. Князя Алексѣя Григорьевича онъ считалъ не на столько умнымъ, чтобъ опасаться его съ какой бы то ни было стороны, сына его — слишкомъ молодымъ, чтобъ тотъ могъ вредить ему, такъ высоко ставшему въ кругу государственныхъ сановниковъ и заручившемуся обрученіемъ своей дочери съ государемъ.

На Остермана онъ надѣялся. Но Остерманъ не былъ сердечно расположенъ къ Меншикову, напротивъ, возненавидѣлъ его за высокомѣріе и чрезвычайную заносчивость. Меншиковъ воображалъ, что теперь уже никто не нуженъ ему, и со всѣми обходился свысока. И съ Остерманомъ дозволилъ себѣ свѣтлѣйшій такого рода обращеніе, которое не могло понравиться послѣднему. Остерманъ, не ссорясь еще съ Меншиковымъ, во время болѣзни послѣдняго не употреблялъ однако своего вліянія на государя для того, чтобъ укоренять въ немъ любовь къ своему будущему тестю.

Напротивъ, Остерманъ сходился тогда съ княземъ Василіемъ Лукичемъ Долгоруковымъ: это былъ, какъ кажется, самый умнѣйшій изъ князей Долгоруковыхъ того времени, пріобрѣлъ себѣ извѣстность дипломатическими сношеніями въ Польшѣ и Швеціи и находился съ Меншиковымъ не въ ладахъ по курляндскому дѣлу еще при покойной государынѣ, когда не хотѣлъ содѣйствовать честолюбивымъ замысламъ князя Меншикова получить Курляндское герцогство. Говорятъ, что Остерманъ и князь Василій Лукичъ подѣйствовали на князей Алексѣя Гри-

горьевича и сына его Ивана Алексѣевича, и послѣдніе, пріобрѣтая болѣе и болѣе расположеніе государя, старались возбудить въ государѣ нерасположеніе къ свѣтлѣйшему князю. Въ сообществѣ съ Долгоруковыми Петръ пристращался къ охотѣ; Остерманъ былъ этимъ недоволенъ, такъ какъ ему хотѣлось, чтобъ царь гораздо болѣе тратилъ времени на ученье, чѣмъ на забавы, однако не препятствовалъ Петру ѣздить съ Долгоруковыми на охоту въ надеждѣ, что, быть можетъ, они по крайней мѣрѣ успѣютъ устранить Петра отъ Меншикова.

Во второй половинѣ іюля Меншиковъ оправился отъ болѣзни. Герцогъ рѣшился тогда уѣхать. Бассевичъ, именемъ своего герцога, получилъ отъ Меншикова въ уплату завѣщаннаго женѣ его милліона — двѣсти тысячъ, а остальныя подлежали уплатѣ въ теченіе восьми лѣтъ, но Меншиковъ тогда же взялъ съ герцога взятку восемьдесятъ тысячъ рублей: изъ нихъ Бассевичъ привезъ Меншикову 60,000 тотчасъ же, а на остальныя 20.000 привезъ отъ герцога обязательство въ уплатѣ. «Ты много труда положилъ, — сказалъ Бассевичу Меншиковъ: — возьми эти двадцать тысячъ въ свою пользу». Однако герцогъ ограничился одними обѣщаніями Бассевичу, когда тотъ привезъ ему отъ Меншикова записку, предоставлявшую эти 20,000 въ пользу Бассевича, и никогда не заплатилъ своему министру обѣщанной суммы.

25-го іюля герцогъ съ супругою отплылъ въ Голштинію. Меншиковъ все болѣе входилъ въ силу, и честолюбивые замыслы одолѣвали его. Бракъ Елисаветы съ епископомъ любскимъ не состоялся. У Меншикова возникла мысль женить на ней своего сына Александра и такимъ образомъ утвердить двойнымъ союзомъ родство свое съ царскою фамиліею. Въ этомъ у него явился со-

перникъ, маркграфъ бранденбургскій, котораго прусскій посланникъ Мардефельдъ силился посватать Елисаветѣ; но прусскій король неблагосклонно относился къ этому плану, поэтому у Меншикова не терялась надежда. Къ умноженію его честолюбія римскій императоръ прислалъ ему дипломъ на княжество Козель въ Силезіи, обѣщанное еще ранѣе черезъ Рабутина, когда дѣло шло о томъ, чтобъ Меншиковъ старался предъ императрицею Екатериною о назначеніи Петра преемникомъ ей на престолѣ.

Зазнаваясь въ своемъ величіи, Меншиковъ окончательно разошелся съ Остерманомъ. Выздоровѣвши отъ болѣзни, онъ увидалъ, что молодой императоръ заявлялъ къ Остерману большую любовь и привязанность. Меншикову было это не по-сердцу. Онъ хотѣлъ, чтобы Петръ любилъ и уважалъ его болѣе всѣхъ другихъ сановниковъ. Въ Петергофѣ онъ придрался къ Остерману за то, что тотъ ведетъ воспитаніе русскаго царя не такъ, какъ бы нужно было и какъ бы хотѣла русская нація: Остерманъ — лютеранинъ, и внѣдряетъ своему царственному питомцу такіе взгляды, которые приличны были бы для государя лютеранской вѣры, но не для православнаго, какимъ долженъ быть государь Россіи; Остерманъ отводитъ его отъ посѣщенія церкви и хочетъ оставить его безъ всякой религіи, такъ какъ и самъ Остерманъ въ сущности не принадлежитъ ни къ какой религіи и ни во что не вѣритъ: съ такими обличеніями отнесся къ Остерману свѣтлѣйшій. Остерманъ сначала сталъ объяснять Меншикову, что это несправедливо, но Меншиковъ разгорячился, обругалъ Остермана атеистомъ и грозилъ ему ссылкою въ Сибирь. Тогда Остерманъ съ своей стороны потерялъ свое обычное хладнокровное благоразуміе и сказалъ Меншикову: «Напротивъ, я за тобою знаю

много такого, за что тебя слѣдовало бы не то что въ Сибирь заслать, но даже четверговать». Въ самомъ дѣлѣ, Остерманъ, какъ и другіе, зналъ за Меншиковымъ, напримѣръ, такого рода поступки, что онъ держалъ у себя фальшиваго монетчика и, отчеканивъ на нѣсколько тысячъ монетъ изъ низкаго пробнаго серебра, спустилъ его на жалованье войскамъ въ персидскія области и черезъ то возбудилъ между тамошними туземцами ропотъ: тѣ говорили, что русскіе обманываютъ ихъ выпускомъ въ обращеніе плохихъ денегъ (Мардефельдъ. Сб. Р. Ист. Общ. XV. 390). Такъ Меншиковъ своею гордостью и заносчивыми выходками вооружилъ противъ себя все окружающее и приготовлялъ враговъ изъ тѣхъ, кого прежде считалъ друзьями.

Между тѣмъ Меншиковъ старался сближаться и съ такими, которые были съ нимъ враждебны по кореннымъ убѣжденіямъ. Въ то время онъ пытался сойтись съ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Голицынымъ, по боярской своей важности считавшимся главнѣйшимъ вожакомъ старолюбцевъ, сторонниковъ русской старины. И онъ и братъ его фельдмаршалъ князь Михайло Михайловичъ были ненавистники Петербурга и желали перенесенія столицы въ Москву. Они видѣли въ основаніи Петербурга корень зла и вмѣстѣ съ тѣмъ относились съ нелюбовью къ Петровскимъ замысламъ устроить могучій флотъ и преобразить Россію въ сильную морскую державу. «Петербургъ,—говорилъ князь Дмитрій Михайловичъ,—это часть тѣла, зараженная антоновымъ огнемъ; если ее не въ-пору не отнять, то пропадетъ все тѣло». (Мардеф., ibid., 365). Оба брата имѣли большую силу, даже и при Петрѣ Великомъ, не смотря на то, что государю извѣстно было ихъ старолюбивое направленіе. Теперь, когда восшествіе на престолъ сына царевича

Алексѣя подавало надежды на торжество старины. Голицыны возвысились еще болѣе, и въ кругу, близкомъ къ правленію, всѣ заискивали ихъ благорасположенія. У фельдмаршала Михайла Михайловича Голицына была дочь, взрослая невѣста, Меншиковъ возъимѣлъ намѣреніе женить на ней своего сына. Только-что передъ тѣмъ онъ мечталъ сдѣлать своею невѣсткою принцессу Елисавету, но эта принцесса также отмахивалась отъ этого жениха, какъ и отъ другихъ членовъ владѣтельныхъ европейскихъ домовъ. Елисавета заявила нежеланіе вовсе связывать себя бракомъ. Она жила весело и пользовалась свободою вполнѣ.

И Остерманъ съ своей стороны хотѣлъ сблизиться съ братьями-стариками Голицыными. Но болѣе всего надѣялись тогда, что Голицыны войдутъ въ силу, когда пріѣдетъ бабка государя, несчастная Евдокія Лопухина, мать царевича Алексѣя. Выше мы привели извѣстія, сообщаемыя иностранцами того времени, о положеніи, въ какомъ узница находилась въ Шлиссельбургѣ. Мы уже сказали, что извѣстіямъ этимъ, бросающимъ черную тѣнь на характеръ Екатерины, не слѣдуетъ вполнѣ вѣрить; въ самомъ дѣлѣ, они сами ловятся во лжи: увѣряютъ, будто при Екатеринѣ къ заточенной царицѣ Евдокіи не допускали даже священника и не доставляли ей возможности слушать богослуженіе (см. Phiseldeck, стр. 358, ссылка на Neue Miscellanien, стр. 179, 180), а изъ оставшейся переписки того времени (см. Письма Р. Госуд. III, 11), напротивъ, видно, что заточенной царицѣ выдавалось въ сутки по одному рублю на столъ, сто рублей на одежду, при ней былъ іеромонахъ, причетъ, келейницы, и походная церковь поставлена была въ ея покояхъ. Меншиковъ имѣлъ поводъ опасаться этой старухи, если она получитъ возможность имѣть вліяніе на

внука, а потому послѣ смерти Екатерины и провозглашенія Петра императоромъ въ первыхъ мѣсяцахъ, хотя и послалъ къ ней отъ царскаго имени просить благословенія на бракъ, однако не сдѣлалъ распоряженій о совершенномъ освобожденіи бабки государя. Только тогда, когда Меншиковъ заболѣлъ, и когда многіе неблагопріятели его надѣялись, что больной князь уже не оправится, въ верховномъ тайномъ совѣтѣ состоялось такое распоряженіе. Оно потревожило не только Меншикова, но вмѣстѣ съ нимъ и всѣхъ тѣхъ, которые нѣкогда враждебно относились къ сыну освобождаемой царицы и къ ея роднымъ, къ Лопухинымъ; оно непріятно подѣйствовало и на герцога Голштинскаго, вовсе нерасположеннаго сердечно къ Меншикову и совершенно непричастнаго къ суду надъ царевичемъ и Лопухиными. Говорятъ, что въ числѣ причинъ, побудившихъ герцога поторопиться отъѣздомъ изъ Россіи, было между прочимъ нежеланіе встрѣчаться съ царицею, которая, какъ сказывали, скоро должна была появиться при дворѣ. Ожидали отъ нея, что она будетъ враждебно относиться ко всему иноземному и непріязненно встрѣтитъ мужа Петровой дочери. 25 іюля уплылъ герцогъ съ женою, а 26 того же мѣсяца въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, въ смыслѣ возстановленія чести царицы Евдокіи, въ монашествѣ инокини Елены, послѣдовалъ указъ отобрать у всѣхъ манифестъ о дѣлѣ царевича Алексѣя Петровича, Глѣбова и Досифея, гдѣ обнародовались неприличные поступки бывшей царицы; всѣ, у кого находились экземпляры этого манифеста, обязывались приносить ихъ въ Петербургѣ въ сенатъ, въ Москвѣ въ сенатскую контору, а въ прочихъ городахъ губернаторамъ и воеводамъ; за утайку грозили отдачею подъ судъ виновныхъ. Тогда же уничтожалась сила указа 1722 г., по которому престолъ

могъ принадлежать, независимо отъ всякихъ правъ по происхожденію, тому лицу, кого назначитъ себѣ преемникомъ прежде царствовавшій государь.

Выздоровѣвши, Меншиковъ не смѣлъ нарушить состоявшееся безъ него распоряженіе верховнаго тайнаго совѣта о дарованіи свободы царской бабкѣ, но помѣшалъ ей пріѣхать прямо въ Петербургъ, а велѣлъ увезти ее въ Москву, въ предположеніи, что самъ царь скоро долженъ ѣхать для коронаціи, и тогда бабка увидитъ своихъ внучатъ. Впрочемъ, старуха сама охотнѣе отправилась на житье въ Москву. Петербургъ не могъ возбуждать въ ней ничего кромѣ отвращенія. Напротивъ, съ Москвою связывались воспоминанія юности и первыхъ лѣтъ супружества, пока она еще не успѣла опротивить мужу. Притомъ многолѣтнее горе направило ее къ презрѣнію земною суетою и къ предпочтенію тихихъ прелестей отшельнической жизни. Она помѣстилась въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Въ 1727 году Меншиковъ сдѣлался вполнѣ всемогущимъ владыкою. Иностранные посланники замѣчали, что даже покойнаго государя Петра Великаго не боялись до такой степени какъ въ это время Меншикова. Верховный тайный совѣтъ значился только больше именемъ; онъ издавалъ такія лишь постановленія, какія угодны были всемогущему временщику. Однако въ короткое время управленія князя Меншикова выпущено нѣсколько такихъ законовъ, въ сужденіяхъ о которыхъ нельзя не признать государственной мудрости законодателя и гуманности; вообще въ нихъ замѣтно направленіе дать сколько возможно болѣе облегченія и льготъ народу. Ослаблено было стѣсненіе духовенства въ пользованіи церковными имуществами: 12 іюля верховный тайный совѣтъ постановилъ: всѣ архіерейскія имѣнія отдать въ

завѣдываніе самимъ владѣтелямъ съ обязательствомъ вносить въ камеръ-коллегію положенные на эти имѣнія казенные сборы. Въ этотъ же день, 12 іюля, верховный тайный совѣтъ рѣшилъ разобрать столбы, поставленные въ разныхъ мѣстахъ въ Петербургѣ съ взоткнутыми головами казненныхъ, а самыя головы, снявши, похоронить. Такимъ образомъ, хотя Меншиковъ и теперь, какъ прежде, оставался ревностнымъ поборникомъ начатаго Петромъ преобразованія, но не усвоилъ себѣ отъ покойнаго государя жестокости, а напротивъ, относился, гдѣ было можно, мягко. Такимъ явился онъ и по отношенію къ Малороссіи. Послѣ возстанія Мазепы Петръ хотя увѣрялъ малороссіянъ, что измѣна гетмана не вынудитъ его къ жестокимъ мѣрамъ насилія надъ народомъ, но уже не довѣрялъ странѣ, гдѣ лица, стоявшія на верху, заявили себя неискренними друзьями Россіи Петръ боялся давать въ Малороссіи управленіе умнымъ и даровитымъ туземцамъ, и Скоропадскій получилъ гетманское достоинство именно за то, что былъ человѣкъ недальняго ума и не показывалъ стойкости въ характерѣ. По его смерти малорусская старшина обратилась къ Петру съ прошеніемъ о дозволеніи выбрать новаго гетмана. Петръ не отказывалъ совершенно наотрѣзъ, но сталъ тянуть это дѣло, водить просителей, и наконецъ, придравшись къ жалобамъ на старшинъ, засадилъ ихъ въ Петропавловскую крѣпость. Главная личность между ними Полуботокъ, носившій уже званіе наказнаго гетмана, умеръ въ заточеніи, а его товарищи выпущены были Екатериною, но измѣненій въ управленіи Малороссійскимъ краемъ не послѣдовало. Малороссіею продолжала править малороссійская коллегія подъ предсѣдательствомъ Вельяминова. Жалобы на эту коллегію слѣдовали одна за другою. Коллегія выдумывала отяготи-

тельные для народа поборы. Малороссіяне должны были притворяться довольными существовавшимъ порядкомъ, но въ самомъ дѣлѣ тяготились имъ. Съ восшествіемъ на престолъ Петра II, 12 мая, изданъ былъ указъ прекратить сборы, самовольно установленные малороссійскою коллегіею; членамъ коллегіи велѣно было ѣхать въ Петербургъ. 21 іюня предоставлено было Малороссіи, сообразно своимъ старымъ правамъ, выбрать гетмана, и представителемъ верховной власти при выборѣ назначенъ былъ тайный совѣтникъ Наумовъ. Выборъ новаго гетмана состоялся 1 октября, когда уже Меншиковъ пересталъ держать въ рукахъ правленіе, но выборъ этотъ произошелъ по его плану и желанію. Правда, казакамъ, собравшимся въ Батуринъ для избранія предводителя, заранѣе было указано, что правительство желаетъ видѣть гетманомъ миргородскаго полковника Данила Апостола: Меншиковъ зналъ его лично и считалъ надежнымъ человѣкомъ. Апостолъ во всякомъ случаѣ не былъ противенъ большинству избиравшихъ, хотя находилось достаточно и такихъ, которые не выбрали бы его, если бы заранѣе не высказана была о немъ воля правительства. Этотъ человѣкъ былъ уже очень старъ; ему минуло семьдесятъ лѣтъ, и это-то было для многихъ благовиднымъ поводомъ не желать его. Но нехотѣвшіе принуждены были молчать и должны были поступать такъ, какъ желаютъ власть и большинство избирателей. Во всякомъ случаѣ, послѣ того, что передъ тѣмъ испытывалъ Малороссійскій край, дозволеніе избирать гетмана было уже со стороны верховной власти милостію и раздражать власть противорѣчіями было и безполезно и опасно Пріѣхавши въ Батуринъ, Наумовъ на собранной для избранія радѣ приказалъ прежде всего прочесть царскую грамату о дозволеніи учинить избраніе гетмана, потомъ

проговорилъ казачеству наставленіе, чтобъ избранъ былъ человѣкъ способный и заслуженный. Около Наумова стояли офицеры съ гетманскими клейнотами. У одного была булава, лежавшая на красной бархатной подушкѣ, у другаго бунчукъ, у третьяго печать, у четвертаго царская хоругвь. Казаки безпрекословно выбрали Апостола, какъ прежде было показано тѣмъ изъ нихъ, которые руководили голосами. Апостолъ отпрашивался, какъ слѣдовало по господствовавшему издавна этикету у казаковъ, отговариваясь старостью. Но старшина, какъ бы противъ его воли, схватила его на руки и понесла передъ Наумова. Наумовъ еще разъ громко спрашивалъ всю раду: добровольно ли избирается новый гетманъ? Всѣ единогласно закричали, что они излюбили Апостола. Тогда Наумовъ вручилъ новоизбранному одинъ за другимъ знаки гетманскаго достоинства, а новый гетманъ въ церкви, предъ лицомъ кіевскаго митрополита, нарочно пріѣхавшаго на раду, произнесъ присягу на вѣрность въ отправленіи своей новой должности. Одинъ печерскій монахъ произнесъ при этомъ приличное событію слово.

Въ управленіе Меншикова изданы были облегчительныя для народа распоряженія по торговлѣ. Сбавлено пошлины съ пеньки вмѣсто прежней 27½% только на 5%, съ галантерейныхъ товаровъ вмѣсто 10% положено платить половину прежней, торговля заграничнымъ табакомъ стала свободною для всѣхъ. Дозволено было торговать каждому драгоцѣнными камнями, тогда какъ прежде, изстари, надобно было представлять ихъ въ царскую казну и послѣ уже позволялось продавать то, что не признавалось годнымъ для царской казны. Всѣмъ дозволялось заниматься обработкою металловъ въ Сибири, не выпрашивая предварительнаго дозволенія на лицо, только съ платежомъ въ казну 10%; точно также тор-

говля солью объявлена вольною съ платежомъ въ казну 10% съ пуда и 5%, если продавалось менѣе пуда. И торговля мягкою сибирскою рухлядью перестала быть казенною монополіею, а предоставлена была всѣмъ желающимъ вести ее; это принесло большое облегченіе, такъ какъ до того времени велась большая контрабанда, и преслѣдованіе ея причиняло большія стѣсненія. Кромѣ того было издано нѣсколько облегчительныхъ распоряженій по торговлѣ, имѣвшихъ временное значеніе. Такъ, по случаю пожара, истребившаго на Невѣ суда, владѣльцамъ этихъ судовъ предоставлялось платить съ товаровъ, привозимыхъ на ихъ судахъ, половинную пошлину. Чтобъ умножить торговлю съ Новгородомъ, дозволялось плавать по Ладожскому озеру судамъ всякаго устройства и доставлять на нихъ въ Петербургъ сѣно, хлѣбъ, плоды, овощи, деревянную и глиняную посуду, безъ всякаго осмотра, не стѣсняясь уже тѣми правилами, которыя установлены были при Петрѣ Великомъ. Меншиковъ былъ первый, озаботившійся устроить мостъ на Невѣ для сообщенія Васильевскаго острова съ другими частями Петербурга.

Лѣтомъ 1729 г. у молодаго царя со дня на день все болѣе и болѣе развивалась склонность къ охотѣ и переходила въ горячую страсть. Онъ безпрестанно ѣздилъ въ Петергофъ и тамъ цѣлые дни съ собаками и птицами рыскалъ по полямъ и лѣсамъ, неразлучно со своимъ любимцемъ княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ Долгоруковымъ, а иногда съ отцомъ его, княземъ Алексѣемъ Григорьевичемъ. Петръ такъ увлекался охотою, что члены верховнаго тайнаго совѣта принуждены были нарочно посылать къ нему приглашенія пожаловать въ засѣданіе совѣта.

Царь никогда не любилъ своей невѣсты княжны

Меншиковой и обручился съ нею только для того, чтобъ исполнить завѣщаніе Екатерины; притомъ онъ сдѣлалъ это по слабости характера, свойственной дѣтскимъ лѣтамъ, не зная, какъ отвязаться отъ настояній Меншикова, представившаго ему со вступленіемъ на престолъ бракъ съ княжною какъ обязанность. Долгоруковы, отецъ и сынъ, подмѣтивши холодность Петра къ невѣстѣ, старались всѣми силами возстановить его противъ Меншикова, родителя немилой ему невѣсты Царь кромѣ того очень друженъ былъ съ своею сестрою: и та не любила Меншикова, и та настраивала брата противъ временщика. Наконецъ, что было всего важнѣе въ этомъ случаѣ, царь возъимѣлъ привязанность къ своей теткѣ Елисаветѣ, переходившую за предѣлы родственнаго благорасположенія, и тутъ-то, естественно, ему дѣлалась смертельно противною мысль о принудительномъ бракѣ съ какою-нибудь другою особою, кромѣ той, какая была ему по-сердцу. Прусскій посланникъ Мардефельдъ (Сб. Р. Ист. Общ. XV, 380) говоритъ, что, кромѣ красоты, Елисавета плѣняла всѣхъ своими душевными качествами, и Петръ, увлекаясь ею, называлъ княжну Меншикову, свою обрученную невѣсту, красивой статуей. Избалованный самодержавною властью, такъ рано полученною, молодой царь показывалъ нравъ безпокойный; всегда хотѣлось ему поставить на своемъ, не терпѣлъ онъ никакихъ себѣ возраженій и со дня на день укрѣплялся въ той мысли, что онъ, какъ самодержавный властелинъ, можетъ дѣлать все, что ему вздумается. Меншиковъ привыкъ съ нимъ обращаться какъ съ малолѣтнимъ, а царь не хотѣлъ уже быть малолѣтнимъ, какъ это часто бываетъ съ дѣтьми, когда имъ хочется, чтобъ ихъ считали взрослыми, и они сердятся на тѣхъ, что ихъ считаютъ несовершеннолѣтними. Прежде Петръ былъ подъ надзо-

ромъ Меншикова и не смѣлъ ни шагу сдѣлать безъ его воли. Во время болѣзни Меншикова царь остался безъ этого надзора и нѣкоторое время привыкъ быть безъ него. Меншикову послѣ своего выздоровленія уже не легко было снова стать въ прежнее положеніе, особенно, когда въ его отсутствіе враги успѣли подѣйствовать на ребенка такъ, что тому было уже противно оставаться подъ властью опекуна. Тутъ и Остерманъ возъимѣлъ надъ царемъ еще больше нравственной силы, чѣмъ прежде; Остерманъ обладалъ нѣсколькими такими достоинствами, какими не могъ потягаться съ нимъ князь Александръ Даниловичъ. Петръ искренно и глубоко уважалъ Остермана, Петръ сознавалъ, что баронъ Андрей Ивановичъ — человѣкъ высокаго образованія, все что ни скажетъ — выйдетъ у него умно; а князь Александръ Даниловичъ не переставалъ быть въ глазахъ царя выскочкою, мужикомъ: у него, не смотря на усвоенные пріемы вельможи, проглядывали и мужицкое происхожденіе, и мужицкая грубость. У Меншикова послѣ его выздоровленія оказался цѣлый кружокъ недоброжелателей, вооружившихъ противъ него молодаго царя: двѣ великія княжны: Наталья и Елисавета, Долгоруковы — Василій Лукичъ, Алексѣй и Сергѣй, братъ Алексѣя Григорьевича, сынъ Алексѣя Иванъ, любимецъ царскій — и наконецъ Остерманъ, котораго Меншиковъ озлобилъ противъ себя выходками своего высокомѣрія.

Когда такимъ образомъ въ молодомъ государѣ созрѣло нерасположеніе къ Меншикову, подогрѣваемое вліяніемъ близкихъ особъ, произошелъ рядъ событій, приготовившихъ паденіе человѣка, такъ высоко ставшаго къ Россіи.

Еще передъ болѣзнью Меншикова, въ іюлѣ (если полагаться въ вѣрности хронологіи на Манштейна (см. Р.

Ст., апр. 1875 г. Прилож., стр. 5) цехъ петербургскихъ каменьщиковъ поднесъ императору въ подарокъ десять тысячъ червонцевъ. Государь отправилъ эту сумму въ подарокъ своей сестрѣ. Придворный, который несъ этотъ подарокъ великой княжнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, встрѣтился съ Меншиковымъ; тотъ спросилъ его, куда онъ идетъ и что несетъ? Узнавши отъ придворнаго о деньгахъ, Меншиковъ сказалъ: «государь еще молодъ, не знаетъ какъ обращаться съ деньгами; неси деньги ко мнѣ, я увижусь съ государемъ и поговорю съ нимъ». Придворный не смѣлъ ослушаться Меншикова и отнесъ деньги къ нему, вмѣсто того чтобы доставить по назначенію великой княжнѣ. Увидѣлся съ сестрою Петръ и узналъ, что она не получала посланнаго подарка. Царь призвалъ придворнаго и спросилъ: куда дѣвалъ онъ тѣ деньги, что ему велѣно отнести великой княжнѣ? — «Меншиковъ отнялъ!» — отвѣчалъ придворный. Царь велѣлъ позвать къ себѣ Меншикова. «Какъ вы смѣли, князь, не допустить моего придворнаго исполнить мое приказаніе?» съ гнѣвомъ сказалъ Петръ. Меншиковъ въ первый разъ испыталъ такую выходку отъ государя, котораго, какъ ребенка, привыкъ держать въ почтительномъ страхѣ предъ своею особою. Меншиковъ былъ ошеломленъ, однако черезъ минуту, опомнившись, сказалъ: «Ваше величество! у насъ въ казнѣ большой недостатокъ денегъ; я сегодня намѣревался представить вамъ докладъ о томъ, какъ употребить эти деньги, но если вашему величеству угодно, я прикажу воротить эти десять тысячъ червонцевъ и даже изъ моей собственной казны дамъ милліонъ». Царь топнулъ ногою и сказалъ: «Я императоръ, мнѣ надоѣло повиноваться». Съ этими словами царь отвернулся и ушелъ, Меншиковъ пошелъ вслѣдъ за царемъ и старался смягчить его.

Черезъ короткое время послѣ того опять были у Меншикова непріятныя столкновенія съ государемъ. Польско-саксонскій посланникъ разсказываетъ, что Меншиковъ выдавалъ на мелочные расходы для царя деньги на руки служителю, и выдалъ такимъ образомъ до трехъ тысячъ рублей. Послѣ узналъ князь, что служитель, безъ вѣдома князя, давалъ деньги въ распоряженіе царю; Меншиковъ прогналъ служителя. Петръ вернулъ къ себѣ прогнаннаго служителя прямо наперекоръ Меншикову. Потомъ царь потребовалъ у Меншикова пятьсотъ червонцевъ и подарилъ ихъ сестрѣ своей, а Меншиковъ отнялъ эти деньги у великой княжны на томъ основаніи, что все-таки смотрѣлъ на обѣихъ высочайшихъ особъ, какъ на дѣтей, которымъ нельзя дозволить распоряжаться деньгами безъ надзора со стороны старшихъ. Это сказаніе Лефорта (Сб. Р. И. О. III, 492) нѣсколько подозрительно: быть можетъ, оно есть представленное въ видѣ двухъ событій измѣненіе разсказа Манштейна или, быть можетъ, одно изъ событій, приводимыхъ Лефортомъ есть то же самое, которое передается Манштейномъ, только нѣсколько иначе. Въ настоящее время нѣтъ средствъ рѣшить этотъ вопросъ. Во всякомъ случаѣ, какъ бы дѣло ни происходило въ подробностяхъ, видно, что у Меншикова возникали недоразумѣнія съ молодымъ царемъ изъ-за денегъ, которыя Петръ считалъ себѣ вправѣ тратить куда ему угодно, начавши чувствовать себя самодержавнымъ государемъ, а Меншиковъ, считая Петра еще несовершеннолѣтнимъ, признавалъ за собою право надзора за такими тратами. Далѣе Лефортъ говоритъ (см. Сб. Р. Ист. Общ. III, стр. 489, 490), что въ день имянинъ великой княжны Натальи Алексѣевны Меншиковъ цѣлый день не могъ объясниться съ царемъ, какъ ни старался объ этомъ, какъ ни заискивалъ его благорасположенія.

Молодой царь умышленно отъ него отворачивался и, указывая на Меншикова, сказалъ кому-то изъ своихъ приближенныхъ: «Смотрите, какъ я его поставлю въ струнку!» Замѣтили Петру, что Меншиковъ недоволенъ холодностію царя къ дочери Меншикова, царской невѣстѣ. Петръ на это сказалъ: «Зачѣмъ лишнія любезности? Довольно ей моей любви. Меншиковъ хорошо знаетъ, что я не намѣренъ жениться ранѣе двадцати пяти лѣтъ возраста. Такое у меня намѣреніе!»

Около этого дня, по извѣстію Лефорта, произошло еще слѣдующее (Сб. Ист. Общ. III, 492). Ярославцы серебряки поднесли царю серебряный подарокъ своего издѣлія. Петръ послалъ его въ даръ сестрѣ. Меншиковъ, узнавши объ этомъ, послалъ къ великой княжнѣ требовать, чтобъ ему доставили эту вещь. Она не отдала. Меншиковъ еще два раза посылалъ къ ней за тѣмъ же. Великая княжна не отдала и говорила посланному: «Скажи Меншикову, что я знаю, какая разница между императоромъ и такимъ человѣкомъ какъ онъ.» При этомъ она побожилась, что никогда не будетъ у него въ домѣ. Это извѣстіе, быть можетъ, также видоизмѣненіе того, что разсказано у Манштейна и у послѣдняго отнесено къ гораздо раннему времени. Несомнѣнно, какъ это мы знаемъ изъ достовѣрныхъ современныхъ актовъ, деньги на расходы царя выдавались на руки нѣкоему Кайсарову, и тотъ получилъ отъ Меншикова предписаніе не выдавать ихъ никому и не тратить никуда безъ разрѣшенія Меншикова или Остермана.

Насталъ день имянинъ Меншикова. Свѣтлѣйшій приглашалъ царя съ семействомъ пожаловать къ нему на имянины въ Ораніенбаумъ. Царь сначала обѣщалъ, а потомъ сказалъ, что ему некогда, есть свои занятія въ

Петергофѣ: «можетъ себѣ Меншиковъ праздновать имянины и безъ царя»!

«Должно сознаться, замѣчаетъ прусскій посланникъ Мардефельдъ (Сб. Р. Ист. Общ. XV, 386), что Меншиковъ легкомысленно отказался тогда отъ всего, что ему совѣтовали добрые люди для его безопасности; временщикъ самъ ускорилъ свое паденіе, поддаваясь своему корыстолюбію и честолюбію. Ему надлежало дѣйствовать заодно съ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, поддерживать имъ же заведенный государственный строй, а вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтать расположеніе къ себѣ и царя и его сестры. Меншиковъ же прибралъ къ рукамъ все финансовое управленіе, располагалъ произвольно всѣми военными и гражданскими дѣлами какъ настоящій императоръ, и оскорблялъ царя и великую княжну, сестру государя, отказывая имъ въ исполненіи ихъ желаній; все это дѣлалъ онъ, увлекаясь тщеславною мыслію, что ему надобно обоихъ царственныхъ дѣтей держать подъ ферулой.»

3 сентября, въ воскресенье, назначилъ Меншиковъ освященіе своей домовой церкви въ Ораніенбаумѣ. Уже находясь тогда въ большой размолвкѣ съ императоромъ, Меншиковъ надѣялся, что при этомъ торжествѣ прекратитъ возникшія недоразумѣнія и совершенно помирится съ царемъ. Онъ приглашалъ на освященіе царя и сестру его, но не счелъ нужнымъ приглашать Елисавету, которую естественно не терпѣлъ за любовь къ ней царя и притомъ считалъ соперницею своей дочери. Царь не поѣхалъ. Великая княжна Наталья тѣмъ болѣе отказалась, когда уже прежде выразилась, что не хочетъ никогда быть у Меншикова въ домѣ. Церковь освящена была безъ императора и высочайшей фамиліи, хотя съѣхалось много тогдашней правительствующей знати: Головкинъ, Голицыны, гене-

ралы: Волковъ, князь Шаховской, Сенявинъ, тайные совѣтники: Макаровъ и Бестужевъ и много штабъ и оберъ-офицеровъ. Богослуженіе отправлялъ архіепископъ Ѳеофанъ съ коломенскимъ епископомъ Игнатіемъ. Есть извѣстіе (Phiseld., 389), что Меншиковъ, зазнавшись въ своемъ величіи, во время освященія сѣлъ на мѣсто, приготовленное для царя, такъ какъ царской особы не было. Во время бывшаго потомъ обѣда была пушечная пальба, играла музыка. Послѣ обѣда бывшіе тамъ тайные недоброжелатели свѣтлѣйшаго поспѣшили въ Петергофъ донести о томъ, что Меншиковъ во время богослуженія осмѣлился занять царское мѣсто. На другой день утромъ бывшій у Меншикова его фаворитъ, какъ выражались тогда, генералъ-лейтенантъ Волковъ совѣтовалъ свѣтлѣйшему не медля ѣхать въ Петергофъ и объясниться съ царемъ и съ членами царской фамиліи на счетъ того, что изъ нихъ никто не пріѣхалъ на освященіе церкви, а это походило на немилость. Но Меншиковъ не послушалъ этого совѣта и не поѣхалъ. Когда пришло время обѣда, Меншиковъ сѣлъ за столъ съ бывшими у него въ тотъ день гостями: князьями Голицыными, тайнымъ совѣтникомъ Мамоновымъ, Чернышевымъ, Сенявинымъ и Иваномъ Львовичемъ Нарышкинымъ. Послѣ обѣда Волковъ принялся за прежній совѣтъ и въ этотъ разъ настоялъ на своемъ; Меншиковъ прослушалъ его и въ пять часовъ по полудни выѣхалъ изъ Ораніенбаума, провожаемый пушечными выстрѣлами: такія почести дозволялись ему всегда, когда онъ куда нибудь отправлялся изъ дому.

Въ тотъ же день, въ 7¼ часовъ пополудни, прибылъ Меншиковъ въ Петергофъ. Онъ видѣлся съ царемъ въ большихъ верхнихъ палатахъ, но не надолго и какъ бы вскользь (см. Есипова «Ссылка Меншикова», Отеч. Зап. 1860. М. 8. Лефоргъ. Сб. Р. Ист. Общ., III, 492). По дру-

гому извѣстію (Phiseld., 389) Меншиковъ въ этотъ день не увидалъ государя вовсе. Не воротился въ этотъ вечеръ Меншиковъ въ свой Ораніенбаумъ: то было накануне имянинъ цесаревны Елисаветы, которую, какъ требовалъ долгъ придворной вѣжливости, надобно было поздравить. Меншиковъ расположился въ комнатахъ, собственно для его особы назначенныхъ въ петергофскомъ дворцѣ, и сталъ съ кѣмъ-то играть въ шахматы.

На другой день, 5-го сентября, Меншиковъ прежде всего утромъ хотѣлъ повидаться съ царемъ, но ему сказали, что Петръ, поднявшись очень рано, уѣхалъ на охоту. Меншиковъ обратился тогда къ великой княжнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, но та не захотѣла съ нимъ встрѣчаться, и когда онъ къ ней входилъ, она выскочила въ окно. Ясно было, что царственная чета, братъ и сестра, хотятъ заявить, что Меншиковъ сталъ имъ противенъ. Тогда Меншиковъ отправляется къ Елисаветѣ, которая не терпѣла Меншикова такъ же какъ и онъ ее. Меншиковъ поздравилъ ее съ имянинами и сталъ потомъ жаловаться на царя: Петръ неблагодаренъ и забываетъ, что Меншиковъ оказалъ ему довольно важныхъ услугъ. Меншиковъ говорилъ, что, видя къ себѣ явно царскую немилость, ему ничего болѣе не остается, какъ удалиться отъ двора и уѣхать къ войску, расположенному въ Украйнѣ. Не знаемъ, что ему отвѣчала на это цесаревна Елисавета. Свѣтлѣйшій послѣ бесѣды съ нею поговорилъ съ полчаса съ Остерманомъ (быть можетъ, тогда-то и происходилъ тотъ крупный разговоръ, о которомъ извѣстіе у Мардефельда мы привели уже выше, не зная подлинно, въ какой именно день онъ происходилъ). Въ 12-ть часовъ дня Меншиковъ обѣдалъ только съ своимъ семействомъ. Къ вечеру онъ уѣхалъ съ семействомъ въ Петербургъ, а между тѣмъ въ этотъ вечеръ въ Петер-

гофѣ былъ устроенъ балъ въ честь имянинницы. Воротился царь съ охоты. Онъ посѣтилъ балъ, но присутствовалъ тамъ не долго, жаловался на усталость, удалился и отправилъ въ Петербургъ генерала и маіора гвардіи Салтыкова съ приказаніемъ верховному тайному совѣту перевезти всѣ царскіе экипажи и всѣ царскія вещи изъ дворца Меншикова въ царскій лѣтній дворецъ.

Враги Меншикова тайно дѣйствовали противъ него; онъ же, ничего не зная, вмѣстѣ съ семействомъ прибылъ на Васильевскій Островъ, переименованный имъ въ Преображенскій, и остановился въ своемъ собственномъ дворцѣ. Соблюдая свое обычное величіе, онъ ѣхалъ туда въ шести придворныхъ каретахъ.

Въ верховномъ тайномъ совѣтѣ въ этотъ день уже призванъ былъ гофъ-интендантъ Мошковъ и спрошенъ, во сколько времени можетъ быть окончена уборка лѣтняго дворца, куда имѣлъ намѣреніе перебраться государь. Мошковъ назначилъ три дня. Меншиковъ ничего про это еще не зналъ и думалъ, что размолвка съ царемъ уладится такъ же скоро, какъ улаживалась прежде, когда, бывало, возникала. Меншиковъ не падалъ духомъ, посѣщалъ коллегіи, смотрѣлъ дѣла, держалъ себя попрежнему могущественнымъ правителемъ государства. То было въ среду 6 сентября. Между тѣмъ экипажи императора перевозились изъ Меншиковскаго дворца въ императорскій лѣтній дворецъ, сообразно приказу, привезенному изъ Петербурга Салтыковымъ. Самъ царь не возвращался въ столицу, провелъ весь этотъ день на охотѣ и вечеромъ прибылъ въ Стрѣльну. Тамъ онъ заночевалъ.

Насталъ слѣдующій день, четвергъ, 7 сентября. Меншиковъ всталъ въ 6 часовъ утра, вышелъ въ орѣховую залу своего дворца и просидѣлъ тамъ неодѣтый въ за-

думчивости до 9 часовъ утра. Этого съ нимъ еще никогда не бывало. Въ 9 часовъ отправился онъ въ верховный тайный совѣтъ. Царя не было. Засѣданіе въ этотъ день не отправлялось. Меншиковъ засталъ тамъ только двухъ лицъ и воротился домой. Въ противность своему обычаю, онъ въ этотъ день не отдыхалъ послѣ обѣда. Ясно стало Меншикову, что надъ нимъ собралась грозная туча.

Меншиковъ обратился съ письмомъ къ князю Михаилу Михайловичу Голицыну, небывшему тогда въ Петербургѣ, и писалъ къ нему, чтобъ онъ поспѣшалъ; по недавней пріязни своей съ родомъ Голицыныхъ хотѣлъ Меншиковъ употребить ихъ какъ сильныхъ людей для своего спасенія. Меншиковъ послалъ тогда же воротить и отпущеннаго бывшаго учителя Зейкина, какъ это оказалось изъ арестованныхъ впослѣдствіи у него бумагъ. Видно было, что, замѣчая противъ себя нерасположеніе Остермана, онъ задумывалъ удалить отъ царя этого нѣмца и снова приблизить къ Петру прежняго царскаго наставника. Въ этотъ же день Меншиковъ приказалъ вывести съ Васильевскаго Острова, по извѣстію Лефорта, шесть размѣщенныхъ тамъ полковъ, а по извѣстію Физельдека (стр. 390), ингерманландскій полкъ; вмѣстѣ съ этимъ, Васильевскій Островъ, переименованный въ послѣднее время въ Преображенскій, снова велѣно называть прежнимъ именемъ. Все это были послѣднія распоряженія свѣтлѣйшаго. Напрасны были всѣ его старанія; не повредили ему и сдѣланныя въ тотъ день ошибки, какъ называютъ иностранцы, удаленіе войска съ Острова, которое ни въ какомъ случаѣ не могло отстоять падавшаго временщика. Вечеромъ воротился въ Петербургъ царь, и Меншиковъ, за всѣмъ слѣдившій, какъ только узналъ о пріѣздѣ Петра въ лѣтній дворецъ, отправился

туда съ семействомъ. Но царь не велѣлъ принимать ни его, ни княгини, ни ихъ дочери, своей обрученной невѣсты.

По пріѣздѣ царя баронъ Остерманъ передалъ собравшемуся тайному совѣту царское повелѣніе такого рода: «Понеже мы воспріяли всемилостивѣйшее намѣреніе отъ сегодня собственною особою предсѣдать въ верховномъ тайномъ совѣтѣ и всѣ выходящія отъ него бумаги подписывать собственною нашею рукою, то повелѣваемъ, подъ страхомъ царской нашей немилости, не принимать во вниманіе никакихъ повелѣній, передаваемыхъ черезъ частныхъ лицъ, хотя бы и чрезъ князя Меншикова».

Въ пятницу, 8 сентября, верховный тайный совѣтъ отправилъ маіора гвардіи Салтыкова снять почетный караулъ при домѣ Меншикова, данный ему по званію генералиссимуса, и объявить Меншикову, что онъ состоитъ подъ арестомъ.

Царь въ этотъ день былъ у обѣдни у св. Троицы и, если вѣрить иностранцу Веберу (который легко могъ ошибиться, не вполнѣ зная всѣ наши обычаи, особенно по отношенію къ благочестію), причащался (стр. 704). Въ церкви явились къ нему особы женскаго пола изъ семейства Меншикова и бросились къ ногамъ государя, думая молить его о прощеніи свѣтлѣйшему. Царь отворотился отъ нихъ, не сказавши имъ ни слова, и вышелъ изъ церкви. Княгиня Меншикова съ дочерьми отправилась за нимъ во дворецъ, но, какъ вчера, ее не допустили къ царю. (Леф., Сб., И. О., III, 493). У царя въ этотъ день обѣдали князья Долгоруковы, члены верховнаго тайнаго совѣта и фельдмаршалъ Сапѣга съ сыномъ. Петръ говорилъ: «Я покажу Меншикову, кто изъ насъ императоръ — я или онъ. Онъ, кажется, хочетъ со

мной обращаться, какъ обращался съ моимъ родителемъ. Напрасно. Не доведется ему давать мнѣ пощечины.»

Княгиня Меншикова съ дочерьми, не добившись свиданія съ царемъ, обращалась къ великой княжнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, потомъ къ цесаревнѣ Елисаветѣ: обѣ отъ нея отвернулись. Княгиня обратилась къ Остерману и три четверти часа ползала у ногъ его. Всѣ мольбы ея были безуспѣшны.

Меншиковъ между тѣмъ сидѣлъ въ своемъ домѣ подъ арестомъ. Салтыковъ не отпускалъ его отъ себя ни на шагъ. Когда свѣтлѣйшему объявили первый разъ объ арестѣ, съ нимъ сдѣлался припадокъ, изъ горла пошла кровь; онъ упалъ въ обморокъ, думали, что съ нимъ будетъ апоплексическій ударъ. Были въ то время у него въ гостяхъ пріятели: Волковъ, Макаровъ, князь Шаховской и Фаминцынъ. Въ первомъ часу ему пустили кровь. Въ два часа подали обѣдъ въ предспальной комнатѣ. Пріятели ласкали его надеждами, что съ нимъ не произойдетъ особеннаго бѣдствія, уволятъ его отъ двора и почестей, удалятъ въ деревню, и будетъ онъ оканчивать жизнь въ уединеніи, пользуясь скопленными заранѣе богатствами. Какъ бы въ подтвержденіе такихъ надеждъ, ему дозволили дѣлать распоряженія надъ своимъ достояніемъ.

Тогда Меншиковъ попытался склонить къ себѣ въ милость государя и написалъ къ нему письмо такого содержанія:

«По вашего императорскаго величества указу сказанъ мнѣ арестъ, и хотя я никакого вымышленнаго передъ вашимъ величествомъ погрѣшенія въ совѣсти моей не нахожу, понеже все чинилъ я ради лучшей пользы вашего величества, въ семъ свидѣтельствуюсь неоцѣненнымъ судомъ Божіимъ, развѣ можетъ быть что вашему величеству или вселюбезнѣшей сестрицѣ вашей ея импе-

раторскому величеству учинилъ забвеніемъ или нерадѣніемъ или въ моихъ вашему величеству для пользы вашей представленіяхъ, и въ такомъ моемъ невѣдѣніи и недоумѣніи всенижайше прошу за вѣрныя мои къ вашему величеству службы всемилостивѣйшаго прощенія и дабы ваше величество изволили повелѣть меня изъ-подъ ареста освободить, памятуя реченіе Христа Спасителя нашего: да не зайдетъ солнце во гнѣвѣ вашемъ. Сіе все предаю на всемилостивѣйшее вашего императорскаго величества разсужденіе; я же обѣщаюсь мою къ вашему величеству вѣрность содержать всегда до гробу моего. Такъ же сказанъ мнѣ указъ, чтобъ мнѣ ни въ какія дѣла не вступаться, такъ что я всенижайше прошу, дабы ваше величество повелѣли для моей старости и болѣзни отъ всѣхъ дѣлъ меня уволить вовсе, какъ по указу блаженныя и высокодостойныя памяти ея императорскаго величества уволенъ генералъ фельдцейхмейстеръ Брюсъ. Что же я Кайсарову далъ письмо, дабы безъ подписанія моего расходовъ не держалъ, а словесно ему неоднократно приказывалъ, чтобъ безъ моего или Андрея Ивановича Остермана приказу расходовъ не чинилъ, и онъ къ тому опредѣленъ на время, дабы подъ образомъ повелѣній вашего величества напрасныхъ расходовъ не было. Если же ваше величество о томъ письмѣ изволите разсуждать въ другую силу и въ томъ моемъ недоумѣніи прошу милостиваго прощенія.»

Вмѣстѣ съ письмомъ къ государю арестованный временщикъ написалъ письмо и къ великой княжнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ. Извѣщая о томъ, что Салтыковъ объявилъ ему арестъ, Меншиковъ выражался такъ: «о чемъ и ваше высочество всенижайше прошу о милостивѣйшемъ къ его императорскому величеству предстательствѣ, дабы изъ-подъ ареста былъ освобожденъ и отъ

всѣхъ дѣлъ уволенъ вовсе (Протоколы Верх. Т. Сов. Чт. 1858 г., III 64)».

Наконецъ (см. деп. Лефорта въ Сб. Р. И. О., III, 495) 9 сентября подана царю записка о Меншиковѣ, составленная Остерманомъ. Царь утвердилъ все, но велѣлъ отложить до времени приговоръ о лицахъ, осуждаемыхъ вмѣстѣ съ Меншиковымъ: о Волковѣ и о свояченицѣ Меншикова Варварѣ Арсеньевой. Меншикову было объявлено, что онъ будетъ отправленъ въ одно изъ его имѣній, въ Ораніенбургъ (иначе Раненбургъ). У него отобрали ордена. Съ него взяли за подпискою обязательство ни съ кѣмъ не переписываться.

11 сентября павшій вельможа выѣхалъ изъ Петербурга, но не такъ какъ ссылаемый въ изгнаніе, а какъ бояринъ, удаляющійся на покой въ свои вотчины. Онъ отправлялся съ семьею своею въ богато-убранныхъ каретахъ, заложенныхъ каждая шестерней лошадей. Въ одной изъ этихъ каретъ сидѣлъ самъ князь съ своею княгинею и свояченицею; въ другой каретѣ его сынъ съ карликомъ, въ третьей — дочери съ двумя служанками въ четвертой — братъ жены князя Меншикова Арсеньевъ. За этими каретами слѣдовалъ рядъ повозокъ съ прислугою и домашнею рухлядью. По документамъ того времени видно, что выѣхало съ нимъ сто пять берлиновъ, шестнадцать колясокъ, одиннадцать фургоновъ и одна колымага. Прислуги поѣхало съ нимъ 127 человѣкъ, но въ Любани на пути присоединилось къ нимъ еще двадцать человѣкъ. По бокамъ обоза шло двадцать вооруженныхъ солдатъ подъ начальствомъ гвардейскаго капитана Пырскаго: это былъ конвой, препровождавшій ссылаемаго князя. Толпы народа высыпали на улицы смотрѣть на удаляющагося вельможу, котораго величіе блистало надъ Петербургомъ съ самаго основанія этого города. Не жа-

лѣли о немъ русскіе люди; напротивъ, глядѣли на него съ тѣмъ злорадствомъ, съ какимъ обыкновенно толпа сопровождаетъ паденіе такихъ, что сами вышли изъ низкаго званія и, поставленные судьбою на высотѣ, не умѣютъ устоять на ней, безъ того чтобъ не зазнаться, и оттого падаютъ. Но всѣ жалѣли жену Меншикова, потому что ее считали очень доброю женщиною.

Въ началѣ своего путешествія Меншиковъ былъ увѣренъ, что удаленіемъ отъ двора все дѣло его кончится, и онъ будетъ пребывать въ своихъ имѣніяхъ до тѣхъ поръ, пока не измѣнятся обстоятельства. Но по дорогѣ съ нимъ происходили непріятности одна за другою, и онѣ показывали, что враги Меншикова не удовольствуются тѣмъ, что сдѣлали, а будутъ медленно растравлять нанесенную рану. Изъ Петербурга вслѣдъ за Меншиковымъ посылались курьеры одинъ за другимъ и возили новыя распоряженія, стѣснительныя для изгнанника. Сперва одинъ курьеръ явился съ приказаніемъ обезоружить прислугу. Потомъ въ Валдаѣ случилось такое происшествіе. Дворецкій Богданъ Родіоновъ упросилъ Пырскаго дозволить женщинамъ и дѣвушкамъ изъ прислуги съ двумя служителями проѣхать впередъ одну станцію. Пырскій дозволилъ, но на слѣдующей станціи не нашелъ поѣхавшихъ впередъ, ихъ догнали въ Москвѣ и отвезли по дорогѣ назадъ. Пырскій, разсердившись на дворецкаго Родіонова за самовольный проѣздъ прислуги, держалъ его подъ арестомъ всю остальную дорогу.

Вѣроятно приключеніе съ прислугою въ Валдаѣ имѣло свое вліяніе, когда Пырскій, по своей обязанности, донесъ о немъ верховному тайному совѣту; какъ бы то ни было, въ Твери догналъ Меншикова другой курьеръ и привезъ приказаніе отправить назадъ въ Петербургъ лишніе экипажи и прислугу, какую найдутъ излишнею

распоряжался этимъ Пырскій. Въ Клину — третій курьеръ, по прозвищу Шушеринъ, привезъ приказаніе отобрать и отправить въ верховный тайный совѣтъ ордена отъ сына Меншикова, дочерей его и Варвары Арсеньевой, сверхъ того — обручальное кольцо у невѣсты императора, а ей возвратить ея собственное, бывшее на рукѣ государя. Самъ Шушеринъ, отправивши эти вещи съ другими, по данной ему инструкціи, отлучилъ отъ Меншиковыхъ его свояченицу Варвару Арсеньеву и повезъ на заточеніе въ монастырь въ Александровской слободѣ.

Меншиковымъ не дозволили проѣхать черезъ Москву и объѣхали ее. 3-го ноября наконецъ Пырскій привезъ своихъ узниковъ въ Ораніенбургъ и помѣстилъ ихъ въ собственномъ Меншиковскомъ дома, находившемся въ крѣпости. Пырскій долженъ былъ, сообразно инструкціи, оставаться постоянно при Меншиковѣ въ качествѣ надзирателя за его поступками. Ворота въ крѣпости, гдѣ стоялъ домъ, должны были запираться по пробитіи вечерней зари и оставаться запертыми вплоть до пробитія утренней зари. Караулъ былъ постоянный; часовые разставлены были по комнатамъ князя и дѣтей его. Ни черезъ кого посылать писемъ нельзя было мимо Пырскаго. Меншиковъ могъ писать не иначе, какъ въ присутствіи Пырскаго. 5 января 1728 года Пырскій былъ замѣненъ капитаномъ гвардіи Мельгуновымъ. (Есип., «Ссылка кн. Менш.», От. Зап. 1860, № 8, стр. 381, 426).

Враги Меншикова не оставляли князя въ покоѣ во время его пребыванія въ Ораніенбургѣ. Долгоруковы особенно старались погубить его, чтобъ самимъ стать на той высотѣ, съ какой былъ низвергнутъ Меншиковъ. Съ ними заодно дѣйствовалъ Остерманъ. Верховный совѣтъ дѣлалъ все, что представлялъ Остерманъ, въ ка-

чествѣ оберъ-гофмейстера царскаго сообщавшій волю государя совѣту.

Всеобщее мнѣніе давно уже утвердилось, что Меншиковъ нажилъ состояніе взяточничествомъ и казнокрадствомъ. Теперь, послѣ его паденія, всплывало наверхъ многое, что прежде не смѣло показаться на свѣтъ.

23 сентября въ совѣтѣ было читано принца Морица Саксонскаго (претендента на Курляндское герцогство) письмо, отданное Меншикову въ день его ареста. Изъ этого письма открывалось, что Морицъ обѣщалъ князю единовременно двѣ тысячи червонцевъ и кромѣ того ежегодный взносъ на всю жизнь по сорока тысячъ ефимковъ, если Меншиковъ пособитъ ему получить герцогское достоинство. Поднялись и другіе доносы, и 9 ноября состоялся указъ описать все движимое имущество Меншикова, находившееся въ покинутыхъ московскихъ и петербургскихъ домахъ, дачахъ и деревняхъ. У него какъ сообщаетъ по современнымъ разсказамъ Лефортъ (деп. 25 нояб. 1727 г. Сб. Р. И. О., т. III, 507), описали тогда на 250,000 одного столоваго серебра, 8,000,000 червонцевъ, на тридцать милліоновъ серебряной монеты и на три милліона драгоцѣнныхъ камней и всякаго узорочья. Самъ Лефортъ не считалъ это вѣроятнымъ. 17 ноября доставлена была изъ Стокгольма реляція графа Николая Головина о томъ, что Меншиковъ писалъ къ шведскому сенатору Дикеру: хотя русскіе министры стараются, чтобы Швеція не приступала къ Ганноверскому трактату, выгодному для Англіи, но на это не слѣдуетъ обращать вниманія; войско русское все у него, Меншикова, въ рукахъ, а здоровье государыни Екатерины, тогда бывшей на престолѣ, слабо, и вѣкъ ея продолжиться не можетъ, и чтобы сіе пріятельское внушеніе Швеціи не было забвенно, ежели ему какая помощь надобна бу-

детъ. Кромѣ того открывалось, что Меншиковъ шведскому посланнику Цедеркрейцу въ Петербургѣ объявлялъ о томъ же и взялъ съ него взятку пять тысячъ червонныхъ, присланныхъ англійскимъ королемъ. Говорили, будто у Меншикова отыскалось письмо къ прусскому королю, въ которомъ просилъ себѣ въ займы десять милліоновъ талеровъ, обѣщаясь современемъ возвратить, когда получитъ полновластіе. Оказалось тогда, что Меншиковъ, вымогая многое отъ разныхъ лицъ, злоупотреблялъ подписью государя и, завѣдуя монетнымъ дѣломъ въ Россіи, приказывалъ чеканить и пускать въ обращеніе монету дурнаго достоинства. Поставили ему въ вину его поступки съ голштинскимъ герцогомъ и его супругою. Онъ взялъ съ нихъ (какъ мы уже сказали выше) взятку 80,000, изъ которыхъ 60,000 положилъ на счетъ казны. Кромѣ того герцогу и его супругѣ подаренъ былъ казенный долгъ, слѣдуемый съ англійскаго купца Мерсеи; Меншиковъ взялъ насильно себѣ половину этого долга и уже получилъ отъ Голштинскаго министра барона Штанге 2,000 рублей, въ чемъ и далъ расписку.

Нарядили судную коммиссію для изслѣдованія преступленій Меншикова. Взяли подъ арестъ секретарей его, Виста, Вульфа и Яковлева; но тѣ однако ничего предосудительнаго за Меншиковымъ не сказали. Наконецъ отправили къ Меншикову сто двадцать вопросныхъ пунктовъ по разнымъ возникшимъ противъ него обвиненіямъ. (Протов. Верх. Тайн. Сов. Чт. 1858 г., III, 69, 70).

Послѣ отправки Меншикова въ Ораніенбургъ царь извѣщалъ голштинскаго герцога о судьбѣ, постигшей человѣка, бывшаго постояннымъ недоброжелателемъ герцога. Главною виною Меншикова поставлялось неува-

женіе, оказываемое членамъ императорской фамиліи и въ томъ числѣ женѣ герцога.

Бывшій другъ князя Меншикова Остерманъ, такъ много содѣйствовавшій его паденію, могъ по своему положенію стать такимъ же всемогущимъ властелиномъ, какимъ былъ Меншиковъ; но Остерману тотчасъ же пришлось увидѣть соперничество въ возраставшей силѣ Долгоруковыхъ, отца и сына. Они стали его злобными врагами, хотя старались не казаться ими. Примкнули къ Остерману и составили одну партію съ нимъ Апраксинъ и Головкинъ; Голицыны, враждуя тогда съ Долгоруковыми, не сходились и съ Остерманомъ, а пытались составить свою, третью партію. Между особами царскаго семейства также не было единодушія. Сестра государя, великая княжна Наталья Алексѣевна, будучи по возрасту старѣе государя однимъ годомъ и тремя мѣсяцами, имѣла надъ нимъ большое вліяніе; она была расположена къ Остерману, и ей-то особенно Остерманъ былъ тогда одолженъ тѣмъ, что сохранилъ свое значеніе царскаго руководителя. Дружеское расположеніе великой княжны къ Остерману было очень не по-сердцу отцу и сыну Долгоруковымъ, и они, прежде расположенные къ Натальѣ Алексѣевнѣ, стали отъ нея отдаляться и сближаться съ цесаревною Елисаветою, а послѣдняя все болѣе и болѣе получала власти надъ сердцемъ государя; скоро однако Долгоруковы должны были покоситься и на цесаревну Елисавету, какъ только стали замѣчать, что она не хочетъ быть у нихъ въ покорности и сближается съ противниками ихъ—Голицыными. Прежде Долгоруковы сами старались сводить царя съ теткою, а теперь раскаялись въ этомъ и стали стараться, какъ бы отвести отъ нея государя.

Молодой царь, поставленный въ водоворотѣ разныхъ

партій, началъ показывать въ своемъ характерѣ такія черты, что иностранцы, слѣдившіе за ходомъ дѣлъ при дворѣ, находили, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ Петръ Второй напоминалъ своего дѣда Петра Перваго, именно тѣмъ, что не терпѣлъ никакихъ возраженій и непремѣнно требовалъ, чтобъ все дѣлалось вокругъ него такъ, какъ ему хочется. Въ самомъ дѣлѣ, юность Петра Втораго съ юностью Петра Великаго сходствовала главнымъ образомъ тѣмъ, что оба они, и дѣдъ и внукъ, въ отроческомъ возрастѣ объявлены были государями и съ самодержавною властію, оба рано привыкли видѣть предъ собою раболѣпство и считать себя выше всѣхъ прочихъ людей въ государствѣ. Оба стремились предаваться по своему произволу забавамъ, однако стремленія у нихъ имѣли неодинакія свойства. У Петра Великаго во всемъ видна была любознательность, желаніе научиться и создавать новое; Петръ Второй повторялъ слышанныя имъ отъ другихъ слова, что знатнымъ особамъ нѣтъ необходимости быть образованными, а царь, какъ человѣкъ выше всѣхъ, не нуждается въ надзорѣ людей, которые бы имѣли право его останавливать. Такіе взгляды внушали ему Долгоруковы въ тѣ дни, когда нужно было имъ спихнуть Меншикова. Отрокъ легко усвоилъ эти взгляды, потому что ему хотѣлось жить какъ взрослому, а не какъ ребенку. Петръ Великій катался въ лодкѣ по Яузѣ, какъ будто ради забавы, но тутъ уже видны были зачатки его великой любви къ мореплаванію, создавшей въ Россіи морскую силу; Петръ Великій устраивалъ себѣ потѣшные отряды изъ отроковъ и потѣшался съ ними походами и примѣрными битвами, но тутъ же видно было въ немъ будущаго знатока военнаго искусства и создателя русской арміи У Петра Втораго забавы были для одной забавы. Моря Петръ Второй не любилъ, но сухо-

путная война повидимому его нѣсколько занимала: онъ, какъ его дѣдушка, окружилъ себя дворянскими отроками отъ десяти до пятнадцати лѣтъ возраста, однако все ограничивалось ребяческими играми.

Остерманъ самъ, въ своей программѣ для царскаго обученія, предоставилъ Петру много времени для отдыха и развлеченій. Сообразно такой программѣ царь занимался ученіемъ только до полудня, а въ остальное время дня гулялъ, по вечерамъ игралъ въ карты съ сестрою и Елисаветою, тѣшился военными эволюціями съ кадетами или отправлялся на охоту. Естественно, что, имѣя свободнаго времени для забавъ и развлеченій болѣе чѣмъ для ученія, Петръ полюбилъ забавы и развлеченія больше чѣмъ ученье, а молодой князь Иванъ Алексѣевичъ поддерживалъ въ немъ такое предпочтеніе забавъ ученью. Собственно Остерманъ, не утомляя воспитанника принудительными мѣрами обученія, имѣлъ въ виду внушить ему такое настроеніе, чтобъ онъ безъ всякаго внѣшняго принужденія получилъ любовь къ дѣльнымъ занятіямъ, а царь подъ вліяніемъ Долгоруковыхъ, сталъ падокъ на веселое препровожденіе времени, и Остерману скоро пришлось пожалѣть, зачѣмъ допускалъ къ царю Долгоруковыхъ слишкомъ близко. Черезъ мѣсяцъ послѣ удаленія Меншикова Остерманъ замѣтилъ, что царь съ нимъ становится холоднѣе, сдержаннѣе, и такая холодность къ наставнику увеличивалась по мѣрѣ усиленія горячей привязанности къ любимцу и довѣрія къ отцу любимца. Остерманъ рѣшился объясниться сь царемъ съ полною откровенностію. Остерманъ выставилъ на видъ Петру свою вѣрность. указывалъ на то, что царь слушаетъ не его, а тѣхъ, которые угодничаютъ ему какъ государю изъ видовъ собственной пользы. Наставникъ, разговаривая съ царемъ, прерывалъ рѣчь свою слезами; расчув-

ствовался и Петръ; онъ увѣрялъ Остермана въ полномъ своемъ къ нему довѣріи. Въ самомъ дѣлѣ, Петръ любилъ Остермана, и въ это время, когда другими замѣчалась въ его обращеніи съ наставникомъ холодность, онъ любилъ его такъ, что посторонніе, всмотрѣвшись проницательнѣе, находили, что царь безъ Остермана жить не могъ (Лефор. Ibid., 501). Однако послѣ увѣреній въ любви и преданности къ своему наставнику Петръ все-таки увлекался опять праздными забавами съ Долгоруковыми, отъ чего удерживалъ его благоразумный наставникъ. Царь сталъ превращать ночи въ дни, рыскалъ Богъ знаетъ гдѣ съ своимъ фаворитомъ, возвращался на разсвѣтѣ и ложился въ семь часовъ утра, не досыпалъ и цѣлый день оставался въ дурномъ расположеніи духа. Повторялъ не разъ свои наставленія Остерманъ — ничто не помогало; тогда баронъ Андрей Ивановичъ съ досады притворился больнымъ. Думалъ онъ, быть можетъ, этимъ потрясти царя; но это повело къ худшему: считаясь больнымъ, Остерманъ долженъ былъ молодаго царя поручить попеченію своего помощника князя Алексѣя Григорьевича, а тотъ оставилъ царя въ сообществѣ своего избалованнаго сынка. Петръ день ото дня становился своенравнѣе, и даже у него уже являлась наклонность къ жестокости. Всѣ придворные относились къ нему съ подобострастіемъ, исполняли раболѣпно все, что отрокъ-царь ни задумывалъ, и это очень портило нравъ Петра. Онъ принималъ свойства тѣхъ пустыхъ натуръ, которымъ труднѣе всего на чемъ бы то ни было остановиться и сосредоточиться. Во время свадьбы Сапѣги съ Софіею Скавронскою, родственницею императрицы Екатерины, царя не могли удержать за столомъ на то время, когда другіе гости тамъ сидѣли. Онъ поспѣшилъ уйдти въ другую комнату, и тутъ нѣкоторые замѣтили, что сколько-нибудь чинное благовоспи-

танное общество, гдѣ нужно соблюдать приличіе, было ему противно. Ему болѣе нравилось общество гулякъ; говорили, что у него уже показывалась наклонность къ пьянству, и это казалось вполнѣ естественнымъ и наслѣдственнымъ: дѣдъ и его и отецъ были подвержены тому же пороку (Лефорта депеша 27 ноября, ibid., 508).

Остерманъ, оправившись отъ своей мнимой болѣзни, узналъ, что царь велъ себя противно тому, какъ ему наставникъ постоянно совѣтовалъ и какъ Петръ самъ обѣщалъ вести себя. Тогда Остерманъ высказался царю въ такихъ словахъ: «ваше величество моихъ совѣтовъ не слушаете. Я долженъ отдавать за васъ, государь, отчетъ предъ Богомъ и совѣстью! И поэтому я бы хотѣлъ, чтобы меня опредѣлили къ другимъ дѣламъ или вовсе дали отставку». Царь какъ и прежде удерживалъ его отъ намѣренія покинуть своего воспитанника, со слезами увѣрялъ, что болѣе всѣхъ уважаетъ Остермана и цѣнитъ его добрые совѣты. Однако и послѣ такихъ нѣжныхъ объясненій съ наставникомъ, Петръ тотчасъ принялся за прежнее. Уже говорили, что дружба съ фаворитомъ довела Петра до такихъ забавъ, какія несвойственны его отроческимъ лѣтамъ: князь Долгоруковъ доставилъ ему свиданіе съ одной дѣвушкой, служившей прежде у Меншикова и находившейся потомъ у цесаревны Елисаветы: ей обѣщали пятьдесятъ тысячъ рублей (Лефортъ, Сб. И. Общ., III, 513). Противъ такого рода увеселеній сильно вооружался Остерманъ, и вмѣстѣ съ нимъ старалась дѣйствовать на царя сестра его Наталья, но съ тѣхъ поръ Петръ, бывши до того времени съ нею очень друженъ, сталъ на нее коситься.

Между тѣмъ старолюбцы надѣялись, что дѣла пойдутъ лучше, когда царь свидится съ своею бабкою, и съ нетерпѣніемъ ожидали, когда Петръ поѣдетъ въ Мо-

скву короноваться. Манифестъ о предстоящемъ отъѣздѣ его былъ подписанъ Петромъ 21 октября (Weber, Veränderte Russland., III, 106).

Бабка государя, инокиня Елена, хотя еще Меншиковымъ освобождена была изъ Шлиссельбургскаго заточенія, но до ссылки князя не осмѣливалась вести переписки съ внучатами. Первое письмо ея изъ Москвы къ Петру писано 21 октября. Она писала тогда, когда увѣдомилась, что Меншиковъ, не допускавшій ее до царя и отославшій ее за карауломъ въ Москву, «за свои противности отлученъ», и поздравляла царственнаго внука съ этимъ радостнымъ событіемъ. Остерманъ, какъ знатокъ человѣческаго сердца, заблаговременно разсчелъ, что царь и сестра его могутъ прильнуть душою къ своей бабкѣ, и послѣ ссылки Меншикова писалъ къ старухѣ, что «дерзновеніе воспріялъ ея величество во всеподданнѣйшей своей вѣрности обнадежить», а за этимъ письмомъ слѣдовали другія письма. Остерманъ въ нихъ увѣрялъ царицу, что старается уговорить государя скорѣе отправляться въ Москву для свиданія съ бабушкою. Старая царица писала Остерману: «Благодарна, что обнадеживаешь меня о горячести его императорскаго величества любезнаго внука моего, и прошу содержать его величество и впредь въ склонности ко мнѣ и чтобъ я могла скорѣе его видѣть. А за вѣрную службу вашу государю воздастъ вамъ Богъ!» «Благодарю за услугу твою, что хранишь здоровье внука моего, и впредь о томъ же прошу». 22 октября Остерманъ отправилъ ей описаніе бывшаго въ день царскаго рожденія фейерверка, манифестъ о предстоящей коронаціи и портретъ государя (Письма Русс. Госуд., II, 81). И снова онъ увѣрялъ царицу, что ничего такъ не желаетъ, «какъ того, чтобъ ея величество была всемилостивѣйше благо-

надежна о его вѣрнѣйшей преданности къ ея высокой особѣ».

Между царемъ и его сестрой съ одной стороны и его бабкою съ другой всю осень и зиму до пріѣзда царскаго въ Москву шла нѣжная переписка. «Внукъ мой дорогой, — писала царица 25 сентября (стр. 70), — здравствуй и съ сестрой своей, а съ моею дорогою внукою, съ княжной Натальей Алексѣевной. Дай, моя радость, мнѣ себя видѣть въ моихъ такихъ несносныхъ печаляхъ, какъ вы родились, не дали мнѣ про васъ слышать». Царственный внукъ писалъ ей о своемъ желаніи скорѣе увидѣть свою бабушку и надѣялся, что это произойдетъ скоро, потому что онъ собирается въ Москву для коронаціи. «Радуюсь — писала Евдокія — что по долговременномъ терпѣніи своемъ имѣю надежду вскорѣ видѣть очи ваши и сестры вашей, любезнѣйшей внуки моей, и молю Бога, дабы меня немедленно сподобилъ того, чтобъ я въ добромъ здравіи васъ обоихъ по природной горячести моей видѣть и родительскимъ зрѣніемъ утѣшиться могла (стр. 82)». Петръ приказалъ отправить бабушкѣ десять тысячъ рублей и свой портретъ, а бабушка прислала внукамъ въ подарокъ платковъ и звѣзду съ лентой своего низанья. Великая княжна Наталья послала послѣ того бабушкѣ маленькій презентъ: книжку, молитвенникъ кіевскій. По просьбѣ царицы при дворѣ Петрѣ II былъ принятъ ея племянникъ Ѳедоръ (Пис. Р. Г., II, 116). Остерманъ былъ какъ бы посредникомъ между бабушкой и внучкомъ и сообщалъ старухѣ, что, по его старанію, государь далъ указъ удовольствовать свою бабушку людьми и всякими припасами. За это благодарила его старуха. Замѣчательно, что Остерманъ разсчелъ, что можетъ поддержать расположеніе къ себѣ старухи короткими, какъ бы мимоходомъ сказанными въ сочувствен-

номъ духѣ намеками на ея прежнія, уже минувшія несчастія. «Капитанъ-поручикъ Лавровъ (писалъ между прочимъ Остерманъ 7 ноября) объявилъ мнѣ объ ужасномъ и неслыханномъ терпительномъ прежнемъ содержаніи вашего величества въ Слюсельбургѣ, о которомъ я не оставилъ его величеству и ея высочеству донесть, и оные купно со всѣми добрыми людьми отъ всего сердца сожалѣютъ и будутъ старатися, дабы ваше величество всѣми возможными образы паки обрадовать, яко же и правосудный Богъ тѣхъ, которые тому причиною были, судить не оставитъ». (Письма Р. Госуд., II, 97). Изъ одного письма царицы къ Остерману видно, что были попытки поставить недружелюбное отношеніе между бабкою государя и его воспитателемъ. Ноября 2 между прочимъ Евдокія пишетъ вице-канцлеру: я истинно объ васъ ничего пустаго не слыхала кромѣ всякой услуги ко внуку моему и ко мнѣ; и ежелибъ кто мнѣ и говорилъ и у меня этого никогда не бывало, чтобъ мнѣ вѣрить и впредь не будетъ, что я вижу отъ васъ услугу къ нему и къ себѣ» (стр. 94). Неясные эти намеки на что-то намъ неизвѣстное поясняются извѣстіемъ Лефорта, который слѣдилъ за тѣмъ, что дѣлалось тогда въ высшихъ кругахъ въ Россіи, и сообщалъ объ этомъ своему правительству. Онъ говорилъ, что Долгоруковы писали къ государевой бабкѣ, выставляли предъ нею свою преданность, и чернили Остермана. Инокиня Елена, говоритъ тотъ же Лефортъ, отправила ихъ письма къ императору, своему внуку. Лефортъ могъ не знать въ точности, какъ происходило дѣло, и писать могъ по слухамъ, а быть можетъ (что всего вѣроятнѣе) царица-бабка не отсылала внуку писемъ Долгоруковыхъ, но со стороны Долгоруковыхъ могли быть попытки нарушить дружескія сношенія царицы-бабки съ вице-канцлеромъ: однако такія попытки

имъ едва ли удавались. Остерманъ слишкомъ хорошо изучилъ всю подноготную русской жизни, и не такъ-то легко было сбить его съ пути. Искренно расположенный къ царю, видя, что Долгоруковы возъимѣли надъ нимъ вліяніе, Остерманъ надѣялся, что авось, быть можетъ, этому вліянію можетъ противопоставиться родительское вліяніе бабки, когда царь пріѣдетъ съ Москву и повидается съ бабкою, и потому Остерманъ такъ сходился со старухою и такъ старался заранѣе пріобрѣсть ея расположеніе.

Между тѣмъ царь, достигши тринадцати лѣтъ возраста, нагляднѣе показывалъ охоту казаться взрослымъ, но при этомъ продолжалъ повѣсничать, и въ декабрѣ 1727 года опять имѣлъ столкновеніе съ своимъ воспитателемъ. «Мои труды пропадаютъ даромъ — говорилъ Остерманъ царю — потому что ваше величество меня не слушаете ни въ чемъ»! — Царь не сталъ слушать его наставленій и ушелъ прочь. Послѣ того онъ предался обычной своей праздности, уклонялся отъ занятій, и Остерманъ сталъ опять упрекать его. — «Извините меня, государь, за мою смѣлость, говорилъ онъ: — еслибъ я теперь не предостерегалъ васъ, то, пришедши въ возрастъ, вы бы велѣли мнѣ отрубить голову. Я не хочу быть свидѣтелемъ вашего паденія и желаль бы, еслибъ вы, государь, изволили отставить меня отъ должности царскаго воспитателя». — «Не отходите и не оставляйте меня вашими совѣтами — сказалъ царь: — я всегда буду во всемъ слушать васъ». Царь, говоря это, плакалъ. Но и на этотъ разъ трогательное объясненіе царя съ своимъ наставникомъ не имѣло послѣдствій, какъ и прежнія объясненія такого же рода. Царь опять впалъ въ праздность въ сотовариществѣ своего фаворита, князя Ивана Алексѣевича. Цесаревна Елисавета не утратила

еще прежняго вліянія на Петра. Вмѣстѣ съ нею за-одно стояла царская сестра, великая княжна Наталья: обѣ были тогда на сторонѣ Остермана. На счастье ему, противники его, Голицыны и Долгоруковы, не ладили между собою. Но говорили, что готовился тогда выступить на него и еще одинъ противникъ, Шафировъ, жившій тогда въ Москвѣ, какъ бы въ почетной ссылкѣ. Онъ сближался съ бабкою императора, чуть не каждый день посѣщалъ ее и пріобрѣлъ къ себѣ ея расположеніе: стали пророчить, что какъ только царь повидается съ бабкою, такъ бывшая царица возьметъ надъ внукомъ силу и за собою потянетъ вверхъ Шафирова, и тогда не сдобровать Остерману, который въ качествѣ вице-канцлера занималъ ту должность, какую когда-то имѣлъ Шафировъ. Но Остерманъ, какъ выше мы указали, старался заранѣе своею угодливостію застраховать себя со стороны царицы-бабки. Эта бабка теперь вдругъ поставлена была въ такое положеніе, что государственные люди соперничали между собою, старались заручиться ея покровительствомъ и наперерывъ забѣгали впередъ одинъ передъ другимъ. Но инокиня Елена отъ того не зазнавалась; ревностная исполнительница всѣхъ обрядовъ церкви, она въ послѣдніе годы такъ пріучила себя къ монашеской нестяжательности и нищетѣ, что заглушила въ себѣ всякія стремленія къ честолюбію и роскоши. Современники говорятъ, что инокиня Елена была такая строгая постница, что въ великую четыредесятницу въ продолженіе многихъ дней почти не касалась пищи (Леф. деп. 17 мая 1728. Herrm. 521).

Цесаревна Елисавета, разошедшись съ Долгоруковыми, сближалась съ ихъ противниками Голицыными, а черезъ то самое Голицыны стали входить въ близость къ царю. При посредствѣ Голицыныхъ Петръ сошелся

съ зятемъ фельдмаршала Голицына Бутурлинымъ и, допустивъ его быть товарищемъ юношескихъ своихъ забавъ, началъ-было пристращаться къ нему; при дворѣ начинали предрекать: вотъ молодой Бутурлинъ оттѣснитъ молодаго Долгорукова, станетъ на его мѣстѣ фаворитомъ государя. Однако Долгоруковыхъ столкнуть было въ то время очень трудно, не смотря на то, что они, отецъ и сынъ, постоянно между собою не ладили; отецъ даже завидовалъ сыну, а между тѣмъ оба они умѣли превосходно держать Петра въ рукахъ и согласно между собою пользовались слабыми сторонами нрава царя. Петру хотѣлось болѣе всего, чтобъ его признавали уже взрослымъ; ему ничто не было такъ омерзительно, когда давали ему понять, что считаютъ его еще ребенкомъ. Долгоруковы поняли это и исполняли его желанія. Князь Алексѣй Григорьевичъ, товарищъ Остермана по должности царскаго воспитателя и руководителя, ставилъ себя въ положеніе царскаго совѣтника, готоваго, по своей вѣрной службѣ, сказать свое мнѣніе, когда того потребуетъ отъ него государь. Подмѣчая, что Петръ ненавидѣлъ надъ собой опеки, Долгоруковы не смѣли ни поступками, ни словами высказать, что государь у нихъ подъ опекою, хотя на самомъ дѣлѣ такъ именно и было. Отъ этого-то и укрѣпились такъ Долгоруковы. Были фамиліи, по крови болѣе близкія къ молодому царю: таковы Лопухины и Салтыковы, однако всѣ ожиданія и соображенія, построеваемыя на родственной близости ихъ къ молодому царю, не оправдывались. Долгоруковы оставались въ прежней силѣ.

Еще 21-го октября царскимъ манифестомъ объявлено было, что царь отправится въ Москву короноваться, и въ ноябрѣ стали въ Петербургѣ объ этомъ ходить разные толки и сужденія. Сторонники Петровыхъ преобра-

зованій и съ ними всѣ иностранцы, какъ жившіе и служившіе въ Россіи, такъ и дипломаты, строившіе свои политическіе разсчеты на дружественной связи съ Россіею, очень боялись такой царской поѣздки въ Москву; они всѣ предвидѣли, что, заѣхавши разъ въ столицу предковъ, отрокъ-царь уже не вернется въ Петербургъ: въ Москвѣ старолюбцы опутаютъ его молодой умъ и не пустятъ идти по дорогѣ, проложенной его дѣдомъ Шелъ вопросъ о томъ, какой Руси предстоитъ господство: новой ли, только-что, такъ сказать, рожденной Петромъ Великимъ, или старой. Съ новой Русью соединенъ былъ новопостроенный Петербургъ, со старою — Москва, столица древнихъ царей; восторжествуетъ новая Русь, столица утверждена будетъ въ Петербургѣ, а станется иначе — въ Москвѣ будетъ столица, какъ встарь была. Отъ того, гдѣ будетъ находиться столица — тамъ или здѣсь, — зависѣло и торжество новыхъ, либо старыхъ началъ. Потому-то сторонники Петровскаго преобразованія сильно хотѣли, чтобъ царь и дворъ оставались въ Петербургѣ; на сторонѣ Петербурга были тогда съ ними за-одно и послы иноземные; въ своихъ депешахъ изъявляли они такое убѣжденіе, что польза ихъ дворовъ отъ сношенія съ Россіею необходимо требуетъ, чтобъ столица Русскаго государства была въ Петербургѣ, а если перейдетъ она въ Москву — тогда все для ихъ видовъ пропало. Противниковъ ихъ, старолюбцевъ, существовало два вида. Одни допускали, такъ сказать, нѣкоторый компромиссъ съ западнымъ европействомъ; такіе старолюбцы собственно заклятыми врагами иноземнаго просвѣщенія не были, но ихъ идеалъ не достигалъ до того реализма, по которому преобразовать хотѣлъ Петръ Россію; они допускали чужеземщину на столько, на сколько допускали ее отцы ихъ и дяди, поколѣніе, черпавшее мудрость въ

кіевской коллегіи или въ славяно-греко-латинской академіи. Многіе изъ этихъ отцовъ и дядей сошли уже въ могилу, другіе были тогда уже стариками, но духъ ихъ жилъ еще отчасти въ ихъ дѣтяхъ, и послѣдніе, хотя люди не очень старые по лѣтамъ, были по убѣжденіямъ старолюбцами: они ненавидѣли Петербургъ съ его новозаведенными порядками, чуждыми русской жизни въ прежнія времена; ихъ плѣняла старая московская Русь съ ея колоколами, съ ея обрядностью церковною, придворною и домашнею, и даже съ ея обжорствомъ и лѣнью. Для этихъ людей надеждою казалась царская бабка. Тогда твердили, что эта бабка иностранцевъ не терпитъ, пророчили, что какъ только она войдетъ въ силу, тогда горе будетъ всѣмъ иноземцамъ и всѣмъ сторонникамъ иноземщины. Такіе прорицатели грозили Остерману; онъ, думали они, станетъ первою жертвою злобы царицыной къ иноземщинѣ. Но того не знали мудрые прорицатели, что ловкій Андрей Ивановичъ заручился уже дружбою и покровительствомъ старухи, хотя не видалъ ее вовсе въ глаза, и что сама инокиня Елена такъ отрѣзалась отъ мірской суеты, что не могла уже руководить ничѣмъ въ дѣлѣ управленія государствомъ. Расположивши къ себѣ царицу-бабку, Остерманъ и между русскими вельможами поставилъ себя такъ, что тѣ изъ нихъ, которые, будучи старолюбцами, его не долюбливали, признавали его слишкомъ полезнымъ человѣкомъ. Изъ всѣхъ сановниковъ того времени не было никого трудолюбивѣе барона Андрея Ивановича, а изъ русскихъ вельможъ было довольно такихъ, которые были рады, когда за нихъ другой будетъ работать. Хитеръ былъ Остерманъ и лживъ— въ одинъ голосъ говорили о немъ иностранцы, оставившіе послѣ себя извѣстія о Россіи, — но и злѣйшіе враги его не могли сказать, чтобъ онъ былъ корыстолюбивъ или

пролагалъ себѣ къ возвышенію пути по головамъ другихъ, и потому становится понятнымъ, что Остермана, хотя и не любили русскіе вельможи, но дѣлать ему рѣшительнаго зла не хотѣли.

Цесаревна Елисавета въ это время стала сходиться съ Остерманомъ. Видно было, что племянникъ-царь все болѣе и болѣе къ ней пристращается; боялись, чтобъ она не овладѣла его сердцемъ совершенно и не сдѣлалась императрицею, не смотря на то, что она была теткою императора: вѣдь еще при Екатеринѣ Остерманъ дѣлалъ соображенія о бракѣ тетки съ племянникомъ, стараясь оправдать такой бракъ софизмами. Долгоруковы очень боялись, чтобъ этого не случилось. Прежде, съ цѣлью окончательно возбудить въ царѣ отвращеніе къ княжнѣ Меншиковой, его невѣстѣ, они сами сближали племянника съ теткою; теперь у нихъ возникло желаніе устранить отъ царя Елисавету, выдать ее замужъ за какого-нибудь чужестраннаго принца и такимъ путемъ пресѣчь ея нравственное вліяніе на царя. Женихъ для Елисаветы на примѣтѣ находился: принцъ Морицъ Саксонскій, бывшій прежде женихомъ курляндской герцогини Анны Іоанновны. Онъ прежде домогался сдѣлаться курляндскимъ герцогомъ, но Россія помѣшала этому намѣренію, потому что у Россіи были политическіе виды на Курляндію; теперь возможнымъ казалось и удовлетворить разомъ Морица, и не нарушить интересы Россіи: надобно было женить его на цесаревнѣ Елисаветѣ и тогда сдѣлать его курляндскимъ герцогомъ. Съ его стороны было сдѣлано объ этомъ заявленіе черезъ его повѣреннаго Бакона въ Петербургѣ. Русскіе вельможи, не хотѣвшіе, чтобы Петръ женился на своей теткѣ, увидали тутъ удобный случай спровадить Елисавету. Составляли вмѣстѣ съ тѣмъ планъ удалить отъ государя и сестру его

великую княжну Наталію Алексѣевну, еще больше чѣмъ Елисавета преданную Остерману; думали выдать ее замужъ за принца прусскаго, но это предположеніе не удавалось, потому что со стороны прусскаго короля объ этомъ не было искательства, напротивъ, слышалось, что прусскій король желалъ тогда породниться съ англійскимъ королевскимъ домомъ. Испанскій посланникъ Де-Лирія намѣревался женить своего принца инфанта Донъ-Карлоса на великой княжнѣ и доносилъ въ своей депешѣ, что она сама этого желала.

9 (20) января 1728 г. царь Петръ выѣхалъ изъ Петербурга въ Москву со всѣмъ дворомъ. Такого царскаго путешествія не бывало, если не считать поѣздки царя Петра I въ Москву для коронаціи Екатерины; теперь подобное совершалось гораздо въ болѣе широкомъ объемѣ. Все правящее государствомъ во всѣхъ отрасляхъ управленія послѣдовало за царемъ въ старую столицу, и Петербургъ, по замѣчанію иностраннаго посланника, вдругъ обратился въ пустыню. Въ тѣ времена путешествіе двора изъ Петербурга въ Москву имѣло такой видъ, какой въ наше время могла бы имѣть развѣ экспедиція въ отдаленнѣйшіе предѣлы имперіи. На всемъ пути отъ Петербурга до Москвы, кромѣ городовъ, черезъ которые была проведена большая столбовая дорога, негдѣ было купить самаго необходимаго для жизни. На ямахъ, гдѣ перемѣняли лошадей, не было приличныхъ и просторныхъ помѣщеній, приходилось довольствоваться пріютомъ въ курныхъ избахъ. Знатные и богатые путешественники должны были запасаться почти всѣмъ въ Петербургѣ на всю дорогу до Москвы, и можно вообразить, какъ это было неудобно, особенно зимою; вся съѣстная провизія въ морозы замерзала, въ оттепель растаявала, а гдѣ приходился ночлегъ или обѣдъ, тамъ

происходило долговременное приготовленіе кушанья своими поварами. Такъ вообще ѣзжали того вѣка знатные господа; такъ ѣхалъ государь, за которымъ слѣдовало много господъ, а при каждомъ изъ этихъ господъ слѣдовала дворня и поварня.

12 (23) января Петръ II въѣхалъ въ Новгородъ съ такими церемоніями, какія давно уже не виданы были въ этомъ древнемъ русскомъ городѣ. Были построены для царскаго вшествія въ городъ тріумфальныя ворота; передъ этими тріумфальными воротами выставлено было четыреста мальчиковъ въ бѣлыхъ одеждахъ съ красными перевязями или поясами. Въ ихъ толпѣ развѣвалось три знамени: одно знамя представляло собою символически то историческое знамя, которое велѣлъ когда-то сдѣлать Константинъ Великій; на немъ было вензелевое имя Спасителя. Изъ этой толпы отроковъ выступили двое; они произносили царю привѣтствіе, одинъ — по-латыни, другой то же самое по-русски. Содержаніе этого привѣтствія было такое: «Сей древній и великій градъ, бывшій нѣкогда столицею вашего величества свѣтлѣйшихъ предковъ, посылаетъ насъ дѣтей своихъ къ стопамъ вашимъ выразить внутреннія чувствованія сердецъ нашихъ, исполненныхъ вѣрностью, любовью и покорностью къ вамъ, могущественный императоръ, и пожелать вашему величеству всевозможнѣйшаго благополучія, а граду сему вашей любви и могущественнаго покровительства. Царь царствующихъ да даруетъ вамъ долгоденственное царствованіе, о семъ Бога молитъ духовный чинъ со всѣми жителями, возсылающими свои сердечныя моленія». Затѣмъ царь, въѣхавши въ городъ, отправился въ Софійскій соборъ, посреди двухъ рядовъ духовенства въ облаченіи, пѣвшаго церковныя пѣснопѣнія по чину. Въ соборѣ царь слушалъ торжественное богослуженіе. Литургію совершалъ архіепи

скопъ Өеофанъ Прокоповичъ. Послѣ поклоненія мѣстнымъ иконамъ и мощамъ, государь съ генералитетомъ былъ на обѣдѣ, приготовленномъ въ архіерейскихъ палатахъ. Заблисталъ великолѣпный фейерверкъ. Устроено было пятьдесятъ пирамидъ съ надписью: «Богъ сотвори сіе», а у городскихъ воротъ было огненное изображеніе царя Соломона съ надписью: «Соломонъ возсѣлъ на престолѣ отца своего Давида».

Царь обозрѣлъ достопримѣчательности города. Самъ онъ показывалъ архіепископу и окружающимъ архіепископа мечъ, который прислалъ царю въ даръ дядя его, римскій императоръ. При этомъ Петръ сказалъ: «Русскій престолъ берегутъ церковь и русскій народъ. Подъ охраною ихъ надѣемся жить и царствовать спокойно и счастливо. Два сильныхъ покровителя у меня: Богъ въ небесахъ и мечъ при бедрѣ моемъ»!

Выѣхавши изъ Новгорода, царь пріѣхалъ въ Тверь и тамъ почувствовалъ себя нездоровымъ: это заставило его пріостановить свой путь. У него открылась корь, и пролежалъ онъ въ Твери четырнадцать дней.

Между тѣмъ бабушка никакъ не могла дождаться своихъ милыхъ внучатъ, о которыхъ долго не смѣла даже ни у кого спрашивать. «Пожалуй, свѣтъ мой, писала она къ великой княжнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ — проси у братца твоего, чтобъ мнѣ васъ видѣть и порадоваться съ вами. Какъ вы родились, не дали мнѣ, право, слышать, не то что видѣть». Писала она и къ заочному пріятелю своему Остерману и, послѣ обычной благодарности за попеченія о внукахъ, выражалась: «о томъ васъ прошу, чтобъ мнѣ внучатъ моихъ видѣть и вмѣстѣ съ ними быть, а я истинно съ печали чуть жива, что ихъ не вижу. А я истинно надѣюсь, что и вы мнѣ будете рады, какъ я при нихъ буду, а мнѣ истинно ужь пе-

чали наскучили и признаваю, что мнѣ въ такихъ несносныхъ печалехъ и умереть, и ежелибъ я съ ними вмѣстѣ была, и я-бъ такія несносныя печали всѣ позабыла» (Пис. Р. Госуд., II, 121). Царица просила своего царственнаго внука быть милостивымъ къ Александру Строганову, котораго мать была близка къ царицѣ-инокинѣ.

Оправившись отъ болѣзни, царь продолжалъ свой путь, но подъ Москвой опять сталась ему задержка. Готовилось торжественное вступленіе молодаго царя въ предковскую столицу. Опять бабушку взяло нетерпѣніе и она писала внуку: «Долго-ли, мой батюшка, мнѣ вась не видать? Или мнѣ васъ вовсе не видать? А я съ печали истинно умираю, что васъ не вижу. Дай-то, мой батюшка, мнѣ васъ видѣть. Хоть бы я къ вамъ пріѣхала»! Къ Остерману она писала: «Долго-ли меня вамъ мучить? что по сю пору въ семи верстахъ внучатъ моихъ не дадите мнѣ видѣть. Дайте хоть бы я на нихъ поглядѣла да и умерла»! (П. Р. Госуд. II, 122).

Наконецъ приготовленія къ вступленію окончились, и 4-го февраля царь въѣхалъ въ столицу. До сихъ поръ на всемъ пути отъ Петербурга до Москвы, исключая тѣхъ дней, когда Петръ былъ боленъ въ Твери, народъ толпами бѣжалъ около царскаго поѣзда. Для Руси былъ тогда великій, давно ожидаемый, праздникъ. Любовь народа къ Петру II выказывалась самымъ блестящимъ образомъ, и имѣла въ себѣ что-то особенное. Отрокъ-государь возбуждалъ ее къ себѣ своею своебразною судьбою. Въ глазахъ всего русскаго народа Петръ былъ истинный наслѣдникъ престола, а между тѣмъ этого наслѣдника неправильно отстраняли и разомъ преслѣдовали тѣхъ, кто отваживался говорить гласно о его правахъ. Дѣдъ, Петръ Великій, не любилъ его, какъ не любилъ онъ всего русскаго. Дѣдъ положилъ свое монаршее не-

благоволеніе на русское платье и на русскіе обычаи. Нелюбовью ко всему русскому этотъ дѣдъ увлекался до того, что сталъ врагомъ своей собственной крови; этотъ дѣдъ мучилъ безвинно свою законную жену за ея любовь къ старинѣ, замучилъ своего бѣднаго сына за то единственно, что сынъ не хотѣлъ идти по слѣдамъ родителя и предпочитать чужое, нѣмецкое, родному, русскому. Ненавистью къ памяти замученнаго имъ же сына лихой царь не удовольствовался, сталъ онъ ненавидѣть и отродіе немилаго сына, не хотѣлъ, чтобъ сирота-внукъ царствовалъ когда-нибудь! И потакавшіе царю бояре, по смерти его, возвели на престолъ нѣмку, которую царь при жизни своей объявилъ своею царицею беззаконно, отъ живой жены; ея дѣтямъ хотѣли передать наслѣдіе русскихъ царей, а того, кто имѣлъ на него права, устранили совсѣмъ. Однако Богъ не допустилъ до этого. По Божіей святой волѣ досталось царство Русское тому, кому оно принадлежало по рожденію. И вотъ теперь этотъ законный молодой царь возвращается въ свою столицу, въ первопрестольную Москву, недостойно униженную его лихимъ дѣдомъ. Такъ смотрѣлъ на тогдашнія политическія событія въ Россіи народъ русскій. Всѣ любовались царемъ, когда видѣли его на проѣздѣ. «Ахъ, какой онъ молодецъ! говорили и старые и малые, и мужчины и женщины. Вотъ царь, такъ царь! Это будетъ настоящій русскій царь»! Всѣ склонности молодаго Петра II были, казалось, настоящія русскія. Покойный царь, дѣдъ его, полюбилъ море, завелъ флотъ, хотѣлъ насильно заставить русскій народъ любить море, какъ любилъ самъ, но русскій народъ моря не полюбилъ. Оно ему издавна было чужимъ и противнымъ. Не даромъ русскіе вообще называли все, что было за предѣлами ихъ земли, заморскими сторонами, хотя бы на границѣ между Россіею

и этими землями моря не было. Всѣ старанія Петра Великаго завести на Руси мореплаваніе ложились большою тягостію на русскій народъ и оттого были ему чрезмѣрно противны. Теперь народъ узналъ, что молодой царь моря не терпитъ и не пойдетъ по слѣдамъ дѣда своего. Не взлюбилъ молодой царь и новой столицы, построенной на болотѣ, въ чухонской землѣ, среди люторской вѣры, а полюбилъ Москву православную съ ея золоченными маковками; теперь уже не будутъ неволить русскаго человѣка бросать свое родное пепелище, гдѣ жили его дѣды и прадѣды, и переселять его на житье въ проклятое болото. Москва опять станетъ средоточіемъ русской жизни, какъ была встарь, съ незапамятныхъ временъ. Какое счастіе, какая радость русскимъ людямъ! Какая горесть проклятымъ иноземцамъ и съ ними ихъ любителямъ! Завели гнѣздо на Руси иноземцы, собрались отовсюду разъѣдать здоровые соки русской державы. Теперь придется имъ убѣгать въ заморщину или жить у насъ не господами, а слугами. Такъ ликовалъ русскій народъ, такъ ликовали старолюбцы. Иноземцы и всѣ русскіе, что искренно пошли по пути Петра Великаго, теперь опускали голову; видѣли они, что все начатое Петромъ пропадаетъ, опять воцарится на Руси прежнее невѣжество, прежняя спячка.

У насъ нѣтъ достаточно подробныхъ свѣдѣній о первомъ свиданіи царственныхъ внучатъ съ своею бабушкою, старою царицею-инокинею, но по нѣкоторымъ даннымъ видно, что оно происходило не очень сердечно. Великая княжна Наталья, любившая все иноземное, не хотѣла бесѣдовать со старухою наединѣ, но при свиданіи съ нею взяла съ собой тетку, цесаревну Елисавету. Это сдѣлано было для того, чтобъ не заводила бабушка рѣчей о такихъ предметахъ, о которыхъ слушать и толковать внучкѣ было неловко (Де-Лирія, стр. 46). Какъ встрѣтился съ

бабкою царь, не знаемъ, но извѣстно то, что въ засѣданіи верховнаго тайнаго совѣта, переѣхавшаго за царемъ въ Москву, царь предложилъ назначить своей бабкѣ-царицѣ содержаніе, приличное ея высокому сану, и верховный тайный совѣтъ ассигновалъ ей въ годъ шестьдесятъ тысячъ рублей и кромѣ того постановилъ приписать ей волость въ двѣ тысячи дворовъ и на ея домашній обиходъ опредѣлить придворный штатъ. Разомъ вмѣстѣ съ тѣмъ назначено было и для другой бабки царя, съ материей стороны, герцогини Блакенбургской, по пятнадцати тысячъ рублей въ годъ. Соловьевъ, пользовавшійся письмами высочайшихъ особъ изъ государственнаго архива, сообщаетъ, что эта послѣдняя царская бабка хлопотала о поведеніи внука и невпопадъ. Какъ истая нѣмка и притомъ аристократка, она думала, что на ея внука имѣлъ дурное вліяніе Меншиковъ, человѣкъ низкаго происхожденія, но теперь можно исправить Петра при вліяніи князей Долгоруковыхъ, особъ знатнаго происхожденія. Бабушка-нѣмка поручала брауншвейгскому повѣренному, состоявшему при русскомъ дворѣ, побесѣдовать съ княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ Долгоруковымъ, царскимъ любимцемъ, и внушить ему увѣренность въ необходимости вывезти молодаго царя изъ Москвы обратно въ Петербургъ. Въ тотъ же день, когда въ засѣданіи верховнаго тайнаго совѣта назначены были пенсіоны обѣимъ царскимъ бабкамъ, въ число членовъ верховнаго тайнаго совѣта приняты были князья Долгоруковы Алексѣй Григорьевичъ и Василій Лукичъ. Послѣдній еще при Петрѣ Великомъ отличался на дипломатическомъ поприщѣ и пріобрѣлъ славу дѣльнаго, умнаго и полезнаго государственнаго человѣка. Любимецъ царя князь Иванъ Алексѣевичъ еще былъ слишкомъ молодъ, чтобъ занять мѣсто между сановниками, но былъ

возведенъ въ чинъ оберъ-камергера. Эти три князя Долгоруковы составляли тогда, такъ сказать, тріумвиратъ лицъ, овладѣвшихъ особою государя.

Въ понедѣльникъ 18 февраля (1 мар. н. с.) царица-бабка пріѣхала къ своимъ внучатамъ въ Кремлевскій дворецъ и просидѣла тамъ довольно долго, но царь, какъ прежде сдѣлала сестра его, уклонился отъ тайныхъ задушевныхъ бесѣдъ съ бабушкой и заранѣе пригласилъ тетку, цесаревну Елисавету, чтобъ и она находилась при свиданіи съ бабушкой. Бабушка однако прочла внуку родительское нравоученіе, укоряла его за безпорядочный образъ жизни и совѣтовала жениться хотя бы на иностранкѣ. Молодому царю не по вкусу было слушать старушечьи наставленія, и послѣ того, когда между придворными разнеслась вѣсть о томъ, что бабушка журила царственнаго внука, твердили, что вѣрно теперь царь захочетъ вернуться въ Петербургъ, чтобъ не слушать ворчанія бабушки. Вмѣсто ожидаемыхъ сборовъ къ такому возвращенію двора, обнародовано было запрещеніе, подъ страхомъ наказанія, толковать о томъ, воротится ли царь въ Петербургъ или останется въ Москвѣ. На самомъ дѣлѣ царь выѣзжать изъ Москвы не думалъ. Исполняя обычай предковъ, царь передъ своею коронаціею ѣздилъ въ Троицкую лавру и тамъ провелъ нѣсколько дней въ говѣніи, какъ слѣдовало предъ совершеніемъ важнаго священнаго дѣла.

24-го февраля (7 марта н. с.) совершилась царская коронація обычнымъ порядкомъ. Подобно своимъ предкамъ, поступавшимъ такъ въ подобныхъ торжествахъ, Петръ издалъ милостивый манифестъ, дававшій подданнымъ нѣкоторыя льготы; прощены крестьянамъ и дворовымъ подушныя деньги, которыя должны были собраться за майскую треть; прощены всѣ штрафныя деньги и

освобождены изъ-подъ ареста тѣ, которые содержались за пошлины; смягчено наказаніе, опредѣленное для осужденныхъ уже преступниковъ: тѣхъ, которыхъ по приговору суда ожидала смертная казнь или ссылка въ каторжную работу, повелѣно сослать въ Сибирь безъ наказанія, а тѣхъ, которые были присуждены къ ссылкѣ въ Сибирь, велѣно сослать безъ наказанія и предписать губернаторамъ опредѣлить ихъ въ службу. Князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ и два Плещеева — Иванъ и Алексѣй, въ этотъ день произведены въ тайные совѣтники, а Лефортъ, Геннингъ и Владиміръ Шереметевъ — въ генералъ-лейтенанты. На другой день князь Василій Владиміровичъ Долгоруковъ (потерпѣвшій при Петрѣ по дѣлу царевича Алексѣя, возвращенный Екатериною изъ ссылки и находившійся въ то время при войскѣ въ Персіи), приглашенъ ко двору съ чиномъ генералъ-фельдмаршала; фельдмаршальскій чинъ получилъ тогда и князь Юрій Трубецкой, бывшій кіевскій губернаторъ; графъ Андрей Апраксинъ и гофмаршалъ Елагинъ произведены въ генералъ-маіоры; Минихъ получилъ графское достоинство и сверхъ того имѣніе въ Лифляндіи, состоявшее изъ двадцати шести гаковъ земли: этою милостію обязанъ былъ онъ своей женитьбѣ на графинѣ Салтыковой. Въ этотъ же день объявлены были милости архіатеру-президенту медицинской коллегіи Ивану и лейбъ-медику президенту Академіи Наукъ Лаврентію Блюментростамъ. Восемь дней послѣ коронаціи въ Москвѣ шли празднества. Городъ съ утра до вечера оглашался колокольнымъ звономъ, по вечерамъ горѣли потѣшные огни; въ Кремлѣ и въ разныхъ мѣстахъ Москвы за предѣлами Кремля устроены были фонтаны, изъ которыхъ струились вино и водка.

Друзья Меншикова хотѣли воспользоваться царскимъ праздникомъ и выпросить для удаленнаго князя милости,

но взялись за это неловко и горько ошиблись. Черезъ нѣсколько дней послѣ коронаціи у кремлевскихъ Спасскихъ воротъ поднято было подметное письмо, въ которомъ оправдывался Меншиковъ. Можетъ быть авторъ этого письма достигъ бы своей цѣли, если бы въ этомъ письмѣ просили только милосердія къ Меншикову, но въ немъ было написано болѣе обвиненій противъ враговъ Меншикова, находившихся тогда въ царской милости, чѣмъ доводовъ въ защиту свѣтлѣйшаго князя. Это раздражило Долгоруковыхъ, и они не только не показали великодушія, не только не просили царя о милосердіи къ павшему ихъ сопернику, а напротивъ, старались усилить въ молодомъ царѣ къ нему злобу. Подметное письмо было таково, что задѣвало и Долгоруковыхъ, и самого царя. Въ немъ говорилось, что особы, замѣнившія Меншикова около молодаго государя, ведутъ императора къ образу жизни, недостойному царскаго сана. Такимъ образомъ царь Петръ представлялся какимъ-то глупцомъ, которымъ руководить и, такъ сказать, помыкать легко могутъ другіе. Извѣстно, что знатныя и высоко стоящія лица всего менѣе прощаютъ то, когда ихъ уличаютъ въ слабости ума и воли. Было подозрѣніе, что это письмо составлено съ участіемъ князей Голицыныхъ, которые постоянно оказывали враждебное расположеніе къ Долгоруковымъ, но ихъ, по знатности ихъ рода, не тронули. Не мало учинено было арестовъ въ домахъ не столько высокихъ персонъ, однако не дошли ни до чего.

28 марта изданъ былъ манифестъ, въ которомъ государь обѣщалъ прощеніе тому, кто добровольно сознается въ написаніи этого письма, а тому, кто откроетъ автора — награду; вмѣстѣ съ тѣмъ угрожала кара всякому, кто, зная объ этомъ, не доведетъ до свѣдѣнія верховной власти. Впослѣдствіи оказалось, какъ говорили,

что сочинителемъ подметнаго письма былъ какой-то священникъ, духовникъ царицы Евдокіи: говорили, будто Меншиковъ черезъ своихъ приближенныхъ подкупилъ его. Дѣло было такъ. У княгини Меншиковой, кромѣ Варвары Арсеньевой, сосланной въ Александровскую слободу въ монастырь, была еще сестра Ксенія Колычева, жившая въ Москвѣ. Она желала помочь сосланной въ монастырь сестрѣ своей Варварѣ и, по совѣту какой-то своей сосѣдки Бердяевой, черезъ монаха Евфимія, завела сношеніе съ монахомъ Клеоникомъ, бывшимъ у царицы-бабки, инокини Елены, духовникомъ. Колычева добивалась, чтобъ Клеоникъ какъ-нибудь склонилъ на милость царицу-бабку и та бы исходатайствовала у царя свободу Варварѣ Арсеньевой. За это Клеоникъ взялъ съ Колычевой взятку тысячу рублей. Освобожденіе Варвары не состоялось, а сношенія въ пользу ея открылись. Колычеву притянули къ допросу, подвергли пыткѣ хомутомъ и ремнемъ [1]); потянули къ допросу и другихъ. Никто изъ подозрѣваемыхъ въ подметномъ письмѣ не сознался, но почему-то заключили, что это письмо писалъ Клеоникъ, обличенный уже въ плутовской продѣлкѣ, по поводу ходатайства предъ царицею-бабкою объ Арсеньевой. Всѣхъ разослали и, по извѣстной русской пословицѣ — съ больной головы на здоровую, принялись за Меншикова. Какъ бы то ни было, только подметное письмо въ пользу Меншикова, поднятое у Спасскихъ воротъ, вмѣсто желаемой пользы, принесло окончательное паденіе бывшаго временщика. Верховный тайный совѣтъ бѣднаго Меншикова, какъ бы уличеннаго въ участіи въ

[1]) Такъ назывался одинъ родъ пытки, состоявшей въ томъ, что обвиняемому надѣвали хомутъ и привязывали руки и ноги ремнями къ противоположнымъ столбамъ и потомъ били кнутомъ.

составленіи подметнаго письма, приговорилъ къ тяжелой карѣ: лишивъ всего его имущества, сослать съ семействомъ въ Березовъ, въ Сибири, на рѣкѣ Оби, а сестру жены Меншикова Варвару Арсеньеву сослать въ Сорскій женскій монастырь въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ и тамъ выдавать ей по полуполтинѣ въ день на содержаніе.

Во исполненіе указа верховнаго тайнаго совѣта Меншикова съ семействомъ отправили въ Сибирь съ особенными пріемами жестокости и дикаго звѣрства. Мало казалось того, что у него тогда отняли все недвижимое и движимое имущество: дома въ Москвѣ (на Мясницкой, у Боровицкаго моста, на Яузѣ, на Хопиловкѣ, въ Слободахъ), въ Петербургѣ (на островахъ: Васильевскомъ, Адмиралтейскомъ, Крестовскомъ), въ Ораніенбаумѣ, въ Ямбургѣ, въ Нарвѣ, въ Копорьѣ на Ижорѣ и въ разныхъ дачахъ, дома, удивлявшіе современниковъ роскошью мебели, обоевъ изъ китайскаго штофа, вызолоченной кожи, разрисованныхъ кахлей, — сады, пильныя мельницы, множество мызъ и населенныхъ деревень въ тридцати шести великороссійскихъ губерніяхъ, въ Ингерманландіи, Эстляндіи, въ Малороссіи (при нихъ одной пахатной земли числилось 152,356 десятинъ, кромѣ лѣсныхъ угодій и сѣнныхъ покосовъ, считаемыхъ не десятинами, а десятками верстъ), все движимое имущество: экипажи, лошади, столовые приборы, кухонные запасы, деньги (въ одномъ домѣ на Мясницкой взято было 72,570 рублей), богатый гардеробъ, множество бриллiантовъ и золота въ украшеніяхъ, — все было отнято въ казну и потомъ многое раздарено другимъ лицамъ. Этого казалось недостаточно. Когда 16 апрѣля вывезли ограбленнаго временщика изъ Ораніенбурга съ семействомъ въ рогожной кибиткѣ, приставы (Плещеевъ и Мильгуновъ), давши проѣхать восемь верстъ, догнали его съ воинскою

командою и съ толпою дворни, прежде принадлежавшей князю, и приказали выбрасывать изъ кибитки всѣ пожитки подъ предлогомъ осмотрѣть: не увезли ли ссыльные съ собою лишняго. Тогда ихъ обобрали до того, что князь Александръ Даниловичъ уѣхалъ только съ тѣмъ, что на немъ было надѣто, не имѣя даже лишняго бѣлья для перемѣны, а у его дочерей отняли сундуки, въ которыхъ было уложено теплое платье и матеріалы для женскихъ работъ. Княгиня Дарья Михайловна, ослѣпшая отъ слезъ, отправилась въ путь больная и на дорогѣ умерла 10 мая въ Услонѣ, близъ Казани. Едва дозволивши мужу и дѣтямъ похоронить ее, 11 мая ссыльныхъ повезли далѣе въ суднѣ по Камѣ и такимъ образомъ доставили въ Тобольскъ, а оттуда препроводили въ Березовъ. На содержаніе сосланнаго князя съ семьею и съ десятью человѣками прислуги опредѣлено было по десяти рублей въ сутки (Есип. Сс. кн. Меншик. Отеч. Зап. 1861, № 1, стр. 55—90).

Вскорѣ послѣ коронаціи пришло извѣстіе о благополучномъ разрѣшеніи отъ бремени герцогини голштинской Анны Петровны. Родился императору Петру II двоюродный братъ, тотъ самый, которому лѣтъ черезъ тридцать съ небольшимъ суждено было сдѣлаться русскимъ государемъ подъ именемъ Петра III. Вѣсть о его рожденіи дала поводъ къ новымъ праздникамъ и во дворцѣ и въ городѣ Москвѣ. При дворѣ (13 марта н. с.) былъ данъ балъ, куда приглашены были всѣ находившіеся тогда въ Россіи иностранные министры, но тогда же замѣтили съ удивленіемъ, что на этомъ балѣ не было царской сестры, великой княжны Наталіи Алексѣевны. Носился слухъ, что она была нездорова и по этой причинѣ не посѣтила бала, но это показалось для многихъ сомнительно, потому что передъ тѣмъ Наталія провела вечеръ у герцо-

гини курляндской. Дѣло объяснилось тѣмъ, что великая княжна была тогда недовольна царемъ; у сестры къ брату возникла нѣкотораго рода ревность: великая княжна сердилась на брата за то, что тотъ слишкомъ много сердечнаго расположенія показываетъ къ своей теткѣ Елисаветѣ. Царь, не дождавшись сестры, открылъ балъ безъ нея и вначалѣ танцовалъ съ теткою. Послѣ трехъ контрадансовъ, царь ушелъ въ другую комнату, а цесаревна Елисавета танцовала съ царскимъ фаворитомъ, княземъ Иваномъ Долгоруковымъ. Царь изъ другой комнаты вышелъ и сталъ на порогѣ при входѣ въ большую залу: онъ слѣдилъ внимательно за танцующею парою цесаревны Елисаветы и князя Ивана Алексѣевича, и замѣчавшіе движеніе на лицѣ его поняли, что его величество ревнуетъ къ теткѣ. Говорили тогда, будто Остерманъ разжигаетъ въ молодомъ царѣ любовь, во-первыхъ съ политическими видами, такъ какъ цесаревна Елисавета съ Остерманомъ нѣсколько сближалась, во-вторыхъ — по соперничеству съ Долгоруковыми. Но то были только предположенія, ходившія въ придворномъ кругу. Остерманъ сообразилъ, что трудно ему отдалить отъ царя князя Ивана Алексѣевича, и счелъ за лучшее поладить съ молодымъ княземъ Долгоруковымъ; Остерманъ началъ ему оказывать внимательность и любезность. Такимъ образомъ, когда царь пожелалъ своего фаворита сдѣлать оберъ-камергеромъ, Остерманъ первый подалъ царю совѣтъ поступить такъ съ княземъ Долгоруковымъ, а потомъ просилъ Лефорта, посланника польскаго короля, чтобъ тотъ упросилъ своего государя пожаловать фавориту русскаго императора польскій орденъ Бѣлаго Орла.

Послѣ коронація царица-бабка удалилась отъ двора и сидѣла себѣ за своими монастырскими стѣнами. Она

увидала, что на нее мало обращают внимания, и внуки не относятся къ ней съ тою сердечностію, съ какою она къ нимъ относилась. Старуха поняла, что ея пора минула безвозвратно, что она развалина прошлаго и нечего ждать ей отъ жизни впереди. Она проводила время въ посѣщеніи богослуженія, да въ бесѣдахъ съ сестрами-инокинями. Она въ этотъ годъ такъ строго хранила указанный церковью великій постъ, что на страстной недѣлѣ даже лишилась силъ. Въ то время и Остерманъ сдѣлался такъ боленъ, что опасались даже за его жизнь, и царь нѣсколько разъ посѣщалъ его съ обычными знаками вниманія.

Настала пасха, приходившаяся тогда 21 апрѣля. Съ пасхи царь сталъ чаще ѣздить на охоту, которой такъ горячо предавался и въ Петергофѣ. Окрестности Москвы, богатыя въ то время лѣсами, представляли для этого развлеченія обильное поле дѣйствія. Съ царемъ ѣздила тетка Елисавета. Сестра, великая княжна Наталія, уклонялась отъ этихъ забавъ и не сопровождала брата: говорили, что у ней уже открывалась чахотка. Съ Елисаветою на охотѣ постоянно находилась одна боярыня и двѣ русскія служанки. Члены верховнаго тайнаго совѣта и генералитетъ должны были сопровождать царя въ его охотничьихъ подвигахъ, хотя бы иному и не хотѣлось. Поѣздъ царскій поэтому былъ огроменъ и тянулся болѣе чѣмъ въ количествѣ пятисотъ экипажей. При каждомъ изъ вельможъ, отправлявшихся за царемъ на охоту, ѣхала собственная кухня и прислуга. Переѣзжали изъ одной волости въ другую, гдѣ были лѣсныя дачи: останавливались, гдѣ находили удобнымъ: происходилъ обычный процессъ охоты, между тѣмъ разбивали палатки, готовилось пированіе; слуги развязывали поклажи, доставали посуду, устанавливали на столахъ кушанья и бутылки; ра-

ботали подвижныя кухни. Послѣ охоты сходились въ палатки собесѣдники, шелъ веселый пиръ, а по окончаніи пира снова все укладывалось, увязывалось, ѣхали далѣе и снова становились тамъ, гдѣ нравилось и обыкновенно заранѣе было указано. Это было не столько увеселительная поѣздка, а скорѣе кочеваніе въ азіатскомъ вкусѣ и сообразно старой московской жизни. Даже купцы, думая зашибить копѣйку, съ товарами и особенно съѣстными ѣхали вслѣдъ за дворомъ, отправившимся на охоту; на охотничьихъ стоянкахъ продавалось все въ три-дорога, хотя, по замѣчанію современниковъ, тогда въ Москвѣ и безъ того было все несравненно дороже чѣмъ въ Петербургѣ. Поле (т. е. мѣсто, гдѣ надлежало располагаться и вести охоту) назначалось всегда по волѣ государя. Оно бывало различнаго качества, смотря по условіямъ мѣстности: тамъ охота шла за волками и лисицами, въ другомъ мѣстѣ за зайцами, въ третьемъ за птицами. Для охоты за птицами употреблялись ученыя птицы: кречеты, соколы и ястребы; гончія собаки только выгоняли птицу изъ кустовъ или изъ болота, а тутъ сокольничьи, кречетники, ястребники уже стоятъ и держатъ кляпыши съ кречетами, соколами и ястребами. На кречета, сокола и ястреба заранѣе надѣтъ клобучекъ, чтобы ловчая птица не видала ничего. Когда собаки спугнутъ птицу, сокольничьи снимаютъ клобучекъ съ глазъ своей птицы, и та летитъ, нападаетъ на утку или какую другую птицу, умерщвляетъ ее, а сама возвращается и садится на свой кляпышъ. Въ охотѣ за звѣрями работали егери и охотники: они были одѣты въ зеленыхъ кафтанахъ съ золотыми и серебряными перевязьми; у каждаго на такой перевязи висѣла лядунка и золотомъ либо серебромъ блестѣвшій рогъ; на этихъ людяхъ были шаровары красные, шапки горностаевыя, рукавицы лосиныя. Сначала

пускаютъ по обычаю гончихъ собакъ спугнуть звѣря, тогда егери и охотники, сидя верхомъ, спускаютъ со своры борзыхъ собакъ, а сами за ними скачутъ вслѣдъ... Иногда же на волковъ брались тенета, и мѣсто, вошедшее въ тенета, называлось островомъ; выгоняли изъ лѣса звѣря и загоняли въ разставленныя кругомъ рощи тенета. На медвѣдя охота производилась въ дремучихъ лѣсахъ и тогда царя не пускали близко, чтобъ не было ему опасности. Выбирались охотники крѣпкіе, рослые, сильные; борцы съ медвѣдями пріобрѣтали славу въ охотничьемъ кругу, какъ храбрецы въ военномъ. Царя приглашали приблизиться только тогда, когда медвѣдя проколятъ рогатиною, или попадутъ въ него пулею. Послѣ охоты за звѣремъ ли или за птицею наступалъ обыкновенно пиръ въ палаткахъ, о которыхъ выше мы говорили. Шумъ, крикъ, гамъ, звукъ роговъ, звонъ колокольчиковъ во время охоты смѣнялись пѣснями, виватами и почетными выстрѣлами. Все это дѣлалось въ старомъ русскомъ духѣ, и царь привыкалъ къ такого рода забавамъ, сроднымъ ему и по народности и по фамильнымъ преданіямъ, такъ какъ цари древніе, особенно Романова дома, любили охоту. Въ полѣ или въ лѣсу все шло вольнѣе, не то что во дворцѣ; тутъ въ сторону откладывались чопорныя церемоніи, какими тамъ была постоянно окружена царская особа. Почтенные вельможи, сотрудники великаго преобразователя, предавались невольно этой веселой жизни, и самъ Остерманъ, постоянно напоминавшій своему воспитаннику о возможности государственнаго труда, самъ какъ бы угождая молодому государю, дѣлался участникомъ охотницкихъ забавъ; впрочемъ, баронъ Андрей Ивановичъ не постоянно сопровождалъ царя, а, поѣхавши съ нимъ по его волѣ, уѣзжалъ поскорѣе назадъ въ Москву заниматься дѣлами. Другіе

члены верховнаго совѣта менѣе чѣмъ онъ сознавали потребность ворочаться къ своимъ государственнымъ занятіямъ.

Князь Иванъ Алексѣевичъ часто оставлялъ государя, удалялся въ Москву и, сходясь съ Остерманомъ и другими европейской партіи, говорилъ, что ему надоѣдаютъ царскія забавы. «Не по-сердцу мнѣ — выражался онъ — когда царя заставляютъ дѣлать дурачества, не терплю наглости, съ какою съ нимъ начинаютъ обращаться на охотѣ». Но это былъ только благовидный предлогъ. Его другое влекло отъ царя и отъ царской охоты. Онъ былъ большой любитель прекраснаго пола и относился къ нему чрезвычайно беззастѣнчиво. Если случится, какая нибудь хорошенькая боярыня пріѣдетъ въ гости къ его матери и хозяйки не застанетъ, молодой князь безъ церемоніи хватаетъ ее за талію, тащитъ въ кабинетъ и дѣлаетъ съ нею, что ему угодно. Съ княгинею Трубецкою былъ онъ въ постоянной связи, всѣ въ Москвѣ это знали, и онъ открыто издѣвался надъ ея мужемъ. Отецъ этого ловеласа, князь Алексѣй Григорьевичъ, былъ съ нимъ въ постоянномъ препирательствѣ; отецъ даже думалъ повредить добрымъ отношеніямъ сына къ царю. У князя Алексѣя Григорьевича былъ другой сынъ, и этого-то сына хотѣлъ отецъ ввести въ фаворъ къ государю, а князя Ивана устранить. Старый Долгоруковъ, князь Алексѣй, ластился къ Остерману; Остерманъ притворялся предъ обоими, и предъ отцомъ и сыномъ, и тому и другому расточалъ любезности, а на самомъ дѣлѣ и отца и сына равно не терпѣлъ; Остерманъ, такъ сказать, лавировалъ между ними: слушалъ со вниманіемъ сына, когда тотъ жаловался на родителя, но показывалъ участіе къ отцу, когда тотъ говорилъ Остерману о проказахъ сына. Князь Алексѣй Григорьевичъ въ глаза называлъ Остермана пер-

вымъ умницею въ свѣтѣ и своимъ лучшимъ другомъ, а за глаза проклипалъ его и считалъ своимъ лютымъ врагомъ.

24 мая пришло извѣстіе о кончинѣ голштинской герцогини Анны Петровны, послѣдовавшей 4 мая. При дворѣ наложенъ былъ трауръ, но это не воспрепятствовало въ день царскихъ имянинъ быть празднеству и балу. Только цесаревна Елисавета, родственно и дружески привязанная къ свой старшей сестрѣ, грустила о потерѣ ея сердечно и глубоко. Тѣло покойной герцогини рѣшили привезти въ отечество и похоронить въ Петербургѣ. За тѣломъ посланъ былъ президентъ ревизіонъ-коллегіи генералъ-маіоръ Бибиковъ.

Въ іюлѣ тревожныя вѣсти изъ Малоросіи о татарскихъ замыслахъ побудили послать туда съ войскомъ фельдмаршала Голицына, а опасенія, чтобъ вмѣстѣ съ Турціею не стала дѣйствовать противъ Россіи Швеція, заставили-было обратить вниманіе на флотъ, еще не успѣвшій придти въ совершенный упадокъ послѣ Петра Великаго; хотя съ кораблей орудія были сняты и экипажа не было ни на одномъ, но еще можно было изготовить военныя суда къ походу въ короткое время, еслибы оказалось нужнымъ. Русскіе вельможи чванились своимъ флотомъ, по замѣчанію испанскаго посланника, словно школьникъ, получившій офицерскій чинъ и привязавшій въ первый разъ въ жизни шпагу къ своему боку. Изъ этого чванства нельзя было ожидать никакихъ важныхъ послѣдствій, потому что корабли отъ времени портились, а новыхъ не строили и вообще не занимались корабельнымъ дѣломъ вовсе. Оно, казалось, осуждено было на совершенное всегдашнее пренебреженіе, послѣ того какъ царь съ дворомъ перебрался въ отдаленную отъ моря Москву, точно такъ какъ и всему, чему только великій

Петръ положилъ начало, грозило невниманіе власти и забвеніе. Поэтому-то Остерманъ сильно пытался склонить Петра къ мысли о возвращеніи въ Петербургъ. Съ нимъ раздѣляли это желаніе изъ видовъ пользы своихъ державъ посланники: императорскій — Вратиславскій и испанскій — герцогъ Де-Лирія. По извѣстіямъ, сообщаемымъ послѣднимъ, Англія черезъ вольфенбиттельскаго посланника старалась о томъ, чтобъ русскій престолъ оставался въ Москвѣ и Россія не сдѣлалась морскою державою. Въ этомъ случаѣ англійскіе виды сходились съ видами русскихъ старолюбцевъ. Для Англіи не мило было возвышеніе Россіи, и она желала всегда, чтобъ Россія коснѣла въ своей вѣковой неподвижности. Остерману приходилось противопоставить всѣ способы хитрымъ козням эгоистической державы. Все, по его соображеніямъ, зависѣло отъ того, чтобъ убѣдить молодаго государя переѣхать обратно въ Петербургъ. Но чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ труднѣе было Остерману подѣйствовать на государя; Петръ все болѣе и болѣе довѣрялъ совѣтамъ Долгоруковыхъ и притомъ, отправляясь на охоту на продолжительное время, пристращался къ этой забавѣ до безумья. Остерманъ думалъ было, чтобъ отучить Петра отъ охоты, устроить ему близъ Москвы другую забаву — маневры, которые бы пріучали отрока-царя къ воинскимъ упражненіямъ. Но Петръ отъ всего отбивался; у него въ желаніи была единственно охота; ей предался онъ особенно съ жаромъ осенью, такъ какъ это время вообще привѣтливо для страстныхъ охотниковъ. Царя постоянно сопровождалъ князь Алексѣй Григорьевичъ и возилъ его въ свое подмосковное имѣніе Горенки, гдѣ находилось его семейство; тамъ хитрый царедворецъ сводилъ молодаго императора съ своею дочерью, дѣвицею Екатериною, замышляя, авось-либо удастся, что

она сумѣетъ плѣнить молодаго царя и сдѣлается императрицею. Долговременныя поѣздки на охоту и посѣщенія Горенокъ отстранили Петра отъ тетки Елисаветы, которая при томъ же сама отталкивала отъ себя государя своимъ легкомысленнымъ поведеніемъ. Царскій фаворитъ князь Иванъ Алексѣевичъ, хотя попрежнему пользовался дружбою государя, но продолжалъ отъ него отлучаться, ворочаясь въ Москву для своихъ волокитствъ. Въ это время, увидавшись съ Остерманомъ, князь Иванъ увѣрялъ его, что готовъ, на сколько у него силъ и умѣнья станетъ, уговаривать Петра воротиться въ Петербургъ, но разсчитываетъ, что удобнѣе къ этому возвращенію склонить Петра зимою, когда откроется санный путь, а до того времени будетъ трудно, потому что царь ни за что не захочетъ разстаться съ своими охотничьими затѣями, пока удобно рыскать по полямъ и лѣсамъ. Невозможно было отвлечь Петра изъ Москвы и ради отданія послѣдняго долга теткѣ Аннѣ, которой тѣло, привезенное въ Петербургъ на кораблѣ, погребено 12 ноября безъ царя.

Въ ноябрѣ несомнѣнно оказалось, что великая княжна Наталія Алексѣева, которой было всего пятнадцать лѣтъ, страдала легочной чахоткой, и положеніе ея со дня на день становилось безнадежнымъ; а ея царственный братъ продолжалъ рыскать на охотѣ, и съ трудомъ могли увезти его въ Москву только уже предъ ея смертію. Она скончалась 22 ноября въ загородномъ Слободскомъ дворцѣ: говорили, будто передъ смертію она просила брата вернуться въ Петербургъ. Царь очень плакалъ о ея потерѣ и переѣхалъ въ Кремлевскій дворецъ, чтобъ не жить тамъ, гдѣ окончила жизнь нѣжно-любимая особа. Остерманъ надѣялся, что теперь-то удобно будетъ склонить царя къ переѣзду въ Петербургъ, представивши ему, что

постоянное пребываніе въ Москвѣ будетъ ему черезчуръ тяжело, такъ какъ все будетъ напоминать ему о сестрѣ, которой могила находилась въ кремлевской церкви, вмѣстѣ съ могилами русскихъ царственныхъ особъ. Но князь Алексѣй Григорьевичъ опять увлекъ Петра къ себѣ въ Горенки. Тѣло великой княжны оставалось непогребеннымъ до января 1729 года. Въ это время Остерманъ, испанскій посолъ Де-Лирія и императорскій посолъ графъ Вратиславскій поручали князю Ивану Алексѣевичу подать царю записку отъ Вратиславскаго о томъ, что римскій императоръ, дядя русскаго государя, убѣдительно совѣтуетъ ему перебраться въ Петербургъ. Но царскій любимецъ, взявшись за это дѣло, поводилъ нѣсколько времена довѣрившихся ему господъ и охладѣлъ къ предполагаемому замыслу. Послѣ погребенія великой княжны князь Иванъ Алексѣевичъ сказалъ имъ, что не можетъ подѣйствовать на тѣхъ, которые отговариваютъ государя отъ переѣзда въ Петербургъ, разумѣя своего родителя, старавшагося всѣми средствами удержать царя отъ переѣзда.

Въ февралѣ 1729 года царь проводилъ дни въ Горенкахъ, являясь на короткое время въ Москву. Съ теткой Елисаветой удалось Долгорукову совершенно развести Петра, такъ что онъ не видался съ нею по цѣлымъ недѣлямъ. Въ мартѣ царь отправился на долгое время на охоту; вмѣстѣ съ нимъ поѣхали: князь Алексѣй Долгоруковъ, его жена, дочери и сыновья. Съ царемъ поѣхало множество прислуги.

Вездѣ въ Москвѣ стали толковать, что Долгоруковъ непремѣнно разсчитываетъ женить Петра на своей дочери, и уже тогда многіе были этимъ недовольны; возбуждалась зависть къ возвышенію Долгоруковыхъ.

Въ апрѣлѣ царь перебрался опять изъ Кремлевскаго

дворца въ Слободской дворецъ, а между тѣмъ продолжалъ увлекаться охотою. Ничто его не могло остановить. Онъ было заболѣлъ лихорадкою; во всей Москвѣ свирѣпствовала лихорадочная эпидемія. Царя убѣждали беречь здоровье, но онъ слушать не хотѣлъ, ничто его не пугало, ничто не отвлекало отъ любимыхъ забавъ. Въ маѣ, по распоряженію Остермана, притянуты были къ окрестностямъ Москвы войска и расположены лагеремъ, съ цѣлью привлечь царя, хотя въ видѣ забавы, къ военнымъ занятіямъ, вмѣсто охоты. Не удалось воспитателю. Царь всему предпочиталъ охоту и не довольствовался вести ее около Москвы, но затѣялъ охотничью экспедицію въ болѣе отдаленный край — къ городу Ростову, и обѣщалъ воротиться въ Москву только къ своимъ имянинамъ. Въ концѣ мая онъ туда и отправился съ княземъ Алексѣемъ Григорьевичемъ и его семействомъ. Члены верховнаго тайнаго совѣта и служившіе въ другихъ правительственныхъ учрежденіяхъ разсудили, что когда царя нѣтъ, такъ и имъ нечего дѣлать, и разъѣхались, кто куда могъ, по деревнямъ и дачамъ. То же сдѣлалъ и самъ Остерманъ.

Іюнь былъ дождливый и холодный. Ждали, что царь воротится къ празднику Троицы, но онъ не пріѣхалъ въ Москву ранѣе 23 іюня и то пріѣхалъ потому, что поднявшійся въ поляхъ хлѣбъ не допускалъ охотиться безъ нанесенія ущерба земледѣльцамъ.

Иностранцы представляютъ жалкую картину разложенія всякаго порядка въ управленіи государства, надъ которымъ считался властителемъ четырнадцатилѣтній отрокъ, безхарактерный, избалованный собственнымъ раннимъ величіемъ самодержавія, руководимый честолюбцами, игравшими имъ для собственныхъ выгодъ. Никто не заботился о государствѣ, каждый помышлялъ только о са-

момъ себѣ. Царь, отдавшись ребяческимъ забавамъ, ко всему дѣльному питалъ отвращеніе. Остерманъ истощалъ всякіе способы, чтобы привести его къ желанію заняться чѣмъ нибудь серьезнымъ, хоть бы нѣсколько часовъ въ сутки. Все было напрасно. Царь оставался совершеннымъ неучемъ, а князь Алексѣй Григорьевичъ умышленно поддерживалъ его невѣжество (Лефортъ, 17 февр. 1729, Herrm., 531). Употребляя всѣ мѣры, чтобы Петръ постоянно находился въ семействѣ Долгоруковыхъ, князь Алексѣй Григорьевичъ достаточно обезопасилъ себя отъ цесаревны Елисаветы, внушивъ царю о ней самое презрительное мнѣніе. Молодаго Бутурлина успѣли они заранѣе отдалить отъ государя и потомъ послали его въ армію. Александра Львовича Нарышкина обвинили въ произнесеніи грубыхъ словъ о царѣ, и онъ засланъ былъ въ деревню. Сергѣй Дмитріевичъ Голицынъ началъ было возвышаться и пріобрѣтать царское вниманіе: его услали посланникомъ. Долгоруковы не допускали къ царю никого, кто бы могъ остаться съ нимъ наединѣ и охладить въ немъ благорасположеніе и довѣренность къ Долгоруковымъ. Осенью опять Петръ съ семействомъ Долгоруковыхъ отправился на охоту на неопредѣленное время. Его псарня, по извѣстію посланника, состояла тогда изъ 200 гончихъ и 420 борзыхъ. Затравлено было 4,000 зайцевъ, 50 лисицъ, 5 волковъ, 3 медвѣдя и огромное количество всякой дичины. Отправились въ отдаленные отъ столицы края. Пришелъ день царскаго рожденія. Онъ засталъ царя въ городѣ Тулѣ. Сотворили импровизованное пиршество и балъ, на которомъ играли блестящую роль княжны Долгоруковы. Онѣ еще сами не знали, на которую изъ нихъ падетъ жребій, но говорили, что концомъ такого величія можетъ быть монастырь. Всѣ, глядя со стороны, понимали, что Долгоруковы хотятъ

женить царя и породнить родъ свой съ царскою кровью, но никто не смѣлъ заговаривать объ этомъ громко; всѣ притомъ были убѣждены, что рано ли поздно ли, а Долгоруковы должны тяжело расплатиться за свое безсмысленное сводничанье.

По извѣстію того же Лефорта (Herrmann, 533, ссылка на депешу 21 ноября) въ ноябрѣ Петръ выкидывалъ такія выходки, которыя грозили было Долгоруковымъ неудачею; напримѣръ, когда послѣ стола, устроеннаго на охотѣ, какой-то придворный льстецъ восхвалилъ подвигъ царя, затравившаго 4,000 зайцевъ, Петръ иронически сказалъ: «я еще лучшую дичь затравилъ: веду съ собою четырехъ двуногихъ собакъ»! Когда играли въ фанты, и положено было тому, кому вынется, поцѣловать одну изъ княженъ Долгоруковыхъ, царь ушелъ и скрылся. Наконецъ самая страсть его къ охотѣ какъ будто начинала утихать; онъ раздарилъ много своихъ собакъ, говорилъ, что больше охотиться не хочетъ, и бранилъ всѣхъ тѣхъ, кто его увлекалъ на охоту.

Такіе проблески поворота къ чему-то иному давали мимолетныя надежды бдительному Остерману и лицамъ его партіи, сторонникамъ новой Россіи, созданной геніемъ Петра Великаго. Но то было не надолго. Долгоруковы слишкомъ ловко и безстыдно умѣли держать въ своихъ тенетахъ молодаго императора, потакали ему во всемъ, терпѣливо сносили его своенравныя выходки и за то дѣлали его во всемъ послушнымъ ихъ волѣ. Князю Алексѣю хотѣлось во что бы то ни стало женить безхарактернаго, неопытнаго отрока на своей дочери. По грустному стеченію обстоятельствъ обѣ невѣсты молодаго императора, одинаково навязанныя ему наглостію и хитростію ихъ родителей, не нравились ему самому, да и сами его не любили. Обѣ княжны — и Меншикова

и Долгорукова, были жалкими жертвами честолюбія и алчности отцовъ, думавшихъ сдѣлать дѣтей своихъ слѣпыми орудіями для возвышенія своихъ родовъ. Обѣ сердцами рвались къ другимъ лицамъ: княжна Марія Меншикова предпочитала царю Сапѣгу; княжна Екатерина Долгорукова уже любила молодаго красиваго графа Милезимо, шурина имперскаго посла Вратиславскаго. Родитель княжны узналъ объ этой склонности, насильственно пытался заглушить ее и заставить дочь свою, хотя бы противъ ея собственной воли, казаться любящею императора. Князь Алексѣй Григорьевичъ возненавидѣлъ Милезимо, какъ человѣка, ставшаго на дорогѣ его честолюбивымъ замысламъ, и началъ мстить ему самыми неблагородными способами. Такъ, еще въ апрѣлѣ 1729 года Милезимо, отправляясь на дачу къ графу Вратиславскому, проѣзжая мимо царскаго дворца, сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ. Вдругъ его хватаютъ гренадеры: «запрещено — говорятъ ему — здѣсь стрѣлять; велѣно брать всякаго, не смотря ни на какую знатность». Гренадеры повели Милезимо пѣшкомъ по грязи; онъ просилъ дозволенія по крайней мѣрѣ сѣсть въ свой экипажъ, изъ котораго вышелъ для того чтобъ стрѣлять. Ему этого не дозволили. По бокамъ его ѣхало двое гренадеровъ верхомъ, а другіе вели его пѣшкомъ, и притомъ вели нарочно мимо дворцовой гауптвахты; выскочили офицеры и гвардейскіе солдаты и съ любопытствомъ глядѣли на эту сцену. Его повели черезъ дворцовый мостъ къ князю Долгорукову; гренадеры, провожавшіе его, отпускали надъ нимъ насмѣшки и ругательства. Милезимо, знавшій по-чешски, по близости между собою чешскаго и русскаго нарѣчій, понялъ, что говорили солдаты, а тѣ потѣшались надъ нимъ такого рода остротами, которыхъ передавать не дозволила скромность ис-

панскому посланнику, оставившему извѣстіе объ этомъ приключеніи. Милезимо наконецъ привели на княжескій дворъ. Хозяинъ, вѣроятно самъ заранѣе устроившій съ нимъ такую продѣлку, стоялъ на крыльцѣ. Приглядѣвшись, онъ какъ будто удивился, увидавши передъ собою особу, которой никакъ не предполагалъ встрѣтить въ этомъ видѣ; князь не сказалъ ему обычнаго привѣтствія, какъ знакомому, не пригласилъ къ себѣ въ домъ и сухо произнесъ: «очень жалѣю, графъ, что вы запутались въ эту исторію, но съ вами поступлено по волѣ государя. Его величество строго запретилъ здѣсь стрѣлять и далъ приказаніе хватать всякаго, кто нарушитъ запрещеніе». Милезимо хотѣлъ было объяснить, что запрещеніе это было ему неизвѣстно; но князь прервалъ его и сказалъ: «мнѣ нечего толковать съ вами, вы можете себѣ отправляться къ вашей Божьей матери». Съ этими словами князь Алексѣй Григорьевичъ поворотился къ нему спиною, вошелъ въ домъ и затворилъ за собою двери.

Милезимо пожаловался своему зятю Вратиславскому. Тотъ принялъ близко къ сердцу такой поступокъ съ чиновникомъ имперскаго посольства, счелъ его оскорбленіемъ, общимъ для всѣхъ иностранныхъ посольствъ въ Россіи, и отправилъ своего секретаря къ испанскому министру, такъ какъ испанскій король находился тогда въ самомъ тѣсномъ союзѣ съ государемъ Вратиславскаго. Герцогъ Де-Лирія обратился по этому дѣлу къ Остерману. Хитрый и уклончивый баронъ Андрей Ивановичъ тотчасъ разсчелъ, что не слѣдъ ему слишкомъ вооружаться противъ князя Алексѣя Григорьевича, понимая, что послѣдній устраивалъ пакости своему личному врагу, прикрываясь благовидными законными предлогами. «Я сдѣлаю все возможное—сказалъ Остерманъ—чтобы графъ Вратиславскій получилъ надлежащее удо-

влетвореніе, прежде чѣмъ онъ самъ его потребуетъ; не заводя дѣла слишкомъ далеко, я поступлю такъ, какъ того требуетъ близкое родство нашего государя съ императорскимъ домомъ и дружественный союзъ между нашими государствами».

Передали объ этомъ князю Ивану Алексѣевичу, царскому фавориту. Тотъ сказался очень тронутымъ и послалъ къ Вратиславскому своего домашняго секретаря объяснить, что непріятное событіе произошло отъ недоразумѣнія и отъ глупости гренадеровъ, которыхъ онъ, князь Иванъ Алексѣевичъ, уже наказалъ. Отправленный за этимъ дѣломъ секретарь заходилъ и къ Милезимо выразить отъ лица князя глубокое сожалѣніе о томъ, что произошло. Милезимо послѣ этого самъ увидался съ фаворитомъ, и послѣдній лично просилъ у него прощенія за гренадеровъ, которые, какъ увѣрялъ, единственно по своему невѣжеству оказались непочтительными съ особѣ чиновника имперскаго посольства. И баронъ Остерманъ, по поводу это приключенія, посылалъ извиняться къ Вратиславскому, но замѣтилъ, что Милезимо самъ виноватъ, если его не узнали. Вратиславскій, вмѣсто того чтобъ успокоиться такимъ извиненіемъ, былъ, напротивъ, задѣтъ имъ; онъ отправилъ снова своего пріятеля герцога Де-Лирія высказать Остерману, что имперскій посолъ не доволенъ такимъ способомъ удовлетворенія; притомъ ему не нравилось и то лицо, которое Остерманъ присылалъ къ нему для объясненій. Баронъ Остерманъ на этотъ разъ, въ разговорѣ съ испанскимъ посланникомъ, поднялъ тонъ голоса выше и сталъ уже въ положеніе не знакомаго друга, а русскаго министра, ведущаго рѣчь о вопросѣ, касающемся чести государства.

— Графу Вратиславскому — сказалъ Остерманъ — дано слишкомъ большое удовлетвореніе, тѣмъ болѣе, что

въ этомъ дѣлѣ виноватъ самъ графъ Милезимо, если съ нимъ произошла непріятная исторія. Дѣйствительно, государь далъ запрещеніе охотиться въ окрестностяхъ на разстояніи тридцати верстъ, а графъ Милезимо началъ стрѣлять въ виду дворца, да еще грозилъ гренадерамъ, прицѣливаясь въ нихъ ружьемъ и обнажая противъ нихъ шпагу.

— Это неправда — отвѣчалъ ему испанскій посланникъ — графъ Милезимо не оказывалъ никакого сопротивленія и оказать его въ своемъ положеніи не могъ.

— Его царское величество — сказалъ Остерманъ — неограниченно властенъ въ своемъ государствѣ давать всякія приказанія, какія ему дать будетъ угодно; всѣ обязаны знать это и исполнять.

Испанецъ съ горячностью сказалъ:

— Всѣ, даже дѣти, знаютъ, что каждый государь имѣетъ право давать приказанія въ своемъ государствѣ, но чтобъ съ этими приказаніями сообразовались иностранные министры и люди ихъ свиты, необходимо, чтобъ о томъ извѣщала ихъ коллегія иностранныхъ дѣлъ; на это заранѣе долженъ былъ бы обратить вниманіе государственный секретарь или министръ, черезъ котораго они ведутъ сношенія. И графъ Вратиславскій, и я съ нашими кавалерами получили отъ его царскаго величества дозволеніе охотиться въ окрестностяхъ, а чтобъ было запрещеніе охотиться въ одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ не только подданнымъ, но и намъ, получившимъ дозволеніе охотиться всюду, нужно было передать намъ особое сообщеніе.

Остерманъ не сталъ придумывать изворота въ отвѣтъ на такое заявленіе и сказалъ:

— Я все сдѣлалъ, что только могъ; графъ Вратиславскій долженъ остаться удовлетвореннымъ.

Послѣ такого разговора Вратиславскій, узнавши объ отзывѣ Остермана, пригласилъ къ себѣ представителей иностранныхъ дворовъ и заявилъ имъ, что удовлетвореніе, предложенное Остерманомъ, по дѣлу съ Милезимо, считаетъ недостаточнымъ для чести и значенія своего государя и полагаетъ, что наглый поступокъ русскихъ съ чиновникомъ имперскаго посольства наноситъ оскорбленіе всѣмъ представителямъ иностранныхъ дворовъ въ Москвѣ. Сторону Вратиславскаго съ живостію приняли представители Испаніи, Польши, Даніи и Пруссіи. Обдумавши, они послали требованіе, чтобъ князь Алексѣй Григорьевичъ извинился передъ Вратиславскимъ, и если въ самомъ дѣлѣ виною всему глупость гренадеровъ, то хотя бы ихъ уже и наказали, пусть онъ ихъ пришлетъ въ распоряженіе Вратиславскаго для наказанія, или же, если то будетъ угодно Вратиславскому, пусть экзекуція надъ виновными произведется въ присутствіи посольскаго чиновника, котораго пришлетъ Вратиславскій съ тѣмъ, чтобъ быть свидѣтелемъ.

Такъ и сталось. Князь Алексѣй Григорьевичъ прислалъ къ Вратиславскому бригадира, служившаго въ дворцовомъ вѣдомствѣ и завѣдывавшаго запрещеннымъ для стрѣльбы округомъ, въ которомъ стрѣлялъ Милезимо. Этотъ бригадиръ долженъ былъ выразить безконечное сожалѣніе о непріятномъ случаѣ, происшедшемъ съ Милезимо, и извѣстить, что, хотя гренадеры уже наказаны, однако могутъ подвергнуться новому наказанію, если то графу Вратиславскому будетъ угодно. Этимъ дѣло и покончилось. Вратиславскій счелъ себя удовлетвореннымъ, а князь Алексѣй Григорьевичъ все-таки достигъ своего: Милезимо понялъ, за что съ нимъ произошло непріятное событіе, понялъ, что ему закрыты двери дома Долгору-

ковыхъ, и онъ лишенъ возможности нѣжныхъ свиданій съ княжною, которую полюбилъ и которая любила его.

Разлучивши Милезимо съ княжною, нѣжные родители старались безпрестанно представлять ея особу глазамъ молодаго царя и всюду таскали ее на охоту съ прочими членами своей семьи, даромъ что ей было тяжело въ этомъ сообществѣ и всѣ помышленія ея обращались къ молодому иноземцу, — даромъ что царь вовсе не показывалъ къ ней такихъ знаковъ вниманія, какіе говорили бы сколько-нибудь о существованіи къ ней сердечнаго влеченія. Ловкому родителю все это было нипочемъ: онъ рѣшился, во что бы то ни стало, привести дѣло къ желанному для него концу. Еще до послѣдней осенней поѣздки государя на охоту, иноземная партія думала подставить Петру чужестранную невѣсту, принцессу брауншвейгъ-беверискую: ее рекомендовалъ Вратиславскій, какъ родственницу своего императора. Но Долгоруковы, удаливши Петра изъ Москвы, успѣли вооружить его противъ этого намѣренія; бракъ съ иноземкою, представляли они, не будетъ счастливъ; въ примѣръ тому указывали даже на покойнаго родителя государя, царевича Алексѣя Петровича, котораго отецъ женилъ противъ воли и желанія; гораздо лучше царю поискать достойной супруги въ своей родной землѣ между подданными, какъ дѣлали изъ рода въ родъ старые московскіе государи. Петръ уже былъ настроенъ и постоянно поддерживаемъ въ желаніи жить и поступать не по пути своего дѣда, а по пути старыхъ праотцевъ, и потому сердечно сочувствовалъ этой мысли. Родители княжны Екатерины нарочно дѣлали такъ, чтобъ она вездѣ торчала передъ глазами царя: и на пирушкахъ, слѣдовавшихъ за охотою въ полѣ, и въ Горенкахъ, куда завозили государя Долгоруковы съ охоты на нѣсколько дней — вездѣ около него была неизбѣжная

княжна Екатерина. Въ Горенкахъ, длинными осенними вечерами, собирались играть въ карты, въ фанты: всегда ближе всѣхъ къ царю — княжна Екатерина. Мы не знаемъ подробностей обстоятельствъ, какъ произошло первое заявленіе царя о желаніи вступить съ нею въ бракъ; но понятно, что четырнадцатилѣтняго отрока не трудно было настроить и подготовить къ этому, когда ни на шагъ не спускали его съ рукъ и съ глазъ и безпрестанно подставляли ему хорошенькую дѣвицу, заставляя ее оказывать государю всякія видимыя любезности. Еще царь не воротился изъ своей поѣздки, а уже въ Москвѣ и знатные и незнатные твердили въ одинъ голосъ, что молодой императоръ женится на дочери князя Алексѣя Григорьевича. Пришелъ ноябрь. Начались приготовленія къ какому-то торжеству: оно должно было произойдти тотчасъ по возвращеніи царя. Тогда не предстояло ни именинъ, ни дня рожденія никого изъ царственныхъ особъ, и всѣ въ Москвѣ догадывались, что ожидаемое торжество должно было быть не иное что, какъ обрученіе царя Петра съ княжною Екатериною Долгоруковою.

Наконецъ царь воротился въ Москву. Тайна ожиданія внезапно разъяснилась. Петръ остановился въ Нѣмецкой слободѣ, въ Лефортовскомъ дворцѣ, и черезъ нѣсколько дней, 19 ноября, собралъ членовъ верховнаго тайнаго совѣта, знатнѣйшихъ сановниковъ духовныхъ, военныхъ и гражданскихъ, весь такъ-называемый генералитетъ и объявилъ, что намѣренъ вступить въ бракъ со старшею дочерью князя Алексѣя Григорьевича Долгорукова, княжною Екатериною.

Событіе было не новостію въ своемъ родѣ для русскихъ: всѣ прежніе цари выбирали себѣ женъ изъ подданныхъ и даже не смотрѣли на знатность или незнатность рода невѣсты. Родъ князей Долгоруковыхъ былъ

притомъ знатенъ и даже доставлялъ уже въ царскую семью невѣстъ. Но въ бракѣ молодаго, недостигшаго еще шестнадцатилѣтняго возраста государя, всѣ ясно видѣли нечестную продѣлку; всѣ поняли, что Долгоруковы, пользуясь малосмысліемъ царя слишкомъ юнаго и не обращая вниманія на послѣдствія, спѣшатъ преждевременно связать его узами свойства съ своей фамиліей, съ тѣмъ разсчетомъ, что узъ этихъ, при неразрывности брака, предписываемой уставами православной церкви, невозможно будетъ расторгнуть. Но всѣ могли понимать, что разсчетъ Долгоруковыхъ не вполнѣ былъ вѣренъ; при неограниченномъ самодержавіи царей, никакіе церковные законы не были сильны: объ этомъ ясно свидѣтельствовали неоднократные примѣры въ русской исторіи, да и за примѣрами такими не нужно было пускаться памятью въ отдаленные вѣка: еще жива была первая супруга Петра Великаго, только-что освобожденная отъ долгаго, тяжелаго заключенія, и Петръ II современемъ могъ въ этомъ пойдти по слѣдамъ своего дѣда Петра I. Слушавшіе заявленіе государя о предстоящемъ брачномъ союзѣ шопотомъ говорили между собою: «шагъ смѣлый, да опасный. Царь молодъ, но скоро выростетъ: тогда пойметъ многое, чего теперь не домекаетъ».

Однако никто не смѣлъ тогда высказать этого гласно, и когда наступило 24 ноября, день св. великомученицы Екатерины, всѣ высшіе чины государства и иностранные министры поздравляли со днемъ тезоименитства избранницу царскаго сердца. Долгоруковы, поймавши на удочку царственнаго юношу, спѣшили покончить начатое, чтобъ не дать царю времени одуматься. 30 ноября назначенъ былъ день обрученія.

Современники оставили намъ описаніе этого замѣчательнаго дня, который долженъ былъ вознести родъ

Долгоруковыхъ до крайнихъ предѣловъ величія, какого только могли достигнуть въ Россіи подданные и какое оказалось по приговору непонятной судьбы въ дѣйствительности подобіемъ мыльнаго пузыря.

Торжество это происходило въ царскомъ дворцѣ въ Нѣмецкой слободѣ, извѣстномъ подъ именемъ Лефортовскаго. Приглашены были члены императорской фамиліи: цесаревна Елисавета, мекленбургская герцогиня Екатерина Ивановна, дочь ея принцесса мекленбургская Анна (впослѣдствіи правительница Россіи подъ именемъ Анны Леопольдовны); пріѣхала изъ своего монастыря и бабка государя, инокиня Елена. Не доставало только герцогини курляндской Анны Ивановны, находившейся тогда въ Митавѣ. Всѣ эти присутствовавшіе здѣсь женскаго пола члены царскаго рода были недовольны совершавшимся событіемъ, за исключеніемъ, быть можетъ, бабки-отшельницы, съ добродушнымъ равнодушіемъ уже сознавшей суету всего земнаго. Приглашены были члены верховнаго тайнаго совѣта, весь генералитетъ, духовные сановники и всѣ родственники и свойственники рода Долгоруковыхъ; послѣдніе, для пышности, приглашались черезъ собственнаго шталмейстера Алексѣя Григорьевича. Здѣсь были иностранные министры съ своими семействами и много особъ женскаго пола — вся знать московская, какъ русская, такъ и иноземная.

Царская невѣста, объявленная съ титуломъ ея высочества, находилась тогда въ Головинскомъ дворцѣ, гдѣ помѣщались Долгоруковы. Туда отправился за невѣстою свѣтлѣйшій князь Иванъ Алексѣевичъ, въ званіи придворнаго оберъ-камергера, въ сопровожденіи императорскихъ камергеровъ. За нимъ потянулся цѣлый поѣздъ императорскихъ каретъ.

Княжна Екатерина Алексѣевна, носившая тогда на

званіе «государыни-невѣсты», была окружена княгинями и княжнами изъ рода Долгоруковыхъ, въ числѣ которыхъ были ея мать и сестры. По церемонному приглашенію, произнесенному оберъ-камергеромъ, невѣста вышла изъ дворца и сѣла вмѣстѣ съ своею матерью и сестрами въ карету, запряженную цугомъ, на передней части которой стояли императорскіе пажи. По обѣимъ сторонамъ кареты ѣхали верхомъ камеръ-юнкеры, гофъ-фурьеры, гренадеры и шли скороходы и гайдуки пѣшкомъ, какъ требовалъ этикетъ того времени. За этой каретой тянулись кареты наполненныя, княгинями и княжнами изъ рода Долгоруковыхъ, но такъ, что ближе къ той каретѣ, гдѣ сидѣла невѣста, ѣхали тѣ изъ рода Долгоруковыхъ, которыя по родственной лѣстницѣ считались въ большей близости къ невѣстѣ; за каретами съ дамами Долгоруковскаго рода тянулись кареты, наполненныя дамами, составлявшими новообразованный штатъ ея высочества, а позади ихъ слѣдовали пустыя кареты. Самъ оберъ-камергеръ, братъ царской невѣсты, сидѣлъ въ императорской каретѣ, ѣхавшей впереди, а въ другой императорской каретѣ, слѣдовавшей за нимъ, сидѣли камергеры, составлявшіе его ассистенцію. Этотъ торжественный поѣздъ сопровождался цѣлымъ баталіономъ гренадеровъ въ количествѣ 1,200 человѣкъ, который долженъ былъ занять караулъ во дворцѣ во время обряда обрученія. Всѣ тогда говорили, что князь Иванъ Алексѣевичъ нарочно призвалъ такое множество вооруженнаго войска въ тѣхъ видахъ, чтобы не допустить до какихъ нибудь непріятныхъ выходокъ, потому что онъ зналъ о господствовавшемъ въ умахъ нерасположеніи къ Долгоруковымъ. Поѣздъ двинулся изъ Головинскаго дворца черезъ Салтыковъ мостъ на Яузѣ къ Лефортовскому дворцу. По прибытіи на мѣсто оберъ-камергеръ вышелъ изъ своей

кареты и сталъ на крыльцѣ, чтобы встрѣчать невѣсту и подать ей руку при выходѣ изъ кареты. Оркестръ музыки заигралъ, когда она, ведомая подъ руку братомъ, вошла во дворецъ.

Въ одной изъ залъ дворца, назначенной для обручальнаго торжества, на шелковомъ персидскомъ коврѣ поставленъ былъ четвероугольный столъ, покрытый золотою матеріею: на немъ стоялъ ковчегъ съ крестомъ и двѣ золотыя тарелочки съ обручальными перстнями. По лѣвой сторонѣ отъ стола, на другомъ персидскомъ коврѣ поставлены были кресла, на которыхъ должны были сидѣть бабка государя и невѣста и рядомъ съ ними на стульяхъ мекленбургскія принцессы и Елисавета, а позади ихъ на стульяхъ въ нѣсколько рядовъ должны были сидѣть разные родственники, невѣсты и знатныя дамы По правой сторонѣ отъ стола на персидскомъ коврѣ поставлено было богатое кресло для государя.

Обрученіе совершалъ новгородскій архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Надъ выкокою четою во время совершенія обряда генералъ-майоры держали великолѣпный балдахинъ, вышитый золотыми узорами по серебряной парчѣ.

Когда обрученіе окончилось, женихъ и невѣста сѣли на свои мѣста и всѣ начали поздравлять ихъ при громѣ литавръ и при пушечной троекратной пальбѣ. Тогда фельдмаршалъ князь Василій Владиміровичъ Долгоруковъ произнесъ царской невсѣтѣ такую знаменательную рѣчь:

«Вчера я былъ твой дядя, нынче ты мнѣ государыня, а я тебѣ вѣрный слуга. Даю тебѣ совѣтъ: смотри на своего августѣйшаго супруга не какъ на супруга только, но какъ на государя, и занимайся только тѣмъ, что можетъ быть ему пріятно. Твой родъ многочисленъ

и, слава Богу, очень богатъ, члены его занимаютъ хорошія мѣста, и если тебя станутъ просить о милости для кого нибудь, хлопочи не въ пользу имени, а въ пользу заслугъ и добродѣтели. Это будетъ настоящее средство быть счастливою, чего я тебѣ желаю» (Соловьевъ, XIX, 235).

Въ то время говорили, что этотъ фельдмаршалъ, хотя и дядя царской невѣсты, противился браку ея съ государемъ, потому что не замѣчалъ между нимъ и ею истинной любви и предвидѣлъ, что продѣлка родственниковъ поведетъ родъ Долгоруковыхъ не къ желаемымъ цѣлямъ, а къ ряду бѣдствій. Въ числѣ приносившихъ поздравленія царской невѣстѣ былъ и Милезимо, какъ членъ имперскаго посольства. Когда онъ подошелъ цѣловать ей руку, она, подававшая прежде машинально эту руку поздравителямъ, теперь сдѣлала движеніе, которое всѣмъ ясно показало происшедшее въ ея душѣ потрясеніе. Царь покраснѣлъ. Друзья Милезимо поспѣшили увести его изъ залы, посадили въ сани и выпроводили со двора.

По окончаніи поздравленій, высокая чета удалилась въ другіе аппартаменты; открылся блистательный фейерверкъ и балъ, отправлявшійся въ большой залѣ дворца. Гости замѣтили, что инокиня Елена, не смотря на свою черную иноческую одежду, показывала на лицѣ сердечное удовольствіе. За то царская невѣста впродолженіе всего этого роковаго вечера была чрезвычайно грустна и постоянно держала голову потупивши. Ужина не было, ограничились только закускою. Невѣсту отвезли въ Головинскій дворецъ съ тѣмъ же церемоніальнымъ поѣздомъ, съ какимъ привезли для обрученія.

Имперскій посланникъ графъ Вратиславскій, недавно еще думавшій дать царю въ супруги нѣмецкую прин-

цессу, могъ быть недоволенъ этимъ обрученіемъ болѣе всякаго другаго, но онъ не только не высказалъ чего нибудь подобнаго, а, соображая возвышеніе въ грядущемъ рода Долгоруковыхъ, сталъ заискивать ихъ расположенія и особенно увивался около князя Ивана Алексѣевича. Вратиславскій сталъ хлопотать у своего государя, чтобы князю Ивану Алексѣевичу дать титулъ князя Римской имперіи и подарить то княжество въ Силезіи, которое было дано Меншикову. Испанскій посланникъ, герцогъ Де-Лирія, велъ себя также какъ и Вратиславскій, и хотя до сихъ поръ казался преданнымъ имперскому послу, но теперь явился ему соперникомъ въ соисканіи расположенія Долгоруковыхъ. Оба старались, такъ сказать, забѣжать впередъ и насолить другъ другу. Вратиславскій наговаривалъ Долгорукову про испанскаго посланника, что онъ разноситъ слухи, будто отецъ князя пользуется незрѣлостью и ребяческою безхарактерностью царя, а герцогъ Де-Лирія успѣлъ разувѣрить въ этомъ князя Ивана, наговорить на Вратиславскаго и потомъ въ письмахъ своихъ, отправленныхъ въ Испанію, хвастался, что князь Долгоруковъ привязался къ нему и сталъ ненавидѣть австрійцевъ. (Депеши герцога Де-Лирія, напеч. въ рус. переводѣ во 2 т. сборн. XVIII вѣкъ, изд. Бартенева).

Черезъ нѣсколько дней послѣ обрученія царя Вратиславскій спровадилъ изъ Москвы своего шурина Милезимо. Онъ отправилъ его въ Вѣну передать императору вѣсть о важномъ событіи, происшедшемъ въ русскомъ придворномъ мірѣ. Вратиславскій опасался, чтобы этотъ горячій молодой человѣкъ, оставаясь въ Москвѣ, въ припадкѣ оскорбленной любви не показалъ какихъ нибудь эксцентрическихъ выходокъ. Но Милезимо въ то время такъ замотался, что кредиторы не хотѣли его выпускать,

и Вратиславскій съ большимъ усиліемъ уговорилъ ихъ до поры до времени взять векселя. Кажется, князь Алексѣй Григорьевичъ не оставлялъ этого молодца своимъ злобнымъ вниманіемъ.

Родъ Долгоруковыхъ достигъ теперь крайнихъ предѣловъ величія. Все смотрѣло имъ въ глаза, все льстило имъ въ чаяніи отъ нихъ великихъ богатыхъ милостей. Пошли толки, чѣмъ кто изъ Долгоруковыхъ будетъ, какое мѣсто займетъ на лѣстницѣ высшихъ государственныхъ должностей. Твердили, что князю Ивану Алексѣевичу быть великимъ адмираломъ; его родитель сдѣлается генералиссимусомъ, князь Василій Лукичъ — великимъ канцлеромъ, князь Сергѣй Григорьевичъ — оберъ-шталмейстеромъ; сестра Григорьевичей Салтыкова станетъ оберъ-гофмейстериною при новой молодой царицѣ. Дѣлали разныя предположенія о томъ, на кого изъ знатныхъ дѣвицъ падетъ выборъ царскаго фаворита. Одни, по догадкамъ, предполагали, что онъ женится на Ягужинской, другіе, и въ ихъ числѣ иностранные посланники, были увѣрены, что его честолюбіе не удовлетворится иначе, какъ союзомъ съ особою царской крови; говорили, что князь Иванъ женится на цесаревнѣ Елисаветѣ: къ ней онъ и прежде показывалъ вниманіе, но принцесса не отвѣчала ему, и послѣ царскаго обрученія удалилась въ деревню; ее привезутъ въ Москву — говорили тогда въ придворномъ кругу, и царь предложитъ ей либо выходить за фаворита, либо идти въ монастырь. Но не сбылось ни одно изъ этихъ предположеній. Князь Иванъ Алексѣевичъ долго велъ вѣтренный образъ жизни, перебѣгая отъ одной женщины къ другой, и наконецъ теперь остановился на дѣвушкѣ, къ которой почувствовалъ столько же любви, сколько и уваженія; то была графиня Наталья Борисовна Шереметева, дочь Бориса Петровича,

фельдмаршала Петрова вѣка, покорителя Ливоніи, котораго память была очень любима въ Россіи въ то время. 24 декабря произошло ихъ обрученіе въ присутствіи государя и всѣхъ знатныхъ лицъ. Оно совершилось съ большею пышностью; по извѣстію, оставленному самой невѣстой въ своихъ запискахъ, одни обручальные перстни ихъ стоили: жениховъ 12,000 руб., невѣстинъ 6,000 руб.

Между тѣмъ дни за днями проходили; при дворѣ каждый почти день отправлялись празднества; вся Москва носила тогда праздничный видъ, ожидая царскаго брака, но близкіе къ государю люди замѣчали, что онъ и послѣ обрученія не показывалъ никакихъ знаковъ сердечности къ своей невѣстѣ, а становился къ ней холоднѣе. Онъ не искалъ, подобно каждому жениху, случая почаще видѣть свою невѣсту и быть съ нею вмѣстѣ, напротивъ, уклонялся отъ ея сообщества; замѣчали, что ему вообще было пріятнѣе, когда онъ находился безъ нея. Этого и надобно было ожидать: малосмысленный отрокъ не имѣлъ на столько внутренней силы характера, чтобъ отцѣпиться отъ Долгоруковыхъ въ-пору; его подвели: отрокъ неосторожно, можетъ быть подъ вліяніемъ вина, болтнулъ о желаніи соединиться бракомъ, а безстыдные честолюбцы ухватились за его слово. «Царское слово премѣнно не бываетъ» — гласила старая русская поговорка, и вѣроятно эта поговорка не разъ повторялась Петру въ видѣ назиданія. И вотъ его довели до обрученія. Но тутъ, естественно, еще болѣе опротивѣла ему и прежде немилая невѣста. Это положеніе понимали всѣ окружавшіе царя и втайнѣ пророчили печальный исходъ честолюбію Долгоруковыхъ. Самъ князь Алексѣй Григорьевичъ, досадуя, что время Рождественскаго поста и Святокъ помѣшало скорому совершенію брака, и, замѣчая усиливающееся охлажденіе царя къ невѣстѣ, хотѣлъ-было устроить тай-

ный бракъ, но потомъ отсталъ отъ этой мысли, взвѣсивши, что такой бракъ, совершенный не въ положенное церковью время, не имѣлъ бы законной силы. Приходилось вооружиться терпѣніемъ и подождать нѣсколько дней. Царскій бракъ могъ совершиться только послѣ праздника Крещенія и назначенъ былъ на 19 января. Между тѣмъ на Новый годъ царь сдѣлалъ выходку, которая сильно не понравилась князю Алексѣю Григорьевичу: не сказавши Долгоруковымъ, онъ ночью ѣздилъ по городу и заѣхалъ въ домъ къ Остерману, у котораго, какъ разсказываетъ иностранный министръ того времени (Lefort. Herrmann, 536), находилось еще двое членовъ верховнаго тайнаго совѣта, и было тамъ при государѣ какое-то совѣщаніе, вѣроятно не въ пользу Долгоруковыхъ: они умышленно были устранены отъ участія въ немъ. Послѣ того, какъ сообщаетъ тотъ же современникъ, царь имѣлъ свиданіе съ цесаревной Елисаветою: она жаловалась ему на скудость, въ какой ее содержали Долгоруковы, захвативши въ свои руки всѣ дѣла двора и государства; въ ея домашнемъ обиходѣ чувствовался даже недостатокъ въ соли. «Это не отъ меня идетъ, сказалъ государь: я уже не разъ давалъ приказанія по твоимъ жалобамъ, да меня плохо слушаются. Я не въ состояніи поступить такъ, какъ бы мнѣ хотѣлось, но я скоро найду средство разорвать свои оковы».

Въ самомъ возвышающемся родѣ Долгоруковыхъ не было согласія. Фельдмаршалъ, князь Василій Владиміровичъ, и прежде недовольный продѣлками князя Алексѣя Григорьевича, не переставалъ роптать и обличать его. Князь Алексѣй Григорьевичъ не ладилъ съ сыномъ, царскимъ фаворитомъ, да и сама невѣста стала недовольна братомъ за то, что не допускалъ ее овладѣть брилліантами умершей великой княжны Наталіи Алексѣевны, ко-

торые царь обѣщалъ своей невѣстѣ. Другихъ вѣтвей князья Долгоруковы не только не плѣнялись счастіемъ, привалившимъ къ одной линіи многочисленнаго княжескаго рода, но питали къ ней чувство злобной зависти. По всему можно было предвидѣть — и уже многіе предсказывали — что предполагаемой свадьбѣ не бывать, и князей Долгоруковыхъ, по волѣ опомнившагося царя, постигнетъ судьба князя Меншикова.

Въ началѣ 1730 года получено было извѣстіе о смерти Меншикова. Несчастный изгнанникъ, заточенный въ ледяной пустынѣ, былъ сначала помѣщенъ съ семействомъ въ острогѣ, нарочно въ 1724 г. построенномъ для государственныхъ преступниковъ, а потомъ ему дозволили построить свой собственный домикъ. Онъ переносилъ свое горе съ истинно-геройскою твердостію духа. Какъ ни томило его внутренно это горе — не показывалъ онъ тоски своей внѣшними знаками, казался довольно веселъ, замѣтно пополнѣлъ и былъ чрезвычайно дѣятеленъ. Изъ скуднаго содержанія, какое выдавалось ему, сумѣлъ онъ составить такой запасъ, что могъ на него построить деревянную церковь, которая была еще при немъ освящена во имя Рождества Богородицы. (Замѣчательно, что въ этотъ праздникъ постигла Меншикова опала). Онъ самъ своею особою работалъ топоромъ надъ ея постройкою; не даромъ пріучилъ его съ юности къ такого рода работѣ Петръ Великій. Меншиковъ былъ очень благочестивъ, самъ звонилъ къ богослуженію и на клиросѣ своей Березовской церкви исполнялъ должность дьячка, а дома читалъ дѣтямъ священное писаніе. Говорятъ, что онъ составлялъ свое жизнеописаніе и диктовалъ его дѣтямъ своимъ. Къ сожалѣнію, оно не дошло до насъ. 12 ноября 1729 года, 56 лѣтъ отъ роду, онъ скончался отъ апоплексическаго удара: въ Березовѣ некому было пустить

заболѣвшему кровь. Когда получено было въ Москвѣ черезъ тобольскаго губернатора (отъ 25 ноября 1729 года) извѣстіе о кончинѣ Меншикова, Петръ приказалъ освободить его дѣтей и дозволить имъ жить въ деревнѣ дяди ихъ Арсеньева съ воспрещеніемъ въѣзжать въ Москву; повелѣно было дать имъ на прокормленіе по сто дворовъ изъ прежнихъ имѣній ихъ родителя, и сына записать въ полкъ (Есип., Ссылка кн. Менш., Отеч. Зап. 1861, № 1, стр. 88). Старшая дочь Александра Даниловича, Марія, бывшая невѣста императора, умерла въ Березовѣ; но о времени ея кончины существуетъ разногласіе. По однимъ извѣстіямъ она умерла при жизни отца, и родитель самъ погребалъ ее, по другимъ извѣстіямъ, и вѣроятнѣйшимъ (см. Ссылка кн. Менш., ibid., прилож. № 6, стр. 37), ея не стало на другой мѣсяцъ послѣ кончины отца, 26 декабря 1729 года.

6-го января 1730 года царь поѣхалъ въ городъ на освященіе воды, и, воротившись въ свой Слободской дворецъ, жаловался на нездоровье. На другой день высыпала у него по тѣлу оспа. Болѣзнь эта, какъ извѣстно, вообще такого свойства, что нѣсколько дней нельзя утвердительно дѣлать предсказанія относительно ея исхода; но какъ Петръ былъ послѣдній изъ мужской линіи дома Романовыхъ, то возможность его кончины заранѣе возбуждала вопросы: кто будетъ ему преемникомъ и кто долженъ собою открыть другую династію или другую линію прежней династіи. Это занимало не однихъ русскихъ государственныхъ людей, но и министровъ иностранныхъ дворовъ, обязанныхъ блюсти интересы тѣхъ государствъ, которыхъ были представителями въ Россіи. Въ числѣ этихъ иностранныхъ министровъ въ Россіи былъ датскій министръ Вестфаленъ, большой дипломатъ и интриганъ. Еще при Екатеринѣ I, какъ мы выше приво-

дили, онъ сближался съ Меншиковымъ и настраивалъ его примкнуть къ партіи Петрова внука. Въ оное время датскій министръ хлопоталъ, чтобы по кончинѣ Екатерины взошелъ на престолъ Петръ II, потому что иначе могли бы занять престолъ или Голштинская герцогиня, или находившаяся въ большой дружбѣ съ нею сестра ея Елисавета, а это было бы опасно и противно политикѣ датскаго правительства. Теперь, на случай рановременной смерти Петра II, поднималось прежнее опасеніе, По кончинѣ послѣдняго изъ мужской линіи Романова дома, наслѣдство престола могло перейти или къ цесаревнѣ Елисаветѣ, или къ малолѣтнему сыну покойной голштинской герцогини. Для Даніи было полезно, если бы въ Россіи наслѣдовало престолъ лицо, не имѣющее дружественной связи съ голштинскимъ домомъ, и всего лучше если бы оно могло стать въ непріязненныя отношенія къ послѣднему. Вестфаленъ былъ же свидѣтелемъ, какъ по смерти Петра Великаго престолъ достался его вдовѣ, не имѣвшей никакого родоваго права; поэтому, какъ соображалъ онъ, въ Россіи преемничество можетъ быть мимо всякой кровной связи съ прежде царствовавшимъ домомъ. Датскій министръ написалъ къ Василію Лукичу Долгорукову письмо и вкинулъ въ него соблазнительную мысль объявить преемницею Петра царскую невѣсту, наподобіе того какъ послѣ кончины Петра Великаго провозглашена была властвующею императрицею Екатерина. Тогда — замѣчалъ онъ — устроили такое дѣло Меншиковъ съ Толстымъ, почему же теперь не могутъ сдѣлать того Долгоруковы? Василій Лукичъ сообщилъ объ этой мысли князю Алексѣю Григорьевичу. 12 января государю стало лучше, и дѣло было оставлено.

Всѣ надѣялись, что болѣзнь Петра уже не представляетъ опасности. Но 17 января Петръ, который по своей

отроческой живости никогда не берегъ себя отъ вліяній температуры, отворилъ окно. Внезапно закрылась вся высыпавшая по тѣлу оспа. Всѣ увидѣли тогда безнадежность Царь тотчасъ же началъ впадать въ безпамятство.

Тогда князь Алексѣй Григорьевичъ пригласилъ къ себѣ въ Головинскій дворецъ родню свою для тайнаго родственнаго совѣта. Сошлись братья его, Сергѣй и Иванъ Григорьевичи, Василій Лукичъ и братъ царской невѣсты Иванъ Алексѣевичъ. Князь Алексѣй Григорьевичъ, оставивъ ихъ въ своей спальнѣ, поѣхалъ въ Лефортовскій дворецъ освѣдомиться о здоровьѣ государя. Въ его отсутствіе пріѣхали въ Головинскій дворецъ князья Василій и Михайло Владиміровичи. Быть можетъ, отецъ царской невѣсты нарочно выѣхалъ изъ дома, чтобъ дать возможность безъ себя сказать братьямъ Владиміровичамъ о томъ, что затѣвалось по наущенію Вестфалена: ему самому казалось неприличнымъ говорить въ пользу своей дочери тѣмъ, которые и прежде неблагосклонно смотрѣли на предполагаемый царскій бракъ.

Князья Григорьевичи сказали князьямъ Владиміровичамъ:

— Вотъ его величество весьма боленъ и въ безпамятствѣ; ежели скончается, то надобно какъ можно удержать, чтобы послѣ его величества наслѣдницею россійскаго престола быть обрученной его величества невѣстѣ, княжнѣ Екатеринѣ.

— Княжна Екатерина не вѣнчаласъ съ государемъ, — сказалъ князь Василій Владиміровичъ.

— Не вѣнчалась, такъ обручалась, — отвѣчали Григорьевичи.

— Ино дѣло вѣнчаніе, а иное обрученіе, — сказалъ Василій Владиміровичъ. Хотя бы она и вѣнчана была,

и тогда въ учиненіи ея наслѣдницею не безъ сумнѣнія было бы. Не то что посторонніе, да и нашей фамиліи прочія лица у ней въ подданствѣ быть не захотятъ. Покойная государыня Екатерина Алексѣевна, хотя и царствовала, но только ея величество государь императоръ при животѣ своемъ короновалъ.

— Стоитъ только крѣпко захотѣть, сказали Григорьевичи. Уговоримъ графа Головкина и князя Дмитрія Голицына, а коли заспорятъ, такъ мы ихъ и бить начнемъ. Какъ не сдѣлаться по нашему? Ты, князь Василій Владиміровичъ, въ преображенскомъ полку подполковникъ, а князь Иванъ — маіоръ; а въ семеновскомъ полку спорить противъ насъ некому.

Князь Василій Владиміровичъ на это сказалъ:

— Что вы, ребячье, врете! Статочное ли дѣло? И затѣмъ, какъ я полку объявлю? Услышатъ объ этомъ отъ меня, не то что станутъ бранить, еще и побьютъ!

Тогда Григорьевичи сказали:

— А если княжну Екатерину изволитъ государь объявить своею наслѣдницею въ духовной?

Князь Василій Владиміровичъ отвѣчалъ:

— То было бы хорошо, понеже оное дѣло въ волѣ его величества состоитъ, только какъ намъ о такомъ несостоятельномъ дѣлѣ разсуждать, когда вы сами знаете что его величество весьма боленъ и говорить не можетъ, какъ же его величеству оное дѣло учинить!

Тутъ пріѣхалъ князь Алексѣй Григорьевичъ и сообщилъ, что положеніе государя нимало не улучшается и, напротивъ, кажется безнадежнымъ. Зашла опять рѣчь о наслѣдствѣ, и князь Василій Владиміровичъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ началъ возражать противъ намѣренія сдѣлать наслѣдницею престола царскую невѣсту. «Вы всѣ сами себя погубите, если станете этого добиваться» —

пророчески сказалъ онъ князю Алексѣю Григорьевичу и потомъ уѣхалъ съ братомъ Михайломъ.

Оставшіеся въ Головинскомъ дворцѣ Долгоруковы опять принялись за вопросъ о наслѣдствѣ. Князь Сергѣй Григорьевичъ сказалъ:

— Нельзя ли написать духовную отъ имени государя, яко бы онъ учинилъ своею наслѣдницею невѣсту свою княжну Екатерину?

Уже братьевъ Владиміровичей не было, и никто не возражалъ противъ такого беззаконнаго предпріятія. Князь Василій Лукичъ вызвался сочинять фальшивый документъ, сѣлъ у комля, взялъ листъ бумаги и сталъ писать; но, не дописавши всего, онъ бросилъ бумагу и сказалъ:

— Моей руки письмо худое. Кто бы написалъ получше?

Тогда взялся за перо и бумагу князь Сергѣй Григорьевичъ, а князья Василій Лукичъ и Алексѣй Григорьевичъ сочиняли духовную и диктовали ему, такъ что одинъ скажетъ, а другой прибавитъ. Такимъ способомъ князь Сергѣй написалъ духовную отъ имени государя въ двухъ экземплярахъ. Тутъ князь Иванъ Алексѣевичъ вынулъ изъ кармана письмо государя и свое собственное писаніе и сказалъ:

— Посмотрите, вотъ письмо государево и моей руки. Письмо руки моей слово въ слово какъ государево письмо. Я умѣю подъ руку государеву подписываться, потому что я съ государемъ въ шутку писывалъ.

И подъ однимъ изъ экземпляровъ составленной духовной онъ подписалъ: «Петръ».

Всѣ хоромъ рѣшили, что почеркъ князя Ивана Алексѣевича удивительно какъ сходенъ съ почеркомъ государя.

Но съ перваго раза не рѣшились фальшивой духовной, подписанной княземъ за государя, дать значеніе дѣйствительнаго документа. Оставался другой экземпляръ, еще не подписанный. Отецъ и дяди сказали князю Ивану:

— Ты подожди и улучи время, когда его величеству отъ болѣзни станетъ свободнѣе, тогда попроси, чтобъ онъ эту духовную подписалъ, а если за болѣзнію его рукою та духовная подписана не будетъ, тогда уже мы по кончинѣ государя объявимъ ту, что твоей рукой подписана, якобы онъ учинилъ свою невѣсту наслѣдницею. А руки твоей съ рукою его императорскаго величества можетъ быть не познаютъ.

Послѣ такого совѣта князь Иванъ, взявши оба экземпляра духовной, поѣхалъ въ Лефортовскій дворецъ и ходилъ тамъ, безпрестанно освѣдомляясь, не стало ли лучше государю и нельзя ли быть къ нему допущеннымъ. Но ему былъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: государь крайне боленъ и находится въ безпамятствѣ. Близъ государя былъ неотступно Остерманъ, потому что Петръ самъ этого прежде хотѣлъ.

Такъ прошелъ день. На другой день, 18 января, князь Алексѣй Григорьевичъ спросилъ у сына:

— Гдѣ у тебя духовная?

— Здѣсь,— отвѣчалъ князь Иванъ.—Я не получилъ времени у его императорскаго величества, чтобы просить подписать духовную.

Отецъ сказалъ ему:

— Давай сюда, чтобы тѣхъ духовныхъ кто не увидѣлъ и не попались бы кому въ руки.

Князь Иванъ Алексѣевичъ отдалъ отцу оба списка духовной. (Кашперова, Пам. Нов. Рус. Ист. I, стр. 160 и далѣе).

Состояніе здоровья государя было окончательно безнадежно. Его причастили св. таинъ, и три архіерея совершили надъ нимъ таинство елеосвященія. Остерманъ былъ неотступно у изголовья умиравшаго своего царственнаго воспитанника. Петръ, въ припадкахъ агоніи, безпрестанно произносилъ его имя. Наконецъ, въ ночь съ 18 на 19 января 1730 года, во второмъ часу, Петръ крикнулъ: «Запрягайте сани, хочу ѣхать къ сестрѣ»! Съ этимъ онъ испустилъ дыханіе.

Петръ II не достигъ того возраста, когда опредѣляется вполнѣ личность человѣка, и едва ли исторія вправѣ произнести о немъ какой-нибудь приговоръ. Хотя современники хвалили его способности, природный умъ и доброе сердце — все, что могло подавать надежду увидать хорошаго государя, но такимъ восхваленіямъ нельзя давать большой цѣны, потому что то были однѣ надежды на хорошее въ будущемъ. Въ сущности поведеніе и наклонности царственнаго отрока, занимавшаго русскій престолъ подъ именемъ Петра Втораго, не давали права ожидать изъ него современемъ талантливаго, умнаго и дѣльнаго правителя государства. Онъ не только не любилъ ученія и дѣла, но ненавидѣлъ то и другое, не показывалъ никакой любознательности; ничто не увлекало его въ сферѣ государственнаго управленія, всецѣло пристращался онъ къ праздымъ забавамъ и до того подчинялся волѣ приближенныхъ, что не могъ самъ собою, безъ пособія другихъ, освободиться отъ того, что его уже тяготило; между тѣмъ увлекался постоянно соблазнительною мыслію, что онъ, какъ самодержецъ, можетъ дѣлать все по своему нраву, и всѣ вокругъ него должны поступать такъ, какъ онъ прикажетъ. Царственный отрокъ былъ глубоко испорченъ честолюбцами, которые пользовались его сиротствомъ для своихъ эгоисти-

ческихъ цѣлей и его именемъ устраивали козни другъ противъ друга. Смерть постигла его въ то время, когда онъ находился во власти Долгоруковыхъ; вѣроятно, если бы онъ остался живъ, то Долгоруковыхъ, по интригамъ какихъ либо другихъ любимцевъ счастія, постигла бы судьба Меншикова, а тѣ, другіе, что низвергли бы Долгоруковыхъ, въ свою очередь низвержены были бы иными любимцами. Во всякомъ случаѣ, можно было ожидать царствованія придворныхъ козней и мелкаго тиранства. Государственныя дѣла пришли бы въ крайнее запущеніе, какъ это уже и началось: примѣръ верховнаго самодержавнаго главы заразительно дѣйствуетъ на всю правительственную среду. Перенесеніе столицы обратно въ Москву потянуло бы всю Русь къ прежней недѣятельности, къ застою и къ спячкѣ, какъ уже того и опасались сторонники преобразованія. Конечно, нельзя утверждать, что было бы такъ навѣрное, а не инакъ, потому, что случаются нежданныя событія, измѣняющія ходъ вещей. Такимъ случайнымъ, нежданнымъ событіемъ и явилась на самомъ дѣлѣ рановременная кончина Петра Втораго, которую можно, по соображеніямъ, считать величайшимъ счастіемъ, посланнымъ свыше для Россіи: смерть юноши государя все-таки была поводомъ къ тому, что Россія снова была двинута по пути, проложенному Великимъ Петромъ, хотя съ несравненно меньшею быстротою, энергіею и ясностію взглядовъ и цѣлей.

КОНЕЦЪ XIV ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ XIV ТОМА.